КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

НОЯБРЬ

1903 г.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

I. СРЕДНЯЯ ЛУБЕНЩИНА. Гл. III-я. *В. Милорадовича.* 209—240
II. ПРОПАЩА СЫЛА. Повисть. (Окончаніе). *Панаса Мырного та Ивана Билыка.* . . . . 241—283
III. ПѢВЕЦЪ БОРЬБЫ И КОНТРАСТОВЪ. *С. Ефремова.* 284—332
VI. ОЧЕРКИ ИЗЪ ПРОШЛАГО И НАСТОЯЩАГО ЧЕРНОМОРСКАГО ПОБЕРЕЖЬЯ КАВКАЗА. Гл. IV. *Л. С. Личкова.* . . . . 333—388
V. ІОСИФЪ МАКС. БОДЯНСКІЙ И ЕГО ЗАСЛУГИ ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ МАЛОРОССІИ. Гл. VII—IX. *Ник. Василенка.* . . . . 389—430
VI. ВЪ НЕЗНАНУ ДАЛЕЧИНЬ. (Оповидання). *М. Чернявського* . . . . 431—440

Отдѣлъ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ исторіи винокуренія и винной торговли въ Малороссіи въ XVIII в. *О. Л.;* б) Мелочи изъ архива юго-западнаго края. *А. Мёрдеръ;* в) Къ исторіи польскаго возстанія 1831 года; г) Ограбленіе гр. Станислава Потоцкаго 1780 г. подъ Кіевомъ; д) Жалоба Краснянской громады (1751 г.) на утѣсненія отъ поляковъ. Сообщ. *В. Доманицкій;* е) Народныя преданія, связанныя съ селомъ Слобидкою-Межыривською, литинскаго уѣзда. *О. С.;* ж) Мѣры противъ холеры 1831 г.; з) Секретное предписаніе кіевскаго губернатора звенигородскому городничему отъ 23 дек. 1834 года; и) Къ юбилею Н. В. Лисенка. . . . . 57—75
ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ . . . . 75—97
II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана; б) Запорожская рукопись о кладахъ. *В. Доманицкаго;* в) Новый альбомъ.—„Малюнкы художника П. Д. Мартыновича до Энеиды Котляревського". *А. Сластіонова;* г) Лира и іи мотивы. Зибравъ въ Кыйивщини П. Демуцькый. *В. Д.;* д) 1. Хлопець та море.—Лыстоноша.—Розумный Коваль. Оповидання. 2. И. Пухальскій. Катерына, драма въ 3-хъ діяхъ и 5 картынахъ. *В. Д.;* е) Обзоръ журналовъ текущаго года; ж) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . . 98—123

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

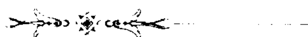
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

ТОМЪ LXXXIII.

1903 г.

НОЯБРЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго университета св. Владиміра
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Меринговская, № 6.
1903.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 5 ноября 1903 года.

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА",

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

въ 1904 году

(23-й годъ изданія)

будетъ издаваться по прежней программѣ и при прежнемъ составѣ сотрудниковъ. Журналъ выходитъ книгами, въ 14 и болѣе листовъ, въ началѣ каждаго мѣсяца, заключая въ себѣ статьи, представляющія изслѣдованія по исторіи, литературѣ и этнографіи юга Россіи, а равно цѣнные матеріалы, касающіеся той же области; сверхъ того, будутъ печататься *русскія и малорусскія беллетристическія произведенія*, а также текущія извѣстія, библіографическія замѣтки о книгахъ и журнальныхъ статьяхъ, касающихся юга Россіи.

Подписная цѣна *10 руб.* въ годъ съ доставкою и пересылкою, а на мѣстѣ—*8 руб. 50 коп.*; за-границу—*12 руб.* Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціей. Отдѣльныя книги журнала по *1 руб.*

Подписка принимается въ редакціи журнала «Кіевская Старина» (Троицкая площ., Народный Домъ), въ книжной торговлѣ редакціи «Кіевская Старина» (Безаковская № 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи и въ книжной торговлѣ «Кіевской Старины».

Въ теченіе 1903 года въ журналѣ „Кіевская Старина" были между прочимъ помѣщены слѣдующія статьи:

Василенко Н.—І. М. Бодянскій и его заслуги для изученія Малороссіи.

Винниченко В.—Антрепренеръ Гаркунъ-Задунайськый. (Оповидання).

Гринченко Б.—А. Е. Крымскій, какъ украинскій писатель.

Дмитріевъ Н.—Къ исторіи открытія памятника И. П. Котляревскому въ г. Полтавѣ.

Ефремовъ С.—Праздникъ украинской интеллигенціи.

Ефремовъ С.—Поэтъ-гражданинъ.

Е. К.—Тимоѳей Бордулякъ.

Ольга Кобылянська.—«За готаръ». (Нарысъ зъ сильського життя).

Леонтовичъ В.—Грыцько Грыгоренко.

Лазаревскій А. М.—Историческій очеркъ мѣстности, составлявшей Полтавскій полкъ.

Лазаревськый Б.—Святый городъ. (Повисть).

Личковъ Л. С.—Очерки изъ прошлаго и настоящаго Черноморскаго побережья Кавказа.

Личковъ Л. С.—Новыя теченія въ сервитутномъ вопросѣ.

Личковъ Л. С.—Къ вопросу объ экономическомъ изслѣдованіи юго-западнаго края.

Левицькый М.—Санитаръ. (Оповидання ликаря).

Матушевскій Ф.—Посѣтители могилы Т. Г. Шевченка.

Милорадовичъ В.—Житье-бытье лубенскаго крестьянина.

Милорадовичъ В.—Средняя Лубенщина.

Панасъ Мырный та Иванъ Билыкъ.—Пропаща сыла. (Повисть).

Молчановскій Н.—Нѣсколько данныхъ о смерти и наслѣдствѣ Мазепы.

Непыйвода М.—Биля огныща. (Оповидання).

Оберучевъ К.—Къ біографіи Н. А. Некрасова.

Пчилкы Олены.—Украинскія колядки. (Текстъ волынскій).

Рыльскій Ѳ.—Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія. (Экономическія отношенія).

Черепинъ В.—Д. В. Марковичъ.

Чернявськый М.—Тополи.

Яновська Л.—Дарочка. (Оповидання).

Дозволено цензурою. Кіевъ. 3 ноября 1903 г.

Тип. Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул., № 6.

Средняя Лубенщина.[1]

Глава III-я.

Средина и западная оконечность лубенскаго уѣзда. Часть Лубенской, Черевковская и Лазорская волости.

Правый берегъ Сулы. Рыбій край. Села и хутора по Слѣпороду.

Между селами Лубенской волости: Вязовкомъ, Александровкой и Мацковцами разстилается обширный лугъ, покрытый вербами, ольхами, высокими какъ лѣсъ, купами камыша, такъ же изрѣдка дубами и берестами. Скоро лугъ смѣняется пустынной, песчаной равниной, покрытой зиноватью и прописками, носящей названіе Великихъ Юрыщъ, гдѣ въ 1638 году окопался и отразилъ паляковъ отдѣльный козацкій отрядъ въ 1500 душъ изъ войска Остранина, утратившій начальника Шекерявого, «давняго козака, свѣдомаго моря, и бунтовъ принципала, знавшаго много здрадъ и чаровъ». Отразивъ непріятеля, отрядъ соединился у Александровки съ Остраниномъ и, послѣ нерѣшительнаго сраженія, отступилъ вмѣстѣ со всѣмъ войскомъ къ Лукомью и дальше къ Жовнину[2]). Наскоро устроенныя этимъ отрядомъ полевыя укрѣпленія не могли сохраниться до нашего времени, за то прекрасно сохранились круглые окопы съ двумя въѣздами, на краю возвышающагося надъ окрестностью отвѣснаго холма, ограждающіе

---

[1]) См. Кіев. Ст. 1903, № 10.

[2]) Величко. Лѣтоп. IV, 229, 230.

такъ называемый городокъ, пространствомъ около десятины. О городкѣ и о раскопкахъ[1]) въ немъ мѣстные жители передають слѣдующее. «У городку—або кистку, або перстень, або що найдуть: пивня съ серебра злытого, водку въ бутылкахъ, шпагу найшлы зъ серебрянымъ ефесомъ, каменни счоты. Кирпичи и стекла выорюють и теперъ. Казалы, шо сукна закладани пидъ городкомъ, пидъ шпылемъ. Славынскій выкопувавъ кильця, дукачи, серги. Косу, таку якъ на дивци, найшовъ, а якъ витеръ дмухнувъ, ухопывъ,—такъ и нема.—Баба розсказувала, шо якъ булы дивкамы та ходылы гулять, такъ бачылы тры пушкы у плаву, у води. Разъ вивци вивчаръ пасъ, колы дывытся, колы тамъ шнурочокъ, а винъ узявъ, тягне, колы хрестъ и шумыть и гуде, мовъ церква йде. А винъ гукнувъ на вивци, тоди перервалось та все въ землю війшло и нема ничого.—Тамъ йе ярокъ, ажъ у озеро, и кажуть, шо то дзвинъ котывсь ажъ у озеро[2]).—Се була ляшська земля, ляхщына. Якъ запорозци сталы, такъ выгналы тихъ князивъ. Писля войны у городку стало кладбыще, а до войны тамъ и церква була и прывалыла земля церкву. Выдно малый городъ бувъ, шо мисто мале. Яръ зветея Лозынный, а городу якесь чудне названіе було—Выславскъ—чы що». Миновавъ городокъ, Слѣпородъ, или Снипородъ по мѣстному произношенію, впадаетъ узенькимъ рукавомъ въ Сулу у озера Велыке Закитне между Вязовскими и Мацковскими дачами, выше Мацковецъ, такъ что послѣдніе заключены въ трехугольникѣ, образуемомъ Слѣпородомъ, Сулой и горной сульской террасой, покатой къ рѣкѣ, расширенномъ къ долинѣ Слѣпорода и съуженномъ къ югу вдоль горной цѣпи. Мацковцы извѣстны съ первой половины XVII в. и, по предположенію покойнаго А. М. Лазаревскаго, основаны бѣлоруссами, такъ какъ Мацко означаетъ по бѣлорусски Матвѣй[3]). Мѣстное преданіе говоритъ о какомъ то массовомъ переселеніи: «Предкы казалы, шо въ Мацкивцяхъ зразу сило шистьдесять симей». За-

---

[1]) См. Ляскоронскій. Ист. Переясл. земли. 131, 133, 148.

[2]) Отъ Е. Карпцевой.

[3]) Истор. Очер. Полт. Луб. 114.

тѣмъ въ новѣйшей исторіи Мацковецъ останавливаетъ на себѣ вниманіе постоянное ихъ перечисленіе изъ одной волости въ другую. «Мы вже пьятои волости, говорятъ жители, Лукомськои, Черевковськои, Кононивськои, Великоселицькои и теперъ Лубенськои». Отъ въѣзда въ село на куткѣ Сопляпкивкѣ постройки невелики: маленькія хатки, круглыя клуни, крытыя очеретомъ, и повитки, выступающія на улицу; далѣе въ глубь села постройки лучше и больше зелени: вишенъ, сливъ, грушъ и строевого дерева. Сопляпкивка составляетъ только часть ближайшаго къ городку, обширнаго кута—Толоки, на которой живутъ слѣдующіе козацкіе роды: Бутенки, нѣкогда извѣстные богатыри, Вареники, Гапченки, по уличному Кожушки[1]), Головани, Кононенки и Ляшенки, такъ передающіе о своемъ происхожденіи: «Якъ ляхы зогнаны зъ городка, то одынъ зъ йихъ Максимъ Ляшко женывсь на козачци Семененковій. У его було 120 десятынъ, а теперъ 18 хазяинивъ на тій земли». За толокой подъ горой помѣщается кутокъ Деркачивка, жилье Верещакъ; предокъ которыхъ присталъ «въ прыймы» къ дочери Ляшка. «Верещака бувъ багатый, у ёго була вынныця. Багатыри завелы гроши зъ хлиба; воны зажылы гроши, а года пидскочылы голодни. Пидъ ти голодни года чоловикъ сутокъ двое не йисть и за мыску борошна дае опругъ земли. Багатырь годъ, два спользувавсь тією землею, а тамъ вже ёго». Кромѣ Верещакъ на Деркачивци живутъ еще: Диденки, Карпци, которыхъ, «пращуръ осивъ пидъ горою», Кваши, Сени, Сергіенки и Черненки. Вдоль Сулы протянулся кутъ Лисянскій или Лысуха съ Осередивкою посрединѣ. На первой живутъ: Пазенки, Панченки, Омельянци, а на второй—Кривченки, Кудины

[1]) Кожущенки встрѣчаются уже въ 1666 г. (Лазаревскій. Малор. переп. книги. 44); прочія же перечисляемыя фамиліи подписаны на купчей мацковчанъ бунчуковому товарищу Ив. Марковичу, которою проданъ ему лѣсъ въ урочищѣ Чипчай за 7 руб. «Якій лѣсъ къ пользѣ церковной весьма не принадлежитъ, але церковь требуетъ для подчинки и для всякихъ требъ церковныхъ денегъ». (Лучицкій. Сборн. мат. Общин. земель. 265).

и Шкили. «Шкылю мій батько,—разсказывалъ старожилъ,—лопатою гроши накыдалы у ящыкы на визъ и возылы у Хороль переминять» [1]). На Осередовкѣ стоитъ и церковь св. Николая на небольшомъ возвышеніи у Сулы, вся въ зелени, основанная въ 1866 году, но приходъ, конечно, гораздо древнѣе. Уже въ 1722 г. въ Мацковцахъ выстроена новая церковь взамѣнъ сгорѣвшей [2]). О старой церкви разсказываютъ: «Вона була зъ трема банямы надъ Сулою на симъ самимъ мисти. Кажуть, шо строена зъ дубыны зъ Богданцевого яра». Отъ нея сохранился и серебряный напрестольный крестъ почти въ аршинъ величиною съ некрасивыми фигурами великорусскаго образца и надписью о сооруженіи: «старательствомъ о. Өеодора и ктитора Павла Васильева да Романа Коваля 20 Мая, 1743 г. [3]). У церкви вдоль берега виднѣется узкая, блѣдная полоска Сулы съ чернѣющими на берегу лодками и дубовыми челнами, а за рѣкой растилается на нѣсколько верстъ въ ширину до сосѣдняго хорольскаго села Березняковъ болотистый лугъ, покрытый озерами, сѣнокосами, вербами, ольхами, осинами и камышомъ. Лѣвый берегъ Сулы принадлежитъ также Мацковцамъ до большого Княжого озера, дѣлящагося пополамъ между этими селеніями. Весной весь лугъ покрытъ водой до самихъ Мацковецъ, послѣднія же никогда почти не заливаются. «Кажуть у дванадцятому году будто бъ то Сула йшла черезъ Ныкипорянскій городъ». Мимо Сулы проходитъ и дорога на м. Лукомье плотиной, еще недавно бывшей русломъ рѣки. Налѣво

---

[1]) Кромѣ исчисленныхъ, въ Мацковцахъ встрѣчаются еще слѣдующія козацкія и крестьянскія фамиліи: Волыкы, Коломійцы, Кольвахи, Коршуны, Мовчаны, Пелипейки, Плевы и Цыганенки.—Урочища вокругъ села называются: пахать—Бутовъ, Третяки, Подилъ, лѣсъ—Билачъ, сѣнокосы—Дубкы, Крыве, Шыроке, и рѣчки Багачка, Ковтоба и Переволочна.

[2]) А. Грановскій. Полт. епарх. 399.

[3]) Среди церковныхъ книгъ есть, между прочимъ, Цвѣтная тріодь іеродіакона Касіяна (sic) Пашинскаго 1758 г., Марта 19, Subscripsi manu propria», и его же Минея 1761 г.

отъ плотины, у берега, выкопана криница со срубомъ, содержимая обществомъ мѣстныхъ дивчатъ на доходъ отъ колядокъ. Надъ криницей устроена часовня со многими иконами, украшенными цвѣтами и вышитыми рушниками; а по праздникамъ можно встрѣтить и самихъ хозяекъ криницы, миловидныхъ, нарядныхъ. Вправо отъ дороги вдоль всей плотины и дальше на Лукомье тянутся горы, оправдывающія свое названіе Стинка. Иногда они нависаютъ дѣйствительно неприступною стѣной, мѣстами усѣянной только отдѣльными дубами и берестами, мѣстами цѣлыми рощами, а коегдѣ и сплошнымъ лѣсомъ. Еще недавно Сула протекала подъ самой кручей, и въ ней поймали однажды до 20 сомовъ въ 1—2 пуда вѣсомъ каждый, какъ вдругъ гора надвинулась со всѣми своими деревьями и далеко оттѣснила рѣку. Попытка жителей вернуть Сулу на старое мѣсто неудалась, а обширная канава, прорытіе которой стоило до 700 руб., и земля съ которой выбрасывалась на обѣ стороны, въ первую же весну не только сравнялась, а даже возвысилась надъ берегами. У самого села къ югу виднѣются два поселка: хуторъ Трибокъ въ 20 дворовъ, поперечный къ Сулѣ, на песчаномъ выгонѣ, и деревня Мацковая Лучка, выселокъ изъ Мацковецъ[1]) въ 70 хатъ, вытянувшійся въ линію вдоль рѣки. Оба поселка раздѣлены между собою рѣкой, протекающей двумя рукавами, одинъ изъ которыхъ направляется къ хорольскому уѣзду, а другой, подъ именемъ Колодной, «прыпада до Лукомья». «Люде указують, шо Лучка була колысь князя Безбородька: винъ и греблю зробывъ. Потимъ бувъ Пивторацькый, замотавсь—и Лучку продалы. Крестяне пидійшлы пидъ панивъ, плохо було податямы и одбуткамы». Фамиліи ихъ: Булахи, Гафы, Зелики, Кійки, изъ Мойсеевки, хорольскаго у, Кравченки, Мажоры, Плишенки, Свиренки, Семенюты и Удовченки[2]). Всѣхъ жителей въ Мацковскомъ приходѣ 2700, въ селѣ же до 2000. Село

---

[1]) Лазар. Очер. 114.

[2]) Урочища Мацковой Лучки: Барабашево, Довге, Купьеваха. Мѣстное кладбище на высокой горѣ, надѣльная земля также «наверхъ звоза» (т. е. дороги).

не ширится и не увеличивается: «Село на нашій памьяты не прыбувало, покы обняло село спрежда, такъ воно и йесть». Напротивъ въ концѣ прошлаго вѣка населеніе нѣсколько уменьшилось вслѣдствіе переселеній; такъ, въ 1891 г. было 2125 жителей, а въ 1899—всего 1987. Населеніе села почти исключительно козацкое, крестьянъ только 5 дворовъ. «Въ прежни времена выгнаны ляхы и черезъ то мы козакы»—говорятъ жители. Мѣстныя панскія фамиліи также козацкаго происхожденія, кромѣ Семеновыхъ, которыхъ предокъ, по преданію, былъ шляхтичемъ (Герба Радванъ) изъ Львова. Потомки его имѣли владѣнія въ Мацковцахъ и причислялись къ мѣстной войсковой старшинѣ [1]). Экономическое положеніе жителей неудовлетворительно. на что указываютъ, между прочимъ, переселенія. Особыхъ богачей нѣтъ, нѣсколько душъ имѣютъ по 30 дес., большинство 2—5, а треть совсѣмъ безземельныхъ; крестьянскій надѣлъ 2—4 дес. Главной поддержкой существованію служило прежде рыболовство, откуда и названіе Мацковецъ «рыбьячимъ краемъ», а мацковцевъ—«рашныкамы». «Преже который не рыбалка, то тягается по заробиткамъ, а который рыбалыть, то застается». Неводами, которыхъ 2—3 въ Мацковцахъ и столько же въ Мацковой Лучкѣ, ловятъ рыбу цѣлый годъ: весной, какъ только пройдетъ ледъ, а зимою тянутъ и подъ льдомъ: ловятъ и съ лодокъ, которыхъ до сотни. Рѣдкіе невода назначаются для крупной рыбы: сомовъ, карасей, окуней и щукъ, густые—для «мельчака». Лучшіе уловы бываютъ около 9 мая, но вообще не превышаютъ теперь: 15-ти пудовъ мелкой и 2—3 пуд. крупной рыбы въ разъ, сбываемой по 1 руб. 75 коп.—2 руб. пудъ на Лубенскихъ базарахъ; а прежде уловы давали по 7—10 пуд. крупной и до 60 пуд. мелкой рыбы; раки теперь вывелись. Большинство здѣшняго населенія средняго и вышесредняго роста, 6—7 вершковъ, темнорусое, съ сѣрыми глазами, но попадаются и голубые глаза при свѣтлыхъ волосахъ, напр. у Ляшенковъ. Дивчата миловидны, «кругловыди», похожи ни Литвяков-

---

[1]) См. Грановскій. Полт. епарх. 399.

скихъ, Волчковской волости[1]), носы только менѣе вздернуты. Головы у нихъ гладко причесаны и волоса заплетены въ одну косу; на головѣ широкая красная или зеленая лента, повязанная бантомъ. Рубашки расшитыя и на концахъ рукавовъ такіе сборы, какъ въ дамскихъ ночныхъ кофточкахъ. Сподницы опоясаны у таліи красными поясками или зелеными крайками. Женскій очипокъ при головѣ круглый, повязанъ поверхъ красной или зеленой лентой у молодицъ. Корсетки и литнячки до 7—8 фантовъ съ пуговками сзади. Мужскіе «каптанки» сѣрые, длинные, за колѣна, до 3—8 усовъ, обшиты зеленой или черной оторочкой. Весильный ритуалъ такой, какъ въ Волчковской волости, пѣсни только другія[2]); другія также святочныя обыкновенія: дивчата не щедру-

---

[1]) См. «Свѣт. Стар.» 22.

[2]) Вотъ образчики ихъ, не вошедшіе въ мои сборники:

1.

Тай ой ты крыныця, ты холодныця!
Чого рано замерзаешъ?
—Ой якъ мени не замерзаты,
Шо не ходять воды браты?
Та ни воды браты, ни пидчыщаты,
Ни писочкомъ обсыпаты.
—Та чого Явдошко, чого молода
Та батенька покыдаешъ?
—Тай ой якъ же мени не покыдаты,
Шо не хотять годуваты?
Тай уже лысть опавъ,
Травыця посхла,
Юже мени та пора прыйшла,
Та уже-жъ я зросла,
До ума дійшла
Та уже-жъ мени та пора прыйшла,
Та батенька покыдаты.

2.

Шо клынъ, маты, тай не дерево,
Смородына тай не квиточка,

ютъ, а только колядуютъ и святочного фарса нѣтъ. Какъ мѣстную особенность необходимо отмѣтить старинную вражду Мацковецъ съ сосѣднимъ Лукомьемъ за пастбище у Барабашевыхъ могилъ и Парни (иначе Мійське), прилегающее къ Сулѣ (до Колодной). Драку начинали пастухи бичами, потомъ подходили люди и дрались нещадно, до смерти, захватывали и проѣзжихъ, а мацковскимъ женщинамъ опасно было показываться въ Лукомьи на базары.

Долина Слѣпорода, расширяясь между селами: Вязовкомъ, Александровкой и Михновцами, образуетъ озеровидную пойму до блѣдно-желтыхъ, мѣстами пепельныхъ горъ, среди которыхъ спряталось, какъ въ естественной крѣпости, небольшое село Александровка съ своими красивыми постройками, садами, рощицами и колодцами съ журавлями въ просторныхъ огородахъ. Одна изъ горъ, высотой въ 68 саженъ, отрѣзанная отъ материка Слѣпородомъ, нѣкогда протекавшимъ подъ нею[1]), округлена и удлиннена. На краю ея стоятъ двѣ мельницы, а недавно здѣсь же находились два креста надъ могилами родителей, завѣщавшихъ сыновьямъ взнести свои тѣла на плечахъ на самую кручу и тамъ похоронить, что и было исполнено покорными дѣтьми. Есть и еще обыкновенія и разсказы, выдѣляющіе Александровскую гору, вѣроятно

Уже Варочка тай не дивочка!
Буде мени одъ друга наруга,
Одъ свекрухы буде мени друга.
Дило роблю, вона й переробыть,
Слово скажу, той переговорыть,
Хлиба врижу, вона й скоса гляне,
Йисты хочу, ажъ серденько вьяне!
Ой, якъ бы це, моя маты знала,
Вона бъ мени вечерять прыслала,
Хочъ мисяцемъ, хочъ зарныцею,
Хочъ братикомъ, хочъ сестрыцею.

[1]) Гуровъ. Геолог. опис. полт. губ. 331, и Мат. оцѣн. зем. II. луб. у. 37.

бывшую въ древности мѣстомъ языческаго богослуженія[1]), изъ числа заурядныхъ горъ. На зеленыхъ праздникахъ, напримѣръ, гору эту украшаютъ деревцами (клечаннямъ) съ налѣпленными на нихъ зажженными свѣчами, и мѣстная нарядная молодежь разгуливаетъ здѣсь. О горѣ разсказываютъ: «Ся гора одъ потопа, вода якъ утикала и вынесла землю. Слипоридъ ишовъ по-пидъ нею; гора обиходчыста, кругомъ можна обиходыть; наверху десятына и посередъ горы перекипъ, и въ тому перекопи було прыслухаемось, шо звонытся, и кажуть бабы, шо манастырь колысь бувъ».—«Въ Александровци, де найвыща гора, колысь село запало, та времена выходылы, шобъ тому селу выйты. Ходыла жинка по гори и тамъ шнурочокъ выходывъ изъ земли, гора росходылась. Жинка выйшла на шпыль и довго тягла за той шнурочокъ, ажъ шумыть дуже, а хреста не выдно. Ось, колы чоловикъ бижыть горою, та якъ крыкне на неи: тю! такъ та церква впьять назадъ якъ пошумила въ землю и гласъ чуть було, якъ и дзвонылось, а гора не зійшлась и доси такъ[2])».—«На клечанихъ святкахъ выйшла челядь гулять на гору и постромлялы клечання на гульбыщи. 'А дивка найшла шовковый клубочокъ,—мота й мота, хрестыкъ показався. Се подруга йде, вона й гукнула: «Сестрычко! иды та вытягнемо! Якъ гукнула, такъ воно тоди въ

---

[1]) Заслуживаетъ вниманія, что въ сѣверной части лубенскаго у. сохранились отъ сѣдой древности обыкновенія, указывающія на почитаніе криницъ, источниковъ (Лѣсн. Лубенщ.» 55, 58, 59, 70 и слѣд.), тогда какъ въ средней Лубенщинѣ, въ Лубенской и части Черевковской волостей слѣдующія обыкновенія указываютъ на почитаніе горъ: въ Вязовкѣ, Мацковцахъ, Александровкѣ, Юсковцахъ на горахъ устраиваютъ кладбища; въ Александровкѣ на священной горѣ молодежь празднуетъ зеленую недѣлю, въ Кононовкѣ и Вязовкѣ, также на особыхъ горахъ—Купала. Самое названіе Лысая гора указываетъ на мѣсто языческаго богослуженія (Иващенко. Религ. культъ малор. въ Зап. Ю. З. отд. Импер. геогр. Общ. II, 86), какихъ было много у западныхъ славянъ: Бескиды у малороссовъ, Соботка и др. горы въ Силезіи, Татры у словаковъ и Триглавъ у хорутанъ. (Срезневскій. О языч. богослуж. др. слав. въ Финск. Вѣстн. 1847 г., IX, 27, 28).

[2]) Отъ К. Норъ,

землю пишло, а то бъ вытяглы-бъ церкву. Якъ гонять було телятъ, такъ чують, шо й ляскають и гей кажуть у гори[1])». И самое село старинное, его основалъ въ 1589 г. каневскій староста Александръ Вишневецкій[2]), и память объ основаніи осталась въ народѣ въ такомъ видѣ: «Кажуть, шо первый чоловикъ бувъ Александра, на його й слобода пысалась». Затѣмъ, въ 1616 г. Александровка утверждена за Раисой Вишневецкой и впослѣдствіи вошла въ составъ имѣній Іереміи[3]). Нельзя опредѣлить точно, откуда началось село; быть можетъ съ Мистечка, уголка, расположеннаго со стороны Лукомья и доходящаго до мостка. Въ этомъ углу живутъ козаки: Емци, Курульки, Омельяненки, Савлуки и Яременки. Рядомъ съ Мистечкомъ—Усивка, жилье Усовъ, также Кулябокъ, пріобрѣвшихъ въ началѣ XVIII вѣка мельницу и лѣсъ въ Александровкѣ; въ XVIII вѣкѣ здѣсь уже жили подсосѣдки Кулябокъ и Пиковца[4]), вѣроятно родоначальники настоящихъ крестьянъ. Въ семидесятыхъ годахъ послѣдняя отрасль Кулябокъ еще сохраняла небольшое, послѣднее уже въ Лубенскомъ у., имѣніе въ Александровкѣ. За Усивкой лежитъ Коваливка, жительство: Дроздивъ, Куликивъ и Федорченкивъ. У Коваливки съ Мацковскаго въѣзда высится такая крутая, обрывистая гора, что, спуская съ нея возъ, лошади стонутъ. Бывали случаи паденія съ нея въ глубокое провалье, огражденное лишь легкими перилами, не только животныхъ, но и людей, о чемъ свидѣтельствуетъ настоящій разсказъ. «Чоловикъ почнои добы йихавъ возомъ изъ сыномъ, а дощъ ишовъ. Чоловикъ той пишовъ дорогы шукать. Пройшовъ, назадъ вернувсь, не вхопывъ та попавъ за

---

1) Отъ М. Петровской.—Мужчины относятся скептически къ этимъ разсказамъ. «Диды розсказувалы, шо така пословыця була, шо тутъ у перекати звоныться. Прыпадають, слухають, а ничого не чуть».

2) и 3) А. Лазаревскій. Лубенщ. и Вишневец въ «Кіев. Стар.» 1896 г., I., 117 и 122.

4) Лазаревскій: 1), Люди стар. Малор. «Кіев. Стар. 1885 г., V, 8, и 2), Истор. очер. Полт. Луб., 113.

перенчатамы[1]),—шо було возомъ оббыто провалля:—винъ котомъ котывсь, косты не побывъ. А сынъ пойихавъ до дому. Пытають його: «А батько де?»—У провалля упавъ. Покы воны толковалысь, а батько прыйшовъ». Дальнѣйшіе куты: Грынивка, жилье Гриней, Кривенковъ и Латенковъ, Полюливка, за церковью, гдѣ живутъ: Ващенки; Кинахи, Яковенки, по уличному Спыци, и Толока, жилье Воликовъ, Куликовъ и Матвіенкивъ. Уголъ толоки занятъ древнимъ многочисленнымъ родомъ Щумеекъ, упоминаемыхъ въ 1666 году[2]). У круглой горы виднѣется Успенская церковь, осѣненная прелестной рощицей: липъ, тополей, берестовъ и вишенъ. Старая церковь 1732 г. стояла въ сторонѣ, около мостика, на грунтѣ, отведенномъ теперь подъ священническій домъ; она перенесена на настоящее мѣсто въ 1785 году, а обновлена въ 1866 г.[3]), и на расходы по обновленію общество должно было продать три десятины выгона[4]). Мѣстный иконостасъ зеленый съ золотомъ, иконы новыя, а изъ старинныхъ остались: крайне некрасивыя, наивныя, намѣстныя, на одной изъ которыхъ Спаситель прижался къ щекѣ Богоматери какъ плачущее дитя; на другой, взятой изъ стараго жертвенника, изображающей снятіе со креста Спасителя и положеніе во гробъ, всѣ лица на иконѣ круглыя, мазки густые, краски потрескались. Первымъ мѣстнымъ священникомъ былъ Леонтій Савлучинскій изъ старой священнической фамиліи лубенскаго у., имѣвшей

---

1) Перила. Древнерусское крыльцо съ перилами называлось пероромъ (Шамбинаго Др. рус. жилище въ Юбил. сб. въ честь В. Миллера. 134) срав. perron.

2) Лазаревскій. Малорус. пер. книги. 44. еще упоминаются: Кривопустенки, Калисенки (теперь Калиши) и Шпысенки (спицы?).—Урочища: Выгонъ-Прысьця, Кобеляцька (Кобеляшна) могыла» кругла, перебыта, черезъ ейи йиздять, Перепичка, Левадыщи, Дибровка и Блызнеци.

3) А. Грановскій. Полт. епарх. 398.

4) Сбор. хоз. стат. Полт. губ. IV., 230.

здѣсь владѣнія[1]). Въ церкви сохранились исповѣдныя росписи прошедшаго вѣка, по которымъ можно прослѣдить движеніе населенія почти за все столѣтіе. Такъ въ 1826 году всѣхъ жителей было 819, въ 1844 г.—739, 1855 г.—840, 1860 г.—901, 1874 г.—1078 и въ 1900 году—1282. Изъ этого населенія большинство козаки, а меньшинство крестьяне-собственники. Послѣдніе при крѣпостномъ правѣ не имѣли тягла, а всѣ были пѣшими, такъ что желавшій имѣть свой присѣвокъ нанималъ постороннихъ козаковъ посѣять и выорать. Теперь положеніе населенія также невыгодно, оно исключительно земледѣльческое, но земли мало. Два, три лица имѣютъ до 20 дес., большинство 1—2, но и безземельныхъ мало. Послѣдніе приплачиваютъ и за пастьбу скота на общественной толокѣ по 1 руб. съ хозяина[2]). Отработки за испольное пользованіе землей такъ велики, что напоминаютъ крѣпостное право. Немудрено, что все, что только можетъ стремиться на заработки, выходитъ, и найти рабочихъ въ жатву невозможно, несмотря на возвышеніе заработной платы до рубля. Населеніе Александровки стройно, красиво, съ темными волосами и глазами, одежды слѣпородскія.

Горный кряжъ, ограничивающій справа долину Слѣпорода, высится и надъ послѣднимъ селомъ Лубенской волости [3])—Михновцами, блѣдно-желтый, голый, безжизненный, съ ярами, полными мергельной глины [4]). Нѣсколько оживляетъ этотъ мертвый кряжъ

---

[1]) Изъ старыхъ книгъ и вещей сохранились: Трипѣснецъ (Тріодіонъ) времени черниговскаго архіепископа Лазаря Барановича 1655 г., первого изданія Черниговской Свято-Троицкой Ильинской Типографіи, Евангеліе 1694 г., цинковый напрестольный крестъ съ склоненнымъ изображеніемъ Спасителя, и такая же маленькая чаша безъ всякихъ украшеній.

[2]) Сбор. хоз. ст. Полт. губ. IV, 230.

[3]) Сѣверная часть недавно образованной Лубенской волости описана была мною въ «Лѣсн. Лубенщ.», при чемъ по ошибкѣ д. Клепачи отнесена къ Тарандинцовской волости, на самомъ дѣлѣ также принадлежащая къ Лубенской (60).

[4]) Гуровъ. Геолог. опис. Полт. губ. 332.

рядъ мельницъ на верху; за то внизу село тонетъ въ рощахъ и садахъ, полныхъ грушъ, вишенъ и угорскихъ сливъ. Хорошее впечатлѣніе портятъ нѣсколько искривленные сарайчики (повитки), видвинутые на улицу. Объ основаніи села и о старинѣ мѣстные жители разсказываютъ: «Тилькы чотыри хазяина зайшлы у Михновци и слободу займалы: Бубыри, Буруны (теперъ Матяши), Лыни и Чорнокалы. Воны займыща займалы и перви миста занялы. Мабуть хто зъ йихъ бувъ Мыхайло [1]). За нашу памьять ще жывъ тутъ козакъ Демьянъ Махно, такъ винъ не зъ тихъ, шо занялы слободу. Бувъ одынъ кутокъ, покы набралось людей, може хуторець пидъ лисомъ. Слипоридъ ишовъ тоди пидъ горою [2]) и дубына у болоти—не охвачу іи,—а вона, може, згныла». Отъ въѣзда въ село со стороны Александровки, на обширномъ выгонѣ, есть криница, которую ежегодно святятъ 9 мая, угощая на общественный счетъ стариковъ и нищихъ. Съ этой стороны села расположены два кута: Побережье, гдѣ живутъ Шіяны, Радченки, Герасименки и Лебединцы, одинъ изъ которыхъ «бувъ головою, правуе було селомъ», и Сыдоривка, отъ рѣчки до церкви, жилье: Вирченкивъ, Кулешивъ, Мисюръ, Сидоренкивъ, Тригубивъ и Харченкивъ [3]). Мѣстность посрединѣ Михновецъ называется селомъ, а у подошвы горы—Пидгирьемъ, на обоихъ кутахъ живутъ: Бубыри, Журавли, Ищенки, Семешки и Шамры. Кутокъ отъ горы до сосѣднихъ Пятигорецъ называется

---

[1]) Михно—сѣверно-малорусское и бѣлорусское Михайло.

[2]) Такое же теченіе Слѣпорода въ старину черезъ Михновцы указано и геологіей. (Гуровъ. Геолог. опис., 331).

[3]) Кромѣ перечисляемыхъ фамилій, какъ теперь, такъ и въ XVIII в., какъ видно изъ исповѣдныхъ росписей, встрѣчаются еще: Бабаки, Водопьяны, Гарбузы, Горенки, Крячки, Падалѣ и Сапьяны, Романюты, Черногорцы и др. Въ XVII в. встрѣчаются только: Кулеши и Мисюры (Лазаревскій. Малор. пер. книги 44). Послѣдніе частью выселились на сосѣднюю плоскую возвышенность, прорѣзанную рѣчкой Иржавцемъ, и основали вмѣстѣ съ Лупинами козачій хуторокъ на склонахъ балки.

Загирьемъ. Меньшая часть его—Марченкивка—занята Марченками и Елицами, большая—Матяшами, раньше называвшимися Бурунами. «Зъ Бурунивъ одынъ бувъ судьею, у ёго була вынныця на тихъ городахъ, шо до озера». Таковы мѣстныя козачьи фамиліи; изъ панскихъ въ исповѣдныхъ росписяхъ 1788 г. указанъ войсковой товарищъ Иванъ Пясецкій. На одной изъ Пясецкихъ женился дворянинъ Свириденко и уличное прозвище послѣднихъ Пясецкіе. Кромѣ того указаны еще Майоровичи, быть можетъ потомки секундъ-майора Андрея Иванова. Хильчевскіе и Мисюры. На Мисюриной женился Стронскій, о которомъ разсказываютъ: «Винъ заказавъ своему крестьянину зробыть оривочокъ, пийшовъ по-надъ Пятыгорцямы, лискамы, дойшовъ до среднёго лиса, тамъ верба стояла на ныву, и винъ за вербу зачепывся. Шолудывый, неакуратный бувъ». Крестьяне, за исключеніемъ уже вымершихъ: Беевъ, Сметанокъ и Улитокъ, переведенныхъ изъ Матяшовки, всѣ изъ мѣстныхъ подсосѣдковъ. При крѣпостномъ правѣ никто изъ нихъ не имѣлъ своей запашки, всѣ были пѣшими. Посреди села виднѣется въ зелени маленькая церковь св. Николая, готическаго образца, построенная въ 1862 г. [1]). Общій видъ церкви внутри съ дремлющими хоругвями, голубыми струйками ладана, темными ликами святыхъ, вышитыми рушныками и вѣнками цвѣтовъ, развѣшенными прихожанками съ милой патріархальностью, у иконъ,—дѣйствуетъ успокоительно па душу. Изъ стараго иконостаса сохранилась большая въ полтора аршина икона Благовѣщенья, на которой изображены: пресвятая Дѣва съ прекраснымъ, смущеннымъ радостною вѣстью лицомъ, круглолицый, румяный ангелъ, св. мученица Марія и Іоаннъ воинъ, малорусскаго типа съ опущенными внизъ усами,—внизу картины На другомъ старомъ образѣ нарисованъ Спаситель того же типа, съ темными глазами и волосами. Михновцы—средней величины

---

[1]) Такого же типа какъ въ с. Пулинцахъ и Гонцахъ; вѣроятно всѣ три церкви построены однимъ и тѣмъ же лицомъ. Старая церковь построена въ 1732 г., перестроена въ 1794 г. иждивеніемъ прихожанъ. (А. Грановскій. Полт. епарх. 397).

село. Уже въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII в. населеніе здѣсь достигало 1000 душъ, въ половинѣ прошлаго столѣтія—1200, а къ концу вѣка—1700 съ небольшимъ. Оно исключительно земледѣльческое. «Земля гарна, рудоваста, а сокъ держыть». Единственное значительное козачье владѣніе достигаетъ 100 дес., нѣсколько землевладѣльцевъ, имѣющихъ 7—15 дес., большинство съ 2—3 дес. и 20 семей безземельныхъ. «Давнійшъ було просторно жыть, за яръ булы сами облогы, сино. Теперъ на синокосы тисно и травъ тихъ нема. И въ рукахъ було земля остается неспахана, мало мыра було. Кипъ по 30 було на десятыни хорошои жени, не то шобъ липанкы»,—со вздохомъ вспоминаютъ старики. Размножившійся міръ мало отличается наружностью и одеждой отъ ближайшихъ селъ Черевковской волости: лица только круглѣе, да очипки выше, въ формѣ гребня.

Дорога изъ Михновецъ къ пограничному селу Черевковской волости Пятигорцамъ проходитъ мимо круглой, плоской горки съ уединенною мельницей и вводитъ въ извилистыя улицы села, настолько узкія, что разминуться возами затруднительно. Село пріютилось въ затишьи, у горнаго кряжа, поросшаго лѣсомъ. Названіе села нѣкоторые жители производятъ отъ свойствъ мѣстности: «Такъ якъ пьять гиръ на Мыхновци, Александровку, Лукомье, Оржыцю и Пулынци, черезъ то и Пятыгорци». Другіе—отъ имени основателя: «Предкы розсказувалы, шо за ричкою пидъ лужкамы жывъ козакъ Пятыгоръ, а по сей бикъ ричкы Слипорода сталы селытыся люде». Сказаніе это подверждается письменными данными, приводимыми А. М. Лазаревскимъ такъ, монахи въ первой половинѣ XVII в. скупали здѣсь земли между прочимъ и у Пятигорченка [1]). Наконецъ покойный историкъ въ другомъ трудѣ своемъ, приведя объясненіе каневцовъ о томъ, что Гедиминъ, завоевавъ въ 1552 г., Кафу, Перекопъ и Черкасы Пятигорскіе, часть черкесовъ съ ихъ княгиней поселилъ по Слѣпороду, со-

---

[1]) Истор. Очер. Полт. Луб. 101.

поставляетъ названіе села съ этими черкесами [1]). Древнѣйшей частью села признается Антонивка, потонувшая въ зелени садовъ и рощъ; средина села называется Остапыривка, къ югу отъ нея, у Оржицкой горы, расположена Новоселивка; къ западу отъ Остапыривки есть еще три кута: Садыкивщына, Гарбузивка и Бурдымивщына. Козаки составляютъ половину села и носятъ фамиліи: Андрущенковъ, Антоненковъ, часть которыхъ имѣетъ уличную кличку Бурдымовъ, Гарбузовъ. Кирилашей, Тараненковъ и Хоменковъ. Небольшое число казенныхъ крестьянъ занимаетъ Садыкивщыну, бывшее монастырское владѣніе, гдѣ въ урочищѣ Млынокъ, у котораго узкіе изгибы Слѣпорода переходятъ въ круглое озерцо, видны пали, остатки монастырской водяной мельницы, и найдены мельничные камень и оскарды. Прозываютъ этихъ крестьянъ: Кошили, Кравци и Мирошныки. Крестьяне собственники: Гужвы, Гуцулы, Кадькалы, Карпенки, Кишкани, Лобатенки, Мазуренки, Мужчили, Федорыны принадлежали двумъ дворянскимъ фамиліямъ: Ивахненкамъ и Райзерамъ. Первые выдвинулись, вѣроятно, изъ мѣстныхъ козаковъ. «У Йискивцяхъ много жыве Ивахненкивъ, и одынъ зъ йихъ заслужывъ панство. Одного звалы чорный Мыкола [2]), бо винъ бувъ чорный якъ жукъ, мовъ бы цыганъ, а брата его Грыгорія звалы череватымъ. У йихъ именіе здорове було: хутора Полупѣевскій и Рейзеривъ [3]).

---

[2]) Архивн. отрыв. 39. По предположенію г. Ляскоронскаго (Истор. Переясл. зем., 322) это преданіе есть извращенный отголосокъ событія женитьбы Ярополка Владимировича на Ясской княгинѣ и о поселеніи плѣнныхъ, взятыхъ въ задонскихъ степяхъ, въ южной Руси.

[1]) и [2]) Оба хутора тотчасъ за Пятигорцами на плоской возвышенности, пересѣкаемой ручьемъ Иржавецъ. Хаты разбросаны на верху надъ яромъ. Объ основателѣ Полунѣѣ успѣли совершенно забыть, извѣстно только, что Полунѣямъ принадлежали: дворы въ Лубнахъ и млынъ у Лысой горы (Лазаревск.: 1, Истор. очер. 83—84, 2, Архив. отр. 67—72). Крестьяне хутора взяты: Кондратенки изъ с. Юсковецъ. «Якъ сказано, шо буде ревизія, такъ Васыль Кондратенко

Мыкола пріобривъ выгинъ у козакивъ, де теперъ Карпенкивъ садъ. «Хлопци, каже винъ, оце вамъ не нужно, я вамъ пиввидра дамъ, воно ваше й буде». Крестьяне пидийшлы пидъ йихъ съ козакивъ, а другихъ Ивахненкы прывелы зъ Пелехивкы, кременчугського уйизда. Пры Мыколи люде булы багачамы, у йихъ було по шисть воливъ. Григорій роспустывъ худобу, винъ такъ заигрувавсь, шо програвъ у Полтави тройку коней и кучера. Ставъ винъ тощать; зъ воливни зосталось тилькы два. Винъ обижавъ, бывъ людей, день и ничъ бувало чуть: рятуйте! Люде въ забродъ ходылы. Люде ходылы на панщыну кожного дня, соби робылы тилькы ничью. Соби молотять було по мисяцю. Жинкы въ его було ципамы молотять: лёны молотыть, то була жиноча робота. То, що чоловикъ молотыть—то така слава, обязанность, а то й—жинкы»! Другая панская фамилія Райзеры, очевидно пришлая. «Якъ Лейзеръ зайшовъ у Пятыгорци, нихто не докаже. За Демченковымъ хуторомъ було пьять десятынъ; люде було доказують, шо то Лейзеровськои земли. Лейзерова баба була зъ нимцивъ. За те, шо вона мамкувала (або бабувала) у царыци Катерыны, ій подарени коронни крестьяне у Поставмукахъ, за удаемъ, котори жылы тамъ мишма съ козакамы. Сыдиръ Таранъ, по прозванію Мукусій, сто двадцяты литъ, здоровый чоловикъ, теперь и людей такихъ нема, розсказувавъ, шо винъ бувъ хлопцемъ, якъ выийхавъ судъ и прочыталы людямъ у Поставмукахъ: «Оце вы вже будете не корони, а панськи, оце вамъ буде пани, а це панъ». А парубокъ Таранъ сказавъ: «Ся пани голымы насъ поробыть». Тоди судови сказалы Лейзеровій: «Оце соби буде войтъ». Такъ той Таранъ и ставъ прыкащыкомъ. Дидъ

не хотивъ ворить одчинять Ивахненку, и пишовъ соби», Федиськи изъ Золотухъ, Донци, Карпенки, Крутіи, Рыбки изъ х. Паталашина.— Николай Ивахненковъ первой четверти XIX в. былъ Лубенскимъ земскимъ судьей. Въ х. Райзеровомъ, прежде Ивахненковомъ, живутъ: Антоненки, Деревянки, Лукьяненки, Мужчили, Падалки, Панченки, Сахны и Ужакины. Урочища: Лизки, Осняки, Соломашинъ яръ, Грабына, Стинка, Сикмаривщына, Городець и Прыстань по Слѣпороду.

Лейзера узять у Францію и жинка ёго сама зъ себе и выкупыла ёго зъ плину; продала двое селъ пидъ Кіевомъ: Селыще и Нестеривку, перейихала у Поставмукы и обчество іи кормыло, дало ій хатку, покы вона встроилась. Вона похоронена середъ степу. Проты Головенкового садка де грушка, Могыла йесть, а хреста нема. У еи було два сына, а внукъ бувъ прыдводытелемъ [1]). Лейзеръ забравъ зъ Кыивськихъ селъ пьять братывъ Мыхайленкивъ, а потимъ якъ розжывсь земли и грунта, то перевивъ 30 семей людей изъ Поставмукивъ въ Пьятыгирци соби. У Райзера 3—4 снипъ выкыдалы на пропытаніе, пьять снопивъ у экономію, а два коло пьятки кладется на причилку для людей. Ну, сталы прыказчыкы замичать, шо сталы люде соби бильши снопы класты. Тоди сталы копамы одкыдать». Объ освобожденіи отъ крѣпостной зависимости крестьяне передаютъ такъ: «Управляющый прочытавъ манифестъ и сказавъ: «Теперъ вы не будете ни орихивъ, ни грыбивъ брать и курчятъ носыть». Мы радіемъ, шо не будемъ наказани. Стала трыднева, а черезъ годъ дождалысь надилу». Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что пятигорскіе крестьяне частью закрѣпощены изъ мѣстныхъ подсусѣдковъ, что доказывается фамиліями, иногда одинаковыми съ козачьими, частью пришлые изъ кіевской губ., кременчугскаго и лохвицкаго у., но это смѣшеніе не наложило однако никакого особаго отпечатка на населеніе, достигающее 850 съ лишнимъ душъ. Оно весьма близко къ юсковскому: тотъ же среднiй ростъ, тѣ же темные волосы при свѣтлыхъ глазахъ. Оно хорошо собой, вѣжливо и любезно; живетъ лучше сосѣдей, постройки чище, крѣпче, окружены садами. Одежда во всемъ подобна юсковской и пулинской; мужскіе каптанки длинные съ стоячимъ комиромъ, обшитымъ и съ края и у спины зеленымъ сукномъ; зеленымъ сукномъ обшита грудь; карманы и обшлага—зубчиками. Повязка у женщинъ круглая,

---

[1]) Ал. Ст. Райзеръ былъ Лубенскимъ предводителемъ дворянства; потомъ, съ открытія мировыхъ судебныхъ установленій до 1875 г., мировымъ судьей. По его словамъ Райзеры происходятъ изъ Тирольской рыцарской фамиліи; фамилія эта и Ивахненковъ прекратились.

очипки низкіе, дивчата не повязываются, а «запынаются», носять юпки (сподницы).

Мѣстоположеніе Юсковецъ или Йиськивець, значительнѣйшаго села Черевковской волости, своеобразно. Село заключено въ кругѣ, охваченномъ со всѣхъ сторонъ горнымъ кряжемъ, и открытомъ только къ Слѣпороду, по направленію къ сосѣднимъ Пятигорцамъ, помѣщаясь на широкой низинѣ [1]). Посрединѣ села возвышается большая гора, продолговатая, очертаніями напоминающая грушу, голая, обожженная солнцемъ. Народъ, замѣтивъ сходство этой горы съ Александровской, говоритъ: «ся гора и Александровська—сестры». По уступамъ горы лѣпятся мельницы и отдѣльныя деревья, а дорога глубоко запала, въ родѣ осѣвшаго подземнаго хода къ рѣкѣ. Средина ея занята старѣйшимъ мѣстнымъ кладбищемъ. Кое-гдѣ на крестахъ вѣютъ хустки,—много запавшихъ могилъ. Отъ кладбища гору называютъ горкою мертвыхъ; а также челядською, такъ какъ рядомъ съ кладбищемъ собиралось прежде гульбище молодежи (челяди) со всѣхъ кутовъ села, расположенныхъ между купами и линіями деревъ въ такомъ порядкѣ: къ сѣверовостоку отъ горы лежитъ древнѣйшая часть села, основаннаго Иськомъ (Іосифомъ), о которомъ разсказываютъ: «Прыйшовъ одынъ хазяинъ Исько и сивъ, коло ёго поселылась слобода. Исько ходывъ на деревянци, такъ якъ товкачъ, и рыхва набыта. Якъ то було, що якись непріятели забигалы тоди. Исько усмотривъ, що непріятель иде, такъ винъ побигъ тай упавъ, пиднявъ ту ногу деревьяну. А непріятель каже: «не стреляй и я тебе не буду». Ёму узрилось, що Исько хоче стрелять. Той соби пойихавъ, а Исько уставъ и пишовъ до-дому. Сей кутокъ зветея и теперъ Йиськивци, або Стари Йискивци. Въ ныхъ живуть козаки Мироненки. Рядомъ съ Юсковцами Андросовка, жилье Костенковъ. За ней по обѣимъ сторонамъ Слѣпорода, ближе къ Пятигорцамъ, раскинулась Сенькивка или Сенькивщына и Осіяновка. Къ югу отъ горы, у выѣзда на

---

[1]) Заливная долина Слѣпорода въ 1—2 версты (Мат. оц. зем. II, луб. у. 37).

м. Оржицу помѣщается Загорянка, гдѣ живутъ: Кряты, у которыхъ еще недавно держалась старая хата, длинной 7, шириной 6 аршинъ, и стѣны которой еще смывались водою, а не мазались; Охрименки, по уличному Тараненки, потому что ихъ предокъ имѣлъ оспу,—«бувъ таранкуватый»; рядомъ съ Загорянкой—Мокруха или Мокрогузивка, а уголокъ у подошвы горы называется Терночокъ. Надъ нимъ мельницы, прежде разбросанныя, выстроились правильнымъ рядомъ. За Терночкомъ и Мокрухой протянулся въ западномъ направленіи до самыхъ Пулинецъ кутокъ Пожарня, основанный Пужайломъ, вмѣстившій въ себѣ какъ усадьбы козаковъ: Демусенковъ и Чичикаловъ [1]), такъ и всѣ усадьбы мѣстныхъ пановъ. Изъ мѣстныхъ дворянскихъ фамилій древнѣйшая Косинскіе, ихъ подсосѣдки были въ XVIII в. въ сосѣднихъ Пулинцахъ [2]). Уличное названіе Косинскихъ Кириленки по имени Кирилла Павловича. «Винъ бувъ инженерный, чы що? Якъ йиздыть було за грянышю, та якъ у городъ уйиздыть, такъ ёму очи завьяжуть, щобъ винъ плану не знiймавъ. Багатый бувъ панъ: одъ Савуленкового хутора и до хутора Косынського, до Остаповськои гряни усе ёго земли булы». Сынъ его майоръ Павелъ Кирилловичъ Косинскій былъ благородной, гуманной личностью, хорошо относившейся къ крестьянамъ, а внукъ служилъ одно время предсѣдателемъ Лубенской земской управы. Въ XVIII в. въ Юсковцахъ жили подсосѣдки и другой панской фамиліи Славинскихъ [3]). На Славинской же-

---

[1]) Кромѣ перечисленныхъ козацкихъ родовъ въ Юсковцахъ встрѣчаются еще: Бараны, Голубы, Ивахненки, Коршуны, Кадькалы, Карбаси, Малыги, Покозацки, Пятаки, Сукочи, Торовики, Хижняки, Хрипуны, Чимуши, Шелудьки и Шматки. Козакъ Николай Грицунъ, жившій сто лѣтъ, выселясь на балку Иржавецъ, образовалъ тамъ посредствомъ своихъ семи сыновей хуторъ около 100 душъ. Урочища вокругъ Юсковецъ носятъ слѣдующія названія: Шеверина, по имени владѣльцевъ, Орловы («орлы плодылысь»), могилы: Била, Высокій горбъ, Жолобъ, Красна и Рокитня: «тамъ стояло тры ломакы и хлакъ. Якъ бувъ непріятель—звищалы».

[2]) Лазаревскій. Ист. Очер. 101.

[3]) Ib. 112.

нился Афанасьевъ. «Винъ бувъ московськiй панъ, робывъ ревызiю, що була довга, двадцять тры годы. У ёго була вынныця, люде водку бралы. У йихъ людямъ хорошо було жыть, у людей по-пари воливъ було, работалы трыднёвку». Народныя воспоминанія о его потомкѣ, извѣстномъ писателѣ Афанасьевѣ-Чужбинскомъ, весьма благопріятны. Его изображаютъ добрымъ, хорошимъ человѣкомъ и замѣчательнымъ писателемъ, хотя послѣднее качество и понимается своеобразно: онъ могъ написать вечеромъ нѣсколько листовъ громаднаго формата, «такыхъ якъ стилъ, а якъ утомлятся рукы, бере ногою перо и пыше». «Славинченко [1]) було назбира жинокъ, угоща, щобъ казкы розсказувалы и писни спивалы. Любывъ, щобъ спивалы: «Серце, Кулыно, не лякайся«. Було и могылы копае: пивныкы кольци выкопуе коло рыбячого краю — Мацькивець [2]). Разъ роскопавъ винъ могылу, выкопавъ тарантасъ и дивку. Коса и лента у коси и перстень. На Шеверыныхъ могылахъ выкопавъ винъ тарилку та ложокъ дви, а на другый день выкопавъ залотого коня. У Заичыній левади выкопавъ чоловичу голову, таку якъ пудова коробка,—таке леле качалось! И не ховалы». На самомъ краю Юсковецъ между ними и Пулинцами находится усадьба третьей дворянской фамиліи Асауленковъ, происходящихъ отъ Переяславскаго полкового осаула Шуньги. Капитанъ Михаилъ Асауленко квартировалъ въ Михновцахъ и пріобрѣлъ имѣніе отъ Кодинца [3]), Красинского, а по словамъ крестьянъ и отъ Блохина. «На Пожарни жывъ панъ Блохынъ. Салдацькый панъ Мыхайло Антоновычъ Асаула купывъ у ёго дворыще и землю. Такъ Блохынъ ходывъ: хто дасть кусокъ хлиба, або стаканчыкъ водкы. Хлиба що въ души, а одежи що на хребти. Асаула прыйшовъ изъ військомъ и стоявъ

---

[1]) Его уличное прозвище.

[2]) См. выше въ Мацковцахъ. Возлѣ нихъ выкопана бронзовая вещица, похожая на голову пѣтуха. (Ляскоронскій. Ист. Переясл. зем. 131, 133).

[3]) По ревизіи 1764 г. крестьяне числились за Городисскимъ сотникомъ Кодинцемъ. (А. Грановскій. Полт. епар. 396).

у Нарижного, а потимъ и земель накупывъ [1]). Асаула прыйде, бувало, бере кочергу, ципуру, або нагая, и ходыть по-пидъ хатамы. Засвитыть свитло жинка и ляже, до чериння прыпаде, що вона намерзнется за день. Винъ бачыть, що свитло, думае: работае, и въ хату нейде, а у которои и не свитытся, то уранци бытыме. Мароа Соломахына була старша надъ пряхамы и котора не выставыть пивмитка, такъ Соломахыну наказувалы. Асаула бувъ старый, самъ пикъ арапныкомъ». Крестьяне собственники с. Юсковецъ: Беи, Бендрики, Квитки, Коваленки, Кривецкіе, Ластовецкіе, Лыси, Солодки, Сербиненки, Цехони и Шилы происходятъ изъ подсосѣдковъ и по народному мнѣнію закрѣпощены такимъ образомъ. «Сталы паны просыть царыци Катерыны: «дай намъ людей». Вона сказала: «Какъ же я могу дать»? Такъ якыйсь панъ сказавъ: «Предоставъ право, такъ воны пидойдуть пинъ наше владеніе». Вона допрошуе: «Какъ же воны подойдуть»?—А такъ подойдуть, треба наложыть налогы». И наложылы подушне, а гроши тоди скупи булы. И прыйде голова бье, и староста бье, пытають: «Йе подушне?—Нема; а може завтра, або писля завтра. Пиде чоловикъ, пыта: «Що його, жинко, робыть!» Жинка каже: «Пиды до того, до того». Той не дае. А староста чоловика за чуба, крутыть, каже: «Ступай!» Пиде винъ до пана: каже: «Купить у мене оту нывку». То панъ:—«Та возьмы пьять рубливъ».—Такъ прошу, пане, мылосты вашои, не хватыть мени й на подушне: мени треба дванадцять рубливъ.—Не дамъ. Иде чоловикъ до-дому и плаче: «Отакъ, жинко»! Ось його прызывають: «А що грошей розжывсь?»—Ни.—А сякый, такый! Тоди посылають закуцію: сквернійшыхъ людей выберуть изъ села и нашлють. Сейчасъ розбывають зимою коминъ, ирвуть подушкы, и кажуть: «Якъ не буде завтра, то будемъ босого по морозу водыть». Сыдять изъ жинкою, плачуть. Иде винъ до пана.

---

[1]) Между прочимъ и хуторъ Асауленковъ на Иржавской балкѣ, населенный Бриленками, Дудками, Кобцями, Ластовецкими и др. О происхожденіи предка передавалъ мнѣ умершій П. М. Асауленко. Фамилія прекратилась.

той дае симъ рубливъ. Односыть.—Ого, кажуть, якъ налякалы, той прынисъ; а ти щобъ писля завтрёго булы. Пишовъ до другого пана, продавъ другу нывку, прынисъ. Пидходыть весняне подушне.—Що, жинко, будемъ робыть?—Продамо оту нывку, а той горо́дъ и хату бухнемъ, якъ не стане тіеи нывкы. Прызывають у зборню, або сборщыкъ прыйде у хату: «Йе подать? ну, гляды, щобъ завтра була»! Иде чоловикъ до пана: «Купить у мене, пане, нывку».—Эге, а що тоби за неи?—Симъ рубливъ.—Я не дамъ за ту ныву семи рубливъ, то мала нывка, а якъ хочъ вытягты на подушне, то продай мени и огородъ и хату.—А куды жъ я, пане, пойду тоди?—У тій хати й жытымешъ. Онъ у мене вже два жыве и ты такъ жытымешъ. Иде чоловикъ до-дому, каже жинци, а вона каже: «продаймо». Продалы земельку и грунтъ и хату, и жыве. И десятскій уже не йде на одбуткы выгоныть, бо якъ ввійде, панъ говорыть: «Винъ у мене жыве у сусидахъ». И то винъ жыве, прыйде подушне;—О, ты жъ у мене въ хати жывешъ, мене й послухаешъ, дамъ. Пойде, дасть, оплатывсь чоловикъ, спокойный. Пидходыть ревызія, панъ пытае: «Вамъ чуть, що буде ревызія пысаться?—Та чулы.—Такъ якъ буде, то я вамъ звищу, а вы жъ согласни, якъ я запышу въ свою ревызію.—А чого жъ, пане. Отъ пидішла ревызія: «А що согласни»? Тилькы якъ запышу перомъ, то вже й не вывезете воломъ.—Ничого, пане, пишыть. Запысавъ панъ, пожылы мы годъ, хуже стало, пожылы другый—ще хуже, та на третій годъ умеръ батько, оставсь сынъ изъ матерью. Плохо. Померла й маты, оставсь одынъ сырота. Забравъ панъ имущество до себе и сына у двиръ. Дывытся той, що плохо, давай тикать. Утикъ, крутывсь, крутывсь, піймалы, прывелы до пана. Панъ каже: «Выбьемъ»! Пани просыть: «не бый»!—Бильшъ не будешъ такъ робыть? Якъ ище разъ такъ зробышъ, то я тебе сполощу одъ пьятъ и до потылыци [1]).

За обширнымъ выгономъ, топкимъ, солончаковымъ, на кругломъ холмѣ стоитъ новая Успенская церковь съ отдѣльной ко-

---

[1]) Отъ Я. М. Коваленка.

локольней, изъ которой въ церковь ведетъ деревянный помостъ, и съ хоромами внутри. У церкви одинокій итальянскій тополь, поодаль липовое деревцо. Холмъ подъ церковью такой правильной круглой формы, что можно бы допустить искусственную насыпь, но корни деревьевъ, находимые въ почвѣ, уничтожаютъ возможность такого предположенія. Церковь выстроена въ 1862 г., взамѣнъ старой, сгорѣвшей въ 1859 г., отъ разсѣянности священника о. Марка Платонова, забывшаго потушить свѣчи послѣ панихиды. Пожаръ этотъ, происшедшій зимой съ ужасной быстротой, произвелъ большое впечатлѣніе на окрестныхъ жителей. выразившееся въ слѣдующемъ разсказѣ. «У Пулынцяхъ бувъ панъ Опатій Левишко. Винъ заризався черезъ досаду брытвою у загороди. Ступеней черезъ пьять стрыбнувъ та скончывсь. Такъ ёго завелы въ сорокоустъ и правылы. Значала буря почалась, а потимъ якъ пишлы, то занялось изъ середыны. И хрестъ выкыдало изъ могылы того ризальныка». Пожаръ уничтожилъ всю старину и въ настоящее время внутри церкви останавливаетъ на себѣ вниманіе только большой [1]) образъ Юсковской Божьей Матери. Матерь Божая изображена со Спасителемъ на рукахъ и обращеннымъ въ сторону лицомъ. Носъ съ чуть замѣтной горбинкой, лицо круглое съ довольно полными щеками и широкимъ подбородкомъ. Кисть чудная, прелестная, и видъ такой божественной красоты отрадно дѣйствуетъ на душу. Образъ этотъ чудотворный, окруженный многими привѣсками съ изображеніемъ исцѣленныхъ глазъ, рукъ и ногъ [2]). Къ нему прибѣгаютъ въ

---

[1]) $1^1/_2$ арш. вышины и 14 верш. ширины. Въ археологическомъ отношеніи интересны: 1) Евангеліе въ синемъ бархатѣ съ серебромъ кіевской печати, пожертвованное Як. Емцемъ въ 1706 г. (А. Грановскій. Полт епар. 397), 2) крестъ со вставками перламутра со сломаннымъ распятіемъ на деревянномъ пьедесталѣ, 3) древняя плащеница на тонкой шелковой матеріи, и 4) гарусный образъ тайной вечери ($1^1/_4$ арш. выш. и $^1/_3$ шир.), вышитый крѣпостнымъ Асауленка. Фонъ черный, цвѣта красиво подобраны.

[2]) Древній обычай, встрѣчающійся въ храмахъ Индіи. (C-te Gobletd' Al'viella. Lidée de Dieu. Paris 1892., 281.

несчастіяхъ и болѣзняхъ. По преданію церковь построена на мѣстѣ бывшаго Слѣпородско-юсковскаго мужского монастыря, возобновленнаго по разрѣшенію Константина Вишневецкаго, данному 8 февраля 1621 г., и заключавшаго въ себѣ церкви: Успенія Богоматери и св. Николая, во второмъ ярусѣ колокольни [1]. Вокругъ монастыря росъ дѣвственный лѣсъ, деревья изъ котораго, четвертей 15 въ обхватѣ, выкапываютъ иногда. «У сели булы: олени, дыки козы, рогы находылы; разъ рогы выкосылы у болоти». И теперь еще попадаются бывшія монастырскія левадки, окопанныя для пасикъ, съ грушами, вишнямы и терномъ. Были также ямы для пиленія [2]. Юсковцы, возникшія, вѣроятно, одновременно съ монастыремъ [3], теперь большое село, насчитывающее сверхъ 2500 жителей, средняго роста съ темнорусыми волосами и сѣрыми глазами. Носы толстоваты; межд умужчинами незамѣтно красивыхъ лицъ, среди женщинъ есть миловидныя, лица продолговатыя; особенная мѣстная черта – вялость, медлительность, медленное произношеніе, склонность къ пьянству и къ имущественнымъ преступленіямъ. Мужскія одежды длинныя со сборами. Очипки круглые и головная женская повязка также, концы платка заткнуты; прежде торчали, какъ роги. Дѣвки «за-

---

1) „Закр. монаст." въ Полт. Епар. Вѣд. 1897 г. № 20, 21, 798. Лазаревскій. Архивн. отр. 40. По неправильнымъ мѣстнымъ легендамъ св. Афанасій будто бы являлся въ видѣ старца въ Юсковскій монастырь; „святый Афанасій тутъ бувъ, а потимъ перейшовъ за Лубни".

2) Кромѣ владѣній въ Юсковцахъ, населенныхъ крестьянами: Борисенками, Лябахами, Мирошниченками, Остапенками и др., монастырю принадлежали еще хутора: Слѣпородскій, жилье Кондей и Сирихъ, и Иржавскій или Казенный, гдѣ живутъ: Баранники, Кравци, Кривоякори, Кушнири, Онипки и Сушичи.—И Мгарской монастырь имѣлъ здѣсь островъ, купленный въ 1665 г. у Маріи Бухатихи. (Лазаревскій. Очер. Полт. Луб., 112).

3) Лазаревскій Ib. 12. На картѣ Боплана обозначены Есковцы.—Подпочва на выгонахъ бѣлая съ зеленоватымъ отливомъ глины, которую жители продаютъ сосѣднимъ селамъ. Есть небольшое мѣстное производство, вышиваніе килимовъ, по 12—15 р. каждый.

пынаются». Цвѣтовъ на головѣ, кромѣ молодой и старшей дружки, не носятъ, а завязываютъ ленту на головѣ бантомъ. Юбки до 3—5 усовъ, много кофтъ, сподницы съ плюшевой надшивкой.

Къ западу отъ Юсковецъ расположилось треугольникомъ небольшое село Пулинцы на Слѣпородской низинѣ между горами. Узкій край села у гребли и Слѣпорода, образующій вершину треугольника, сливается съ Юсковцами и называется Загребельемъ, на которомъ расположены: панская усадьба Великожоновъ и козачьи: Клименка и Шкарбаня. Слѣдующій кутокъ носитъ названіе Бродка или Петрусивщины, жительство Петрусей, бывшихъ крестьянъ Полторацкаго, также Величекъ, Клименковъ и Мищенковъ. Затѣмъ посреди села примкнули къ выгону куты: Молювахновъ, Великожоновъ, Левѣшковъ, населенныхъ козаками такихъ же фамилій, панами Левѣшками и козаками Журманами, выселившимися изъ Оробьевъ. У Пулинской горы, на сѣверномъ краю села стоитъ небольшая церковь Трехъ святителей, построенная въ 1867 г., а до того Пулинцы присоединялись къ Юсковскому приходу [1]). У рѣчки подъ лѣсомъ живутъ Галичи и крестьяне: Кошели, Морозы и Савченки, на древнѣйшемъ кутѣ, гдѣ жилъ и осадчій Пулиней [2]), давшій названіе селу. Съ этимъ кутомъ связано древнее преданіе объ отраженіи какого то войска, быть можетъ татарскаго загона, отъ Пулинецъ: «Упередъ того, де Галычивъ кутокъ, не много було села и встроеный бувъ коворотъ (царына). И ось ишло якесь військо воювать на Пулинцы. Такъ якый то бувъ у йихъ лыцарь, що могъ замовыть такъ, що жы-

---

[1]) Внутри церкви всѣ намѣстныя иконы въ богатыхъ серебряныхъ ризахъ, также небольшой образъ Ахтырской Божьей Матери въ массивныхъ серебряныхъ шатахъ, внизу начертаны: двуглавый орелъ и 1765 годъ. Образъ пожертвованъ Павлиной Левѣшковой. Подъ церковью въ склепѣ похоронены помѣщики: Василій и Титъ Великожоны, послѣдніе въ родѣ.

[2]) Неизвѣстно, какое отношеніе между этимъ Пулинеемъ и фамиліей Полунѣевъ. Въ XVII р. Пулинцы заложены были Іереміей Вишневецкимъ вдовѣ гетмана Сулимы за 4000 злотыхъ. (Лазаревскій. Луб. и Вишневц. «Кіев. Стар.», 1896 г., III, 344).

тельци не моглы ни втеткы, ни рукъ изнять. Тоди не стрелялы зъ ружей, а зъ пукалокъ, або зъ лукивъ. Такъ селянынъ прыцилывся якось та вбывъ лукомъ такы, стрелькою. Такъ військо и стрелькы свои покыдалы и повтикалы». О другомъ отрядѣ передають слѣдующій разсказъ: «Ишло сюды черезъ село військо и робылы прымиръ, захысть; хотилы воны запалыть село, та Пивторацькый давай просыть, щобъ не палылы. А мій батько,— казала баба,—навозывъ стогъ высокый и злизъ винъ на той стогъ и дывывсь на те військо. Тамъ була жинка Параньскивна и варыть вареныкы въ горшку, чы въ чавуни, вытягае на лаву, чы на стилъ. А зъ того війська той ускочыть, вареныкивъ два, тры ухопыть, а той два въ хату війдуть и беруть скилькы захватять и убираются мерщій. А пыщу ихню, якъ воны пишлы могылы[1]) робыть, такъ забиралы видрамы свыней кормыть». Пулинскія панскія фамиліи мѣстнаго происхожденія, крестьяне за исключеніемъ четырехъ семей: Басарабивъ, Лимаренкивъ, Нетрипайливъ и Цапенкивъ, переведенныхъ Великожонами изъ с. Корніевки, пирятинскаго у., также вышли изъ подсусѣдковъ. О томъ, какъ паны выдвинулись изъ козацкихъ рядовъ, какъ разбогатѣли, о сословныхъ отношеніяхъ и крѣпостномъ правѣ мѣстныя преданія повѣствуютъ такъ: «Много тоди обиждалы козакивъ ка-

---

[1]) Могилы разсѣяны по степи къ хутору Вязовку. Объ урочищѣ «Осняги» разсказываютъ: «Чоловикъ Пулинській Павло Сластенъ бувъ на заробиткахъ и ёму баба указувала: «Якъ прыйдешъ ты, сынку, до дому, то есть у такимъ то урочыщи «Оснягы» дорожка и по-зъ ту дорожку клыночокъ зъ прежнихъ преждовъ неораный и на тимъ клыночку якъ бы ты покопався, то и тоби и твоимъ дитямъ було бъ. Я самъ у тимъ мисти выкопавъ почты у поясъ, такъ земля була рушена, находывъ скла. (Отъ Андріана Тетянченка). Кромѣ Осняговъ при Пулинцахъ есть еще яры: Мокруха съ криницей, Стійло, гдѣ отдыхаетъ скотъ и освѣщаютъ криницу, лѣсъ Кругликъ также съ криницей. У Слѣпорода Манцеви кладки и Погориле болото. О послѣднемъ вспоминаютъ: «Одынъ крестьянынъ Прокипъ Панибратенко накопавъ картопли и запалывъ пень по середыни. Одъ того пня зачавсь пожаръ, дерево и комыши погорилы. Сбигалысь Юскивци и Хорошкы и копалы кругомъ того лиса ровъ.

зенною роботою: дорогы копалы, садылы дерево. Днивъ два дома, а то на роботи. Участокъ оддилять, щобъ садылы дерево и глядилы. А одъ пана не займають туды на роботу. Панъ каже: «Ты вже сыды въ мене, я тебе буду зодягать, за тебе повынносты оплачувать. А потимъ якъ пройшло, тоди вже годи, тоди нагаею: ты вже мій! Велыкожоны получылы дворянство за подряды на військо. Пидкынулы голодни года, и воны земли позабиралы въ людей задаромъ: за пудъ борошна. Отъ пидходыть чоловикъ позычать гроши.—Такъ я тоби, Иване, каже панъ, позычу гроши на такый то строкъ, а въ тебе йесть тры, чотыри дни нывы, то якъ ты мени въ той строкъ не оддасы денегъ, такъ моя земля та буде. Той выстававсь деньгамы, на той день несе деньгы. А панъ узявъ та зйихавъ зъ дому на той день. А тоди на другый день не прынима денегъ: «иды соби, каже, а моя нива зостается». Мій дидъ якъ бувъ пысаремъ и свого ридного сына обійшовъ, не запысавъ у ревызію и такъ багацько времени продолжылося и выйшло: платыть недоимки за обойдени души. И тоди за ту недоимку 15 десятынъ узявъ панъ и гроши заплатывъ у казну. Левишкивъ предокъ служывъ у городи и заслужывъ дворянства. У Велыкожона пиши люде ходылы тилькы одынъ день пидъ молотьбу до-дому, а то разъ-у-разъ пану. По мисяцю и косылы и молотылы». Жители, которыхъ при основаніи прихода было до 900, а теперь 1100 съ лишнимъ, занимаются исключительно земледѣліемъ, хотя земля наполовину нехороша. Богачей нѣтъ, есть нѣсколько состоятельныхъ семей, имѣющихъ по 40 дес.; гораздо болѣе имѣетъ по 10—15 дес., еще болѣе малоземельныхъ съ 2—5 дес., и наконецъ бывшіе крестьяне Левѣшка безземельны. Населеніе небольшого роста, темнорусое, глаза сѣрые, моды юсковскія.

Къ западу отъ Пулинецъ по берегу Слѣпорода и на обѣихъ его террасахъ расположены Хорошки. Хаты, рощи, вишневые сады, узкія улички, площадки и пустыри—брошены безъ всякаго плана и порядка, какъ во всѣхъ старыхъ селахъ. Хорошки же старинныя: уже въ переписи, сдѣланной въ 1545 г. при Сигизмундѣ I для повѣрки владѣльческихъ правъ, упоми-

нается грунтъ Хорошковщизна, куда ходятъ на старосту козаки-половинники. Въ мѣстной исторіи хорошковцы извѣстны столкновеніями съ ближайшимъ «Юсковскимъ монастырцемъ», котораго земли они захватывали, а однажды избили монастырскаго эконома, поздно возвращавшагося изъ Пулинецъ[1]). Мѣстные жители признають осадчимъ Хорошка или Хорошого. «Розсказувалы, що тутъ Хорошый жывъ чы козакъ, чы що, видкиль-сь нагнатый». Древнѣйшая часть села на лѣвомъ берегу Слѣпорода, на такъ называемомъ Дворянскимъ кутку, на которомъ живутъ: козаки Булатецкіе[2]), Бутенки, крестьяне: Дули и Бундюки. Далѣе на горѣ около церкви: кутъ Губаривській, жилье козаковъ Романченковъ, по уличному Губаривъ, Мирошниченкивъ, Мищенкивъ, крестьянъ: Бабенкивъ, Дудокъ и др., затѣмъ кутъ Паськивскій, жилье козаковъ Богдановъ, крестьянъ: Курочокъ, Паськовъ и др. Посреди Хорошковъ живутъ на такъ называемомъ Селѣ древнѣйшіе козачьи роды: Бутенки, Голиньки, Говобородьки, Иващенки и Несуны, и на Калайцивськимъ кути: другая вѣтвь Голобородёкъ, носящая уличное названіе Калайцивъ, также козаки: Малюки, Харченки, Федченки, крестьяне: Кожемяки и Шилимовци. На кутѣ «Низъ» живутъ какъ козаки перечисленныхъ родовъ, такъ и переселенцы изъ Круглика Кохты. За низиной, на которой виднѣются грязныя, мутныя лужи Слѣпорода, и гать съ двумя мостами, расположенъ особый кутокъ Загатка по обѣимъ сторонамъ горы, ведущей на Черевки, и вокругъ провалья, огражденнаго перилами. Вправо отъ дороги на Загаткѣ живутъ козаки Макаренки и Голиньки, а влѣво крестьяне: Евченки, Жуки

---

[1]) Сборн. Харьк. Ист. Фил. Общ. IV. 20, Н. М. Очер. колон. лѣвоб. Укр. въ „Кіев. Стар.", 1896 г., IV, 94; Лазаревск. 1) Арх. Отр. 394, 2) Оч. Полт. Лубенщ. 100, и Бочкаревъ. Очер. Луб. Стар. 26.

[2]) Часть Булатецкихъ выселилась въ особый хуторокъ въ 10 хатъ на горѣ у села, другая—въ хуторъ Бесарабивъ, лежащій въ степи. Козаки Несуны также, выселившись частью изъ села, образовали значительный хуторъ Несанивъ, въ 60 дворовъ въ степи.

и Кобзари. Время открытія мѣстнаго прихода нельзя опредѣлить съ точностью, сопоставляя же показаніе лѣтописцевъ[1]) о гибельномъ набѣгѣ Юрія Хмельницкаго на села между Лукомлемъ и Яблоновымъ съ татарами, сжигавшими церкви и забиравшими людей, съ мѣстнымъ преданіемъ о сожженіи церкви татарами, можно думать, что приходъ въ Хорошкахъ былъ уже въ XVII в. Это преданіе гласитъ: «Предкы казалы, що войны булы. Якъ у лисъ заховаешся, то й жывешъ: татарынъ йиздыть конемъ, а не пиде въ лисъ. У луци тоди таке було купья, що не можна й бресты; Слипородъ изъ Черевокъ ишовъ покрученый, объ гору бывся. Биля церквы неподалечъ колодець и люде повкыдалы ставныкы, дзвоны. Татары спалылы тоди церкву и дитей убывалы». Мѣсто старой церкви ограждено плетнемъ и засѣяно васильками. Болѣе достовѣрная исторія прихода начинается съ перенесенія Петропавловской церкви въ 1780 г. на новое мѣсто на горѣ. Просуществовала она до 1825 г., когда запечатана по ветхости, а книги, древнія бумаги и вещи отосланы въ Черевки, гдѣ и теперь стоитъ шкафъ съ надписью: «церкви Петра и Павла» и находится хорошковскій колоколъ. Въ обновленной въ 1843 г.[2]) церкви нѣтъ ничего примѣчательнаго, кромѣ двухъ старыхъ евангелій, пожертвованныхъ запорожцами: отаманомъ Ирклѣевскаго куреня Григоріемъ Богданомъ и козакомъ Деревянскаго—Андреемъ Евченкомъ, мѣстными уроженцами. За церковью Пивторащына, бывшее имѣніе П. М. Полторацкаго[3]), задумавшаго было совсѣмъ видоизмѣнить село. Объ этомъ неудачномъ предпріятіи жители разсказываютъ такъ: «Село давнійшъ було за экономіею до Черевокъ, а пивсела по-надъ берегомъ и гребли не було, а йиздылы

---

[1]) Бѣлозерск. южн. рус. лѣтоп. т. I, Кіевъ. 1856 г., 83. Лѣт. самов. 70. Лѣт. Велич. II, 22, Рубанъ. крат. лѣтоп. Конис. Тоже извѣстіе повтор. у Антоновича и Беца. Истор. дѣят. 40.

[2]) А. Грановскій. Полт. епар. 404.

[3]) Сынъ придворнаго пѣвчаго М. Ф. Полторацкаго, родомъ изъ Сосницы (1727—1795.—Лазаревскій. Ист. Очер. Полт. Лубенщ. 100—101).

черезъ лисъ Пивторащыну[1]). П. М. Пивторацькій хотивъ занять пивсела по падъ яръ Скарбанку. Зачавъ винъ панськихъ людей згоныть, а козакамъ дававъ по дви, тры десятыны за одну. Булатецьки поминялысь и пишлы; Пивторацькій далій сунувсь до козакивъ минять, а тамъ пипъ жывъ недалеко и повзъ ёго баба Губарка. Священныкъ не хоче переходыть, каже: «Мени далеко до церквы иты».—Я, каже Пивторацькій, и церкву переставлю. И освятывъ винъ мисто на церкву и обозначывъ; годъ двадцять те мисто стояло А баба Губарка зачала зъ паномъ спорыть и выгнала ёго зъ хаты. И винъ затимъ зайшовъ у долгы, заложывъ людей у сели на тры годы Высоцькому. Такъ люде булы вже 19 литъ у Высоцькихъ; покы й воля стала, люде булы багати, по 105—120 десят. Малы найменьше по 60. Почавъ управытель збирать людей, зачавъ розговоры: «У васъ тутъ земли багато?—А йе, пане.—А дежъ вы понабиралы?—Понакуповувалы.—У васъ и купчи йе?—А йе, пане.—Ну, прыносьте купчи, панъ пидпыше, вамъ лучше буде. Тоди люде выйшлы, кажуть: «Тай правда, попрыносымъ купчи». Зачалы зносыть, и недиль пьять гулялы, покы позбиравъ управытель уси купчи; тоди пыта: «Уси позносылы»?—Уси.—Теперъ, сказавъ управытель, панъ казавъ такъ: и люде мои и земля моя». Старый кобзарь обизвавсь: «Отакъ, пане, а въ мене шисть воливъ, тры коровы—чимъ я годо́ватыму?—Я тоби дамъ симъ десятынъ.—Э, мало, пане!—Буде зъ тебе. Давъ ёму панъ симъ десятынъ. Пры Пивторацькихъ

---

[1]) У этого лѣса на правой сторонѣ Слѣпорода, не доѣзжая Черевокъ, предъ мосткомъ расположенъ на пригоркѣ особый поселокъ, Черевковскаго прихода, жилье дворянъ Черкасскихъ и государственнаго крестьянина А. Я. Марченка, родомъ изъ Тарандинецъ, долго бывшаго лубенскимъ гласнымъ. Онъ купилъ часть имѣнія Полторацкихъ, пахоть по 25 р., луки и лѣсъ по 60 р. десятину. Лѣсъ одѣляетъ матерьяломъ и фруктами (3000 мѣрокъ грушъ) окрестность. Вокругъ Хорошковъ могилы: Гринова, Труселыха „обсыпана валомъ", яръ Шеверыха „тамъ найшлы скрыню грошей мидныхъ и скрыня не згныла, а то диты пидъ горою Тымофія Голинькы найшлы срибни гроши, тонки дуже, на йихъ напысана голова.

була трыднева, Севрюкы, Кобзари на оброци булы, а потимъ уже по чотыри дни, пакыдомъ накыдалы, що и свои дни роботалы. За волю балакалы лить до двадцяты, паны було прыказувалы, щобъ не балакать: не можна волю слухать. Колы прыйихавъ становый, вычытавъ волю». Въ Хорошкахъ въ началѣ XX в. числится 1756 душъ, на половину козаковъ, на половину крестьянъ, изъ коихъ только нѣсколько семей приведено Полторацкими изъ Горбовъ, пирятинскаго уѣзда, остальные мѣстнаго происхожденія, хотя фамилія Булатецкихъ и намекаетъ на выходца изъ Булатца. Есть и древнія фамиліи, напр.—Севрюки, какъ назывались осѣвшіе съ половины XVI в. охотники[1]). Въ настоящее время лишь одно лицо обладаетъ 50-ю десятинами, нѣсколько 30—20-ю, большинство 3—5, а треть всѣхъ жителей—безземельные. Только нѣкоторыя козачьи фамиліи, напр. Несени, высоки; большинство населенія средняго роста, волосы темные, глаза сѣрые, носы съ горбинкой. Моды юсковскія. Дивчата въ церкви стоятъ съ обнаженной головой, безъ платковъ, только въ красной лентѣ, заплетенныя въ одну косу. Среди маленькихъ дѣвочекъ попадаются прелестныя личики.

В. Милорадовичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Лѣвоб. Укр. вд „Кіев. Стар.“. 1896 г. IV, 91, 92.

ПРОПАЩА СЫЛА.

Повисть.

V.

Новый викъ.

Часъ не стоявъ. Промайнула воля, поламала ланцюгы виковични, на котрыхъ ще за дидивъ-прадидивъ прыкувалы до панивъ колысь вильни хуторы, села; опросталысь людськи рукы; несмилыво, наче чого боялыся, прыймалысь за землю, котра колысь була «Богова та людська», потимъ стала «панська», а теперъ—хочъ сыломиць надилена—знову стала «людська». Задурманеный неволею людъ почавъ продыраты очи, и ничогисенько кругомъ себе не бачывъ, окримъ панивъ та мужыкивъ! Усе, що прыросло до земли, копалось у ній, облывало іи своимъ потомъ,—все те звалося «нашъ братъ Савка». Неволя поризныла дитей одныхъ батькивъ, одныхъ материвъ; вырыла мижъ ными глыбокый яръ, котрого ни перейты, ни перейихаты, хиба засы-

[1]) См. Кіев. Ст. 1903, № 10.

паты. Та хиба можна засынаты въ рикъ, у десять, у двадцять рокивъ яругу, яка копалася не десяткы, а цилы сотни литъ? По одынъ бикъ яру стоялы потомкы старшыны козацькои; стоялы прыблуды, котрыхъ прыманыла своимы роскошамы задурена Украина,—булы мижъ нымы ляхы и недоляшкы, булы москали и московськи недолюдкы, булы и осыротилы диты Іуды, котри замисть свого зруйнованого царства, на чужій земли завелы царство: тутъ можна було зустриты не трохы полупанкивъ, котри зъ дигтяривъ, чумакивъ, крамаривъ, прыкащыкивъ повыводылы своихъ дитей у «люде»: поначенлялы на плечи зъ мидымы гудзямы мундыри, а на головы понадивалы картузы зъ зирочкамы. Усе то була ватага, выгодувана чужею працею, обута и затягнена чужымы рукамы. Теперъ вона стояла и, якъ голодный вовкъ, клацала зубамы, поглядаючы зо зла на другый бикъ яру, де потомкы козачи копалыся въ сырій земли, понивечени, зубожени, темни,—якись каликы, а не люде, безъ памьяты про бувальщыну дидивъ своихъ, котри добувалы кривью «славу та волю», безъ памьяты про самыхъ себе, зъ страшною злистю въ гарячимъ серци, зъ палкымы на вустахъ проклёнамы, котри воны посылалы на той бикъ. Здается, якъ бы не глыбокый яръ, одна бъ ватага кынулась на другу— и полылася бъ ричка чорнои крови, потопыла бъ правого и вынуватого. Застлани полудою очи, пидъ ту страшну ризаныну, не розглядилы бъ де свій, де чужый,—кровъ бы лылася, труны бъ тлилы—та сытылы и безъ того сыту землю. Адже цёго не сталося. За те скилькы воно задало страху тымъ, котрыхъ колысь жахалося все, що имъ пидверталося на очи!

Самому царькови Гетманському, Васылеви Семеновычу, обійшлось усе це не даромъ! Останнёго сичовыка, якъ косою, скосыла думка про неволю: Васылеви Семеновычу Польському «божевильна воля», правижка грошей писчанамы, не дала вику дожыты. Злисть, переляк разомъ струснулы немолоди кости вельможного пана, положылы ёго на лижко, зъ лижка—на стилъ, а зъ столу—въ домовыну. Оплакавъ ридъ тило свого владыкы надъ могылою и дома: оплакавъ доморослый пысака Озерськый свого давнышнёго ворога, а теперъ прыятеля въ «Московськыхъ» газетахъ. Не

стало ватажкы,—зажурылысь пидручныкы, що теперь робыты? зъ чого ёго почaты, щобъ насыженыхъ мистъ не втеряты? Хто порадыть? хто заступытся?

Перше всёго загомонилы: кого теперь у предводытели? Чужого страшно, а зъ своихъ—никого такого немае: та нихто и не хоче. Колысь було трохы не до бийкы доходыть за те мисце, а теперъ—коженъ шукавъ соби теплого мисця, зъ велыкымы грошима, а про таке не хотивъ и слухаты. «Що по тытули, колы чортма въ шкатули!»—не разъ, не два можна було тоди чуты. А шкатула справди все дали спорожнялася, та й спорожнялася,—доложыты теперъ ии не було ни снагы, ни способу. Адже предводытеля, та ще й свого, такы треба! Умовылы якось «предводытельского сынка»—того самого одынчыка Васыля Семеновыча, що не дощупався,—чы тверде, чы мняке тило въ Чипчиного батька. «Сынокъ» той бувъ чоловикъ ни бувалый, ни выдалый, ни удалый. Хочъ винъ десь соби и учывся, а про те бувъ чоловикъ дуже невылыкого розуму, ще меньшои смилывосты, ще слабишои волн. Тилькы й батькивського, що—пыха панська, при котрій винъ зрисъ и выкохався, котрои и теперъ не кыдавъ: вона ёго и погнала на мисце, котрого всякъ теперъ жахався.

Та часы теперъ булы зовсимъ не ти, щобъ однiею пыхою жыты. Уся молодижъ наче «подурила»: цуралася не тилькы «правъ дворянськыхъ»,—цуралася роду. Не ридко сынъ ворогувавъ зъ батькомъ, обзывавъ ёго брыдкымы словамы,—«крипоснымомъ, деспотомъ»: кыдавъ ридну оселю и, насмихаючысь надъ батькивськымы звычаямы и надiямы, бигавъ по Харькову, або по Кыиву, пытаючы сякого-такого заробитку! За братамы потяглы сестры: переcталы и ухомъ весты батька-матери: сыдилы день у день, ничъ у ничъ, якъ жидъ суботу рабынъ, за кныжкамы,—забулы про хазяйства, забулы и про гулянкы. А въ Крывынського, кажуть, меньша дочка въ ночи втекла видъ батька зъ якымсь студентомъ-поповычемъ,—повiялась у Кыивъ учытысь. Дворянська пыха терпила видъ такои зневагы.

А туть,—якъ на те,—«божевильна воля» незабаромъ понаводыла за собою дитокъ своевольныхъ: земство, де нема ни му-

жыка, ни пана,—мырови суды, де не пытають,—якого хто роду. Зовсимъ свитъ перевернувся! Про старе ничого було и думаты: треба якось до нового прыстроюватысь, щобъ хочъ тутъ не попустыты свого. Що жъ ёго робыты? якъ ёго прыдуматы? Рукы до дила не прызвычаени зъ-малечку,—не неволыты жъ ихъ на старисть?! А розумъ,—хто до воли думавъ, що панови потрибенъ робочый розумъ? Панови треба було знатного роду, багатства; треба було вмиты себе показаты; вмиты пожыты, пойисты, попыты,—а маты робочый розумъ, здатный на дило, а не на выгадкы панськи,—панови не треба було. А теперъ: розуму! праци!—тилькы и чутно, якъ выгукувалы на всихъ шляхахъ, на всихъ базарахъ жыття. Хто зразу не перелякався того покрыку та брався за дило,—того захоплювало жыття на свои прудки хвыли; то швыдко несло впередъ, то кыдало на спидъ, залывало; то вергало на верхъ, пидкыдало въ гору, знову несло на гребенястій хвыли,—ажъ покы не выносыло на берегъ. Хочъ болилы иноди въ пловця помняти бокы, а все такы винъ, хочъ и не твердымы ногамы, ступавъ на ту землю, де колысь усе тремтило ёго духу. Усе такы винъ бувъ господаръ на ній, а не попыхачъ, не наймытъ. Швыдко винъ зжывався зъ новымъ своимъ мисцемъ на старій земли—и пидвертавъ іи пидъ себе: вона ёму плодыла, родыла,—ставало на пожыття ёго! А хто перелякався,—той залазывъ до себе на хутиръ, у село, проклынавъ новый викъ, новыхъ людей, день за день тягъ злыденне жыття; пройидаючы останне свое добро—выкупни билеты, за котри барышныкы-жыды не давалы половыны цины. За собою жыття веселе, роскишне, безъ праци, безъ клопоту; передъ собою—вбоге дожывання вику, може тяжка праця на старисть, гирка турбота, замисть спокою,—безъ шага грошей, котри жыдкы вспіють вымотать, безъ ступня земли, котру за стари довгы батькови тарахнулы зъ молотка. Якъ же ёго не проклынаты такого? якъ зъ нымъ мырытыся?

«Сонмыще», оставшысь безъ ватажка, якъ переляканa отара овечокъ, спершу було кынулась у ростичъ. Навпереймы ёму выскочыло земство. Отара повернула назадъ, згадала старе становыще, де було пашы доволи, де водопои погожи, та и стала

на згирочку. Посередъ отары и «предводытельськый сынокъ» крутывся,—та выдно ёму не водыты переду! Хто жъ поведе! Кому не страшно? Хто звыкъ до всякои лыхои годыны? Шавкунъ прывыкъ ще змалечку до всёго. Шавкунъ видомый здавна. Шкода тилькы—Шавкунъ боится передъ весты: Шавкунъ здавна ходывъ позадъ. То може винъ хочь пиде назырци за ватагою?—Гайда!—Шавкунъ пишовъ назырцемъ.

Шавкунъ—чоловикъ ни дурный, ни розумный. За те винъ на своимъ вику звидавъ усёго. Бувъ Шавкунъ на кони, бувъ и пидъ конемъ. Шавкунъ—поповычъ.

Писля вбогого батька, що панувавъ на небагатимъ прыходи въ Хытунахъ, зостався винъ, зъ своею старшенькою сестрою, невелычкымы сыротамы. Опекунъ, якыйсь далекый родычъ, тежъ пипъ, забравъ сыротятъ до себе. Дивчынка жъ бигала соби зъ малымы диткамы опекуновымы, а стала дивкою,—выдалы замижъ за якогось пьянычку дьякона. Хлопчыка опекунъ виддавъ у бурсу розуму добуваты! Скилькы лыха прыняла дытына въ тій бурси, скилькы разъ іи нивечылы, былы! Забылы до того, що зъ моторненького, опецькуватого хлопчыка зробылась якась тупыця, убоище, котре ничого не вчытся, а тилькы и думае, якъ бы кому капость зробыты. Шкода за школою, роспутство за роспутствомъ—сталы думкою и гадкою бурсака. Колы не вкраде пожычка, чернылньныци, то пиддрочуе товарыство на пустощи, на сваволю: а пидрисъ,—давай молытыся шклянному богови. Мучылысь зъ нымъ «святи отци», мучылысь, та й выгналы зъ фылософіи, голого, босого и простоволосого! Де ёго на свити дитыся? Куды голову прыхылыты? Хтось, мабуть, на жарты, раивъ иты въ университетъ. Молодый Шавкунъ задумався. Одначе не пишовъ въ университетъ, а потягъ пишкы до-дому въ Хытуны, де на батькивскимъ мисти оселывся сезять. Шавкунъ побратався зъ зятемъ—и закурылы въ двохъ селомъ, обходячы парахвіянъ, а до-дому иноди рачкы прылазячы. Сестра довго терпила. Дали почала лаяты чоловика и брата, стала докоряты ёму, що винъ убрався на все готове, та и останни злыдни пропывае, останній шматокъ хлиба одрывае своимы здо-

ровенными рукамы видъ рота малыхъ іи дитокъ. Шавкунъ на лайку мовчавъ, якъ у ротъ ёму воды налыто. Гирка правда, мабуть, дуже колола ёму очи.—На другый ранокъ винъ ставъ спиваты передъ сестрою Лазаря, якый винъ несчасный; хвалывся ій своею надіею на университетъ—колы бъ тилькы рубливъ зъ пивсотни грошей. Сестра назвала ёго думку «дурныцею»—раяла иты куды-небудь у канцелярію «хлиба заробляты». Шавкунъ не послухавъ сестры. Зибравъ, яки позоставалысь, манаткы, звьязавъ у клуночокъ, хотивъ иты «на отчай» шукаты доли. Сестра змылувалась, выйняла зъ скрыни трыдцять карбованцивъ—останни гроши, яки ховала про чорный день, ховала видъ свого недбалого чоловика, дала братови. Шавкунъ попрощався, пишовъ.—Черезъ мисяцивъ тры напысавъ сестри вже зъ Кыива, що винъ такы свого доскочывъ,—зробывся студентомъ.—Якъ и изъ чого винъ жывъ,—проте тилькы винъ та Богъ видае: одначе выжывъ два рокы. Та старый грихъ знову прокынувся, завивъ ёго на третимъ курси у темну, а зъ темнои—на вулыцю. Опынывся Шавкунъ серéдъ велыкого города безъ шага грошей, безъ знаёмыхъ людей, безъ веселыхъ товарышивъ, котри теперъ ёго цуралыся, зъ одною бидою—«вовчымъ билетомъ» въ кышени. Сказано: хочъ у Днипро зъ мосту! Шавкунъ у Днипро не кынувся, а покынувъ Кыивъ, покынувъ товарыство, кныжкы (и потимъ було николы не заглядавъ у ныхъ,—не любывъ, якъ що и розсказують про ныхъ),—та ногы на плечи—побривъ у Гетманськe. До сестры йты було соромно. Шавкунъ пишовъ до свого товарыша молодыхъ литъ—знаемого намъ Чыжыка, котрый служывъ въ опеци. Чыжыкъ порадывъ иты до когось старшого попрохатысь. Шавкунъ пишовъ, упросывся въ опеку, де ёму обицялы, якъ буде старатысь даваты по десять грывенъ у мисяць. Шавкунъ и тому радый. Ставъ винъ выводыты стричку по стричци, спысуючы копіи; ставъ одбыраты сперну по десять грывенъ, далы по двадцять, а черезъ рикъ дійшовъ до трёхъ рублывъ. Зробывся панычемъ—хочъ куды! Тыхый, слухняный, до старшыхъ прывитный, ставъ Шавкунъ кыдатысь у вичи старшымъ: зобачыть здалека,—шапку здіймае, а Васыля Семеновыча

вглядыть,—и у поясъ кланяется. Папюга помитывъ «покорне телятко», звеливъ перейты ёму зъ опекы до себе въ канцелярію. Не було, здается, для Шавкуна счаслывишого дня на свити, якъ той, колы ёго зазвавъ Гетманськый царёкъ въ кабынетъ до себе, та ставъ ёму казаты, що якъ винъ себе шануватыме, то зробыть ёго чоловикомъ! Шавкунъ не мигъ слова вымовыты видъ радосты та видъ страху,—то блидъ, то червонивъ; а выйшовшы одъ велыкого пана, перехрестывся—и сивъ у канцеляріи за стилъ. Зъ того часу—день у день, ничъ у ничъ—Шавкуна можна було тилькы и бачыты, що въ канцеляріи, де винъ сыдивъ, перегнувшы спыну надъ бумагамы, ни на кого не глядючы, ни до кого не обзываючысь, немовъ для ёго не зосталося никого и ничого на свити, окримъ тыхъ бумагъ.—Шавкуна хвалывъ пысьмоводытель; передъ святкамы предводытель жалувавъ ёму по десять рублывъ, зъ котрыхъ Шавкунъ часточку посылавъ сестри, а останни ховавъ у шкуратяним гаманци на самимъ дни своеи невелычкои скрыни. Незабаромъ старый пысьмоводытель вмеръ, а Шавкуна посадылы на ёго мисце. Ставъ винъ не остання спыця въ колеси. Де взялася у людей шана и повага до ёго! Теперъ уже передъ нымъ такъ шапкы здіймалы, якъ винъ колысь. Адже Шавкунъ не вповавъ ни на шану, ни на вповагу, а держався пословыци: за свій грошъ—коженъ хорошъ!—Черезъ те, здается, не було въ ёго бильше ніякои думкы, якъ тилькы про гроши. Багатство, гроши—отъ що ёму й снылося! Жывъ винъ соби тыхо, скупо; оженывся на такій же скупій, якъ и самъ, панночци,—та й складалы добро, не знаючы сами кому—бо и дитей не було. Ни велыкои радосты, ни малого горя не знало жыття ихъ. Такъ оцей-то щырый вилъ, котрому ничого просыдиты, не розгынаючысь надъ бумагамы, зъ раннёго ранку до пизнёи ночи—оцей проныза и пидлыза, котрого навчыло жыття, де треба поклоныться, кому треба догодыты,—державъ теперъ цилый повитъ у своихъ рукахъ, заправляючы нымъ по своій воли, замисть недалекого и ледачого «предводытельского сынка». Той и лапкы поклавъ: робы, мовъ, що хочъ, що знаешъ! А тутъ—новына за новыною, робота за роботою. Не вспилы зъ

«выкупнымы грамотамы» впоратысь, насылу накынулы крепакамъ земли, котрыхъ воны теперъ, якъ огню, боялыся,—щобъ бува зъ землею не вернулася неволя,—якъ пидскочыло земство, зъ выборамы, зъ радамы.

— Оце, до чого дожылысь!—бидкаются панкы, де тилькы не стринутся. Тамъ—воля, крестянъ одняли, земли побралы. А це—лыбонь уже хотять зъ мужыкивъ поробыты панивъ, якесь земство выдумалы!!

— Эге жъ, до того йдется,—пидакують другы,—Де жъ такъ? У гласни выбыратымуть и дворяне, и мужыкы. Учора мій Омелько въ мене кизякы ризавъ, а завтра може сыдитыме рядомъ зо мною, за однымъ столомъ. Я—гласный и винъ—гласный.

— Ни! Не дижде, ни дижде хамове кодло!—сердылась старенька пани, ударяючы кулакомъ объ кулакъ, и зачынала на вси бокы костыты «кодло» и тыхъ, що довелы дворянство «до такого безчестя».

Шавкунъ не лаявся. Винъ ажъ, мовъ, повеселишавъ, якъ забалакалы про земство. Винъ добре знавъ, що воно ёго рукъ не втече,—а може и погріе.

Наставъ новый викъ и для нашого Чипкы. То такы що тыхе, счаслыве жыття въ себе дома, зъ любою жынкою, зъ старою матирью, а то такы и на громади, середъ людей, Чипка не останній. Люде сталы его знаты, поважаты, шануваты,—бо иноди Чипка стававъ де кому у помочи. Хочъ винъ не любывъ теперъ роскыдатысь, а пры нужди чоловикови поможе. Чы хрыстыны де: кого жъ ёго въ кумы?—Чипка чоловикъ добрый, послухае. Адже Чипка самъ николы не ходывъ въ кумы; за те Галя по селу цилу метку хрещеныкивъ мае. Колы Богъ не дае своихъ дитокъ, хрещеныкамы втишается.—Лободи дочку даваты, а въ скрыни всёго на всёго десять карбованцивъ,—не стане и на горилку. Що ёго робыты? Де бъ ёго рукы зачепыты?—«Ты бъ, чоловиче, рае Лободыха, пишовъ до Вареныченка; може бъ винъ позычывъ до нового хлиба?»—А справди, одказуе Лобода, та прямо

до Чипкы. Чипка парадытся зъ Галею,—и уродытся въ Лободы весилля;—цилый тыждень пойизжане пьють та гуляють.

— Нема чоловика добрійшого, якъ у насъ Чипка!—хвалятся писчане: и здіймають шапкы, ще зъ далека побачывшы Чипку.

— Та хиба одни писчане?

Вештаючысь разъ-повзъ-разъ по ярмаркахъ, промыслуючы полотнамы, ставъ Чипка видомый на цилый повитъ. У тестя якось разъ зустрився зъ становымъ Дмытренкомъ—тымъ самымъ, що прозвалы «кобыляча голова», за те, що любывъ дуже менджуваты киньмы. Чипка и становому подобався. У друге стрилысь воны на ярмарку—и сталы сватамы. Становому подобався молодый Чипчинъ жеребчыкъ, котрого тесть подарувавъ. Дмытренко и прыставъ: проминяй, та й проминяй! Довго Чипка не згожувався,—та ничого не вдіешъ: проминявъ. Становый взявъ соби доброго молодого жеребчыка, що ажъ кровъ скризь шкуру свитылась, а отдавъ Чипци старого-старого драбастаго гусарського коня, котрого продалы зъ полку, якъ розбывся на ногы. Дмытренко жъ такый радый, дякуе Чипци, обищае до його въ гости зайихаты. А Чипка дывывся на драбастого, мовъ уперше на вику коня бачывъ, сплюнувъ, та й замовкъ.

Прыйиздыть зъ ярмарку до-дому. Выпрягъ коней: увійшовъ у хату; поздоровкався зъ матирью; поцилувався зъ Галею.

— Галю!—каже, сподивайся гостей.

— Якыхъ?

— Становый буде.

— Чого винъ тутъ забувъ?—пытае Галя дывуючысь.

— Скачу, каже, за драбастымъ конемъ, та й до васъ заверну,—жартуе Чипка.

— За якымъ конемъ? Що це ты бо-зна що верзешъ?!

Чипка тоди розсказавъ, якого зробывъ миняка.

— Отакъ винъ и зъ татусемъ,—каже Галя.—Якъ прыставъ... Татусь, правда, довго такы не подавався. А тутъ—пидскочыла якась лыха годына,—треба въ станъ. Такъ винъ перше якъ у станъ пойихавъ, взявъ та й одвивъ до Дмытренка пару коней.

Дмытренко чоловикъ правдывый—не одурывъ Чинку. Черезъ мисяць писля того котыть винъ Нискамы, та прямисенько пидъ Чинчынъ двиръ. «Тпру!»—спынылы коней передъ порогомъ. Галя и Мотря разомъ кынулысь до викна подывытысь—хто тамъ.

— Ныкыхфоръ Ивановычъ дома?—пытае ихъ становый зъ повозкы.

Галя хотила було одказаты, що нема, та—почервонила, несчулася сама, якъ промовыла,—дома.

Тутъ и Чинка нахопывся: выйшовъ назустричъ, здоровкается.

— Оце я до васъ у гости. Буде де переночуваты?—пытае становый.

— Колы ваша ласка,—просымо до хаты!—запрохуе Чинка.

Повходылы въ хату. Дмытренко скынувъ зъ плечей верхнёго балахона, струснувъ пылъ, потягся, зитхнувъ на всю хату, якъ добрый вилъ ревнувъ,—ажъ Галя выглянула зъ кимнаты, та опустывся за стилъ на лаву.

Чинка прыставывъ зъ другого боку стола ослинчыка,—сивъ навпроты гостя.

— А знаете, чого це я до васъ прыйихавъ?—пытае, знову позихнувшы, Дмытренко.

— А Богъ васъ знае. Звисно: ваше дилове—станове,—знай йиздыты.

— Эге жъ, эге. А ось я вамъ новыну прывизъ.

Галя одхылыла трохы кимнатни двери, дывылась у щылыну, а зъ-за плечей у невисткы показалась Мотрына голова. Обыдви слухалы: яку тамъ становый новыну прывизъ.

Дмытренко скынувъ очима на Галю.

— Це, мабуть, ваша жинка?

— Моя, одказавъ Чинка.

— Гарну дочку выкохавъ Гудзь! Не даромъ винъ іи на запорахъ державъ. Хорошу. Колы бъ бувъ знавъ, проломавъ бы и запоры, та вкравъ.

Галя почула це, засоромылась, прыхылыла двери.

— Галю! гукнувъ Чипка:—чого ты тикаешъ? Боишся, щобъ Петро Ивановычъ, теперъ бува не вкралы? Не бійся: я не дамъ.

— Я и сама не дамся,—одказуе Галя, высунувшысь зъ кимнаты.

Тутъ саме зъ надвору забрехала собака.

— О, та вы, мабуть, справди боитесь, що собачне позаводылы,—жартуе становый.

— Та въ насъ всёго однымъ одна Мушка,—одказала Галя, зашарывшысь.

На симъ слови въ хату вступыла биднецько зодягнена дивчынка,—та бачучы, що не туды пiймала—стала мовчкы въ порога.

— Здорова!—прывитавъ ii Чипка.—Чого ты?

— До титкы Мотри,—одказала засоромывшысь дивчына.

Мотря почула, выйшла зъ кимнаты, поклонылася ныженько Дмытренкови, сипнула нышкомъ за спидныцю дивчыну, та обыдви выйшлы въ сины. Незабаромъ Мотря назадъ увiйшла, а дивчына пишла зъ двору. То була головына наймычка: ii послалы нышкомъ довидатысь—чого становый прыйихавъ.

Галя тымъ часомъ у кухни ставыла самоваръ. Сонце заходыло. Останнiй поглядъ, на прощання зъ землею, воно посылало въ свитлыцю, де сыдилы, мовъ давни прыятели, становый—на покути, багатыръ-козакъ—навпроты, на ослони. Розмова не клеилась: перескакувала зъ одного на друге, якъ скаче маленька борона по груднястiй рили. Галя подала чай. Заходылась пыты. Розмова зовсимъ обирвалася. Чипци, якъ хазяину, стало нiяково.

— Такъ яку жъ вы намъ новыну прывезлы? Зачипае винъ, сёрбаючы гарячый чай.

— Добру—для добрыхъ людей. А ваши писчане таки неспокiйни,—мени зъ ными одынъ клопитъ, та й годи! Ще Ларченко, якъ передавъ станъ, перестерегавъ мене: стережится, каже, писчанъ,—бо то народъ вельмы завзятый! Ажъ воно такъ и йе.

— Та воно, мабуть бы, добродiю, нiякого и клопоту не було, колы бъ не такъ трохы...

— Що жъ пакъ я казавъ?—спытавъ Дмытренко, загубывшы останню свою думку и ричъ.—А, бачъ... Такъ земство прывизъ!

— Що воно за земство?—пытае Чипка, пыльно дывлячысь у вичи становому.

— Земство. Нова мылость царська! Бачыте: жывете вы у Пискахъ:—козакы, пански и жыды. Адже и жыды йе въ васъ? (Чипка одказавъ, що йе). Такъ, бачыте: отакъ само жывуть и въ Котолупывци, въ Байракахъ, у Вовчій Долыни, жывуть помищыкы, жывуть купци, крестяне. Такъ усимъ, бачыте, треба по шляхахъ йиздыты; усимъ треба—хрань, Боже, якои пошесты,—видъ напасти оборонятысь. Одному—трудно, а гуртомъ—можна. Ну, такъ бачыте. (Дмытренко де дали ставъ учащаты: «такъ» то «бачыте»,—выдно, винъ гараздъ и самъ не бачывъ, не знавъ того, про вищо розсказувавъ). Такъ, отъ, бачыте: збираются гуртомъ—паны и мужыкы—та й роблять, що треба.

— Якъ це? И паны роблять?!—пытае здывованный Чипка.

— Та ни, не сами роблять, а выбирають гласнихъ, а ти выберуть управу зъ себе, а управа вже и заправляе всимъ.

— А становыхъ тоди хиба не буде?

— Якъ можна безъ становыхъ? Станови—полыція, а полыція и за земствомъ дывытся: щобъ дорогы ривнялы, мисткы гатылы. Безъ полыціи не можна! Хто бъ недоимку взыскувавъ, якъ бы не полыція? Станови, покы й свитъ сонця, будуть.

— Щось я гараздъ не второпаю, каже—роздумуючы—Чипка: и земство за дорогамы, и полыція за дорогамы.

— Ось почуете, якъ зберется громада, та прочытаю указъ.

На останнёму слови въ хату ввійшлы: козачый голова зъ пысаремъ, та панськый старшына зъ старостою. Крепакы, поздоровкавшысь, сталы коло порога, похнюпылысь; а голова зъ пысаремъ, мовъ москали, повытягалысь у струнку.

— А! Отъ, добре,—замисть прывиту, каже Дмытренко.— А я тилькы хотивъ посылаты за вамы. Завтра вранци щобъ мени була громада! Чуете? Вамъ кажу и вамъ! Та глядить мени,

щобъ не такъ, якъ недоимку платыте,—обернувся до крепакивъ зъ докорою.

— Теперь, ваше благородіе,—каже пысарь,—гаряча пора, люде въ поли.

— Що мени до того—чы гаряча, чы яка? Я васъ выхоложу, якъ не буде громады!

Старшына мовчала, тилькы перетерала ногу объ ногу.

— Якъ же, ваше благородіе, сказаты громади?—пытае пысарь.

— Скажить: становый земство прывизъ, чытатыме. Чуете? земство? Не забудьте?

— Ни, не забудемо.

— Та й утомывся жъ я, Ныкыхворъ Ивановычъ. Вы не повирыте: двое сутокъ зъ повозкы не злажу.

— Ну, зъ Богомъ!—повернувся до людей.

Ти сунулы зъ хаты—одынъ передъ одного, ажъ штовхаются въ дверяхъ.

— Отака ловысь!—каже голова. Бувъ Чипка, а ставъ—Ныкыхворъ Ивановычъ. Що то значыть—гроши!!

— Та гроши, якъ гроши,—на те ёму старшына и староста.—А вы намъ скажить: чого це нашъ конокрадъ прыйихавъ?

— Та казавъ же: земство прывизъ,—одмовля замисть головы пысарь.

— Та чулы, що земство. А вы намъ ростолкуйте: що воно таке? Чы не податкы знову яки?

— А справди: що це воно Васыль Васылёвычъ?—пытае голова пысаря.

— Та кажуть бы то—нова якась управа. У насъ оце окружныхъ взялы, а въ ныхъ лыбонь швыдко посередныкивъ не буде. Треба жъ комусь людьмы правыты?

— Ще намы трохы правылы!—трохы кистокъ не выправылы. А це ще якусь нову управу выдумалы,—миркувавъ, мовъ самъ до себе, староста.

— Не можна жъ такъ народъ оставыты. Ось, мовъ, вамъ воля: робить, що хочете, якъ хочете, сами правуйтесь, сами и

росправляйтесь!—каже пысарь.—Адже такый розгардіяшъ пишовъ, що и... Пысарь почухавъ потылыцю.

— Такъ, такъ, пиддакуе голова.—Народъ—що? Отъ, ваши, давно таку бучу збылы, що хочъ зъ села збигай? Не правъ такымъ запеклымъ людомъ,—винъ тоби село переверне!

— Ага-га-а! Теперъ же я знаю, що це воно буде,—умишався староста.

— Кажы!—старшына ёму.

— Бачь,—натякае староста: не дурно воны такъ усылковалысь, щобъ люде земли бралы.., ажъ воно на те и выйшло Имъ ще хотилося поводыты насъ на врывочку: хочъ вамъ царь волю и давъ,—та земля ще наша, платить за неи выкупни, а мы роскынемо розумомъ, та ще щось прыдумаемо. Отъ, и прыдумалы—земське. То выкупни платылы, а це ще—земське! Такъ скажемо и громади: на земське ще заробляйте!..

Тутъ воны дийшлы до крепацькои волости. Старшына и староста одризнылыся, пишлы въ волость, а голова зъ пысаремъ повернулы въ другу вулыцю—до головы.

У ранци, на майдани, коло козачои волости, зибралась у купу козача и крепацька громада. Дмытренко прыйихавъ на Чипчыныхъ коняхъ, прочытавъ указъ, розсказавъ—кого выбираты; заборонювавъ «сире мужычя» въ гласни «перты»: радывъ панивъ, котри «все знають и все, що треба зроблять»; похвалявся навить, що якъ повыбирають «мужву», то щобъ начувалыся.

Громада слухала мовчкы. Становый ще разъ обернувся; ще разъ раивъ выбираты панивъ: попрощався зъ Чипкою, моргнувъ ёму—може, винъ у гласни; сивъ на обывательски кони,—покотывъ зъ Писокъ. Не вспивъ винъ одйихаты, якъ громада загула:

— То це такъ! усе панивъ та панивъ! Ще воны намъ не ввирылысь?—гукалы крепакы.

— Толкуй, дурни!—грымае на ныхъ козачый пысарь. А хто жъ въ управи робытыме? вы, чы що? Хиба хто знае: якъ тамъ робыты?

— То наймемо такого розумного, якъ ты, та й робытыме,— кольнулы ёго крепакы.

— Та воно такъ. Тилькы хто ёго знае, що тамъ за робота.

Довго ще йшла розмова мижъ громадою и пысаремъ. Довго слухавъ Чипка, мовчкы. Громада роспысувала темнымы колирамы панивъ; пысарь—хочъ не оступався, а все-такы стоявъ на тимъ, що безъ панивъ никому буде дила робыты, що дило невидоме, що въ гласни треба выбираты прытьмомъ панивъ.

— А моя рада, не выдержавъ Чипка, така: якый не йе хазяинъ, а все кращый видъ наймыта. А що те земство невидоме, то воно кожному невидоме, не було ёго,—не зналы й паны. Адже на те Богъ чоловикови и розумъ давъ, щобъ до всёго дійты.

— Правда, правда!—гомонила громада.

— Паны вамы, люде добри, и такъ довго правылы, поправтесь ще сами! Все-такы своя рука—владыка. Воны не поклопочутся за те, щобъ усимъ було добре. Всякъ за себе. А въ насъ ще воны и родычи вси. Одынъ одного стережуть. Ось цей (Чипка ткнувъ пальцемъ у той бикъ, куды пойихавъ становый),— у мене хлибъ-силь йивъ, а за панивъ руку тягне.

— Эге жъ, эге. Воны якъ ти свыни: одно за другого,— гуде громада.—Колы жъ такъ—шабашъ, братця! Годи ихъ! Дывысь—бисове зилля: ёго зъ огорода, а воно такы въ огородъ! Хочъ у гласни имъ, колы людей нема. А, дзуськы!

Розійшлася громада. Вернувся Чипка до-дому, радый, що довелося направыты громаду на добру стежку. У ёго серци заклёвувалось нове: ёму хотилюся, щобъ громада ёго послухала; въ голови промайнула думка, що винъ порядкуе на громади, веде іи впередъ, усима верховодыть. Давне забулося, мовъ ёго и не було николы: винъ теперъ отаманує на громади.

— Колы бъ то, Галю, послухалы моеи рады,—каже винъ у ночи жинци: увирвалася бъ имъ пытка!—И винъ ще довго розсказувавъ Гали, якъ винъ буде людямъ служыты. Гали и самій становылось якось гарно на души, що іи чоловикъ заробывъ таку людську повагу.

А въ Чипчынимъ серци вже ворушылося бажання верховодыты, пекло ёго, вырывалось на верхъ у думци, въ слови. Чипка зъ нымъ носывся, якъ зъ нахидкою. Кого не стрине, зъ кымъ не забалакае,—то все про земство, про выборы. Нема и речи другои. Радыть кожному себе стерегты, громаду, а не даватысь съ пову панамъ у рукы.

Рада ёго взяла свое. Черезъ тыждень прылетивъ у Гетмансьске посередныкъ Крывынськый, та прямо въ предводытельску канцелярію, де мала буты управа.

— Пропалы мы, мужыкы нашыхъ бьють!—скрыкнувъ винъ, забувсь и поздоровкатысь.

— Якъ саме?—схопывшысь, мовъ опеченый, скрыкнувъ завжде тыхый Шавкунъ,—и оторопивъ.

— У Пискахъ,—не то зъ нашыхъ—ни одного дворяныпа!

— Значыть и Дмытренка не послухалы!—ледве вымовывъ Шавкунъ, та, мовъ хто на ёго видро холоднои воды вылывъ, опустывся на свое мисце, пидперъ рукою голову и затыхъ.

VI.

Старе—та поновлене.

Выпавъ удушлывый день саме середъ гарячои поры жнывивъ. Сонце стояло надъ головою, якъ сковорода, роскалене, та, наче огнемъ, пекло. Пшеныця осыпалася: люде не вспивалы вхопыты. Пидъ такый часъ кожна хвылына дорога селянынови. А тутъ—кыдай свою роботу, йидь у гласни.

Паны позйиздылыся. У Гетманському, коло нового будынку пана Польського, стоялы въ тры ряды кареты, брычкы, ноточанкы. Попрыйиздылы не тильки гласни. Багато найихало зъ повита и такъ соби цикавыхъ панивъ подывытыся на нове цыво, та послухаты, що то за земство.

Прыбулы и прости гласни, хочъ и не вси. То все булы козачи пысари та головы; одынъ Чипка зъ Лозою николы ще не зналы піякои службы. Мижъ гласнымы-селянамы можна

було помитыты двохъ крепацькыхъ старшынъ: одынъ зъ Писокъ, другый—зъ Рудкы.

Паны гомонилы въ горныцяхъ; крыкы та реготы доносылысь зъ хаты на вулыцю. Селяне, попрыйиздывшы на обывательскыхъ шкапійкахъ (де-хто прывизъ разомъ и подушне) росташувалысь коло будынку, наризно одъ панськыхъ каретъ. Хто сыдивъ пидъ возомъ, хто пидъ горныцямы; коженъ ховався одъ душнои спекы, що несамовыто пекла-палыла.—Оддалекы козацькои старшыны, сыдивъ пидъ горныцямы и Чипка, рядомъ зъ Лозою, не далеко видъ рундука. По праву руку—кучеры панськи, по ливу—«пьявкы людськи», якъ колысь Чипка обзывавъ сильську старшыну. Ёму було теперъ якось ніяково. Кучеры позлазылы зъ козелъ, де-хто пидійшовъ до знаёмыхъ гласныхъ; балакалы то про се, то про те: хвалылыся врожаямы; жалкувалы, що прыйшлося такый гарячый часъ прогаяты. Чипка сыдивъ мовчкы, слухавъ, та чы и чувъ що. По выду можна було помитыты, що ёго голову клопоталы не абы-якы думкы. Перервавъ ихъ Дмытренко своимъ зычнымъ голосомъ:

— Гей! вы!—гукнувъ винъ зъ рундука на гласныхъ: сюды идить!

Гласни пидійшлы пидъ рундукъ, поскыдалы шапкы. Тилькы одынъ Чипка зъ Лозою, якъ сыдилы, такъ и зосталыся.

— А скилькы васъ?—пытае становый.

— Та скилькы жъ?—обизвався передній, волосный пысарь, скынувшы очима на купку товарышивъ—гласныхъ.—Зъ нашого стану—тры, та зъ вашого—пьять, та двое зъ Свынокъ. Оце и уси!

— Ага, бачъ—Ныкыхворъ Ивановычъ. Здорови!—кывнувъ становый головою Чипци.

— Доброго здоровья,—одказавъ, пидводячысь Чипка, и знявъ шапку.

Лоза за нымъ уставъ; скынувъ и соби шапку.

— А що жъ це вашы сюды всякои наволочи понаносылы?—пытае Чипку становый.

— Якои наволочи?—зыркнувъ Чипка, та, трохы спустывшы голосъ, додавъ: передъ Богомъ уси ривни.

— То жъ передъ Богомъ, а тутъ—передъ людьмы.

— Та и передъ людьмы—все одно. Усе такы смиливише, якъ свій коло тебе. А то: вы соби въ будынокъ позалазылы, та й балакаете въ холодочку, а тутъ—печысь на сонци?

— Хто жъ вамъ велыть пектысь? Узялы бъ, та и увійшлы въ корыдоръ.

— Спасыби. Що громади, те и баби.

А вы, капустяни головы!—покынувшы Чипку, повернувся становый до козачыхъ гласныхъ.—Це вже вы намъ одну капость зробылы?! Чого вы сюды попрылазылы? Що вы тямыте?.. Ну, що ты, Свербыносе, тямышъ?—вызвирывся Дмытренко на червононосыкого, товстого козачого голову, одъ котрого такъ и несло горилкою.—Кысъ бы соби въ Хайкы въ шынку. Ни, въ гласни прется!.. Або ты, Ступо!.. Жинчыной тини боится, до ладу не вміе слова вымовыть, а тежъ—и соби мижъ люде... въ гласни!!..

Ступа и Свырбынисъ мовчалы. Потупывшы въ землю очи, воны и не зглянулы на станового. Винъ кынувъ ихъ, та до крепакивъ:

— А вы, недобыткы?.. Ще и васъ тутъ не ставало?! Давно зъ васъ шкуру злупылы?.. А теперъ—думаете, що и вы паны?!..

Стара уразка, роскопырсана нечыстымы рукамы, защемила въ Чипчынимъ серци. Зъ пидъ насупленыхъ бривъ засвитывъ гострый поглядъ,—то окыдавъ винъ нымъ станового, то позыравъ на людей, що стоялы мовчкы, якъ до земли прыбыти.

— Чого вамъ до насъ, добродію, треба?—запытавъ Чипка сердыто и зыркнувъ на Дмытренка.—Хиба мы до васъ прыйихалы?.. Насъ громада прыслала... мы громади служымо...

— Та я про васъ ничого и не кажу,—спустывшы внызъ голосъ, заговорывъ становый. Вы чоловикъ торговый; всюды буваете; людей, свита бачылы; де треба, доладу и свое слово скажете. Я про васъ не кажу! Зъ васъ гласный,—то такы гласный. А то-що?—Дмытренко зъ огыдлывостю глянувъ на останнихъ гласныхъ.—П-ху-у!.. Та теперъ уже не переминышъ. Глядить ще,—не повыберайте и въ управу своихъ!.. Чуете?

Гласни мовчалы, мовъ не до ныхъ ричъ.

— Слухайте, почавъ становый: дывится на мене. Якъ крутну правого вуса, клады направо билетъ; а крутну ливого,—наливо. Глядить мени!

Кажучы останне слово, Дмытренко посварывсь пальцемъ, повернувся, грюкнувъ дверыма передъ самымъ носомъ у гласныхъ, та й скрывсь въ корыдоръ.

— Бачъ, якый гострый!—обизвався Ступа.—Мовъ надъ дурныкамы. Ни, стій! А мы такъ, братця: винъ намъ правого вуса, а мы—наливо. Нехай дудыка зйисть!

— Це напасть, та й годи!—каже якыйсь пысарь.—Швыдко нашому братови зъ нымы нигде буде мисця знайты...

— А нашому братови,—увернувъ гризно Чипка,—треба стерегты свого брата, и не тилькы про себе думаты. Винъ мавъ ще щось сказаты, та тутъ ихъ позвалы въ горныци.

Посередъ довгои и шырокои зали стоявъ довгый стилъ, засланый червонымъ сукномъ, облямованымъ золотою кгалёнкою, зъ золотымы кытыцямы. За столомъ, на покути, сыдивъ предводытель. По праву руку одъ ёго—Даныло Павловычъ Кряжовъ, потомокъ того самого гетьманського полковныка Кряжа, що вславывся ни боямы, ни походамы, а тилькы тымъ, що, прыкрепывшы до земли пидсусидкивъ, винъ прыкрепывъ не трохы своихъ далекыхъ родычивъ, а разомъ зъ нымы брата и сестру ридну... або и не винъ прыкрепывъ ихъ, а ёго жинка,—та сама пани полковныця, що людямъ черевыками очи и зубы выбывала. По ливу руку одъ предводытеля сыдивъ Шавкунъ—городовый гласный. До ёго предводытель знай нагынався, а винъ ёму шептавъ щось на ухо. Кругомъ столу обсидалы други гласни,—горожане и земляне. Тутъ було циле «сонмыще», циле кодло Польськыхъ. Тутъ булы Совынськый, Крывынськый, Гаецькый, Мытиль,—не було тилькы одного Микухы: Порохъ такы ёго дойихавъ своимы ябедамы: винъ теперъ бувъ пидъ судомъ, безъ мисця. Мижъ горожанамы можна було побачыты Лейбу Оврамовыча, орендаря пана Польского, а рядомъ зъ нымъ отця Дмытра,—благочынного, що такъ менжувавъ просытельськымы кныжечкамы, якъ Дмытренко

кишьмы,—за що, кажуть, не разъ судывся и у консысторіи. Дмытренко, якъ не гласный, сыдивъ окроме, мижъ панамы, котри прыйихалы подывытысь на нове дыво. На всю хату тилькы два порожни стильци зосталыся,—та и ти, мабуть, дожыдалы когось зъ панськыхъ гласныхъ. Чипка смилыво опустывся на одынъ; за нымъ Лоза—на другый. Паны-гласни ззырнулыся. Хочъ наши дукачи булы въ добрыхъ сынихъ жупанахъ, а все такы така незвычайна смилывисть колола панськи очи.—Для останнихъ гласныхъ-селянъ не знайшлося мисця за столомъ; прыйшлося спынамы пидпыраты стину.

Писля молебню та прысягы, почалысь выборы. Радылы выбыраты Кряжова, хвалылы Совинського, роспыналысь за Шавкуна, намирялысь пропхнуты Гаецького, Мытиля. Якъ не крутывъ уса Дмытренко, якъ не дывывся на кожного, хто пидступавъ класты билета не въ сертуци, а въ свыти; а выйшло такъ, що ледве-ледве провелы трёхъ першыхъ. На Шавкунови зробылы невелычкый спочынокъ. Якъ налагодылысь знову прынятысь за выборы, гласный Саенко,—сынъ сотныченка,—попрохавъ «слова». Панамъ це було не въ дывовыжу. Саенко—здавна чоловикъ неспокійный. Ще за Васыля Семеновыча винъ було не пропустыть выборивъ, щобъ не наговорыты—якъ казалы про ёго—«симъ мишкивъ гречанои вовны». Вже та вовна була для панивъ Польскихъ гирше гиркои гирчыци. Нивроку розумный, гострый, якъ брытва, Саенко не пропускавъ случаю, щобъ не побрыты своихъ сыльныхъ родычивъ. Прости люде ёго любылы, якъ чоловика, котрый не змовчыть сыльному и стане завжде въ прыгоди немоцному. За те паны та жыды Саенкового духу боялыся,—та й не дурно. Напакостыть панови, прыдавыть жыда—стало втихою для ёго. Такъ оцей-то «либералъ», якъ ёго звалы, знявъ теперъ ричъ про земство. Обертаючысь до панськыхъ гласныхъ, винъ доказувавъ имъ «всесословнисть земства», довго и красно розводывъ имъ про «интелектуальную дѣятельность», котру воныза «прошли грихы», повынни булы оддаты «на алтарь общественнаго благополучія». То повертався до простыхъ гласныхъ, нагадувавъ имъ про «равноправнисть», умовлявъ самымъ дбаты про

свои «интересы», про «народне благо». А, на заключку, всимъ гласнымъ разомъ радывъ выбраты членомъ въ управу хочъ одного зъ гласныхъ — селянъ.

По хати пройшовъ шелестъ. Паны здвыгувалы плечыма, хыталы журлыво головамы, шепталыся мижъ собою. Мужыкы заворушылыся пидъ стиною, затупалы ногамы на однимъ мисти, зглядалыся, мовъ пыталы очыма одынъ въ одного: «А що?! кого теперъ»?

Предводытель, пошептавшысь зъ Шавкуномъ, а потимъ зъ Кряжовымъ, задзвонывъ у дзвоныкъ и, оглядаючы селянъ, голосно запытавъ: хто хоче выбиратысь?

Шелестъ потроху стыхавъ. Предводытель запытавъ удруге. Уси мовчалы, тилькы ззыралыся.

— Ось хиба Вареныченко...—якось несмилыво, кризь зубы, процидывъ старшина зъ Писокъ.

На ёго глянуло сто очей; глянувъ Дмытренко—и затулывъ рукою свого рота: «мовчы, мовъ, нескребо!»

— Якого Вареныченка?—волею-неволею, вымовывъ предводытель.

— Ось!.. ось...—почулось зъ-пидъ стины килькы голосивъ, тыкаючы пальцямы, де сыдивъ Чипка.

Винъ почервонивъ. Уси вставылысь на ёго очыма.

— Вы желаете?—спытавъ ёго предводытель.

— Та колы людська ласка, та панська воля,—одказавъ Чипка, пидводячысь,—то и про мене...

Голосъ ёго тремтивъ; лыце горило; очи свитылы радистю, Пустылы на голосы; выбралы Чипку.—Дали, розгарячывшысь, выбралы Саенка въ губернськи гласни. Выборы скинчылысь. Селяне порозйиздылысь по домивкахъ. Паны забенькетувалы въ городи.

Вернувся Чипка до-дому, Галя побачыла въ викно, выскочыла зъ хаты.

— А що?

— Усе гараздъ!—скрыкнувъ радо Чипка.—Теперъ я, Галю, не тилькы гласный, а ще и членъ въ управи...

— Не вже?—разомъ зрадившы и злякавшысь, скрыкнула Галя.

— Далеби.. выбралы,—хвалытся винъ.

— Кого выбралы? куды?—почувшы останне слово, пытае Мотря, высунувшысь у викно.

— Мене выбралы, мамо, въ управу!

Мотря глянула прямо Чипци въ вичи, по выду въ неи пробигла нерадисна смужка.

— И на що воно тоби, сыну, зъ панамы водытысь?—каже вона журлыво.—Ще, не дай Боже, пидведуть якъ. Сами жъ поховаются, а тоби—буде...

— Не бійтесь, мамо: не—подамся!—заспокоюе іи Чипка.

— Ще встряпешъ куды...—свое такы Мотря.

— Ничого вы, мамо, якъ я бачу, не знаете,—одказуе безъ гниву Чипка.—На те ихъ воля. А може я, мамо, людямъ у прыгоди стану... добро яке зроблю...

— И-и, вже, сыну! Ты—одынъ, а ихъ скилькы...

— Одынъ, та добрый,—оступылася за чоловика Галя и, всмихаючысь, пишлы обое въ хату.

Радивъ Чипка, потай одъ матери, вдвохъ зъ жинкю, що заробывъ людську шану, повагу. Те, що мисяць назадъ тилькы заклюнулось у серци, теперъ уже снувало передъ ёго очыма, заволодило ёго думкамы. Лагодывся Чипка громади служыты,—збирався добро робыты; гривъ у серци самъ соби, нышкомъ, потай уже и одъ жинкы, голубку-надію—давнье забуты и слидъ ёго заглaдыты. А выйшло такъ, що—де знайшовъ шану, тамъ згубывъ спокій и... долю!

Выбиръ ёго въ управу, зробленый пидъ гарячый часъ, безъ порады, безъ розмыслу,—никому не бувъ мылый! Козацька старшына на Чипку скоса дывылася. Пысарямъ та головамъ заздро було, якъ такы москальчукъ, ще недавній голодранець, волоцюга, ледащо, посившы за жинкою багатство, выскочывъ у люде, мижъ паны, куды воны перлыся зъ самого малку, що имъ снылося и ввыжалося—та не сталося! Паны оханулыся,—якъ уже выбралы.

Сталы воны одынъ одному жалитыся, якый теперъ викъ наставъ, що свій братъ дворянынъ братается зъ «хамомъ», та ще пидводыть до того и другыхъ. Сталы нарикаты на Саенка, що це винъ такъ зробывъ на глумъ, на соромъ цилому повитови. Товарыши по управи вважалы такый выбиръ тяжкою для себе образою, залякувалы де-кого зъ панивъ, що—колы на те пишло, то воны вси покыдають управу: нехай заправляе самъ!... А Шавкунъ ламавъ уже голову, нышпорывъ по товстелезныхъ томахъ закониві,—чы не знайдется чого, щобъ выпровадыты зъ управы члена, котрый,—якъ винъ боявся,—мигъ статы ёму на перемети, шкодыты, не допускаты просуваты лапу до земськыхъ грошей...

Шавкунъ—бытый жакъ! Не даромъ винъ посывивъ, сыдячы надъ бумагамы. Винъ метнувся сюды-туды; якъ той павукъ, сплывъ, роскынувъ ситку; ловывъ кожне слово, яке ёму треба. Ничого самъ не потрапывшы, винъ повернувся за порадою до свого давнёго прыятеля Чыжыка—секретаря въ суди. «Чы не було чого, братику? чы не судывся винъ?»—допытувався Шавкунъ. Чыжыкъ понюхавъ табакы, чхнувъ, прыставывъ пальця до лоба, подумавъ зъ хвылынъ пьять, та й полизъ у шахву зъ старымы диламы. Перекынувъ одно, перекынувъ друге, заглянувъ у трете, въ пьяте, въ десяте; натрапывъ слидъ; піймавъ нытку—та разомъ зъ Шавкуномъ дійшлы и до клубочка...

— Найшлы!—ускочывшы въ управу, скрыкнувъ Шавкунъ подачюы:

Дѣло объ покражѣ пшеницы въ коморахъ помѣщика Надворнаго Совѣтника Василія Семеновича Польскаго и о прибіеніи сторожа Деркача.

Члены пороззивлялы роты, повытрищалы очи. Шавкунъ перечытавъ дило, по котрому «солдатскій сынъ Вареныченко оставленъ въ подозрѣніи».—Управу обняла радисть, мовъ кожному зъ членивъ прыбуло видъ того счастя. Якъ на те въ городи лучывся Дмытренко. Его заклыкалы въ управу; зачынылысь; довго балакалы. Уси выйшлы, всмихаючысь.

Чипка ничого того не знае. На Маковія пойихавъ у Хамлю на ярмарокъ, та вернувся ажъ передъ Спасомъ. Того самого дня,

якъ винъ вернувся до-дому, зайиздыть до ёго Дмытренко, розсказуе дило, радыть самому заздалегоды тикаты зъ управы.

Чипка, якъ почувъ про дило—мовъ хто ёго обухомъ лыгнувъ по голови. Соромъ, досада, злисть—усе разомъ прылыло въ ёго голову, мутыло ёго кровъ, гамселыло въ выскахъ; заходыло жовтымы и чорнымы кружаламы у вичю. Самъ винъ поблидъ; рукы тряслыся. Винъ почувавъ своимъ серцемъ, що це вертается за нымъ давнье, простягае до ёго рукы, хоче ёго схопыты, обняты. Щобъ себе не выдаты, винъ скочывъ зъ ослинчыка, де передъ тымъ сыдивъ; ставъ ходыты по хати; блудывъ мутнымы очыма по стинахъ. Одна думка обгоняла другу; одна одну выпережала,—наче гралыся на выпередкы; винъ хотивъ на бигу пійматы хочъ одну зъ ныхъ; воны одъ ёго тикалы, зныкалы, одни тилькы краи ихъ на одну хвылыночку проносылысь,—покы не злылыся въ одну думку: якъ не якъ, а жывцемъ не податыся въ рукы!

Дмытренко, якъ мара та, сыдивъ надъ ёго душею; чыгавъ, якъ шулика,—колы Чипка прыстане на ёго раду,—самъ выйде въ отставку.

— Колы бъ мене на шыбеныцю велы, та сказалы: якъ подасы самъ, помылуемо,—я бъ и тоди не послухавъ!—скрыкнувъ Чипка.—Хто скаже, що я чоловика вбывъ?.. Може, воны на своимъ вику десяткы, сотни на той свитъ позагонылы. А теперъ шкода: нема воли!.. Теперъ завадыло—вси ривни!.. Я людямъ служу... мене люде выбралы... мене люде и скынуть!

Пойихавъ Дмытренко ни зъ чымъ.

На другый день летила отъ предводытеля бумага.

Черезъ день—прывезла стахвета прыказъ: «устранить гласного Вареныченка».

Упала ця вистка, якъ гримъ на Чипчыну голову. «Це гирше крадижкы, розбою»!—думае винъ.—И назвы цёму немае. Тамъ прыйшовъ, узявъ—и нема... выдно, чого нема!.. А тутъ—усе йе... и добро зосталося, и самъ зостався. То що зъ того, що зостався?.. Колы твою честь украдено... душу твою обезславлено. «Та ни! не буде сёго. Мы ще помиряемось. Ще побачымо,—чый батько

старшый. Не той теперъ викъ... часы теперъ не ти... не ти люде!...»

Запрягае Чипка коней, йиде въ Гетьманське. Не поганя—жене коней: не везуть воны,—мчать, та прямисинько до Пороха въ двиръ.

Переминывся Порохъ зъ того часу, якъ его бачывъ Чипка; постаривъ, захыривъ, опавъ. Колысь кругле облыччя ростяглося вдовжъ, осунулось; щокы пообвысалы; очи помутнилы; руди вусы посывилы; самъ згорбывся, трусытся. Отже пизнавъ винъ Чипку; пизнавъ и его Чипка. Прывиталысь, якъ давни прыятели.—Почула Галя чужого чоловика, увійшла въ хату; подывылася на Чипку—и выйшла мовчкы. На ій лыця було не знать,—такъ вона схудла, ажъ почорнила. Перше всёго пославъ Чипка за горилкою; побигла черномаза дивчынка—Гальчына дочка. Порохъ зрадивъ горильци, и выпывъ пидъ-рядъ ажъ тры чаркы. Тоди Чипка похвалывся ёму своею прыгодою. Не втаивъ винъ ничого: розсказавъ, якъ Дмытренко намовлявъ передъ выборамы людей у Пыскахъ; розсказавъ, якъ крутывъ вуса на выборахъ; розсказавъ, якъ паны намовлялысь не пустыты мужыкивъ у земство, якъ булы выборы. Сказано: ничого не втаивъ гострый языкъ ображеного Чипкы.

Гаряча мова роспалыла гарячу кровъ Порохову; засвитывъ огонь у его старыхъ очихъ,—и винъ напысавъ Чипци жалобу. Хочъ тряслыся рукы старого пысакы, хочъ брызкало перо,—одначе зъ пидъ его отрута на папери зосталася. Вылывъ Порохъ у жалоби всю свою злисть, що накыпала довги рокы: обпысавъ, оцерклювавъ старый ябеда панивъ Польськыхъ такъ, що ажъ самъ трясся, чытаючы Чипци жалобу. Чипка заплатывъ ёму добре, подякувавъ; одвизъ жалобу на пошту, а самъ пойихавъ у Пыскы.

Горе, кажуть, объ горе чипляется.

Вернувся Чипка зъ Гетьманського до-дому зъ розтроюженымъ лыхомъ у серци. Стрива его маты; хвалытся: нема Гали дома, пойихала до батька, бо Максымъ занедужавъ.

— Чого?—пыта Чипка.

— Господь його знае. Пойихавъ, кажуть, кудысь на ярмарокъ любисенькый, мылисенькый, а прывезлы—ледве дыше.

— Г-мъ. А що въ васъ чуваты доброго?

— Що жъ теперъ доброго почуешъ? Нема теперъ ничого доброго. Онъ, розсказують, на Красногорку напалы розбышакы. Чоловика зъ двадцять найихало,—та сторожи одбылы. Кажуть, така бійка була, Господы!—Чипку подравъ морозъ по-за шкурою. «Такъ... такъ!—думае винъ.—Оце жъ воно ёму и икнулося»!... — Пороспрягавъ винъ коней; пидложывъ сина. Ходыть по двору,— не хочется и у хату. Сонце саме заходыло. Пиднялась вечирня шарпаныва. Тамъ волы ревлы; тамъ овечата мекалы; тамъ жинкы свыней клыкалы. Все то хазяйськи клопоты. Чипци—байдуже до всёго того! Винъ навить не дослухается. У ёго теперъ свои клопоты,—не обберешся ихъ...

Ходыть винъ по двору—нудно; увійде въ хату—хатни померкы ще дужче розвертають сумну думку. Розстылае вона передъ нымъ, наче страшный кылымъ, страшни прыгоды жыття. Ось и Максымъ лежыть—перебытый! Ось высовуются давни, знаёмы тини: Лушня, Пацюкъ, Матня, ще и други братчыкы. Пьяни головы горять кривавымъ цвитомъ; у очахъ палае хыжисть, холоднеча. Ось пиднимаются въ памьяти панськи коморы, про ныхъ нагадалы въ земстви... прыгадався сторожъ. И сторожъ, и Максымъ качались передъ нымъ, божевильно стогналы. Чы правда тому?..—Правда... гола, страшена правда!... Щобъ винъ теперъ давъ, колы бъ можна іи выкынуты зъ памьяты, забуты! Такъ ни!.. Такъ не забувается. Воно, мовъ нарошне, вылазыть на верхъ, наче яке страховыще, лякае тебе. Навищо воно вертается? на що воно здалося мени?.. Воно перестрило мене, перейшло мени дорогу тоди, якъ я хотивъ ёго слидъ затерты... И сплывае ёму на думку земство, зъ своимы плутощамы та хытрощамы, зъ своею образлывою неправдою. «Воно мени нагадало про те... я хотивъ ёму останній викъ оддаты, а воно мене завертае до старого. Хиба въ земстви не ти люде, що и булы?.. Хиба воны въ одынъ разъ переминылыся. Чого жъ имъ можна служыты?.. Чому мени

ни?.. Коженъ зъ насъ несе грихъ за собою. Чого жъ одному прощено,—одынъ забувся про ёго, наче спокутувавъ. А мени—нема чи забуття, ни спокуты. И не карaлы—и вынуватый. Де жъ та правда на свити»?!

Зовсимъ смеркло. Люде и свитъ спочылы. Лягла вже и Мотря. Тилькы одынъ Чипка не лягае: ходыть, нудытся, карается. Зъ хаты на двиръ; зъ двору—въ хату.

— Чого ты, сыну, тупаешъ? Чому спаты не лягаешъ?

— А вамъ спытся?—неласково одказавъ винъ.

У голоси ёго забренчала давня туга. Матерыне серце почуло іи зразу—и злякалося.

— Спытся жъ...—ласково одказала вона.—Чому жъ воно не буде спатысь, колы така пора?

— Ну, то и спить, колы спытся,—мнякише сказавъ Чипка, та й опустывся на лаву.

У хати темно, тыхо. Мотря тыхенько зитхае.

— Мамо!—обизвався Чипка.

— Чого, сыну?

— Чы воно буде колы на свити правда? чы, мабуть, николы не буде?!

— Господь ёго знае, сыну. Колы бильше буде отаке заводытысь, якъ теперъ, то певно, и тіеи не стане, яка теперъ е...

— Ну, мамо... Выдно,—ниголы не було тіеи правды, ниголы й не буде! Не заводылось бы таке, колы бъ вона була...

Мотря ничого не одказала. Чипка знявся, знову выйшовъ зъ хаты, та проходывъ по-надвирью мало не до свита билого. На другый день пойихавъ Чипка до тестя. Теща и жинка стрилы ёго перелякани. Воны повелы ёго въ колышню Галыну хатыну. Явдоха щось довго-довго шептала ёму, ламаючы рукы. Вона була, якъ полотно, блида—перелякана. Галынъ поглядъ свитывся тяжкою мукою. Прыкро и гостро дывылась вона на чоловика, немовъ казала: «Онъ бачышъ». Чипци одначе було теперъ не до того. Побалакавшы нышкомъ зъ Явдохою, винъ пишовъ у свитлыцю. Звидты доносылось до ныхъ страшенне стогнання. У свитлыци на лижку лежавъ Максымъ, перегнувшысь у двое.

Разъ-повзъ-разъ зъ грудей у ёго вырывалысь тяжки «охы», разъ-повзъ-разъ винъ схоплювався за перегнуту спыну. Ёго мученый выдъ уразывъ Чипчыне серце,—ажъ забигала мылка... Явдоха пидступыла до недужого.

— Максыме!—обизвалась вона.

— О-хъ!—одказавъ Максымъ, важко зитхнувшы.

— Чипка прыйихавъ.

— Тату! здорови булы,—прывитавсь Чипка, пидступывшы до лижка.

— О-о-хъ!..

— Чого се вы?

Максымъ несамовыто скрыкнувъ и схопывся обома рукамы за спыну. Скрывленый у рота выдъ показувавъ страшни боли. Винъ похлыпувся, закашлявся... Забулькотило въ грудяхъ; Максымъ выправывсь, трипнувся; розкрывъ шыроко очи; провивъ ными хыжо по всихъ... То бувъ останній поглядъ—поглядъ наглои смерти... Явдоха мерщій накынула на выдъ чорный платокъ.

Якъ пидняли платокъ,—Максыма вже не було... Мука застыгла въ ёго на лыци, выглядала шыроко роскрытымъ, скрывленымъ ротомъ, вытрищынымы очима...

Галя глянула—и скрыкнула... «Вмеръ! вмеръ!»—крычала вона не своимъ голосомъ, выбигаючы въ кимнату и кыдаючысь на лижко лыцемъ у подушкы.

Чыпка зыркнувъ и—затрясся... Винъ николы не бачывъ такого страшного погляду. Передъ нымъ війнула друга смерть—бабына... Тамъ—тыхо, наче забуваючысь, або засыпаючы, упокоювалась добра душа. Тутъ—зъ страшнымъ болемъ, мукамы та прокльонамы покыдала вона землю... Голова въ Чипкы закрутылася, затуманила. Винъ закрывъ на хвылыну очи, и спустывъ блиде лыце на груды...

Одна Явдоха выдержала. Вона знову прыкрыла чорнымъ платкомъ Максымову голову; сипнула Чипку за рукавъ—и вый-

шла зъ нымъ зъ хаты, боляче стуляючы очи, зъ котрыхъ туга ледве выдавыла дви слёзыны...

А въ Гетьманському паны радилы, що по ихъ сталося. Выборы твердылы, а на Чипчыу жалобу черезъ справныка послалы одказъ.

Ось одкрылась и земська рада. На раду прыбулы одни паны: селяне не пойихалы. Одни, якъ Лоза, черезъ те, щобъ не чуты такои брыдкои лайкы та ганьбы, яку воны чулы одъ станового на выборахъ; а други не пойихалы—за возовыцею: саме хапалыся зъ нею, бо дощи—якъ затяглыся: що-дня, та й що-дня... Радылы раду одни паны...

Черезъ тыждень чутка про ту раду оббигла цилый повитъ. Першъ усёго розсказувалы, яке велыке жалованння положылы членамъ въ управи; потимъ того жалилыся на якыйсь чудный налогъ зъ земли: въ кого іи бильше, той платыть меньше, а въ кого меньше, зъ того и беры; дали хвалылыся, що шляхы, греблі и мосткы будуть ривняты, гатыты и лагодыты «натурою», то бъ то мужыцькымы рукамы... Чипци не до того теперъ. Его заклопоталы хатни клопоты. Треба було тестя поховаты, помынаты, худоби ёго порядокъ даты. Чипка выкрутывся цилый мисяць, якъ муха въ окропи; николы було дослухатысь, що люде говорять.

На Параскы въ Гетьманському ярмарокъ. Уποравшысь коло хазяйства, Чипка пойихавъ. Перше-на-перше зайшовъ въ управу. Якъ же почувъ, що така бида зъ нымъ,—якъ сто змійвъ разомъ ужалыло ёго серце! Не роспытуючы якъ, що, завищо,—видъ злости винъ не мигъ слова вымовыты—выйшовъ неборакъ зъ управы, наче вчадивъ... Голова ходыла ходоромъ, кружала, болила; въ выскахъ якъ хто молоткомъ стукавъ; въ очахъ—жовто, чорно; а въ ушахъ—пыщало, стогнало, выло... Щобъ хочъ трохы очуматысь, винъ пишовъ походыты по ярмарку. Ходыть помижъ возамы, по-пидъ крамныцями—роздывляется, слухае... Тилькы и речи, тилькы и мовы, що про земську раду, про налогъ!..

— Знаете?—пытае, всмихаючысь, одынъ велыкопомисный панюга другого.

— Знаю, знаю...

— Сынокъ не уступыть батюшци...

— Якый бисъ, то не винъ! То все Шавкунъ зъ Кряжовымъ... Отъ, головы!

— Ото имъ—всесословнисть! Хотилы ривноправносты,—оце имъ и поривнялы... А то справди,—всяка наволочъ дере носа въ гору... Нехай же теперъ знають!...

— Оце самоврава!!—запыхкавшысь, зъ переляканымъ выдомъ, стричае милкопомисный панокъ сусиду.—Чулы про налогъ?

— Де жъ не чуты? Добре далеко росходытся, а лыхе—ще дали...

— Оце такъ!—пидскочуе третій полупанокъ.—Цёго ще не було, щобъ безъ сорома, прылюдно, въ вичи казалы: хто мае на десять рублывъ,—зъ того беры рубля; а хто на тысячу—копійку! А теперъ, пры самовправи, дикдалы...

— Имъ що?—четвертый каже.—Воны соби повбыралысь въ управу, лущытымуть зъ насъ грошыкы,—та й ни гадкы!

— А нашому братови—дошкуля, до самыхъ печинокъ доходыть...—веде ричъ першый.

— Та ще якъ дошкуля,—пиддержуе третій: такымы поборамы печинкы вытягнуть!.. А зъ чого ёго, скажить на мылость! То було сяки—не таки, а все такы тры своихъ робитныкы, а теперъ, бида, та й годи!.. А народъ такъ розледачивъ, що,—сказано,—самъ хочъ за плуга берысь... Ни за ласку, ни за гроши... Винъ швыдче той день у шынку просыдыть, нижъ пиде на роботу до пана...

— Це розбій! це—здырство панське!!—чуе Чипка, якъ гукають селяне пидъ яткою.

— А, бачъ?.. не я казавъ?—прыстае до старшыны пидпывшый староста.—Не я вгадавъ, що воны и земське выгадалы, щобъ эебе полататы... Царь людей одибравъ, царь волю давъ... Хиба жъ ихъ такъ и выпустыты? Эге жъ!.. Колы не роблять,—хай же хочъ платять!

— То було окружный зъ насъ шкуру дере, а теперъ—управа дратыме,—бидкаются козакы.

Чипка все це чуе—и кожне слово, якъ гостра колючка, коле його въ серце; розбуркуе стари думкы... Зломъ пашыть лыце його, зломъ свитять очи,—ажъ поблидъ видъ злости, ажъ рукы трусятся...

— Не дурно воны такъ усылковувалысь мене выпхнуты... Ажъ имъ опъ чого заманулося? Прокляти! Абы имъ тепло, абы имъ добре... Нехай дурный мужыкъ на всихъ робыть, за всихъ платыть; хай одбувае одбучи... Никому за його оступытыся! Воны себе знають, свое панське кодло знають... А мужыкъ—вилъ; оры, покы здужае! покы не впаде въ борозни!.. А тоди здеры зъ його шкуру на чоботы... Прокляти! Чорты, а не люде!

Чипка крычавъ, розмахувавъ рукамы; гаряча й його ричъ огнемъ пашыла. Кругомъ його де-дали бильшала та бильшала купа людей; довго слухалы мовчкы; потимъ хто-небудь увертавъ и свое слово,—пидкладавъ дровъ до багаття. На той крыкъ нахопывся Дмытренко.

— Що це вы робыте?—спытавъ винъ Чипку.

— Якъ—що?

— Та де жъ?—вы людей бунтуете, земство лаете, управу, налогъ...

— Щобъ воны не диждалы його браты!—гукнувъ Чипка.

— Чого це ты такъ роскрычався?—га?—переминывъ становый ричъ, розсердывшысь. Чого ты людей бунтуешъ?

— То вы ихъ бунтуете, а не я!—одризавъ Чипка.

— Гляды лышень, козаче, щобъ зъ цилымъ языкомъ до дому вернувся. Чуешъ?—не забувайся!

Становый пишовъ дали помижъ возамы. Чипка знову прынявся за управу.

Надъ вечиръ вертався винъ до дому вкупи зъ Грыцькомъ. Винъ бувъ сумный, мовчавъ цилу дорогу. Грыцькови ажъ моторошно стало,—винъ зачепывъ його:

— И охота тоби, брате-Чипко, зъ нымы лаятысь?

— Чы можна жъ, Грыцьку, втерпиты?

— Та плюнь на ныхъ... Хай имъ зъ ихъ управою, зъ ихъ земствомъ!

— Мене громада выбрала... Я громади прысягавъ... Хто старшый—громада, чы воны?

— То и на громаду плюнь!

Чипка ажъ позеленивъ одъ такого слова—и ничого не одказавъ.

Прыйихалы передъ вечеромъ до дому. Чипка самъ на себе не схожый. Галя стрила ёго на порози, та ажъ перелякалася.

— Чипко! що зъ тобою? ты не здужаешъ?

— Ни, здоровъ... Йисты хочу.

— Далы ему йисты.

Чипка сыдыть—насупленый, жовтый, ажъ зеленый;—йисть мовчкы. Пообидавъ, якъ стало сонце сидаты. Не пидводячысь зъ мисця, схылывъ винъ на руку голову, обперся объ стилъ,—та такъ и закаменивъ...

Захиднье сяйво освичувало ёго сумну, якъ зъ мармору выроблену постать,—одынъ іи згорбленый выдъ наганявъ журбу тяжку... Галя глянула на ёго—и нышкомъ стала плакаты. Чипка почувъ.

— Чого ты, Галю?

Вона мовчала.

Винъ пидійшовъ до неи; взявъ іи рукамы за голову и, заглядаючы въ вичи, промовывъ:—скажы мени, Галочко,—чого ты?

— Ты мене зовсимъ забувъ,—одказала вона, схлыпуючы.

— Якъ забувъ?

— За тымъ проклятымъ земствомъ,—ни поговорыты николы, ничого...

— То такы правда, що воно въ мене отутъ сыдыть!—показавъ винъ на серце.

— Чомъ же ты ёго не кынешъ, сыну?—обизвалася журлыво Мотря.—Чы воно тоби не огидло?.. На тебе вже дывытысь страшно... Якый бувъ, а якый ставъ!!

Чипка матери ничого не одказавъ.

На двори стемнило. Спускалася ничъ на землю; утыхомырювала людськи клопоты, рукы и думкы. Полягалы спаты. Чипка лежавъ мовчкы, хочъ и не спавъ. Думкы цилымъ роемъ окрылы

ёго голову· Перелиталы воны зъ самого малку—ажъ до сёгодня; пазырнулы кожну прыгоду жыття ёго,—гарячылы кровъ, мутылы розумъ. «Скризь неправда, скризь!»—шепотивъ винъ. «Куды не глянь, де не кынь,—усюды крывда та й крывда!.. Жывешъ, нудышся, тратышъ сылу, волю, щобъ куды заховатысь видъ неи, втекты видъ неи; плутаешся въ темряви, падаешъ, знову встаешъ, знову простуешъ, знову падаешъ, не вхопышъ мисця, де бъ прыхылытыся.. Сказано: велыкый свитъ, да нема, де дитыся!.. Колы бъ можна, ввесь бы цей свитъ выполонывъ, а выростывъ другый... Тоди бъ може и правда настала!..

Чуючы, якъ важко Чипка зитхае, а не озывается, Галя знову почала плакаты. Замисть утихы, Чипка похвалывся ій своимъ горемъ,—та трохы самъ не заплакавъ. Галя ёго заспокоювала, голубыла, прыгортала мицно до серця. Чипка одмовлявъ ій нехотя.

Наплакавшысь, Галя заснула, якъ мала дытына: тыхо, спокійно.

Чипка прокачався цилу ту ничъ—и очей не заплющывъ: усе думавъ, мучывся...

VII.

Лыхо не мовчыть.

Поховавшы Максыма, Явдоха сама побоялася на хутори жыты. Пидмовляла дитей—воны не захотилы. Тоди вона спродала дворыще, спродала все, що можна було спродаты, та й перебралася до дитей. Разомъ зъ нею вступыло и нове лыхо въ Чипчыну хату.

Перше всёго матери не помырылыся. Явдоха була пышна, горда. Якъ тилькы оселылася, заразъ почала все на свій ладъ перевертаты, господарствомъ заправляты. И те не такъ, и друге— не до ладу, и третє—не на своимъ мисци стоить! Мотря,—зъ молодыхъ ще литъ зсушена то працею, то нуждою, суха, якъ опенёкъ, тыхо, бидненько зодягнена,—довго мовчала, потакала

Явдоси... Одначе не выдержала. Явдоха щось уже стала дуже верховодыты, завищось гримнула на Мотрю. Мотрю розибрала досаца, вона обизвала Явдоху паніей; а Явдоха полаяла Мотрю пыщою, дармойидкою... Зъ того и пишло. Лайка та сварка, бучи та колотнечи. Не було того дня, щобъ воны мижъ собою не лаялысь. Гали шкода було Мотри, котру вона уподобала, и вона, щобъ не сердыты и матери, ховалася одъ тыхъ бучъ та сварокъ— або въ себе въ хатыни, або въ Хрысти. Вона рада була зійты куды зъ двору, щобъ ни чуты, ни бачыты! Якъ же вже и іи зачыпалы чымъ, то—звисно, якъ дочка,—вона тягла матерыну ричъ. Чипка и соби - хочъ и бачывъ, що маты ни въ чому не вынна,—держався рукы жинкы, а за нею—и тещи. Довелося Мотри таке жыття, що хочъ безъ висты тикай!

— Казала я тоби, сыну,—жалилася иноди Мотря Чипци, якъ уже и ёму теща залье за шкуру сала,—казала: не беры багачкы, ни тоби жыття не буде, ни мени, старій, спокою!

— Потерпить, мамо, ще трохы. Що жъ робыты? Це все вона верховодыть, вона бучу збывае... Покы іи не було,—було тыхо и мырно, все гараздъ, а якъ стала - все такъ и пишло до горы дномъ... Покориться, мамо.

— Не буду я, сыну, корытысь, чортъ зна кому. Краще пиду въ люде, та людямъ покорюся, нижъ мени ій кланятысь за шматкомъ хлиба, що видъ тебе заробыла...

Чипка розсердытся ще дужче. Выйде зъ хаты,—або до Грыцька пиде—розвесты свою тугу, або коло худобы пораеться, а иноди и зовсимъ зъ двору зійде на ярмарокъ—куды, та не вертается днивъ тры, або и чотыри.

— Отъ, бачъ!—выкладае тоди Явдоха Гали: - це вона, вона все васъ розстроюе, це вона, стара видьма, бунтуе васъ, пидбывае ёго! Жыло бъ старе лубья, колы зобуте и зодягнене, не голодне и не холодне... Такъ - ни! Ще и кырпу гне, мовъ ій гирше теперъ, нижъ тоди, якъ нужу годувала!.. Сказано—злыдни! Якъ парши трохы одкыдалы,—заразъ и вередуваты...

Вернется Чипка до дому, стане ёму Явдоха выкладаты—на Мотрю клепаты. Роспалытся винъ на матиръ,—дывысь: на Мотри

все окошылося... Заплаче було бидпа, одна въ кутку на печи сыдячы, та й годи. Таки безперестанни бучи та грызня долывалы отрутою и безъ того вже отруйне жыття Чипчыне. У своій хати винъ бувъ, якъ чужый: вона ёму остогыдла. Ёму було въ ній душно, тисно; серце забажало волн: душа—простору. Винъ почавъ згадуваты старе товарыство.

Грыцько, зъ своимы завсиднымы жалобамы на втраты, зъ своимы розмовамы про достаткы, про худобу, зъ своею жинкою—тыхою и доброю молодыцею, зъ усимъ напрямкомъ свого тыхого пахарського жыття, здавався ёму теперь нуднымъ, сумнымъ. Винъ слухавъ его жалощи, позихаючы,—а думка, рядомъ зъ розмовою, малювала ёму инчый побытъ жыття—ще до заручынъ... Тамъ—хочъ и горилка лылася, якъ вода, хочъ хто и верзякавъ зъ пьяныхъ очей кать-зна що,—та все те жыло, мучылось, любыло, кляло... То жыття було, хочъ и пидъ пьяною облудою. А туть—тыхо та сумно, якъ у болоти; сонно, нимо, якъ середъ мертвого царства; а дома—гирше, нижъ у пекли!

Щобъ хочъ трохы одвесты ту самотню тугу, Чипка почавъ перекыдаты лышню... Та—добре тому пыть, чый хмиль спыть. А Чипчынъ хмиль не спавъ; винъ ёго ще дужче мучывъ, якъ огнемъ пикъ и безъ того палке серце... Винъ тоди сердывся на всихъ и на все. Теща ёму не вгодыть; маты боится; одна ще Галя мае надъ нымъ волю: винъ іи все ще кохае и поважае. Одже иноди и ій доставалося. Винъ доскыпувався до неи: то чому те та друге и доси не зроблено, то чого вона тратыть надъ шытвомъ очи; то сяку, то таку всячыну выдере, та и прысикается...

Галя слухала все те,—иноди одмовляла, иноди мовчкы плакала, а иноди чогось боялася... А зъ-пидъ тыха-тыха серце іи щось недобре вищувало, болило, ныло...

— Чипко!—иноди въ ночи, якъ уси поснуть, вона обизвется до ёго,—що зъ тобою сталося?.. Ты почавъ всимъ вередуваты... Все тоби не любе, не мыле, все остогыдло?.. Невже правда, що все остогыдло? Те пытання було ёму гиркою докорою. Винъ почувавъ себе вынуватымъ передъ Галею. Винъ даремно прыси-

кувався до неи... Теперъ іи журлывый голосъ разомъ голубывъ и докорявъ ёго.

— Галю, рыбонька моя! шепче винъ:—тяжко мени, важко... Самъ не знаю, де бъ я дився, куды бъ себе запровадывъ? Хочъ бы диты булы!.. Може бъ воны розважылы мою тугу, чы не розлепеталы бъ воны мого суму?..

— Чого жъ тоби важко? Хиба тоби и коло мене важко?.. И зо мною сумно, Чипко?

— Ни, ни, Галочко! зъ тобою мени весело,—коло тебе мени такъ легко. Хочъ бы матери не лаялысь,—хочъ бы воны въ мыру жылы... А то—що-дня́ грызня, щоденна лайка...

— Чы я жъ вынна тому, Чипко? Я бъ сама рада, колы бъ воны помырылыся, поеднались... Такъ же бачъ: ничого не вдію! Така вже въ обохъ натура: кожна кожній не хоче и на крыхту вступыты...

— Ой, ни... ни, Галю—не те... Я боюсь, колы бъ я не запапастывъ твого вику,—перескакуючы на друге, шепче Чипка. —Я бъ оддавъ половыну жыття свого, абы ты була счаслыва... Такъ же, бачъ, не мае счастя, не мае добра! Якесь лыхо зъ самого малку мене окрывало,—зъ самого малку воно вчепылося за мене, ніякъ я видъ ёго ни обибьюся, ни одгребуся! Якъ той иродъ, зализло въ саму душу,—та й душыть, та й вадыть, та й каламутыть усимъ... Онъ—колышне товарыство (недавно бачывъ) веселе, счаслыве...

Галя почула, звидкы витеръ віе, куды хылыть... Вона бачыла, що чымъ дали, то все Чипка видъ неи одходывъ та одходывъ... Вона бачыла—серце іи правду казало,—що не вдержаты ій уже Чипку биля себе, що ёму остогыдло таке жыття,— не вдовольняло ёго... И вона тыхо-тыхо, потай одъ Чипкы, нышкомъ плакала... То вона спускалася въ свое недавне счастя, роздывлялась на ёго, перевертала, розглядала—безъ того гарячого пошыбу першыхъ любощивъ, котрый перше не дававъ ій ясно глянуты на жыття ихъ,—розбирала поглядомъ стороннёи людыны. Писля такыхъ розглядинъ та рахування самои зъ собою, вона переляказалася своихъ думокъ... Вона справди не була счаслывою,

не прынесла и Чипци счастя: вона не була матирью,—та чы и буде!.. И падаючы передъ образомъ, молыла Пречысту зглянутысь на іи слёзы...

А тымъ часомъ Чипка робывся все смутнищый, лютищый, нетерпелывищый...

— Ты бъ, Чипко, колы тоби обрыдло такъ жыты,—клыкнувъ товарышивъ, погулявъ бы зъ ными: може бъ, хочъ трохы розигнавъ свою тугу,—разъ сказала ёму Галя, бачывшы, що не перелывкы.

Вона захотила ввійты въ те товарыство тыхымъ янголомъ-спасытелемъ, навчыты запеклп харцызяцьки души, пьяни головы любови до людей, до ихъ мырныхъ звычаивъ, до разъ заведеного мырного жыття. Та ба! Тымъ запеклымъ душамъ треба було десь диваты свою сылу, що пручалася, рвалася на волю, переступала звычаи, топылась у гульни, въ горильци; пьянымъ головамъ одрадна була несамовыта сваволя, котра бъ не знала ни въ чому прыпону, забороны, буйна та шумлыва, якъ самый хмиль... Ихъ не зведешъ на протерту стежку тыхого, незамутного жыття! Не зъ іи мнякою, до спокою та тыхого счастя похылою натурою, не зъ іи розумомъ, тонкымъ та гнучкымъ, руйнуваты було ту башту крипокои воли.. Туды треба було не Галыного серця, люблящого, теплого,—а каменю дебелого та холодного, що ёго николы искра любови ни ростопыть, ни нагріе... Тіеи воли не звоюешъ слабою рукою!

Галя побачыла, що вскочыла зъ Чипкою, якъ рыба въ невидъ, и заплуталась... Стала вона побыватысь, борсатысь, трепетатыся... Шурхнула, якъ плиточка въ першу дирочку—и выскочыла на чысту воду, а Чипка зоставея въ неводи!.. Вона за нымъ убывалася, сумувала, плакала. Та винъ того вже ни чувъ, ни бачывъ. Винъ теперь, знай, спивае про неправду людську; кляне земство, котре ёму не далося въ рукы; лае здырщыну, котру лаялы вси небагати люде; бидуе зъ крепакамы, будыть у ныхъ жаль, що воны одурени, що имъ одвелы никуды невгодни земли; допомогае имъ гришмы, колы прыстають за подушне зборщыкы; бенькетуе зъ нымы—и часомъ, залывшы очи, выкрыкуе

що часъ бы и покараты... А прыйде до дому—и пьяными рукамы прыгортае до пьяного серця свою Галю, не прымичаючы палкыхъ слизъ на іи очахъ, та смутку на змарнилому лычку...

Насталы часы инчи, завелысь порядкы други въ Чипчыній хати. Прывитна и тыха своимъ спокійнымъ симейнымъ побытомъ, стала вона теперъ прытономъ гульни пьяной, несамовытыхъ реготивъ, спививъ... Явдоха, звыкшы до гулянокъ замолоду, згадала ихъ на старисть,—допомогала зятеви.

Оце въ суботу, пидъ недилю, або въ свято, завернуть до Чипкы стари товарыши: Лушня, Пацюкъ и Матня. Уродытся баклагъ горилкы, страва всяка. Явдоха порядкуе. Галя куды-небудь у кутокъ заберется; сыдыть мовчкы; дывытся, якъ іи чоловикъ гуляе; слухае, що верзуть ёго товарыши. А Мотря—ажъ на пичъ зализе, щобъ хочъ не бачыты того ничого...

Чипка сыдыть зъ товарыствомъ за столомъ; чарка литае за чаркою—задурюе имъ головы; крыкы, спивы та реготы окрывають усю хату, вырываются кризь викна на двиръ.. Иноди зачне хто балясы точыты, про свои походенькы розсказуваты. Явдоха слухае, сміется, радіе; Галя—слухае; Мотря—сплёвуе на печи мовчкы... «Хочъ бы смерть швыдче прыйшла,—думае вона,—щобъ ни чуты, ни бачыты такого»!.. Найбильше Лушня розсказувавъ. Якъ музыка, тилькы поведе смычкомъ по струнахъ, и заговорять воны то зычно-радисно, то журлыво-плакучо,—такъ винъ своимъ языкомъ грае по людськыхъ душахъ. Розсказуе одно,—вси за жывоты берутся, та регочутся; почне друге,—жаль серце, немовъ каменемъ, давыть, на очахъ выступають слёзы... Частише всёго винъ любывъ згадуваты про свое молоде жыття, про свою матиръ. Оце и зачне було:

— Мене маты прывчала красты ще змалечку. Бувало, посадыть мене малого, коло себе, положыть передъ очима шматокъ хлиба,—та и украдь у неи такъ, щобъ не бачыла! А побачыла,—заразъ быты... А дубець у рукахъ червоный та гнучкый,—ажъ свыстыть... Я вже, бувало, и сымъ, и тымъ бокомъ; угледыть—такъ и стёбне дубцемъ по руци, ажъ сыня попруга, якъ пьявка,

кругомъ обиве руку... Я закрычу не своимъ голосомъ, та до неи: и «мамочко!», и «голубочко! не буду, не буду»!.. Обнимаю іи, одніею рукою нахыляю за шыю, а другою,—дывысь,—шматокъ уже и потурывъ за пазуху. Оглянется вона,—немае шматка... Тоди и пожалуе и йисты дасть... А такъ—за цилый день не йистымешъ...

— Була колысь и цёму правда!—журлывымъ голосомъ вымовыть Галя, хытаючы головою.

— Оть, хай мене хрестъ побье, колы не правда!—Та потимъ и каже: «ты не думай, сыну, що я тебе по дурному бью: це я тебе на добро вчу! Выростешъ, дякуватымешъ... Усе, каже, крадь, де тильки легко лежыть... А въ пана—вышукай, а вкрадь!..

— Бо панъ зъ людей здравъ,—уверне Чипка... У пана свое одберы...

— Эге жъ... Панъ усе набравъ зъ людей, панъ и людей бравъ... Оть мою матирь—адже взявъ, та спасыби ёму и мене на свитъ пустывъ...

И почне було розсказуваты, якъ ёго матирь прывелы въ двирь, у горныци до пана, якъ вона всёго боялася, покы зъ паномъ не зазналася, якъ панъ радивъ, колы знайшовся въ неи винъ, «Тымошка—добрый молодець»...

— Панъ радый: мени радый, и матери радый, держыть насъ у горныцяхъ, не выпускае никуды. Мене иноди пестыть, гойдае. А ставъ я на ногы спынятысь, то все медяныкамы та цукеркамы годуе, та грывеныкамы даруе. Маты дывытся та радіе. И така тоди до мене добра! Напувае мене чаемъ; у панськыхъ пуховыкахъ положыть спаты; закутае въ тепли одіяла; схылытся надо мною—и довго-довго дывытся, а потимъ ще довше цилуе... Роскишъ мени була! Колы це прыйиздыть сынъ до дому зъ школы: вывчывся вже,—прогналы зъ школы... Якъ углядивъ це:—«вонъ, вонъ зъ двору! щобъ духу не чутно було»!—Пишла мижъ ныхъ грызня та лайка щоденна; маты моя що дня плакала, та все мене ховала одъ паныча... Увирвалося зразу добро наше!.. Мучывсямучывся ото старый панъ, та й перевивъ насъ зъ горныць у нову хату, що за кузнею була. Тамъ насъ и поселено. Ото якъ

перевелы насъ,—трохы угамувалысь у горныцяхъ... Ничого! Жывемо мы соби въ двохъ зъ матирью; до насъ частенько и старый панъ забигае: матиръ жалуе; мени гостынци носыть... Колы це— кажуть,—панычъ женытся. И оженывся. Узявъ соби дочку *вашого*,—чорну-чорну, якъ плащувату цыганку, тонку та высоку, зъ здоровенным носомъ, що ажъ черезъ губу въ ротъ заглядавъ,—зъ языкомъ здоровкався... Якъ ото одружывся,—такъ и похмарыло одразу всимъ. Не було того дня, щобъ не чутно було плачу на стайни!.. Та й старому панови, выдко, не медяно стало: посывивъ старый, зъ тила спавъ, на выду подався, почавъ перекыдаты лышню... Бувало, встане, вранци рано-рано, выкраде таку годыну, що ще сынъ почывае,—та до клюшныка Якыма. А Якымови наказано: якъ тильки зобачыть, що панъ повернувъ за кузню,—щобъ заразъ бигъ и казавъ *ій*... То винъ було до Якыма «Якыме, голубе мій! Я вже тоби стару жылетку виддамъ,—тилькы мовчы, не кажы»!—Якымъ гляне на ёго: стане ёму жалко старого пана, що колысь усимъ орудувавъ, и самымъ Якымомъ, а теперъ—стоить передъ нымъ згорбленый, трусытся, та такъ жалибно просыть...—Идить, каже, тилькы не бариться, бо вже швыдко молоди повстають...—Винъ тоди пидтюпцемъ до насъ:— «А де маты?»—пытае мене —На вгороди, або де тамъ,—одкажу.— «Пиды, лышъ, поклычъ».—Та й ткне мени копіечку въ руку. Я, бувало, на одній нози поскачу.—Прыйде маты; сяде винъ проты неи, дывытся; згадае давнье—та й заплаче, жаліючысь на сына та на невистку.—«Благородне, кажуть, званіе порочу... Дурни! Яке тамъ у биса званіе, колы мени жыты недобре,—колы мени нема ни въ чому воли?.. Спершу, каже, я хотивъ тебе одарыты: грунтъ даты, хату поставыты, земли одвесты и на волю выпустыты за твою службу... А теперъ—не можна, невильно мени въ тому, ни въ чому не мае мени воли»...—Та схылытся на стилъ головою, та й заплаче. Маты дывытся на ёго, та й соби плаче... А я, бувало, прыщурюсь соби въ куточку, та ныщечкомъ и думаю: чого воны плачуть обое?.. Оже не довго панъ щось и пожывъ писля того... Зажурывся, та и умеръ. Якъ почула маты, то цилисенькый тыждень тужыла, якъ божевильна,

не своимъ голосомъ, а мене была щось зъ мисяць—хто ёго знае и за вищо... Швыдко насъ знову въ кухни забралы: матиръ—дывытысь за дробыною, и мене зъ нею... А въ кухняхъ—нужда, голодно и холодно! Маты и давай красты всячыну: сальця було вкраде—мени дасть, пупокъ або печинку зъ печенои вуткы... Піймалы іи якось разъ на крадижци, розтяглы, та й одидралы, якъ кишку,—на сылу встала... Оже не покынула свого ремесла, почала ото и мене вчыты. И, спасыби ій, такы вывчыла!—

Слухае Явдоха таки речи, та пидхвалюе «доброго молодця», що не забувъ наукы. Галя сыдыть сумна—зажурена: жалко ій старого пана, жаль Лушнёвои матери, страшно такои неволи.. А Мотря на печи журытся, що іи сынъ зъ такымъ товарыствомъ гуляе: вона стыха шепче: «Господы! и вродытся жъ така дытына на свитъ, отаке на матиръ сплесты?! Сказано: нема Бога въ жывоти, иродъ»!—А Лушня за те, що добре вміе языкомъ молоты, частуе товарыство, прымовляючы: «Щобъ паны здорови булы, щобъ намъ худибкы прыдбалы»!

— А сами сконалы!—кинчае Пацюкъ.

Иноди бувавъ на тыхъ сходынахъ и Грыцько. Та не по души ёму булы таки гульбыща, а надто ти гостри колючкы, яки часто и густо заганявъ ёму въ серце Лушня, або хто другый зъ товарыства.

— А що, Грыцьку,—чы пшеныця вродыла?—почне, бувало, зъ-далека Лушня, натякаючы на завсидни жалощи Грыцькови.

— Грыцько мовчыть, мовъ не до ёго ричъ.

— Шкода!—одмовляе замисть Грыцька Пацюкъ:—теперъ насталы таки лита, що пшеныця не родыть...

— Чому не родыть?—одгрызнется Грыцько.—У такого, якъ ты, то и не родыть, бо чортъ мае на чому родыты... Хиба въ роти посіешъ

— Ну, Грыцьку,—знову Лушня:—теперъ и земля стала, що и на земли не родыть! Ты іи потомъ облываешъ, слёзамы благаешъ; уроды бо, сыра земле! А вона, бисова, глуха и нима: не чуе и не родыть!

— Та и прыходытся людямъ на неи жалитысь,—пиддержуе Пацюкъ.—А кому ты на землю пожаліешся? Хиба иноди по-

бачышъ багатого товарыша, або кума—пожалієшся ёму чы не зглянется бува?

— А знаешь, Грыцьку,—вмишается одутлый Матия: чого въ тебе земля не родыть? Не того, що сплодылася,—ни! То тебе Богъ карае... Було бъ тоби дурно тоди не браты Чипчыного жыта... Грыцько сыдыть,—якъ на вугилляхъ тліе. Винъ бы и огрызнувся,—та боявся бучу збыты, та ще зъ такымы гультяямы. Та правда такы и Чипка забывавъ усихъ—не дававъ Грыцька въ образу. Такъ мыналыся ти уйидлыви жарты, ажъ покы Чипка пидъ товарыську гульню не подарувавъ Грыцькови сто рубливъ грошей—на хрещеныка.

— Теперъ, Грыцьку, знаешъ, що тоби зосталось робыты?— каже Лушня.

— А що?—пытае радый Грыцько.

— Теперъ тоби годи и хлиба робыты,—однакъ земля не родыть,—та все коло Хрысти ворожыты: хай що мисяця дытыну плодыть. Чипка добрый чоловикъ: за кожнымъ кумоватыме...

— Батькови свому лысому розскажы!—прыснувъ Грыцько.

— А ій Богу вгадавъ ты, Грыцько, що—лысый.... Я бъ ёму самъ зъ велыкою радистю сказавъ такъ,—та шкода, що вмеръ! Тильки—що жъ зъ того, що я бъ ёму сказавъ? Колы винъ мени ничого не кынувъ—одынцеви... А щобъ то було, якъ бы моя маты що-мисяця по такому родыла, якъ я?!

— Пойилы бъ одынъ одного, покы не подавылыся,—лютуе Грыцько.

— Що, може йилы бъ одынъ одного, то и то, може, правда, тильки бъ не йилы чужого хлиба та грошей!

— Такъ що жъ? Я прохавъ у Чипкы, чы що?—крычавъ, роспалывшысь, Грыцько.—У погахъ лазывъ?.. Его добра воля була, а тоби—зась! Не твое дило—онъ-то що!

— Та я и не мишаюся. Господь зъ тобою! Я тилькы раю... А не хочешъ,—хай твоя Хрыстя николы ни одного не зроде... Мени що? Я тилькы кажу: якъ бы частише, то корыстнише бъ було.

— Ну, Чипко, я до тебе черезъ твое товарыство неможу ходыты,—жаліется Грыцько, якъ Чипка ввійшовъ зъ комирчыны, де бравъ горилку, вѣ хату.

— Якъ саме?—роспытуе Чипка.

Грыцько ёму розсказуе. Лушня выправляется, и тутъ же, мижъ тыхымъ словомъ,—дывысь,—и вкыне якого кгедзыка. Други ажъ за бокы берутся, регочутся. Чипка на мырову зводе, частуе. Грыцько мовъ трохы и утыхомырывся, посыдивъ ще, выпывъ ще чарку,—та швыдко и до дому порывався.

Писля того, якъ полы вризавъ видъ Чипчынои хаты; казавъ и Хрысти, щобъ не ходыла. Одначе вона иноди выкрадется нышкомъ на хвылыну, та й побижыть провидаты куму, та Мотрю: Явдохы и Хрыстя не злюбыла.

Горилка, кажуть, всёму злодійка. А въ Чипкы въ хати горилка теперъ господыня. Ридко проходывъ той день, щобъ пьяне гульбыще не збыралося, не гуло, не крычало... А колы не гульня—то грызня жиноча: матери якъ не кусають одна одну... Така колотнеча була Чипци гирше полыну. Винъ ставъ солодыты свою душу гульнею та горилкою. Безъ гульни ёму нудно, сумно. Сновыкгае иноди по двору видъ хаты до ворить, видъ ворить до хаты, хмурый, насупленый, якъ зъ хреста знятый—за цилый день видъ ёго слова не почуешъ. А прыйде въ-вечери товарыство, вродытся баклагъ, прощай, розуме! Найидятся, напьются, погуляють,—та и зъ двору, и Чипка зъ нымы! А передъ свитомъ везуть повну повозку всякои всячыны...

— Що це ты, сыну, робышъ?—зъ плачемъ докоряе Мотря, а серце въ неи якъ не розирвется видъ горя,—други кривавымъ потомъ зароблють, а ты... Сыну, сыну! Бога побійся: колы людей не страшно! Згадай: у якыхъ мы злыдняхъ жылы, въ якій нужди гыблы,—та нихто не скаже про насъ слова лыхого... А теперъ и достаткы...

— Не ваше дило!—шпарко перебье іи Чипка:—лежить тамъ соби на печи, колы лежытся!

Застогне Мотря, обильется гарячымы слёзамы, та й замовкне. Ажъ недужа видъ того стала, ажъ почорнила. Іи ридна дытына, іи едына надія... «Краще бъ я тебе не родыла, або малого задавыла, нижъ теперъ отаке бачыты». Та й почне проклынаты товарыство, котре до *такого* пидводыть іи сына.

Явдоха чула це и бачыла та нарошне ишла проты Мотри: пидохочувала Чипку, витала ёго братчыкивъ. Жывучы цилый викъ такымъ жыттямъ, вона звыкла до ёго сама, радила всякій удачи, допомогала въ розбышацькыхъ затіяхъ. Чипка що-день робывся все хыжише, та й хыжише. Якъ той звиръ кыдався винъ на кожного заможнёго чоловика. Перше «каравъ тилькы пана та жыда, а то вже ставъ «одбыраты свое» и у свого брата,—заможнёго козака: обдере, якъ лыпку,—тилькы душу на свитъ пустыть...

Галя, хочъ видъ неи крылыся и ховалыся зъ цимъ, усе те волею-неволею бачыла,—та не мала сылы що-небудь подіяты... Вона одмагалась слёзамы. «Оце и мени, такъ якъ матери, прыходытся прывыкаты до цёго,—думала вона середъ ночи, самотою, якъ Чипкы не було.—Не вже жъ и я така стану якъ маты? Чы може вона вродылася такою?.. Ни, то выдно стала така за такымъ замужжямъ... Горенько мое! Що жъ, выдно, и мени не краща доля судылася: розбышацька дочка—розбышацька и жинка! Господы»!.. И гыдкый, и страшный здавався ій Чипка: вона ёго тоди жахалася. Колы жъ, пидъ добру годыну, въ любу хвылыну, прокыдалося въ ёго серци добро,—сповидався винъ своій Гали, обнимавъ, голубывъ іи,—вона не вирыла тому, що вчора думала. «Ни! розбышака не вміе пестыты такъ любо, не вміе прыгортаты такъ щыро, такъ гаряче цилуваты. Ни! мій Чипка не розбышака. Ни! ни! Винъ—любый, добрый. Винъ карае неправду... Карае?... хто ёму велывъ караты? хто??.. Ни, винъ не робыть такъ! И впывалася счастямъ, хочъ полохлывымъ, боязкымъ, а все такы счастямъ... А Явдоха грызлася зъ Мотрею, не давала ій спокою. Прыйде оце въ іи хату—перекыдае все, лае іи. Спершу Мотря огрызалася, не мовчала; а потимъ, якъ побачыла, що Чипка потакуе тещи, крывыть іи, матиръ стару̀, то промо-

выла сама соби: «иродове кодло! Ты жъ мое добро вкрало, надъ моею надією насміялося!» Та якъ замовкла, то и мовчала вже, щобъ тамъ Явдоха не казала, не робыла. Тилькы, облываючы слёзамы порыти недолею та литамы щокы, прохала въ Бога смерти. «Господы!—часто и густо молыла вона:—прыймы мене, безталанну, до себе! докы вже я мучытымусь на свити?..»

Думала Мотря про смерть, выглядала іи, сподивалася, а выйшло такъ, що Явдоха несподивано вмерла. У недилю, пися обиду зразу вхопыла іи завійна. Душыть іи, пидъ серце пидступае, у грудяхъ давыть, духъ выпирае.

— Ой, лышенько, вмираю!—скрыкнула Явдоха, та и духъ спустыла.

Галя, якъ зъ-за угла прыбыта, ходыть. Блида, зъ заплаканымы очыма, вона не прымичае, що и волосся выбылося зъ-пидъ іи очыпка,—такъ роспатлана и сновыкгае, били рукы ломыть, голосыть на всю хату. Де жъ?—зъ ранку ще Явдоха така весела була, жартувала, сміялася; а на вечиръ—одынъ трупъ, безъ дыхання, видъ неи... Страшно и тяжко!—Чипка соби блудыть, якъ бовдуръ, не знае, що и роспочаты: чы Галю втишаты, чы коло мертвои порядкуваты? Одна тилькы Мотря пры памьяты. Вона не то щобъ рада була,—ни! Вона жалкувала Явдохы: вона бачыла тутъ кару Божу. «Отъ же и померла—безъ сповиди, безъ святого прычастя. Просты, Господы, якъ...» Одначе вона не дуже и убывалася. А за Чипку радила. Може, хочъ теперъ кыне, теперъ никому буде настроюваты; може, схаменется...»

Третёго дни, якъ поховалы Явдоху, справывъ Чипка по тещи бучни помынкы. Зійшлыся люде не тилькы зъ Писокъ, прыйшлы и зъ хуторивъ. А старцивъ-старцивъ, якъ на печерахъ у Лаври! Люде обидалы въ хати; для старцивъ попрыроблювалы лавы на двори. Понаварювалы велыки казаны всякои стравы. Чипка на помынкы заколовъ свыню, заризавъ тры овечкы, убывъ велыкого бузивка. А горилка—якъ вода лылася за царство небесне. А після обиду, Мотря старцямъ роздавала по шматку паляныци въ торбу, а Чипка—по симъ грывень у руку.

На другый день писля того, Чипка запригъ коней, та й пойихавъ зъ двору, не сказавъ и куды. Не було день, два. А на третю ничъ вернувся, везучы повни возы всякого добра. Ажъ скрыкнула Мотря, якъ побачыла. Серце іи не выдержало: стала вона корыты, ганьбыты и сына и товарышивъ. Ти на докоры не змовчалы—загрызлыся зъ Мотрею. Прыставъ и Чипка. Счынылася въ ныхъ лайка, буча. Галя перелякалась, заперлась у себе въ хатыни. Лушня роспалывся, крычавъ; Мотря соби лаяла; винъ ій збывъ зъ головы очипокъ.

Сердешна матерына голова: «У своій хати, волоцюга, розбышака»... Не доказала, залылася гиркымы.

Вранци пишла жалитыся у волость—не за крадижку, а за те, що іи «волоцюга побывъ». За те вона мовчала: боялася за свою ридну дытыну. Набиглы волосни у хату, де саме гульня йшла. Чипка заразъ до ихъ. Поналывавъ такъ, що ледве до-дому рачкы долизлы. Тымъ Мотрына жалоба и кинчылася. Тилькы Чипка, якъ пишлы волосни, роспалывся якъ огонь, палаявъ пьяный матирь «сучкою» и пахвалявся побыты. Мотря облывалася гиркымы слёзамы—та нышкомъ проклынала свою долю, що дала ій таку «прокляту дытыну» А Чипка знову засивъ—пье та гуляе зъ братчыкамы.

— Ни,—крычыть Лушня: николы не буде въ тебе, Чипко, такои матери, якъ Явдоха була! Ото—ридна маты; а це въ тебе—собака, а не маты! Гляды лышъ—чы не вона бува и Явдоху зъ свита звела?

Страшно якось стало це слово у кожного въ ухахъ.—«А, справди—чы не такъ?»—подумавъ коженъ.—Дывысь пакъ: любисенька, мылисенька була жинка зъ ранку, а на вечирь—тилькы тило зосталося, та й те задубло!

— А и справди?!—скрыкнувъ Чипка. Серце въ ёго повернулося. Колы бъ маты була передъ очыма,—здается вбывъ бы видъ разу.

Галя, сыдячы въ себе въ хатыни, гирко плакала. Якъ же почула те кризь стину, то зразу кынулася—гадкы и у неи хыбнулыся. «А справди?»—пеначе витерь провинувъ въ іи серци.

Одначе чула душа не подалася тому витру. «Ни, ни,—шептала Галя: то зле серце тильки може прыгадаты. Свекруха правду каже: то матирь Господь скаравъ за таке жыття. Ни, Мотря—не така людына». И Галя одганяла видъ себе, якъ увьязлыву муху. Якъ розiйшлась пьяна ватага, Чипка прыйшовъ у хатыну. Галя не выдержала: напустылась на ёго, корыла, лаяла, плакала...

— Чипко, Чипко!—чы я ждала такого видъ тебе, чы сподивалася? Попустывъ ридну матирь на поталу волоцюзи, гайдамаци. И звирь такого не зробыть, якъ ты зробывъ, и розбышака хыжый!..

— Ты чула, що Лушня казавъ?—спытавъ винъ гризно жинкы.

— Лушня? Лушня... Колы було серце, котре ни разу не грила правда, то серце Тымохвiеве!.. Колы чый языкъ не дубивъ видъ брехни, котрiй немае и назвиська,—то языкъ Тымохвiивъ! Сучка, а не жинка, тилькы хиба вродыть ярчука такого, якъ Лушня! А ты ёму вирышъ? ты ёго слухаешъ?

— Що жъ—ты боишся людського поговору, чы що? Плюваты я хотивъ на ихъ поговиръ! та й на ныхъ разомъ!

— Не поговору, Чипко, не славы,—перебыла ёго Галя,—хочъ и iи нiяково слухаты,—а правды, котру ты такъ любышъ, та нехтуешъ. А це кажешъ немае правды мижъ людьмы! А де жъ у тебе правда? де?..

Останни слова—гострымъ ножемъ, шыбонулы въ саме серце Чипку.

— Ты завжде мене вынуватышъ. Ты проты мене завжде йдешъ—скрыкнувъ винъ, выходячы зъ хаты и грюкнувшы дверыма. Цилу ничъ винъ проблукавъ по двори, а Галя цилу ничъ навзрыдъ проплакала.

На другый день пишовъ по селу гоминъ, що Чипка трохы не выгнавъ матери зъ двору.

— Якъ йила хлибъ зъ остюкамы, то и усе добре було; а перейшла на буханци, то и у нисъ заколоды, пишла на сына жалитысь!!—вынуватылы Мотрю одни.

— Якый винъ сынъ? якый винъ сынъ, колы ридну матиръ попустывъ волоцюзи вдарыты?!—оступаются за Мотрю други.

А Мотря видъ такои зневагы, видъ тяжкого уразу, видъ тревогы занедужала, въ постиль злягла; не йисть, не пье, мутно очыма дывытся. Галя ходыть коло болящои, якъ коло ридпои матери. Прыклыкала до неи знахарокъ; ти шепталы, зитхалы, давалы якогось зилля, та ледве-ледве одходылы Мотрю.

— Галю!—каже вона: я зновъ чую, що одужаю. Мени знову легше. Навищо? Я молыла Бога, колы бъ умерты. Краще бъ мени на тимъ свити, нижъ на симъ. Та не дае мени Богъ смерти... Его свята воля. Винъ то знае, на що мене пускае ще жыты. Може додержыть до тій поры, колы Чипка схаменется— я его побачу, якъ свою дытыну, якъ свого сына. Галю! дытыно моя! ридная моя! Ты жъ теперъ мени найридниша. Уговорюй его якъ жинка: винъ тебе почытае, кохае щыро,—може тебе послухае, колы вже мене не хоче слухаты. Боже: щобъ я дала, щобъ я зробыла? Я бъ свого серця влупыла та дала ему, колы бъ тилькы винъ ставъ чоловикомъ? Я бъ тоди вмерла спокійно. А то...

И свекруха, и невистка рясно-рясно плакалы...

VIII.

Такъ оце та правда?!

Стояла люта зима. Ще такои холоднои та снижнои не знають люде. Багато тоди народу померзло—забыло ихъ пидъ тыху хуртовыну, закыдало, замело снигомъ; тамъ Богу и душу оддалы. По весни вже несла вода ричкамы мерзли трупы; а другыхъ середъ поля вовкы пойилы.

На зиму Мотря зовсимъ одужала. Сыдыть, пряде вовну, а Галя або мые, або и соби пряде на прядци. У хати въ ныхъ тыхо, тепло,—було бъ и одрадно, колы бъ не дума якась стояла въ кожного передъ очыма, не повитря важке носылося по хати. А то—сыдять вони соби пры ясному свити свичкы, тыхи, сумни, мовчазни, тильки одни тини видъ неи колышутся по стинахъ, та

чутно,—якъ прядка гуде та наводе якыйсь сумъ, выклыкае сонъдримоту. И въ души въ ныхъ гиркый смутокъ; на серце налягала важка туга; журлыви думкы сповылы ихъ головы. Иноди по хати пронесется глыбоке зитхання; увирвется нытка и затыхне на якый часъ гуркання прядкы, покы іи налагодыть Галя; або выпаде починокъ зъ рукъ у Мотри, глухо вдарытся объ пилъ и розбуркае тышу сумну. Тильки колы не колы вырвется зъ устъ жыве слово, пронесется по хати, якъ мара страшна, злякавшы и сумъ и нимоту,—та и замре безъ видгомону.—Чипка соби нудытся свитомъ, колы немае никого зъ товарыства. Ляже—душно ёму, встане—холодно. Слухае иноди, що розсказуе маты зъ свого молодого вику,—и устають передъ ёго очыма дытячи лита, встае сыва бабуся, дидъ, степъ, вивци... «Счаслывый я бувъ тоди!»—дума винъ—и не знае, де теперь себе диты.

Ничъ, якъ куёвда, стояла на двори; мела страшна хуkга; заверюха крутыла; та холодъ такый, що страшно и носа выткнуты зъ хаты; морозъ перся въ хату,—позамуровавъ шыбкы взорчатымы выводамы; а въ дымари, якъ голодный звиръ, ревла та ревла видьма-буря, кыдаючы въ викна кимьямы снигу—мовъ хто добывався у хату знадвору. Галя та Мотря сыдилы соби та мовчкы прялы. У кожнои чогось такъ тяжко було на серци, що воны ажъ попрыгыналыся до гребенивъ. Чипка лежавъ на лави, задравшы голову вгору, мовчкы дывывся въ стелю, та слухавъ божевильни заводы буйного витру. Свичка на тренижку неясно горила; знай, кгнитъ нагорявъ—жужалывся, и знай ёго зрывала або Мотря, або Галя, кленучы вогонь, що такъ немылосердно пикъ у пучкы. Разивъ два чы тры ненарокомъ свичку зовсимъ гасылы—тоди въ темряви проносывся жартъ та смихъ, немовъ боявся свиту,—бо, справди, колы знову засвичувалы свитло, то—немовъ воно замыкало вуста имъ—ни одно слово не зрывалося зъ языка, наче то не люде сыдилы, а якись тини—глухи и нимы.

Колы це зразу—якъ гримъ загуло коло хаты, и почало щось стукаты въ викно. Чипка скочывъ зъ лавы, мовъ хто ёго скынувъ зъ неи,—та мерщій на двиръ. Засовъ клацнувъ; почувся гоминъ, топитъ. Незабаромъ Чипка ввивъ въ хату Лушню, Матню,

Пацюка, та ще чоловикъ симъ незнаёмыхъ людей. Булы мижъ ными и москали—и Сыдиръ тамъ, та булы и прости.

— Господы!—ледве вымовыла стыха Мотря, та и прыкипила до гребня.

— Здорови въ хату!—обизвався де-хто

— А ты, стара, вже одужала?—пытае Матня Мотри.—Адже ій-Богу, часъ тоби вже вмираты. Дывысь! зуба въ роти немае, а ты ще и доси жывешъ—марно тильки хлибъ переводышъ!

— Видчепысь видъ мене, лыхый чоловиче?! Чого ты прыйшовъ у чужу хату насмихатысь зъ старои людыны?—одказала Мотря.

— Не займай іи, Якыме,—обизвався Пацюкъ: бачъ, якъ вона зубы выщыря .. покусае ще!

— Щобъ уже ты выщырявъ, та и не стулявъ ихъ николы, розбышако!—гирко видмовыла Мотря.

Гайдамацтво пидняло регитъ.

Галю разомъ ухопывъ за серце жаль и образа; серце въ неи затипалось.

— И воно такъ слидъ добрымъ людямъ робыты?!—прызро кынула вона цимъ пытанням въ вичи товарыству.

Регитъ стыхъ; уси похнюпылы очи въ землю; одна тильки Галя гостро дывылася на всихъ гультяивъ—и червона краска грала на іи щокахъ, тоди якъ серце пидкыдалося въ грудяхъ, а груды порывчато дыхалы. Разомъ и лыха и хороша була вона въ ту годыну. Якъ вовчыця, оберегаючы дитей, уся найижытся, жде тилькы одного замаху, щобъ разомъ кынутыся на свого ворога: такъ вона—гордо и прызро дожыдала ще хочъ одного слова... Слова не було.

Чипка помитывъ скрыту бурю,—похопывся промовыть:—«Ходимъ, паны-братця, въ свитлыцю,—бо тутъ зъ бабамы ніякого пыва не зварышь, хай воны соби прядуть».

Якъ ногы вломылы братчыкы зъ хаты,—мерщій перейшлы за Чипкою въ свитлыцю. Мотри зробылося такъ тяжко на души, та гирко на серци, що вона ажъ не всыдила на гребени: встала, побралася на пичъ, лягла—та такъ и залылася слёзамы. А Галя,

оставшысь одна, думала: «пидожды жъ! пидуть твои братчыкы, це вже не первына, постій же... прокляти, каторжни!» и лютовала разомъ на Чипку и на ёго товарыство. А въ свитлыци тымъ часомъ обходыла рядова, розвьязувала и безъ того смили языкы, дурманыла безпутнымъ жыттямъ задурени головы, падавала сылу и безъ того дужій воли; неслыся смихы, реготня; кгвалтъ окрывавъ хату и несамовыто врывався въ душу, де була Мотря зъ Галею.

— А що, атамане?—обертается Лушня до Чипкы:—въ яку мутну воду закынемо сю ничъ свій невидъ?

— Колы бъ такъ, щобъ и недалеко, и рыбкы пійматы,—вставывъ червоный, якъ писля лазни, Матня.

— Мы оце зъ Петромъ,—веде дали ричъ Лушня,—налагодылысь до Хоменка на хутиръ...

— Воно туды и не безпешно,—обизвався хтось зъ гурту:—въ ёго така вармія...

— Та правда, що въ ёго тры сыны, якъ каты,—каже Лушня,—та и самъ такый, що, посмолывшы верёвку, ведмедя вдержыть,—та силькись! Онъ, той—батько прыпасъ за для ёго таку важну штуку, що и не здывуе.—Кажучы се, Лушня показавъ на москаля Сыдора.

— Яку?—пытае Чипка, котрый до того мовчавъ.

Сыдиръ вытягъ зъ-пидъ полы рушныцю, мовчкы показавъ Чипци. Той понуро глянувъ—и ничого не одказавъ.

Обійшла ще разъ чарка кругомъ столу:—посоловилы въ кожного очи ще дужче.

— Та колы йты, братця, то вже и пора,—свое такы Лушня.

— Чы пора, то й ходимо, понуро видказавъ Чипка, пидводячысь.

За нымъ повставалы други. Выпылы ще на дорогу; выйшлы зъ хаты. Чипка погасывъ свитло—и соби за нымы. «Кукурику»! прокрычавъ на сидали пивень, залопотавшы крыламы. Уси кынулысь.

— Пху! проклятый!... перелякавъ!... обизвався Лушня.

Галя почула, що пьяна зграя побралася. «Чы то жъ то и Чипка пишовъ, чы, може, въ свитлыци?»—подумала вона, взяла свичку и пишла въ свитлыцю.

У свитлыци не було ни душечкы. На столи стояла порожня пляшка зъ горилкы, та тры порожнихъ чаркы, та два полумыскы на денци зъ розсоломъ,—выдно, булы зъ огиркамы. На столи поналывано горилкою, понакрышувано хлиба, де-де валялыся недойидени кускы зъ огирkивъ. Пидъ столомъ валявся порожній боклагъ,—ажъ воронка торохтила. Ослоны въ хати попереставлювани: одынъ вздовшъ, другый впоперекъ. Накурено такъ, що ыхаты важко було; страшенно смердило горилкою. Сказаты: була то не свитлыця заможнёго хазяина, а корчма пьяна!

Галя не могла довго побуты въ ній,—такъ іи давывъ дымъ, змишаный зъ горилкою. Вона грукнула дверыма,—и увійшла до себе въ хатыну, де стояла іи постиль, заслана добрымъ коцемъ. Галя зняла коць, мала була лягаты,—та сама несчулася, якъ опустылася на стулець, обперлася на стилъ рукою, на руку схылыла голову,—и задумалась. Довго вона думала; потимъ покотылыся зъ очей слёзы—и, залываючысь нымы, вона впала на постиль; довго-довго плакала, та не счулася, якъ и заснула. На столи свичка догорила—и сама потухла...

Мотря, качаючысь на печи, цилисеньку ничъ не спала—тежъ плакала. Такъ іи вразылы лыхи речи «проклятыхъ людей». А скилькы то думокъ переплыло въ матерыній голови за ту ничъ! Думала вже всяко. Думала питы сказаты на сына, що винъ розбоемъ промышляе, щобъ узялы ёго разомъ зъ ёго мылою ватагою: тоди вона буде знаты, що вже немае въ неи дытыны! То знову нова думка: а може оханется? Та шкода и сердешнои Гали—вона такъ мучытся, такъ побывается за нымъ!.. И знову визьме жаль матерыне серце: стане вона молытыся Богови, щобъ пославъ ій смерти швыдче,—то знову плакаты. Такъ цилу ничъ проплакала, та продумала.

Прокрычалы други пивни. Колы геть за пивничъ почувся здалека топитъ, гоминъ. Дали—блыжче... блыжче... коло самои

хаты. «Идуть!» подумала Мотря.—«Хочъ бы жъ хочъ сюды не заходылы», прошептала.—Колы чуе,—повернулы въ свитлыцю.

Перегодя трохы, рыпнулы двери—увійшовъ хтось у хату.

— Хто тамъ?--пытае вона зъ печи.

— Це я,—одказавъ Чипка.

— И—чуе вона.--ставъ надъ помыйныцею вмыватысь. У серци іи наче хто гострымъ ножемъ шпортонувъ.

— Що то, сыну?...

— Ничого...

— Ой, сыну, сыну!—хочъ бы вже ты на те не пускався Хай бы кравъ, хай бы грабувавъ... а то...

— А Явдоху хто зъ свита звивъ?—пытае гостро Чипка.

— Що ты кажешъ?

— Хто, кажу, Явдоху струивъ?

— Та це я, сыну??!

— Уже жъ не я...

— Спасыби...

Не доказала, замовкла. Запекло коло серця, мовъ хто огню прыложывъ; плачъ, злисть, досада разомъ пиднималысь въ души,—бунтувалы стару кровъ: якъ обухомъ, ударыло въ голову, задзвоныло въ ухахъ, потемнило въ виччю...

— Краще бъ я рукы наложыла на себе, нижъ таке чуты!—прошептала, качаючысь на печи, та стогнучы.

Незабаромъ повходылы въ хату и други. Засвитылы свитло. Мотря выглянула зъ-за комына—и затрусылася. На кожному выдно було слиды свижои крови. Мотри зробылося страшно, холодно. Вона забылася у самый кутокъ печи; трусылася, якъ у лыхоманци. Дали вона почула, якъ сталы въ печи огонь розводыты,—одежу палыты. Вона боялася, щобъ не скрыкнуты, боялася зитхнуты,--та все мицнище и щильнище стыскувала зубы, тулылась у кутокъ.

Упоравшысь, якъ слидъ: повмывавшысь, попалывшы, яка була въ крови, одежу, розбышакы погасылы свитло,—побралысь у свитлыцю.

— О-охъ!... зитхнула Мотря.—Хочъ бы Галя коло мене... Охъ, Господы!... застогнала вона:—дай мени дожыты до завтрёго.

Одсахнусь тебе... зречусь тебе, мій сыну... мое лыхо... передъ усимъ свитомъ скажу, на все село прокрычу. Охъ!.. Чого хочъ ничъ така довга?:.. чого хочъ вона не швыдко такъ тягнется?.. Хочъ бы швыдче свита диждаты. Господы... Боже нашъ! сохраны и заступы...

Та злизла зъ печи, впала на вколюшкы передъ образомъ, та тыхо и чуло молылася, бьючы земни поклоны. Не чула вона, колы и трети пивни прокрычалы; не помитыла, колы почало на свитъ благословытыся. Одъ щырои молытвы одидравъ іи, розбуркавъ, несамовытый крыкъ та стукъ у викно.

— Ра-а-туй-те. Ои... рат-у-у-йте!... крычало щось пидъ викномъ молодымъ дытячымъ голосомъ.

Мотря кынулась до викна

— Хто тамъ?... пытала вона зъ хаты.

— Це я... ратуйте... хто въ бога вируе. Одчынить... пустить... ажъ плакало, та просыло.

Мотря тыхенько выйшла на двиръ—та трохы не омлила. Передъ нею стояла литъ десяты дивчынка, въ одній сорочци, обьюшеній кровью, боса, росхристана, роспатлана,—стояла и трусылася...

— Що се?... що зъ тобою, дочко?... чыя ты?.. де ты була?.. звидкиля вырвалась?.. тремтючы сама всимъ тиломъ, пытала Мотря дивчыну.

— Ой, лышенько... бабусю. Ой... горенько тяжке...,—зъ плачемъ, ледве вымовляла дивчынка,—я зъ хутора... розбышакы булы... всихъ побылы... поризалы... пострелялы... батька... и матиръ... дида... бабу... дядькивъ... дядыну... маленького братика... всихъ... усихъ. Одна я зосталася... одну мене не знайшлы... втекла...

— Якъ утекла?

— Пойихалы... запалылы хату, и пойихалы... Ой... о-ой! бабусю... горенько мени!.. скрыкнула дивчынка, хапаючысь ручепятамы за Мотрю,—боялася щобъ та бува не втекла...

— Цыть... цы-ыть, моя дытыно;—зацыткувала Мотря.—Я знаю, хто и розбышакы. Мовчы!.. То мій сынъ, клятый!.. Цыть .. а то, якъ почуе,—не жывотиты тоди ни тоби, ни мени.

Дивчынка прыхылалася до Мотри, та тыхо схлыпувала. Мотря ввела іи въ хату.

— Ходимъ у волость... у волость ходимо!—шепче вона, а сама чуе, що голова въ неи кружытся, очи страшено горять, ногы трусятся... отъ-отъ упаде! Ходимъ, дочко... покы ще сплять...

— Я змерзла, бабусю.. холодно... шепче дивчынка, тулячысь до Мотри.

— На, хочъ мои стари чоботы взуй. Онъ, платокъ... юбка... швыдче!..

Похапкы назула вона на дивчынку стари заскорубли чоботы, накынула юпку, платокъ; на свои стари плечи натягла кожушанку —и выйшлы въ двохъ тыхо зъ хаты.

Червоне зарево вдарыло имъ прямо въ вичи. Дивчынка схопылась за Мотрю: вона боялася тіеи пожежи—то горила ихъ хата. Хутко воны обыдви повернулыся спынами до шырокои полосы огняного свиту, що пиднималось высоко въ гору, наче хотила запалыты хмару,—та и потяглы пидтюпцемъ на другый край села. Червоный пивень просвичувавъ имъ шляхъ своимы кривавымы очыма... а навкругы собакы валувалы..

Незабаромъ прибыглы волосни, назбиралось народу повнисенькый двиръ, обступылы кругомъ хату. Ни однои души не выпустылы: всихъ побралы, повьязалы. Пиднявся крыкъ, гвалтъ. Видъ крыку прокынулася Галя. Швыденько накынула на себе юпку, выйшла зъ своеи хатыны. Якъ глянула вона на Чипку, що зъ скрученымы назадъ рукамы стоявъ и понуро дывывся въ землю, якъ углядила обьюшену кровью дивчынку:

— Такъ оце та правда?!.. Оце вона!!!—скрыкнула несвоимъ голосомъ и несамовыто залылась божевильнымъ смихомъ.

Тило въ неи тряслося; очи помутылыся—вона нымы якось чудно водыла, на губахъ встала кривава пина, а вона все сміялася...

Чутка про все те, якъ гримъ, роскотылася на вси кинци, рознеслася на вси бокы—въ одну мыть обхопыла все село. Зби-

галыся люде, якъ на пожежу дывытысь; а вертаючысь до-дому, видъ страху Богу молылыся.

— Чула?—якъ божевильный, вскочывшы въ хату, скрыкнувъ Грыцько.

Хрыстя глянула на ёго, та й пополотнила.

— Що тамъ? пожежа?

— Чипка людей поризавъ... усю Хоменкову симью выполонывъ.

— О-о-о..,—якось чудно загула Хрыстя. Очи въ неи роскрылыся, боязко и страшно повела вона нымы по хати.

— Уже погналы въ городъ,.. у тюрму,—каже Грыцько.

— А Галя? а маты?—ледве чутно, спытала Хрыстя.

— Не знаю... здается дома...

Хрыстя мерщій за кожушанку, хапаючысь накынула іи на опашкы, та чымъ дужъ побигла зъ хаты.

Грыцько гукавъ, завертавъ, клыкавъ. Вона ничого того не чула,—була вже далеко. Перегодя трохы, вернулася, якъ зъ хреста знята. Вступывшы въ хату, перехрестылася.

— А що?—спытавъ Грыцько.

— Галя... знову перехрестылася:—повисылась:

— Оттуды къ лыхій годыни!—выторопывшы очи, сказавъ Грыцько, та й замовкъ.

Цилый день воны обое мовчалы: смутни, блиди, неспокійни,—мовъ дожыдалы смерти. Двое дитокъ ихъ—хлопчыкъ та дивчынка—помитылы це, та не розуміючы, видъ чого воно, сыдилы соби тыхо на печи и шепталыся:

— Чого це тато та мама сердыти?—пытавъ стыха хлопчыкъ.

— Не знаю...—одмовыла дивчынка и замахала на хлопчыка пальчыкомъ.—Цы-ыть! мовчы... бытымуть!..

Це вже було туды пидъ осинь, на другый рикъ. Сонце, заздалегоды почувшы іи, надолужало своимъ тепломъ: не грило, а пекло. Дощъ, якъ затявся—и трохы не на корхъ лежало на шляху пылу, та стоявъ винъ и въ воздуси, якъ сывый туманъ,—лизъ у вичи, душывъ у горли. Люде, знай, йиздылы по

шляху: настала саме гаряча пора возовыци. По тому жъ самому шляху простувала въ Сыбиръ, на каторгу, цила валка скованыхъ по рукахъ, по ногахъ рештантивъ. Кругомъ ихъ цилый зводъ москаливъ съ ружжамы.

Пройшовшы Пискы, валка стала коло волости, на выгони, на перепочынокъ. То бувъ Чипка зъ своимъ товарыствомъ.

Якъ почулы люде, то сталы збигатысь зъ усёго села,--старе и мале, мовъ на ярмарокъ. У той часъ Грыцько вертався зъ поля зъ снопамы—ажъ трёма возамы. Винъ—за однымъ, Хрыстя—за другымъ; а сынъ—хрещеныкъ Галинъ—сыдивъ на третимъ поверхъ снопивъ—тилькы головка манячила. Побачывшы зборыще, воны спынылы воливъ, а сами пишлы до гурту... та й потеропилы обое! Не швыдко вже Грыцько опамьятався, пидступывъ блыжче.

— Що це, брате Чипко?—журлыво, зъ самого глыбокого серця, обернувся до ёго Грыцько.

У тому запытанни, въ ёго голоси, не було ни докору, ни помсты, а вчувався тяжкый жаль—шкода пропащого брата.

Чипка скоса зыркнувъ, здвыгнувъ густи бровы,—та й одвернувся.

Грыцько стоявъ, якъ прышыбленый,—дывывся мовчкы.

Незабаромъ старшый москаль, що вивъ этапъ, скомандувавъ у дорогу.

Рештанты сталы пидводытысь, забряжчалы важкымы цепамы. Почалося прощання, обниманія, почувся плачъ, голосиння. Плакалы люде, обнимаючы своихъ безталанныхъ братывъ; подавалы имъ на прощання—коженъ по своій спроможносты: той шага, той копійку, а хто и грывню. Плакалы розбышакы, на викы прощаючысь зъ риднымъ селомъ, зъ своими людьмы—риднымы и не риднымы. Одынъ Чипка не плакавъ. Якъ той сычъ насупленый, стоявъ винъ наризно всихъ, звисывшы на груды важку голову, въ землю потупывшы очи,—тилькы колы-неколы зъ-пидъ насупленыхъ бривъ посылавъ на людей гризный поглядъ. Не знайшлося души, щобъ пидійшла до ёго,—попрощалася...

Брязь!.. дзень!.. Брязь!.. дзень!.. Валка рушыла.

— Хай тоби Богъ помагае на все добре!—крыкнувъ на вдогинъ Чипци Грыцько.

Чипка озырнувся—и одгукнувъ зъ дорогы:

— Грыцьку! поклонысь матери... скажы: хай мене дожыдае въ гости, колы не сколіе до того часу...

— Господы!—залываючысь слёзамы, мовыла Хрыстя:—напуты его на все добре!—Та разомъ зъ Грыцькомъ и пишла до возивъ.

— Воно такы правда, що Чипка непевный.

— Такый и батько бувъ...

— И вродывся такъ,—просты, Господы!

Балакалы люде, провожаючы очыма потонувшу въ сирій куряви валку. Довгенько ще воны стоялы, судачылы, рахувалы—покы не перевелы розмовы на врожаи, на посивы, та други хазяйськи турботы: а тоди вже и поросходылысь по домивкахъ.

Мотрю взявъ Грыцько—догодуваты до смерти. Швыдко писля того вона и умерла.

Чипчыну хату опечаталы, забылы. У ній одни совы та сычи плодылыся, та тичкы собакъ товклыся по вгороду, що ввесь зарисъ бурьяномъ, якъ лисомъ. Черезъ рикъ—веселе колысь мисце опустылося, заглухло. Облупана пустка стояла ще страшниша, нижъ та, котру купывъ Хрущъ. Люде знову сталы іи видхрыщуватысь, якъ проходылы мымо; а мали диты боялыся и здалека глянуты на того чоловика, що, якъ те страховыще, позыравъ зъ ворить на шляхъ своимы вытришкуватыми очыма.

А недалеко одъ Писокъ, надъ самымъ шляхомъ, коло Хоменкового хутора, насыпана высока могыла, а на ній стоить высоченный хрестъ,—оглядае навкругы хуторы, село, вси околыци... Пидъ нымъ тліе висимъ безневынныхъ душъ, згубленыхъ въ одну ничъ «страшнымъ чоловикомъ».

А посередь села, насупроты похылои церковци, тоне въ саду, якъ у раю, выдывляется на свою красу въ ставкови воды, поновленый палацъ,—у позолоти, въ роскошахъ. Въ ёму теперъ жыве новый хазяинъ Писокъ,—першый дукачъ на все Геть-

манське, перша голова въ повити, найщырпый земець, предводытель, председатель, банкиръ, заводчыкъ-сахароваръ,—Данылo Павловычъ Кряжовъ. И якъ теперъ весело въ тому палацу! Яки бувають иноди гулянкы... встала бъ генеральша, якъ бы можна... Теперъ уже не зъ одного, не зъ двохъ якыхсь повитивъ, а зъ цилои губерніи саме велыке паньство, саме найзаможнише купецтво знаходыть тутъ щырый прывитъ, добру учту веселого и щедрого хазяина. .

Мынувъ рикъ; мынувъ другый... Стояла на край села сыротою пустка,—завыдовала палацу. Ажъ ось—выпало и ій несподиване счастя: купывъ іи въ казны за безцинокъ давній знаёмый жыдъ, Гершко, прычепурывъ трохы зъ-окола облупани бокы; полатавъ, де попрыгнывала, оселю,—та завивъ шынокъ. Що-недили, що свята, и часомъ и середъ будня, щобъ не одстаты одъ вельможного сусиды,—бенькетуе тутъ пьяне море темнои простоты... Оже ще и доси, пидъ пизній вечиръ, подырае морозъ по-за шкурою веселыхъ гулякъ, якъ глянуть воны на хрестъ, що геть-геть здалека чорніе надъ Ромоданомъ...

Панасъ Мырный та Иванъ Билыкъ.

ПѢВЕЦЪ БОРЬБЫ И КОНТРАСТОВЪ.

I.

Украинская литература обладаетъ одной оригинальной чертой, ей только присущей и почти не встрѣчающейся въ другихъ литературахъ, по крайней мѣрѣ, въ новѣйшее время. Эта черта—необыкновенная разносторонность способностей и талантовъ у многихъ ея дѣятелей, способствовавшая тому, что они одновременно выступали работниками въ различныхъ отрасляхъ духовной дѣятельности. Стоитъ только назвать имена такихъ дѣятелей нашей литературы, какъ Кулишъ, Кониссkiй, Драгомановъ, Франко, Гринченко, Крымскiй и др., чтобы передъ читателемъ всталъ цѣлый рядъ работъ, самыхъ разнообразныхъ по формѣ и содержанiю. Эти дѣятели одновременно были художниками, критиками и публицистами, теоретиками тѣхъ или иныхъ литературныхъ и общественныхъ положенiй и практическими исполнителями ихъ въ жизни; изъ-подъ пера ихъ выходили стихотворенiя и повѣсти, критическiе очерки и статьи публицистическаго и педагогическаго содержанiя, серьезныя научныя работы, преимущественно касающiяся такъ или иначе родного края и народа, и популярныя произведенiя, предназначенныя для болѣе широкаго круга читателей и, въ частности, для просвѣщенiя народа. Словомъ, они не пренебрегали никакой формой, чтобы выразить свои задушевныя

мысли и стремленія; они пользовались всякимъ случаемъ, чтобы въ той или иной формѣ восполнить недостающее и сказать то, что, по ихъ мнѣнію, было необходимымъ въ данное время. Эта разносторонность, порождаемая безпокойно мятущейся, ищущей душею и тѣмъ святымъ недовольствомъ, которое не позволяетъ застаиваться на одномъ мѣстѣ, а побуждаетъ стремиться все впередъ и впередъ,—эта разносторонцость, въ свою очередь порождающая кипучую, лихорадочную дѣятельностѣ въ различныхъ сферахъ духовной жизни, становится почти типичнымъ явленіемъ въ украинской литературѣ, и ниже мы позволимъ себѣ еще къ нему возвратиться, чтобы выяснить какъ свѣтлыя, такъ и темныя его стороны. Теперь лишь кратко скажемъ, что отмѣченная черта, составляя громадную заслугу указанныхъ дѣятелей предъ своей родиной, имѣетъ въ то же время и свою слабую сторону, будучи причиной раздробленія силъ и, такъ сказать, размѣна ихъ на мелкую монету. Принужденные въ силу обстоятельствъ, о которыхъ ниже, разбрасываться въ разныя стороны, по необходимости исполнять самую разнобразную работу, не брезгая часто даже трудомъ чернорабочаго,—притомъ въ большинствѣ случаевъ при самыхъ неблагопріятныхъ общественныхъ и личныхъ условіяхъ,—эти воздѣлыватели родной нивы не могли, конечно, сосредоточить всѣ свои силы на одной какой-нибудь отрасли умственной дѣятельности, не могли также совершенствоваться и укрѣпляться въ занятой позиціи. Потому то въ большинствѣ случаевъ результаты ихъ дѣятельности не соотвѣтствуютъ размѣрамъ ихъ силъ и часто не даютъ даже приблизительнаго понятія о нихъ; вопросъ—что́ они могли бы сдѣлать при иныхъ, болѣе благопріятныхъ для своей дѣятельности условіяхъ—одинъ изъ первыхъ, которые возникаютъ при обозрѣніи ихъ жизни и дѣятельности. Неравные по размѣрамъ природныхъ дарованій, часто антиподы или, по крайней мѣрѣ, антагонисты по убѣжденіямъ, всѣ они имѣютъ тѣмъ не менѣе общую черту, которая объединяетъ въ одну группутакихъ, казалось бы, между собой несходныхъ людей, какъ Драгомановъ и Конисскій, съ одной стороны, Конисскій и Кулишъ—съ другой. Эта черта—страстная, иногда до болѣзненности доходящая лю-

бовь къ родному народу и странѣ и самоотверженная готовность всѣмъ пожертвовать ради ихъ блага, хотя, конечно, благо это каждый изъ нихъ понималъ по своему и къ достиженію его шелъ своимъ собственнымъ путемъ. Въ личной и общественной судьбѣ этихъ несходныхъ людей также есть одна черта, одинаково свойственная всѣмъ имъ и отражающаяся на характерѣ ихъ отношеній къ окружающему: будучи прежде всего борцами, они должны были стать въ положеніе протестантовъ къ окружающей средѣ и часто вызывали непріязненное отношеніе среди даже единомышленниковъ по многимъ вопросамъ; разбрасываясь во всѣ стороны, они успѣли обнаружить лишь частицу, часто незначительную, тѣхъ недюжинныхъ силъ, какія скрывались въ тайникахъ ихъ природы... Обзоръ жизни и дѣятельности одного изъ типичныхъ представителей этого рода нашихъ литературныхъ и общественныхъ дѣятелей—Ивана Франка—поможетъ намъ на конкретномъ примѣрѣ уяснить характерныя особенности этихъ въ высшей степени интересныхъ лицъ и не менѣе любопытнаго времени, въ которое имъ пришлось дѣйствовать.

Иванъ Франко—выдающійся беллетристъ и поэтъ, отзывчивый и чуткій критикъ и публицистъ, талантливый ученый, экономистъ, историкъ, этнографъ, неутомимый популизаторъ и т. п.—явленіе въ высокой степени оригинальное и замѣчательное, личность, которая своимъ участіемъ сдѣлала бы честь не только молодой украинской литературѣ и общественности, но и на всякой иной почвѣ выдвинулась бы своими разносторонними дарованіями и крупными заслугами. Выступивъ на арену публитической и литературной дѣятельности, выражаясь его собственными словами, «в пору тяжкóго перелому» [1]) въ жизни своей родины, г. Франко не только не палъ жертвой его, подобно многимъ и многимъ своимъ товарищамъ, не только не оказался въ числѣ отставшихъ и перебѣжчиковъ, но, напротивъ,—свое имя связалъ съ каждымъ сколько-нибудь важнымъ общественнымъ событіемъ и неизглади-

[1]) Іван Франко—«Др. Остап Терлецький. Спомини і матеріяли». Записки Наукового Товариства імени Шевченка, т. L, стр. 1.

мыми чертами вписалъ его на страницы исторіи своей родины. И теперь, послѣ долгой упорной дѣятельности, мы видимъ его стоящимъ въ передовомъ ряду бойцовъ за лучшее будущее родной страны и народа и высоко держащимъ на своемъ славномъ посту то знамя, подъ которое онъ, послѣ нѣсколькихъ колеблющихся и неувѣренныхъ первоначальныхъ шаговъ, сталъ въ началѣ своей дѣятельности. Писать біографію такого дѣятеля, какъ г. Франко, – значитъ излагать исторію духовнаго развитія Галичины за послѣднее тридцатилѣтіе,—такъ тѣсно и неразрывно его личная жизнь сплелась съ общественнымъ движеніемъ его родной страны и такое сильное вліяніе онъ оказалъ на послѣднее. Разумѣется, время такой біографіи, которая была бы вмѣстѣ и исторіей развитія Галичины за послѣднія десятилѣтія, еще не пришло. Этотъ періодъ еще не всѣми своими сторонами сдѣлался достояніемъ строгой и безпристрастной исторіи: слишкомъ еще и теперь чувствительно отзывается біеніе пульса этого періода, слишкомъ вліятельно и на насъ, наслѣдникахъ его, сказывается ходъ его развитія, да и самъ почтенный дѣятель принадлежитъ къ числу еще невыдохшихся факторовъ этого вліянія. Съ другой стороны, и опубликованье во всеобщее свѣдѣніе матеріаловъ для такой исторіи находится еще въ той стадіи, когда многое, что способно пролить свѣтъ на то или другое событіе, хранится подъ запретомъ современности. Не задаваясь поэтому хотя и въ высшей степени интересной, но по указаннымъ причинамъ невыполнимой задачей, мы попытаемся дать очеркъ жизни и дѣятельности нашего славнаго галицкаго земляка и опредѣлить то мѣсто въ ряду дѣятелей украинской литературы, на которое даетъ ему право его разносторонняя кипучая дѣятельность. Считаемъ нужнымъ, во избѣжаніе недоразумѣній, предупредить читателя, что пусть онъ не ждетъ отъ насъ подробнаго перечня всѣхъ произведеній г. Франка, сопровождаемаго «критическими замѣчаніями», въ родѣ извѣстныхъ очерковъ проф. Огоновскаго въ его «Исторіи литературы рускои». Такое «академическое» изложеніе, сухое и—да простится намъ это непочтительное выраженіе—скучное, вообще, на нашъ взглядъ, мало пригодно для возбужденія инте-

реса въ читателяхъ, а по отношенію къ такому живому писателю, какъ г. Франко, который почти на каждомъ шагу самъ нарушалъ чопорныя правила литературнаго «хорошаго тона», оно было бы и совсѣмъ непростительнымъ грѣхомъ. Да, наконецъ, едва ли это и выполнимо въ отведенныхъ намъ рамкахъ, такъ какъ одинъ, и притомъ далеко не полный, перечень литературныхъ трудовъ нашего автора составляетъ солидную брошюру въ 127 страницъ [1]). Взамѣнъ этого попробуемъ дать общую характеристику писателя, вскрыть, на сколько возможно, тѣ пружины, которыми онъ руководствовался въ своей литературной и общественной дѣятельности, освѣтить, чѣмъ онъ жилъ и волновался, что любилъ и что ненавидѣлъ, чего избѣгалъ и къ чему стремился. Изъ фактовъ же личной біографіи писателя, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи, нужно сказать, далеко не въ достаточной полнотѣ, мы остановимся преимущественно на тѣхъ, которые вліяли на выработку его характера и міровоззрѣнія, съ одной стороны, а съ другой—на тѣхъ, которые какими-либо сторонами соприкасались съ общественной жизнью и потому имѣютъ не одно лишь личное, а и болѣе широкое общественное значеніе. И это не потому, чтобы мы соглашались въ данномъ пунктѣ съ собственной скромной оцѣнкой самого автора, причисляющаго себя къ тѣмъ работникамъ, «którzy pomagają wznosić gmach cywilizacyi, ale których naswisk nie wypisuje się na frontonie tego gmachu» [2]),—напротивъ, мы думаемъ, что дѣятельность г. Франка заслуживаетъ болѣе высокой оцѣнки и иного сравненія,—а потому, повторяемъ, что время такой біографіи еще не наступило, а съ другой стороны, работа наша ограничена опредѣленными рамками, за предѣлы которыхъ, даже при всемъ желаніи, мы не можемъ выступать. Нѣкоторые пробѣлы въ

---

[1]) Спис творів Івана Франка за перше 25-літе его літературної діяльности. 1874—1898. Зладив М. Павлик. У Львові, 1898.

[2]) См. «Nieco o sobie samym»—предисловіе автора къ польскому переводу нѣкоторыхъ его произведеній, изданному во Львовѣ подъ заглавіемъ «Obrazki galicyjskie przez Iwana Frankę» (годъ изданія не указанъ, но книжка вышла въ 1897 г.).

нашей работѣ обусловливаются, впрочемъ, уже самымъ характеромъ дѣятельности г. Франка, что тѣмъ болѣе досадно для пишущаго эти строки, что не въ его силахъ и возможности находится устранить эти пробѣлы, такъ какъ тутъ главенствуетъ нѣкоторая высшая сила...

Время, въ которое Франку пришлось выступить на арену литературной и общественной дѣятельности, онъ самъ характеризуетъ, какъ время «тяжкóго перелому» въ жизни Галичины, наступившаго послѣ непродолжительнаго оживленія общественныхъ силъ, которое смѣнилось въ свою очередь долгимъ, около 3 десятковъ лѣтъ тянувшимся мертвымъ сномъ и почти безмятежнымъ покоемъ. Обыкновенно начало украинской литературы въ Галичинѣ принято считать съ появленія такъ называемой «руськоі трійці» съ Маркіяномъ Шашкевичемъ во главѣ, равно какъ и 1848 годъ--исходнымъ этапомъ сознательной общественной жизни; но это вѣрно лишь въ половину,—лишь настолько, насколько указанныя событія послужили *первымъ* толчкомъ къ пробужденію національнаго и политическаго самосознанія у галицкихъ украинцевъ (русиновъ). Этотъ первый толчекъ оказался однако слишкомъ слабымъ, чтобы на мельчайшіе кусочки разбить ту толстую кору ледяного равнодушія и проявленія чисто личнаго эгоизма въ общественныхъ дѣлахъ, темноты, узости и заскорузлости понятій, непониманія народныхъ интересовъ, которая, подобно первородному грѣху, тяготѣла на галицкой интеллигенціи стараго времени. Первое легкое дуновеніе свѣжаго вѣтерка, принесшаго съ собой новыя заботы, оказалось безсильнымъ вдунуть новый духъ въ обветшалый общественный организмъ и очистить тяжелую, затхлую атмосферу галицкой жизни, съ ея почти средневѣковымъ укладомъ, понятіями и идеалами, съ ея возведенными въ систему сервилизмомъ и заискиваньемъ предъ сильными міра его. «Не вливаютъ вина новаго въ мѣхи старые»—это изреченіе оправдалось въ данномъ случаѣ какъ нельзя лучше. Шашкевичъ, не понятый и не оцѣненный современниками, умеръ среди полнаго равнодушія, а то и прямого противодѣйствія со стороны русинскаго общества, не дождавшись плодовъ своей дѣ-

ятельности; конституція 1848 года оказалась не по плечу представителямъ украинскаго народа въ Галичинѣ. Они умѣли до этого времени лишь обращать просительные взоры къ Вѣнѣ, заискивать тамъ предъ придворными сферами, выпрашиватѣ милости у австрійскихъ министровъ, но вовсе не были подготовлены къ жизни въ конституціонномъ государствѣ и даже едва ли понимали и цѣнили блага свободы. Неудивительно, что послѣ кратковременнаго, и то больше поверхностнаго возбужденія общественной жизни въ 1848 г., галицкое общество преблагополучно вновь засыпаетъ спокойнымъ и сладкимъ сномъ, отзываясь лишь на такіе милые затхлымъ сердцамъ вопросы, какъ напр.— какой азбукой печатать свои мертвыя произведенія, какого обряда придерживаться въ церковной жизни и т. п. Нѣкоторое оживленіе въ эту застоявшуюся атмосферу внесло лишь вліяніе украинцевъ въ началѣ 60-хъ годовъ, и то преимущественно среди молодежи. Оно опять возбудило было живую струю интереса къ народной жизни и потребностямъ, но, къ сожалѣнію, и на этотъ разъ оказалось безсильнымъ совершенно перетворить галицкое общество и, встрѣтившись съ обычными его чертами, быстро выродилось на галицкой почвѣ въ поверхностный націонализмъ, безъ ясной программы, безъ опредѣленныхъ практическихъ стремленій, но за то съ порядочной дозой схоластики. Время до половины 70-хъ годовъ было самымъ тяжелымъ и безплоднымъ въ духовной исторіи Галичины, когда интеллигенція въ Галичинѣ интересовалась почти исключительно такъ называемой «высокою политикою», притомъ весьма своеобразно понимаемою—въ видѣ милостей и просто подачекъ вѣнскаго правительства, между тѣмъ какъ народныя нужды не встрѣчали не только удовлетворенія, но даже простого вниманія и сочувствія. Обѣ къ тому времени сформировавшіяся партіи—москвофиловъ и народовцевъ,—раздѣляемыя теоретически въ пунктѣ принадлежности къ 60-милліонному (великорусскому) или 15-милліонному (малорусскому) народу и практически—спорами о языкѣ, относительно вопросовъ живой жизни соперничали другъ съ другомъ въ полномъ непониманіи и пренебреженіи къ народной жизни и потребностямъ и одинаково

оказались неспособными къ активной дѣятельности на почвѣ ширoкопонятыхъ народныхъ интересовъ. Появляется даже особое направленіе, признававшее лишь «рутенскую» націю, отдѣльную и отъ великороссовъ, и отъ украинцевъ, и одинаково открещивавшееся какъ отъ «москалей», такъ и отъ «украинофиловъ»; но кромѣ этого, ничего нового не внесло оно въ общественную жизнь Галичины. Говоря словами г. Франка, «в Галичині се була пора, коли бачилось, що запанує тип «Рутенця», себто Русина, що знеохочений сварами про народність, про Шевченка, про язик і про Драгоманівські ідеі, вмиває руки від усего, не хоче знати нічого по-за чорножовтими стовпами, що відмежовують Галичину від Росиі»[1]). Всѣ упомянутыя партіи были одинаково мертвы, такъ какъ опирались не на народъ, единственно твердый базисъ всякой плодотворной работы, а на элементы посторонніе, чуждые; смотрѣли не впередъ, а назадъ, хотя и не въ одномъ направленіи. Даже наиболѣе свѣжая партія народовцевъ, благодаря ложно понятому украинофильству, выродившемуся въ наивное козакофильство: языкофильство и ревнивое оберeганіе «народних святощів» (что-то въ родѣ пресловутыхъ «основъ» на руссійской почвѣ), попала въ тупой переулокъ, гдѣ, по словамъ одного изъ очевидцевъ того времени, «понура дійсність, від якоі ми мов від злого духа втікали на крилах Шевченковоі поезіі, почала листок за листком, квітку за квіткою зривати з того пишного вінка, що ми сплели собі були з наших поетичних мрій: упали «Вечерниці», упала «Мета» перша, упала «Мета» друга, упала «Нива», упала «Руська Читальня», упав «Руський Театр», упала «Русалка»...[2]) Почав поволи холонути ентузіязм молодежи. Вона всіма силами сіпнулася була до того одного великого діла, яке мало спровадити рай на руську землю—і певне, як би те, чого хотіла достигнути, мож було достигнути якимсь одним великанським подвигом, то вона б була його достигнула, бо може нігде на світі не було

[1]) Ів. Франко – «З останніх десятиліть XIX в.» Л.-Н. Вістник, р. 1901, кн. VII, стр. 5.

[2]) Названія журналовъ, служившихъ органами народовцевъ.

такого гарячого і безкорисного патріотизму, який був у руськоі народньоі молодежи» [1]). Но время героическихъ подвиговъ давно прошло,—необходимо было оказывать побольше вниманія «понурій дійсности», вести упорную борьбу и систематическую дѣятельность, обнаженную отъ блестящаго ореола героизма. Точно также и доброй воли и патріотизма было не достаточно,—необходима была ясная программа дѣятельности, основанная на дѣйствительныхъ нуждахъ народа. А такъ какъ молодежь, продоставленная своимъ собственнымъ силамъ, не въ состояніи была разобраться въ происходившемъ и отдать себѣ ясный отчетъ относительно цѣлей и средствъ дѣятельности, то «понура дійсність» начала мстить за оказываемое ей невниманіе и ударъ за ударомъ наносить пылкимъ энтузіастамъ. Въ результатѣ—застой въ литературѣ, заискиваніе, угодничество, чиноночитаніе и своекорыстіе въ политикѣ, мертвая струя въ общественной жизни... А между тѣмъ потребность въ правильно организованной работѣ на пользу народа сказывалась тѣмъ сильнѣе и настоятельнѣе, что въ государственномъ устройствѣ Габсбургской монархіи произошелъ коренной переломъ: послѣднія судорожныя усилія абсолютизма задавить начала свободы и отстоять свои позиціи были залиты кровью австрійскихъ войскъ подъ Садовой, и Австрія была принуждена, на этотъ разъ уже безповоротно, вступить на путь общеевропейскаго правопорядка и государственнаго устройства. Въ обострившейся затѣмъ борьбѣ за мѣста при столѣ конституціонной Австріи русины оказались затертыми въ самый дальній уголъ и затѣмъ основательно на всѣхъ пунктахъ побитыми. И въ національномъ, и въ соціальномъ, и въ экономическомъ отношеніи, вмѣсто полноправнаго участія за столомъ конституціонной жизни, они получили лишь крошки, какія угодно было вѣнскому правительству швырнуть имъ, да и то еще какъ милость и благодѣяніе. Мало того, какъ только миновала нужда въ вѣрныхъ «тирольцахъ востока», какъ называли въ Австріи русиновъ, привительство не задума-

---

[1]) Остап Терлецький—Москвофіли й народовці в 70-их рр. У Львові, 1902. Стор. 28.

лось «пожертвовать» ихъ полякамъ, предоставивъ послѣднимъ возможность полнаго господства въ странѣ, настолько же, если не болѣе, русинской, какъ и польской. И въ то время, когда одна часть галицкой интеллигенціи платонически мечтала объ освободителѣ и защитникѣ, тщетно ожидаемомъ извнѣ, другая патетически и съ жаромъ доказывала свою національную самостоятельность и самобытность, а обѣ вмѣстѣ систему адресовъ и петицій непосредственно къ коронѣ предпочитали болѣе вѣрному пути—конституціонной борьбы за свои права,—въ это время дѣйствительные господа положенія и единовластные хозяева Галичины, поляки, могли смѣло провозглашать «niema Rusi», а простой народъ постепенно и неуклонно шелъ къ полному разоренію, обезземеленію и неисходной нуждѣ. Страшно подумать, чѣмъ бы могло разрѣшиться для украинскаго народа въ Галичинѣ такое положеніе дѣлъ—эта по-истинѣ мертвая точка, въ которую попала несчастная страна, если бы въ 70-хъ годахъ, сначала слабо, а затѣмъ все сильнѣе и сильнѣе, не зазвучала новая струна, на этотъ разъ уже попавшая въ тонъ дѣйствительныхъ нуждъ и потребностей народныхъ массъ. Среди новаго поколѣнія дѣятелей, явившихся на арену борьбы за лучшее будущее родного народа съ европейскимъ оружіемъ въ рукахъ, Ивану Франку безспорно принадлежитъ первое мѣсто [1]).

---

[1]) Для читателей, которые заинтересовались бы Галичиной и пожелали познакомиться болѣе подробно съ исторіей ея общественнаго развитія, укажемъ здѣсь нѣсколько посвященныхъ ей работъ: Т-овъ (Драгомановъ) «Русскіе въ Галиціи», и «Литературное движеніе въ Галиціи» Вѣстникъ Европы, 1873, кн. I, II, IX и X; Туристъ—«Литературно-общественныя партіи въ Галиціи», Дѣло, 1881, кн. IX; Драгомановъ—«Галицько-руське письменство» (Предисловіе къ изданной въ 1876 г. въ Кіевѣ книгѣ «Повісті Осипа Федьковича»); Кн. «Галичина и Русины», В. Е., 1887, Кн. I; «Буковина и Русины». В. Е. 1888, кн. II; Василевскій «Современная Галиція», Спб., 1900, и др. Статьи по отдѣльнымъ вопросамъ будутъ указаны дальше.

II.

Иванъ Франко родился $^3/_{16}$ августа 1856 года [1]) въ деревнѣ Горѣ, принадлежащей къ селу Нагуевичамъ, Дрогобычскаго округа [2]), лежащаго въ подгорной части Галичины. Отецъ его Яковъ, кузнецъ по профессіи, происходившій, по всей вѣроятности, отъ украинизованнаго нѣмецкаго колониста [3]), былъ обыкновеннымъ крестьяниномъ и крѣпостнымъ «цесарско-королевской камеры» [4]). Какъ человѣкъ зажиточный, владѣвшій кромѣ того необходимымъ въ сельскомъ обиходѣ ремесломъ и при томъ обладавшій тѣмъ здоровымъ «мужицкимъ» умомъ, который нерѣдко встрѣчается

---

[1]) Омелян Огоновський—Історія литературы рускои, ч. III, в. 2. У Львові, 1893. Стр. 915. Біографическія данныя о г. Франкѣ заимствованы нами изъ слѣдующихъ источниковъ: 1) Автобіографія «Відривок з листу Ів. Франка до М. Драгоманова» при сборникѣ «В поті чола», Львів, 1890. 2) Автобіографія «Nieco o sobie samym» при польскомъ переводѣ нѣсколькихъ разсказовъ Франка „Obrazki galicyjskie“ Lwów (безъ обозначенія года изданія). 3) Ів. Франко—«Др. Остап Терлецький. Спомини і матеріяли». Записки Наук. Товариства ім. Шевченка, т. L. 4) Ом. Огоновський—Історія литературы рускои, ч. III, в. 2. Львів, 1893. 5) Крымскій, проф.—статья о Франкѣ въ 71 полутомѣ „Энциклопедическаго Словаря“ Брокгауза и Ефрона. 6) Дегенъ Е. „Иванъ Франко“, Новое Слово, 1897, мартъ. 7) Сумцовъ проф.—„Современная малорусская этнографія“, Кіевъ, 1897. 8) Славинскій—Предисловіе къ русскому переводу сборника: „Въ потѣ лица“. Спб. 1901. 9) Василевскій „Современная Галиція“ С.-Петербургъ, 1900. Случайныя статьи и замѣтки, имѣющія значеніе для біографіи г. Франка, будутъ указаны въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы позволяемъ себѣ съ необходимою осторожностью пользоваться и беллетристическими произведеніями г. Франка, такъ какъ, по собственному его признанію, „всі вони частки моеі автобіографіи“ („В поті чола“, XVI).

[2]) „В поті чола“, IV.

[3]) „Obrazki galicyjskie, II.

[4]) Ibidem, III. „Цесарско-королевская камера“ въ Австріи соотвѣтствуетъ русскому Удѣльному вѣдомству.

среди дѣтей народа, «Яць—коваль з Гори» пользовался большимъ авторитетомъ у своихъ односельчанъ и въ окружности [1]). Хотя самъ онъ былъ неграмотенъ, тѣмъ не менѣе здоровымъ инстинктомъ и неиспорченнымъ чутьемъ простого человѣка сознавалъ, очевидно, значеніе науки, почему и пожелалъ своему сыну, слабому и неспособному къ тяжелой крестьянской работѣ мальчику, дать посильное образованіе. На шестомъ году отецъ посылаетъ маленькаго Ивана въ школу, находившуюся въ сосѣднемъ селѣ Ясеницѣ-Сильной, гдѣ мальчикъ подъ руководствомъ дяди по матери, шляхтича Кульчицкаго, выучился читать (по-украински, по-польски и по-нѣмецки) и писать, изучилъ первыя четыре ариѳметическія дѣйствія, а также церковное пѣніе [2]). Черезъ два года отецъ опредѣлилъ мальчика въ нѣмецкую, такъ называемую нормальную школу при Базиліанскомъ монастырѣ въ Дрогобычѣ. Съ поступленіемъ въ нормальную школу, для г. Франка окончилась сельская жизнь, а потому мы остановимся на ней нѣсколько подробнѣе, такъ какъ именно этотъ періодъ далъ будущему писа-

---

1) „В поті чола", IV. Возможно, что подъ именемъ „коваля" Гердера въ повѣсти „Основи суспільности" г. Франко изобразилъ своего отца. «Люде йшли до Гердеровоі кузні,—читаемъ въ этой повѣсти,—мов по свячену воду, щоб віддихнути якоюсь свіжійшою духовою атмосферою, покріпитись, розвести душу. Коваль бував замолоду далеко по світі, був чоловік письменний, знав незлічиму силу вигадок та оповідань і вмів оповідати іх з таким виразом, з такою особистою закраскою, вмів до кождоі нагоди підібрати відповідну повість, з кождоі повісти розвести такі думки та виводи, що люде слухали його без голосу, тільки цілим лицем ясніючи, цілою душею всміхаючись та радіючи, хоч і сами не знали, чого. Іх душі, вбогі та прибиті щоденним горем та темнотою та деморализаціею, чули в тім чоловіці живу течію власноі думки, сильного характеру і живоі своерідноі поезіі, котрим усяка жива душа мусить спочувати та радуватися, як молода ростина ясному та теплому сонцю весняному» („Жите і Слово", 1894, т. II, стр. 50—51). Нѣкоторыми чертами, впрочемъ, Гердеръ напоминаетъ также извѣстнаго галицкаго крестьянина-оратора Антона Грыцуняка.

2) „В поті чола", V.

телю большой запасъ наблюденій и воспиталъ въ немъ какую-то особенную, почти благоговѣйную любовь къ природѣ и убѣжденіе въ ея благотворномъ вліяніи на человѣка, въ особенности на дѣтскія сердца, простирающемся даже на субъектовъ, живущихъ въ ненормальной, далекой отъ природы обстановкѣ [1]). Эта пора въ жизни мальчика несомнѣнно заложила первыя сѣмена будущей личности и вліяла на первую формировку того Франка, какимъ онъ явился впослѣдствіи въ своей литературной и общественной дѣятельности.

Маленькій Миронъ, подъ именемъ котораго г. Франко изобразилъ себя въ цѣломъ рядѣ разсказовъ, былъ страннымъ ребенкомъ съ точки зрѣнія знавшихъ его людей. Послѣднимъ была непонятна и чужда его пытливость, съ которой мальчикъ относился къ окружающему, его любознательность и первые проблески самостоятельной мысли, такъ отличавшіе этого мальчика отъ другихъ дѣтей его возраста и причинявшіе ему не мало досадныхъ огорченій. «Якесь воно не таке, як люде» [2]),—говорили о немъ сосѣди; «все у них,—говоритъ о такихъ дѣтяхъ самъ авторъ,—з маленьку не так, як у людей: і хід, і обличче, і слова, і вчинки» [3]).—Такимъ дѣтямъ приходится обыкновенно первый натискъ въ борьбѣ за индивидуальность вынести отъ близкихъ людей, которые имѣютъ склонность, исходя, конечно, изъ самого искренняго «желанія добра» и тому подобныхъ похвальныхъ побужденій—«натовкати в неі (дитину) все на такий спосіб, «як звичайно у людей» [4]), подводить подъ установившійся шаблонъ, такъ какъ послѣдній этимъ, въ большинствѣ случаевъ даже добрымъ, но невидящимъ далѣе своего носа людямъ, кажется единственной мѣркой настоящей жизни. Разъ это удалось, разъ оригинальная натура ребенка сломлена и онъ подведенъ подъ общій ранжиръ—пропали за-

---

[1]) См., напр., разсказъ „Jeden dzień z życia uliczników lwowskich“. Obrazki galicyjskie, 76—77.

[2]) „В поті чола“. 28; разсказъ „Малий Мирон“.

[3]) Ibidem, 34.

[4]) Ibidem.

датки оригинальности, и «з малого Мирона вийде кепський господар, або—ще гірше—не до разу приголомшена живість та прудкість характеру попре його до злого» [1])... Къ счастью для украинской литературы, въ данномъ случаѣ восторжествовала сильная натура даровитаго мальчика надъ педагогическимъ воздѣйствіемъ родныхъ, и если однимъ «кепським господарем» на бѣломъ свѣтѣ стало меньше, то за то прибавился дѣятель, который стоитъ многихъ и многихъ даже очень хорошихъ «господарів». Изъ перваго испытанія мальчикъ вышелъ съ честью и торжествомъ, и это обстоятельство могло служить порукой, что и въ будущемъ не сломятъ его всѣ тѣ невзгоды, въ которыхъ не будетъ недостатка на его жизненномъ пути и которыя напророчилъ авторъ своему маленькому герою [2]). Намъ кажется, что благопріятствовавшими моментами такого именно, а не иного исхода этой первой борьбы послужила, кромѣ поддержки со стороны отца [3]), близость къ природѣ, которую мальчикъ очень любилъ [4]) и которая своимъ вліяніемъ, такъ сказать, затирала и смягчала горечь первыхъ ударовъ; а съ другой стороны и то обстоятельство, что г. Франку скоро пришлось разстаться съ родной семьей, чтобы вкусить отъ горькаго корня ученія у отцевъ Василіанъ.

---

[1]) Ibidem.

[2]) „В школі дитина хапатися буде науки на диво, впиватися буде нею, як недужий свіжим повітрем, і скінчить на тім, що перейметься правдами науки і забажае перевести іх в житте. І стане малий Мирон гарячим проповідником тих правд, понесе іх між темних і погибаючих, під рідні сільські стріхи... Ну, і незавидна чекае його доля! Навістить він і стіни тюремні, і всякі нори муки та насилля людей над людьми, а скінчить тим, що або згине десь в бідности, самоті та опущенню на якимсь піддашу, або з тюремних стін винесе зароди смертельноі недуги, котра перед часом зажене його в могилу, або стративши віру в святу, високу правду, почне заливати червяка горілкою аж до цілковитоі нетями. Бідний малий Мирон!"—такъ оканчивается этотъ прекрасный разсказъ («В поті чола», 34—35).

[3]) Ibidem, 28; «Батько втішаеться ним і каже, що він чудоворозумна дитина» и т. п.

[4]) Ibidem, 29—30.

Вѣдь попытки сломить задатки оригинальности въ натурѣ ребенка тѣмъ опаснѣе, чѣмъ ближе къ послѣднему стоятъ нивелляторы, и наоборотъ—усилія въ данномъ направленіи людей чужихъ и далекихъ скорѣе способны возбудить реакцію и отпоръ и такимъ образомъ имѣютъ меньше шансовъ на успѣшный исходъ.

Если можно предполагать, что и въ сельской школѣ, среди такихъ же, какъ и онъ самъ, крестьянскихъ дѣтей, наука не особенно привѣтливо встрѣтила будущаго писателя и въ лицѣ старшихъ товарищей, кормившихъ его, быть можетъ, «іерусалимомъ», и въ лицѣ учителя, преподававшаго такую удивительную науку, какъ «а баба галамага», и устраивавшаго изъ-за пустяковъ генеральную порку [1]); то въ школѣ отцевъ Василіанъ эти отрицательные спутники науки явились въ увеличенномъ числѣ и несравненно большемъ масштабѣ. Робкій, плохо одѣтый, нечесанный мальчикъ сдѣлался посмѣшищемъ для товарищей и жертвой для учителей, въ родѣ бывшаго эконома Валька, справедливо разсчитывавшихъ, что «хлопскаго» сына можно «бити і зобіжати, як хочеш: ніхто за хлопським сином не впімнеться» [2]). И такіе учителя не ошибались въ разсчетѣ: у «хлопскаго сына» защитниковъ дѣйствительно не находилось, но за то ихъ варварское обращеніе съ нимъ имѣло другіе результаты, несравненно важнѣйшіе. Именно безчеловѣчный поступокъ учителя-эконома, послужившій темой автобіографическаго разсказа «Schön Schreiben», хотя и «уйшов йому гладко, як і многі його нелюдські поступки,—тільки в серці хлопського сина він не пішов гладко, а стався першим насінием обурення, погорди і вічноі вражди проти усякого неволення та тиранства» [3]), т. е. приготовлялъ грознаго мстителя въ будущемъ, безпощадно бичующаго подобныя проявленія звѣрства, тиранства и насилія человѣка надъ человѣкомъ. Но не-

---

[1]) См. разсказы «Грицева шкільна наука» и «Оловець»,—«В поті чола», 35—55.

[2]) См. разсказъ „Schön Schreiben“,—«В поті чола», 61.

[3]) Ibidem.

смотря на свою робость и забитость, маленькій Франко тѣмъ не менѣе при переводѣ въ слѣдующій классъ оказался вдругъ первымъ ученикомъ по успѣхамъ, «на превелике диво цілоі кляси і своє власнé» [1]), и съ той поры всегда шелъ однимъ изъ первыхъ, благодаря своей удивительной памяти, достигавшей того, что «лекцію історіі, котру вчитель цілу годину говорив, я (Франко) міг опісля продіктувати товаришам майже слово в слово» [2]). Городская жизнь, такъ непохожая на сельскую, и внѣ стѣнъ школы доставила не одно горькое и тяжелое впечатлѣніе мальчику, привыкшему къ сельской шири, свободѣ и жизни на лонѣ природы. Однимъ изъ первыхъ впечатлѣній этой новой жизни была безсмысленная по своей ненужной жестокости сцена убійства живого существа, и именно въ то время, когда все существо мальчика было полно иныхъ впечатлѣній, когда «въ моій души,—вспоминаетъ г. Франко впослѣдствіи,—чувся веселий шум ліса, плюскіт чистоі річки, мерехтіли постаті селян у чистеньких білих сорочках і дівчат у червоних спідницях з скіндячками на головах. Мене,—прибавляетъ авторъ,—щось стисло за серце, мов чорний ракъ здоровимъ щипом. Я весь стрепенувся; по мені пройшло неясне чутте, що той чорний рак, ухопивши мене тепер за серце, не попустить його вже ніколи» [3]),—и онъ горько оплакиваетъ убійство теленка, случайнымъ свидѣтелемъ смерти котораго онъ сдѣлался. Освоившись немного въ городѣ и попривыкнувъ къ несложной жизни окружающихъ, г. Франко сталъ принимать въ ней живое и дѣятельное участіе. Жилъ онъ на квартирѣ у родственника-столяра, значитъ—подъ непосредственнымъ вліяніемъ трудовой жизни ремесленниковъ; слушалъ пѣсни, разговоры и разсказы изъ этой жизни, спалъ въ приготовленныхъ для продажи сундукахъ и гробахъ, а въ свободное время съ удовольствіемъ размалевывалъ эти сундуки какими-то

---

[1]) «В поті чола». V.

[2]) Ibidem VII.

[3]) Франко Ів.—«У столярні. Із моіх споминів». Л.-Н. Вістник, 1902, кн. IX, стор. 225—226.

фантастическими «ружами»[1]). Не оставаясь безучастнымъ зрителемъ трудовой жизни въ городѣ, г. Франко и въ моменты сельскихъ досуговъ, во время каникулъ, продолжаетъ «пасти худобу та помагати при збірці сіна і збіжжя»[2]). Такъ прошло три года и, по окончаніи нормальной школы въ 1868 г. мальчика опредѣляютъ въ гимназію,—на этотъ разъ уже вотчимъ, такъ какъ отецъ его умеръ въ первый годъ его дрогобычской жизни, а мать къ этому времени вышла замужъ вторично.

Въ гимназіи съ г. Франкомъ повторилось то же, что и въ нормальной школѣ. «Зразу,—пишетъ онъ въ автобіографіи,—ніхто мене не знав і весь перший курс я сидів на «ослячій лавці», в самім куті, та пальцями довбав діри в стіні—і раптом дістав другу льокацію і так ішов через цілу гимназію другим, третім або першим. Науки шкільноі,—продолжаетъ онъ,—я не любив, тож звичайно инші побивали мене пильністю і акуратністю»[3])... Интересный моментъ въ жизни г. Франка изображенъ въ его разсказѣ «Борис Граб», содержащемъ несомнѣнно автобіографическія, и очень цѣнныя съ этой точки зрѣнія, подробности, такъ какъ авторъ касается здѣсь весьма важнаго вопроса о зарожденіи и постепенномъ развитіи серьезныхъ умственныхъ запросовъ въ мальчикѣ, способномъ и талантливомъ отъ природы, хотя съ виду робкомъ, неуклюжемъ и неловкомъ. «Борис Граб був хлопська дитина... Був се дикий, валоватий і неохарний хлопець, котрий між усіма учениками своєі кляси визначувався нечищеними по кілька недіть чобітьми, брудною сорочкою, нечесаним волоссям—і першою льокацією... Ані стати, ані крейду взяти, ані писати, ані говорити порядно він не вмів, але за то в відповідях його учитель бачив розум і пробуджуючуся власну думку»[4]). Участіе одного чуткаго и сердечнаго учителя, сумѣвшаго подъ непоказной наружностью застѣнчиваго мальчика раз-

---

[1]) Ibidem, 237—238.

[2]) «В поті чола», VIII.

[3]) Ibidem, VI.

[4]) Зоря, р. 1890, стор. 135—136.

глядѣть недюжинныя способности, было въ высшей степени благотворно и совершенно его переродило; подъ вліяніемъ и при разумномъ руководительствѣ этого учителя (въ разсказѣ онъ названъ Михонскимъ) мальчикъ изучаетъ языки, обучается ремесламъ, читаетъ много и толково. Въ особенности любопытенъ съ этой стороны эпизодъ съ чтеніемъ Одиссеи. При первомъ знакомствѣ съ великой поэмой вниманіе мальчика остановилось исключительно лишь на фантастической и миѳологической сторонѣ великаго произведенія; онъ проглотилъ его просто какъ занимательную сказку, не придавая ему никакого иного значенія. Но Михонскій заставилъ своего ученика прочесть поэму вторично, чтобы отыскать «другую половину» «Одиссеи», и впечатлѣніе на этотъ разъ получилось совсѣмъ иное: «живі битові картини поеми насували йому (Борисові) на память рівно живі картини того сільського життя, яким жив його батько, серед якого й самъ він від малу виростав. Чим дальше вглублявся в поему, тим більше блідли въ його памяті фантастичні пригоди та мітольогічні дивогляди, а за те тим яркійше визначувались картини сільського віча, подорожі кіньми, сільського празнику, перучих на річці дівчат, гостини, саду, сільських ігриц, життя пастуха в полі і т. д.» [1]) Словомъ, и въ такой далекой, казалось бы, жизни совершенно чужого народа пытливый и любознательный умъ мальчика сумѣлъ отыскать родныя черты, на которыя радостно отозвалось его сердце и которыя влекли его вниманіе и симпатіи назадъ къ тому селу и къ тѣмъ людямъ, съ которыми онъ разстался. Весьма возможно, что уже на школьной скамьѣ, подъ вліяніемъ этого и подобнаго чтенія, въ будущемъ писателѣ впервые зарождается можетъ быть еще ясно и не сознаваемое, стремленіе работать на пользу этого всѣми забытаго села и его заброшенныхъ, темныхъ обитателей. Такое стремленіе, впослѣдствіи созрѣвшее въ непоколебимое рѣшеніе, оказало будущему писателю громадную услугу: оно охранило зарождающуюся силу отъ вредныхъ увлеченій пустыми удовольствіями, на

[1]) Ibidem, 137.

которыя такъ падка бываетъ неокрѣпшая юность и которыя погубили не одно молодое дарованіе, сбивши его съ прямого пути умственнаго и нравственнаго совершенствованія на боковыя дорожки погони за мелкими и пустыми удовольствіями. «По-за тою дрібною щоденною роботою,—говоритъ нашъ авторъ о своемъ первообразѣ, Грабѣ,—виднілись такі обширні, світлі і безконечні горизонти нової ще кращої і приманливійшої роботи, що забутись хоч на часок, заголомшитись чи то картами, чи то трунком Борис уважав би для себе простою стратою, а не приємністю» [1]). Наступилъ весьма важный моментъ въ жизни будущаго дѣятеля, когда природныя силы и способности начинаютъ формироваться и складываются въ сознающую себя силу, планомѣрно уже направляемую къ опредѣленной цѣли, зарисовывающейся впереди, на горизонтѣ восходящей сознательной жизни. Интересно поэтому, а для біографа весьма важно остановиться на тѣхъ умственныхъ вліяніяхъ и средствахъ, которымъ г. Франко обязанъ своимъ развитіемъ.

Изъ автобіографіи г. Франка мы знаемъ, что первоначальное чтеніе его составляли книги, случайнымъ образомъ попавшіе къ нему послѣ смерти ихъ владѣльца, извѣстнаго въ галицкой литературѣ «автора граматики і кепських перекладів з Гете» Остапа Левицкаго, бывшаго священникомъ въ Нагуевичахъ. Книги эти—«Вѣнок Русинам на обжинки», библейская исторія и сборникъ «пѣсень богоговѣйныхъ» [2])—едва ли могли возбудить въ мальчикѣ интересъ къ чтенію. По крайней мѣрѣ, въ низшихъ классахъ гимназіи онъ читалъ мало, а то, что—опять таки случайно—попадалось ему подъ руку («Переяславська ніч» Костомарова, «Русалка Днѣстрова» Шашкевича и др.), оставалось непонятымъ, какъ слишкомъ далекое по содержанію и языку [3]). Но къ счастью, ему въ то же время попалась книга, которой вообще въ исторіи украинскаго возрожденія принадлежитъ колоссальное

[1]) Ibidem.

[2]) «В поті чола». IV.

[3]) Ibidem, VII.

воспитательное значеніе, какъ перваго толчка, многимъ украинскимъ дѣятелямъ раскрывшаго глаза на вопросы: «хто ми? чиі сини? яких батьків?»... Этой великой книгой откровенія былъ «Кобзарь» Шевченка, полученный г. Франкомъ отъ проф. Верхратскаго, и въ непродолжительномъ времени мальчикъ зналъ его почти весь на память[1]). Затѣмъ уже онъ съ жаромъ набросился на чтеніе, перечиталъ все, что нашелъ болѣе интереснаго въ гимназической библіотекѣ, пользовался книгами проф. Верхратскаго, а съ шестого класса началъ покупать книги и на собственныя средства; за три года составилась цѣлая библіотека, первое мѣсто въ которой занимали компактныя изданія Шекспира, Шиллера, Клопштока и кое-что изъ Ауербаха, Диккенса, Гейне, Гете, Гюго и др.[2]). Въ это время г. Франко познакомился съ произведеніями классиковъ міровой литературы, а также и украинскихъ писателей (Стороженка, Марка Вовчка, Кулиша, Руданскаго, Мырного и др.[3]), которые оказали рѣшающее вліяніе на развитіе его литературныхъ вкусовъ. Къ этому же приблизительно времени относятся и первые опыты его собственнаго литературнаго творчества. Побуждали «къ перу его руки» многія обстоятельства: здѣсь было и вліяніе учителей Верхратскаго и Турчинскаго, и своего рода литературныя традиціи дрогобычской гимназіи и, наконецъ, собственные порывы юной мысли вырваться на волю, и то влеченіе къ литературѣ, которое заставляло юнаго автора еще въ низшихъ классахъ гимназіи заняться собираніемъ этнографическаго матеріала въ родномъ селѣ, въ Дрогобычѣ и другихъ мѣстахъ[4]). Какъ бы то ни было, въ 1874 г. въ № 3-мъ львовскаго студенческаго журнала «Другъ» появляется первое печатное произведеніе г. Франка—стихотвореніе «Народныи пѣсни», подписанное псевдонимомъ Джеджаликъ. Когда же въ слѣдующемъ 1875 году юный авторъ получилъ оффиціальное признаніе своей зрѣлости и поступилъ во львовскій университетъ,

---

[1]) и [2]) Ibidem. VII.
[3]) Ibidem, VIII.
[4]) Ib., VII.

то во Львовъ онъ прибылъ съ нѣсколькими объемистыми тетрадями, содержавшими плоды вдохновеній, какъ оригинальные, такъ и переводные (изъ Библіи, античныхъ и западно-европейскихъ писателей) [1]). Стихотворенія г. Франка, а также написанная уже во Львовѣ повѣсть «Петрѣи и Добощуки», печатались въ журналѣ «Другъ» до 1877 г., и въ 1876 г. уже были выпущены отдѣльной книжкой подъ заглавіемъ «Письма Ивана Франка. I. Баляды и росказы».

Цѣлый рядъ стихотвореній г. Франка, помѣщенныхъ въ «Другѣ» большею частью очень слабы и по формѣ, и по содержанію. Формѣ ихъ, кромѣ свойственной всѣмъ начинающимъ авторамъ неувѣренности и неумѣлости, сильно вредитъ тенденція приблизиться языкомъ къ русскому, вслѣдствіе чего получилась лишь какая-то макароническая шумиха изъ смѣси украинскаго, русскаго, польскаго и церковно-славянскаго языковъ [2]); недостатки

---

[1]) Ib. VIII.

[2]) Впрочемъ, въ этомъ случаѣ едва ли вина падаетъ цѣликомъ на автора; по крайней мѣрѣ, въ автобіографіи читаемъ: «хоч у «Друзі» мусів зразу друкувати «язычіемъ», то все-таки у себе писав фонетикою і народним язиком» (В поті чола, IX), а еще раньше, въ гимназіи онъ отстаивалъ фонетическое правописаніе въ спорахъ съ учителемъ Антоневичемъ (ib. VIII). Въ качествѣ образца приводимъ первую строфу сонета «Народныи пѣсни»:

Глянь (на) крыницю тиху, що изъ стопъ могилы
Середъ степу слезою чистою журчитъ,—
Въ маломъ ей оцѣ мѣсяця личко блищитъ
И солнця лучь въ ей серебрныхъ (sic) фаляхъ («Другъ», 1874, стр. 51).

«Що в моіх давнійших віршах мова не все чиста, —говоритъ авторъ впослѣдствіи въ предисловіи къ одному изъ своихъ сборниковъ,—се тим лекше зрозуміти, що я особисто переходив де-які такі ступні розвитку (а хто в Галичині не переходив іх в тім часі!), де панувало намагтанне притлумити почутте живоі чистоі народньоі мови, котре змалку ще було у мене сильно розвите. На мені в мінятурі

формы не искупались и содержаніемъ, довольно банальнымъ и на обычныя тогда въ Галичинѣ темы: о Руси, о величіи ея князей, о возрожденіи Русиновъ, о русскомъ геніи, патріотизмѣ, обрядѣ и т. п. Еще слабѣе стихотвореній вышла первая большая по объему и самая слабая по исполненію повѣсть «Петрѣи и Добощуки» («Другъ», 1875—76), написанная, по собственному признанію автора, подъ вліяніемъ фантастическихъ разсказовъ Гофмана [1]). Содержаніе ея составляетъ исторія отношеній двухъ семействъ, враждующихъ изъ-за кладовъ славнаго карпатскаго опрышка Добоша,—отношеній, напоминающихъ знаменитую вражду Монтекки и Капулетти въ «Ромео и Юліи» Шекспира. Въ основу повѣсти положена гуманная идея, выражаемая словами одного изъ дѣйствующихъ лицъ въ такомъ видѣ—«уживати собраныхъ грошей *на добро народа*» [2]), но по выполненію, по мыслямъ, по композиціи, такъ сказать, эта наивно-романтическая и приторно-слащавая повѣсть ниже всякой критики. Положенія въ ней натянутыя, неестественныя; техника запутанная, шаблонная, въ духѣ старинныхъ повѣстей; на каждомъ шагу перерывы и отступленія среди дѣйствія, разсчитанныя очевидно, на достиженіе большаго эффекта; чрезмѣрное изобиліе прозрачныхъ для читателя неожиданностей и непредвидѣнностей, играющихъ въ повѣсти важную роль вѣщихъ сновъ, чудесныхъ явленій и предзнаменованій, а также и прямыхъ несообразностей въ поступкахъ и психологіи дѣйствующихъ лицъ,—все это построено и распутывается авторомъ, въ случаѣ нужды, по нехитрому правилу deus ex machina. Вся повѣсть загромождена множествомъ эффектныхъ ужасовъ, къ которымъ, впрочемъ, читатель остается холоднымъ и спокойнымъ, такъ какъ прекрасно знаетъ, что это только для видимости, а въ концѣ концовъ порокъ необходимо

повторилось те, що в великім розмірі бачимо на всій галицько-руській літературі: школа, граматики і спори язикові прибили і закаламутили чистоту народньої мови» («З вершин і низин», у Львові, 1893. Стор. 5).

[1]) В поті чола, IX.

[2]) Другъ, 1875, стр. 42.

долженъ понести соотвѣтственное наказаніе для вящшаго торжества кисло-сладкой добродѣтели. И дѣйствительно, всѣ почти ужасы, за весьма немногими исключеніями, оканчиваются благополучно, и добродѣтельные герои счастливо избѣгаютъ адски-хитро разставленныхъ на нихъ сѣтей. Характеристика и обрисовка дѣйствующихъ лицъ въ повѣсти весьма примитивна и поверхностна, ограничиваясь однѣми чисто внѣшними чертами: добродѣтельный герой непремѣнно обладаетъ и благородною внѣшностью; злодѣй, напротивъ, надѣленъ и наружностью отвратительной, какъ его черная душа. Говорятъ и поступаютъ эти добродѣтельные и недобродѣтельные герои такъ, какъ имъ прикажетъ авторъ, и послѣдній чаще всего пользуется ими для того, чтобы устами первыхъ изрекать наивно-добродѣтельныя сентенціи, или же яснѣе оттѣнять ихъ по противоположности со вторыми. Языкъ повѣсти искусственный, невозможный ни въ какомъ человѣческомъ обществѣ; тонъ неестественно приподнятый и вообще наивный; морализаторскія намѣренія автора до очевидности прозрачны, хотя онъ и силится иногда, придавая себѣ таинственный видъ, задать своимъ читателямъ какую то загадку. Только кое-гдѣ,какъ оазисы въ безводной пустынѣ многословія, фразистой шумихи и безцвѣтныхъ, натянутыхъ положеній, попадаются одна-другая реальная картинка, образъ, хорошо схваченная подробность [1]); но и они тонутъ въ пучинѣ неудержимаго многословія. Замѣчательно, что въ такихъ картинкахъ и языкъ лучше,—впрочемъ, по языку значительно разнятся начало и конецъ повѣсти: на послѣднихъ страницахъ онъ гораздо чище и ближе къ народному, чѣмъ въ началѣ. Видно, что и данная повѣсть претерпѣвала и на себѣ отражала результаты той умственной эволюціи, которая въ это время совершалась съ редакторами и руководителями журнала, а также и самимъ авторомъ; этой эволюціи ниже мы посвятимъ еще нѣсколько строкъ.

---

[1]) См., напр., описаніе хаты Олексы Добоша,—«Другъ», 1876, стр. 40.

Не ради достоинствъ, которыхъ здѣсь нечего искать, мы остановились на этомъ мертворожденномъ дѣтищѣ начинающаго писателя, въ которомъ трудно еще пока угадать будущаго выдающагося художника; и не для того также, чтобы «разносомъ» слабаго дѣтскаго произведенія пожать дешевые лавры. Оно привлекаетъ къ себѣ наше вниманіе именно своими недостатками, показывающими, на какую опасную дорогу вступилъ было г. Франко, а съ другой стороны, и тѣми очень, правда, слабыми намеками на задушевныя мысли писателя, которыя въ разработанномъ видѣ находимъ въ его зрѣлыхъ произведеніяхъ, но которыхъ зародышъ находится все-таки здѣсь. Для правильной оцѣнки какъ этого, такъ и другихъ раннихъ произведеній г. Франка не слѣдуетъ забывать, что, по его собственнымъ словамъ, онъ «увійшов на літературне поле молодим і невиробленим, а й опісля замість щирої поради і науки аж надто часто стрічав болючі удари, цінічні насміхи, а найчастійше тупий індіферентизм і грубе незнанне» [1]). Необходимо также имѣть въ виду и то обстоятельство, что этотъ «молодий і невироблений» авторъ до сихъ поръ жилъ вдали отъ центровъ умственной жизни, въ глухомъ провинціальномъ городишкѣ, гдѣ, конечно, не могъ встрѣтить широко развитыхъ общественныхъ интересовъ и получить надлежащее воспитаніе въ этомъ направленіи. Очутившись же, наконецъ, въ центрѣ, онъ на первое время не въ состояніи былъ сознательно оріентироваться и разобраться среди различныхъ, часто противоположныхъ и сталкивающихся между собой, враждебныхъ направленій и теченій умственной жизни. «Прийшовши до Львова, до Академичнаго Кружка,—сознается онъ впослѣдствіи—я опинився раптом серед спорів язикових і національних, котрі для мене були доси майже зовсім чужі і незрозумілі, то й, очевидно, не міг у них найти ладу і хитався довго то на сей, то на той бік [2])», и даже очутился было на время въ рядахъ москвофильскаго «Общества имени Качковскаго». Не имѣя никакой художественной цѣнности, первая боль-

---

[1]) З вершин і низин, 3.

[2]) В поті чола, VIII.

шая повѣсть г. Франка представляетъ огромный интересъ для біографа, такъ какъ отражаетъ упомянутыя колебанія и освѣщаетъ тѣ этапы умственныхъ вліяній, которыми пришлось блуждать юному автору, прежде чѣмъ онъ отыскалъ свою настоящую дорогу. При свѣтѣ этой повѣсти становится понятнымъ одинъ изъ интереснѣйшихъ моментовъ въ жизни ея автора—моментъ кризиса и перелома, отразившійся на всей его дальнѣйшей дѣятельности. Для начинающаго писателя очевидно насталъ уже этотъ критическій и опасный моментъ, когда слѣдовало разъ навсегда опредѣлить—идти ли ему далѣе той проторенной дорогой, на которую онъ вступилъ было своими произведеніями, появившимися въ «Другѣ» 1874-75 г.г., т. е. сочинять далекія отъ жизни, мертвыя по духу и языку, никому ненужныя и безполезныя повѣсти и стихотворенія; или же, круто порвавъ съ традиціями прошлаго, безвозвратно вступить на путь дѣйствительнаго служенія народу—этого новаго направленія, едва только въ Галичинѣ въ то время зарождавшагося. Эти колебанія особенно ясно сквозятъ въ первой большой повѣсти г. Франка,—почему мы и остановились на ней дольше, нежели она того заслуживаетъ по своимъ внутреннимъ достоинствамъ,—но подъ конецъ ея все громче и сильнѣе звучитъ голосъ, предостерегающій автора передъ проторенными дорожками. «Я боюся того льва и тои скалы, що тамъ стоитъ на тôмъ Народнôмъ Домѣ,—говоритъ пока еще макароническимъ языкомъ одинъ изъ Добощуковъ.—Той левъ пригадуе менѣ хищнôсть и лютôсть нашихъ давныхъ князêвъ, що утискали нашъ нарôдъ, а которыхъ память вы, рôдни дѣти того народа, позолотили фальшивымъ блескомъ! Я боюся смотрѣти на тоту скалу у стôпъ льва, бо она пригадуе менѣ темноту народа, изъ котрои користали его князѣ-грабителѣ,—*она пригадуе менѣ упôръ и безсердечнôсть теперишныхъ его проводирôвъ, що іи тамъ выставили, яко знакъ своеи власти.* Нѣтъ, панове,—не левъ и скала—наша хоруговъ; наша хоруговъ—плугъ и книга! Плугъ—то наша сила; книга, просвѣта—то наша будучнôсть» [1]). Плугъ,

[1]) Другъ, 1876, стр. 311.

символизирующій въ данномъ случаѣ простой народъ, и книга, какъ могучее средство просвѣщенія и науки, вывели и нашего автора на прямую дорогу изъ того лабиринта шаблонности, мертвенности и застоя, въ которомъ онъ очутился, благодаря своей юношеской неопытности и отсутствію надлежащихъ знаній. Самостоятельный умъ его сумѣлъ разглядѣть эту скалу безсердечія, которое крылось въ сердцахъ звавшихъ его за собой «проводирів», а критическая складка ума помогла совлечь ту фальшивую позолоту, которой эти «проводирі» цѣломудренно прикрывали свои не совсѣмъ чистые поступки относительно народа. А если такъ, то кризисъ прошелъ благополучно: «плуг—то наша сила», значитъ—обопремся въ своей дѣятельности на народъ, сдѣлаемъ его базисомъ нашихъ усилій и стремленій; «просвіта— то наша будучність», значитъ—спѣшимъ подъ покровъ науки отъ той тьмы самоувѣреннаго невѣжества, которое гордо царило вокругъ. Народъ, какъ основаніе дѣятельности, народное благо—какъ цѣль, и наука—какъ средство достиженія цѣли, отнынѣ становятся главными нервами дѣятельности г. Франка, и какъ выздоровленіе послѣ благополучнаго кризиса идетъ быстрыми и твердыми шагами, такъ же быстро совершается укрѣпленіе духовныхъ силъ нашего писателя послѣ перенесеннаго имъ перелома. Въ томъ же 1876 году и въ томъ же «Другѣ», гдѣ напечатано окончаніе «Петріів і Добощуків», появляется, за подписью Миронъ***, стихотвореніе «Наймит», въ которомъ господствуютъ уже иные звуки: подъ образомъ убогаго «наймита» изображена страдающая, но не падающая духомъ, безпредѣльная въ своемъ терпѣніи и потому побѣдоносная народная масса.

Интересно отмѣтить, что этотъ новый звукъ, исторгнутый молодымъ поэтомъ изъ перестроенной лиры, выходитъ и подъ новой, такъ сказать, маркой: здѣсь въ первый разъ появляется псевдонимъ Миронъ***, которымъ подписано большинство произведеній г. Франка. Слабый, дѣтски наивный и колеблющійся Джеджаликъ съ этого времени умираетъ, чтобы уступить свое мѣсто сильной, энергичной и сознательной дѣятельности Мирона. Можно сказать, что только съ появленіемъ послѣдняго на литературномъ поприщѣ,

украинская литература обогатилась новой свѣжей силой; почти же все, подписанное Джеджаликомъ, за исключеніемъ лишь разсказа «Лесишина челядь», уже и теперь забыто и, конечно, по достоинству.

Мы пытались на предыдущихъ страницахъ освѣтить и объяснить тотъ духовный переломъ, который совершился съ г. Франкомъ при первыхъ же шагахъ его на литературномъ поприщѣ, при чемъ остановились больше на внутреннихъ причинахъ и основаніяхъ этого перелома. Но исторія его была бы далеко не полной, если бы мы не упомянули объ одномъ внѣшнемъ толчкѣ. оказавшемъ однако сильное вліяніе на г. Франка и цѣлую группу его товарищей и помогшемъ имъ выйти побѣдителями изъ той внутренней борьбы, которой неизбѣжно сопровождается всякій душевный кризисъ. Упомянутый толчокъ былъ произведенъ М. П. Драгомановымъ, которому вообще суждено было сыграть въ Галичинѣ роль могучаго фермента, разложившаго старые составы въ галицко-украинскомъ обществѣ и уже тѣмъ самымъ положившаго начало созиданію новыхъ элементовъ. Человѣкъ широкаго, живого и подвижного ума, европейски образованный, первоярдный критикъ, публицистъ и ученый, непримиримый врагъ пышныхъ, но безсодержательныхъ фразъ, натура въ высшей степени энергическая и требующая прежде всего дѣла, онъ первый въ украинской литературѣ поставилъ національный вопросъ на твердое основаніе гуманитарныхъ наукъ и вызвалъ сильное общественное брожженіе между прочимъ и въ Галичинѣ. Его письма въ редакцію «Друга»[1]), въ которыхъ онъ безпощадно критиковалъ зарождающійся «рутенизмъ», заскорузлость и узкоглядство галицкой интеллигенціи и переносилъ національный вопросъ съ абстрактныхъ

---

[1]) См. «Другъ» за 1875 г. въ № 11—«Письмо въ редакцію «Друга» Украинца, въ № 12—«Отповѣдь на письмо г. Украинца»; за 1876 г.—въ № 5 «Второе письмо въ редакцію «Друга». (Украинщина или Рутенщина?)», въ NN 13—15 «Третье письмо Украинца въ редакцію «Друга»; в NN 6—8 «Отповѣдь на «второе письмо» г. Украинца».

вершинъ на поле практической дѣятельности на пользу народа, оказали сильное вліяніе на студенческую молодежь, группировавшуюся вокругъ «Друга». Правда, редакція этого журнала пробовала было сначала полемизировать съ Драгомановымъ, снабжая каждое его письмо своими примѣчаніями и «ôтповѣдями», но чѣмъ дальше, тѣмъ полемика эта звучитъ робче, неувѣреннѣе, мало-помалу стихаетъ, и въ концѣ концовъ «Другъ» совершенно преображается. Изъ журнала, предназначеннаго для забавы «русскимъ красавицямъ», какъ значилось въ его программѣ 1874 года, онъ становится серьезнымъ органомъ съ ярко выраженной демократической окраской; вмѣсто скучныхъ и безцвѣтныхъ передѣлокъ неизвѣстныхъ чужеземныхъ авторовъ, повѣстей собственнаго издѣлія да хрій, построенныхъ по всѣмъ правиламъ схоластической учености и изложенныхъ къ тому же на мертвомъ языкѣ—въ немъ появляются живые разсказы, очерки («Борислав» г. Франка) и интересныя статьи, посвященныя текущимъ вопросамъ современности. Лично г. Франко многимъ обязанъ Драгоманову, между прочимъ и тѣмъ, что его собственный душевный кризисъ прошелъ такъ скоро и благополучно. «Ви були,—пишетъ онъ Драгоманову впослѣдствіи,—перший і майже единий чоловік, що додав мені духа і охоти» [1]), и подъ вліяніемъ упомянутыхъ писемъ въ редакцію «Друга» г. Франко начинаетъ знакомиться съ новѣйшей литературой и направленіями, стараясь путемъ чтенія и самообразованія восполнить пробѣлы въ своихъ знаніяхъ и пріобрѣсти то, чего не давали ему университетскія лекціи, съ ихъ схоластическою отчужденностью отъ живыхъ вопросовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ произведеніяхъ молодого писателя («Лесишича челядь» въ альманахѣ, «Днѣстрянка» 1876 г., «Борислав» въ «Другѣ» 1877), виденъ уже первый розмахъ свѣжаго художественнаго дарованія, умѣющаго одинаково сильно, ярко и правдиво и углубиться въ тайники человѣческой души, и подмѣтить внѣшніе факты дѣйстви-

---

1) В поті чола, IX.

тельности, хотя крылья этого дарованія по временамъ и связаны еще посторонними вліяніями [1]).

Событія австрійской действительности закончили это идейное крещеніе молодого писателя и, вытолкнувъ его изъ среды «вѣрно конституціонныхъ гражданъ», навсегда закрѣпили въ немъ вліянія, испытанныя въ это время, и окончательно опредѣлили тотъ путь, которымъ отнынѣ пойдетъ г. Франко. Неожиданно, «як серед вулиці цегла на голову», на него падаетъ вдругъ ударъ—громкій политическій процессъ, имѣвшій громадное значеніе въ общественной жизни Галичины, ставшій вмѣстѣ съ тѣмъ первою «страшною і тяжкою пробою» [2]) для нашего писателя и его товарищей и уже окончательно раскрывшій имъ глаза на неприглядную дѣйствительность. Въ іюлѣ 1877 года вся редакція «Друга», въ томъ числѣ и г. Франко, были арестованы по обвиненію въ сношеніяхъ съ эмигрантами и принадлежности къ тайному соціалистическому обществу [3]), хотя послѣднее существовало лишь въ боязливой фантазіи близорукой галицкой администраціи и перепуганнаго общества. Это было время, когда галицкая польская шляхта начинала безконтрольно хозяйничать въ странѣ, и для укрѣпленія своей власти и поднятія престижа въ глазахъ вѣнскаго правительства старалась всѣми средствами ком-

---

[1]) Напр., относящійся къ этому времени разсказъ «Два приятелі» напоминаетъ отчасти писательскую манеру Марка Вовчка, Федьковича; на многихъ произведеніяхъ даже и послѣдующаго времени сказывается безспорное вліяніе Зола, котораго г. Франко всегда ставилъ очень высоко. Ср. его статью «Еміль Золя» въ «Сьвіті» 1881 г. съ позднѣйшей характеристикой того же писателя въ «Л.-Н. Вістнику» 1898, кн. X.

[2]) В поті чола, IX.

[3]) Сами по себѣ соціалистическія убѣжденія не составляли уже въ то время по австрійскимъ законамъ преступленія,—въ Вѣнѣ издавался тогда журналъ «Der Socialist», а извѣстный катедеръ-соціалистъ и авторъ «Die Quintessenz des Socialismus»—Шеффле немногимъ раньше занималъ даже министерскій постъ. Австрійскимъ подданнымъ запрещалось только участіе въ заграничныхъ политическихъ, и особенно, тайныхъ обществахъ.

прометировать русиновъ, раздувая невиннѣйшія дѣла въ грозные заговоры противъ цѣлостности государства, пугая, кого нужно, призраками соціализма, нигилизма и гайдамаччины, совѣтуя вѣшать арестованныхъ, не дожидаясь даже обвиненія [3]). Русско-турецкая война, происходившая недалеко отъ границъ Австріи, давала повидимому фактическую пищу этимъ злостнымъ измышленіямъ. Во всякомъ чужестранцѣ, особенно изъ Россіи, видѣли тогда политическаго агитатора [4]); сочиненія Гоголя, Лермонтова и тому подобныя невиннѣйшія книги конфисковались, какъ грозныя орудія нигилистической пропаганды, а Петербургскія «Отечественныя Записки» львовскимъ заправиламъ казались настолько революціоннымъ журналомъ, что редакторы его, по компетентному мнѣнію львовскаго судьи Кригсайзена, заслуживали, по крайней мѣрѣ, повѣшенія [3]). Подъ вліяніемъ травли и наускиваній со стороны польскихъ шовинистическихъ газетъ, полиція сообразила, что насталъ прекрасный поводъ для изслѣдованія частной корресспонденціи тѣхъ лицъ, которыя по тѣмъ или инымъ причинамъ ей были непріятны; достаточно было подозрѣнія, намека или неяснаго выраженія въ перехваченномъ письмѣ, неосторожнаго упоминанія чьего-нибудь имени, чтобы быть сопричисленнымъ къ сонму враговъ порядка и законности и испытать прелести австрійской тюрьмы; по всей странѣ начались массовые обыски и аресты, преимущественно среди русинской молодежи. Русины старшаго поколѣнія, боясь, чтобы не была заподозрѣна ихъ безмѣрная «австрійская лойяльность и уніатское благочестіе».

---

[1]) Франко «З останніх десятиліть XIX в.»—Л.-Науков. Вістник, 1901, VII, 11.

[2]) К. В.—«Дѣло г-на Иловайскаго въ Галиціи. Небольшая глава изъ славянской патологіи». Вѣстникъ Европы, 1878, январь. Здѣсь разсказана исторія «трехдневнаго плѣна» г-на Иловайскаго, арестованнаго за свою любознательность къ археологіи, а также упоминается объ аналогичномъ случаѣ съ другимъ путешественникомъ, Остенъ-Сакеномъ, арестованнымъ во время ботанической экскурсіи въ Карпаты.

[3]) Франко—«Др. Остап Терлецький». Зап. Наук. Товариства ім. Шевченка, т. L, стор. 42.

выдали арестованныхъ съ головой; мало того, въ ихъ средѣ появились даже особаго рода добровольцы, которые, чтобы очистить отъ всякихъ подозрѣній себя и вмѣстѣ съ тѣмъ не упустить удобнаго случая напакостить противнику, спѣшили придти на помощь подлежащимъ сферамъ со своими, говоря мягко, указаніями. Въ результатѣ ловкаго разсчета однихъ и какого то повальнаго помраченія другихъ создался одинъ изъ тѣхъ безсмысленнѣйшихъ процессовъ, когда главнымъ базисомъ, на которомъ построено обвиненіе, служатъ не тѣ или иные поступки, а просто лишь мысли и убѣжденія обвиняемыхъ; когда въ одну кучу сводятъ людей даже незнакомыхъ между собою; когда обвиняемые не знаютъ, что́ собственно привело ихъ на скамью подсудимыхъ, а обвинители и судьи, не зная этого также, изощряются тѣмъ не менѣе, чтобы посредствомъ казуистическихъ тонкостей изобрѣсти несуществующее преступленіе... Исходъ процесса, отданнаго въ руки судей, въ родѣ вышеупомянутаго Кригсайзена, или другого, съ циничною откровенностью заявлявшаго: «що́ таке соціялізм, я біг-ме не знаю; те лише знаю, що се щось гідне кари» [1]), былъ заранѣе опредѣленъ: обвиняемые, признаны виновными, и г. Франко, у котораго «не було за душею й тіни того гріха, який мени закидували» [2]), присужденъ къ 6-недѣльному тюремному заключенію, предварительно отсидѣвъ 8 мѣсяцевъ въ ожиданіи скораго и милостиваго суда [3]).

Много мученій, и физическихъ и нравственныхъ, пришлось пережить автору этихъ строкъ въ тюрьмѣ; много пришлось перестрадать и передумать по поводу событій и идей, непосредственно связанныхъ съ процессомъ, и на многое, что прежде проходило

---

[1]) Франко «В тюремнім шпиталі». См. «Панталаха та инші оповідання». Львів, 1902, стр. 142. Подробности процесса см. въ цитированной уже не разъ статьѣ «Др. Остап Терлецький» въ «Записках Науков. Товариства ім. Шевченка, т. L., стр. 37—45.

[2]) В поті чола, IX.

[3]) Obrazki galicyjsckie, Nieco o sobie samym, стор. III.

незамѣченнымъ, открыть глаза[1]). Но то, что встрѣтило его на волѣ, послѣ отбытія тюремнаго заключенія, было въ сто кратъ хуже: «сто раз тяжший і несправедливійший засуд усеі суспільности, кинений на нас, страшенно болів мене. Мене викинено з «Просьвіти» заборонено приходити на «Бесіду»[2]), а люде (з старших), котрі хотіли мати зо мною яке-небудь діло, видались зо мною тільки в секреті, що мене ще дужче принижувало»[3]). «Я,— говоритъ г. Франко въ автобіографическомъ разсказѣ «Моя стріча з Олексою»,—чоловік проклятий, ненависний, прогнаний з-поміж «чесних»—одним словом проскрібований. Проскрібований—се сама віцповідна назва. Се не значить, що, приміром, моя совість стає супротив мене, або щось подібного,—ні, се значить тільки те, що люде «чесні» (коли хочете, можете звати іх «багатими», «сильними», «практичними»—се на одно вийде) випхнули мене з «чесного» і «порядного» товариства, т. е. по-просту з-поміж себе. І зовсім справедливо. Мое імя враз ізількома іменами подібних до мене «во время оно» оббігало весь край, було пострахом усіх «мирних і вірноконституційних горожан»; з моім именем усі вони вязали понятте перевороту, революціі, різні. Правда, в той час, коли «спасителі істнуючого порядку» підняли най-

---

1) «З останніх десятиліть XIX в.». Л.-Н. Вістник, 1901, VII, стор. 16.

2) «Руська Бесіда» – русинскій клубъ во Львовѣ.

3) В поті чола, X. Интересно съ этой оскорбительной трусостью и тупымъ непониманіемъ истиннаго значенія процесса, обнаруженными галицкой интеллигенціей, сопоставить отношеніе къ нему же представителей народной среды, какъ оно отразилось въ произведеніяхъ г. Франка. И Олекса Сторожъ съ женой («Моя стріча з Олексою»), и дід Гарасим («В тюремнім шпиталі»)—эти темные и необразованные люди проявляютъ полное сочувствіе и одобреніе прогрессивнымъ идеямъ страдальцевъ и открыто это заявляютъ. Своимъ простымъ, неиспорченнымъ чутьемъ, не затемненнымъ слѣпою предвзятостью, они понимаютъ то, чего не въ состояніи были понять и великолѣпный судья, и вся галицкая интеллигенція. («Дзвін», 1878, стр. 296).

страшнійший гвалт, я й мої товариші сиділи спокійно і смирно за тюремними кгратами та рахували дні короткого життя, страчені пусто та марно. Але візьмім приміром, що діло зовсім не так ділось, що мені й моїм приятелям о переворотах та революціях і не снилося—то щó з того? Чи вже то одно, що я сидів у тюрмі, не вистатчує, щоби на-віки запятнати мене в очах «чесних» людей? Ба, але всевідущий і всемогущий суд справді признав мене винним, справді в моїм организмі добачив революційну жилку, в моїй крові дослідив краплю такої крови, котру французські «спасителі порядку» забули пролити до останку в р. 1872; в моїх очах доглянув іскру такого огню, котрий може запалювати доми «мирних горожан» не гирше нафти. Одним словом, я оказався кругом винним на суді—значить, погорда і проклиття «порядних» людей насупротив мене зовсім справедливі» [1]). Этой иронической тирадой лучше всѣхъ комментаріевъ обрисовано то жестокое и несправедливое осужденіе, которое неожиданно для самого автора ея,—подлинно, какъ снѣгъ на голову,—пало на него какъ со стороны своекорыстной, невѣжественной администраціи, такъ и трусливаго общества. Тѣмъ не менѣе и несправедливости и преслѣдованія администраціи, и оскорбительное отношеніе компатріотовъ не сломили г. Франка; напротивъ—выйдя изъ тюрьмы, онъ почувствовалъ себя свободнымъ, какъ птица въ воздухѣ, какъ школьникъ, вырвавшійся наконецъ изъ ненавистной школы съ хорошимъ свидѣтельствомъ—«правда, трошки не так написаним, як звичайно»—въ рукѣ, съ блестящими, заманчивыми планами и надеждами на будущее, съ сознаніемъ того, что связи съ прошлымъ порваны окончательно и безповоротно навсегда [2]). Нужно было подумать о дальнѣйшей судьбѣ, избрать дорогу на всю жизнь, и эта дорога разстилалась передъ нимъ по двумъ направленіямъ: «або посипавши голову попелом та роздерши й ті послідні «ризи», що на тобі, плакати, жалувати страченого часу, в котрім і сам ти був «чесним» і «порядним» та йти на «распутія и стогны града»—просити всякого «порядного» о прощенне

[1]) и [2]) «Дзвін» 1878, стор. 275—276.

за страшну хоть і не сповнену провину; або раз на всігди плюнути на цілу «штуку», взяти на себе «хрест свій», — се значить стати добровільно, до разу, безповоротно в ряди проскрібованих та витручених і, не оглядаючись, іти шукати для себе такого самого товариства» [1]). Выборъ не представлялъ особой трудности: г. Франко хорошо уже постигъ настоящую цѣну людямъ, ожидающимъ его на первомъ пути, и ничего, кромѣ вполнѣ оправданнаго отвращенія и презрѣнія къ нимъ не могъ, чувствовать; съ другой стороны, сознаніе, что «скоро чоловік раз пізнав правду, то вже від неі не відречеться, доки, розуміється, він хоче бути чесним чоловіком» [2]), подкрѣпленное сочувствіемъ простыхъ искреннихъ людей изъ народа, тѣмъ сильнѣе заставляло его избрать «житте проскрібованого».

III.

Политическій процессъ и сопряженныя съ нимъ злоключенія выбили его изъ колеи, лишивъ всякой надежды на педагогическую карьеру и спокойное существованіе въ чинѣ какого-нибудь «цесарско-королевскаго» профессора или совѣтника. Поэтому г. Франко хотя и не оставляетъ покамѣстъ университета, но пользуется имъ уже не какъ средствомъ будущаго заработка и карьеры, учится не для диплома, а исключительно лишь для пополненія «прогалин свойого знання» [3]). Въ это время г. Павлыкъ, единомышленникъ г. Франка по убѣжденіямъ и товарищъ по заключенію, предпринялъ изданіе ежемѣсячнаго журнала «Громадський Друг», заручившись сотрудничествомъ и матеріальной поддержкой между прочимъ и Драгоманова, отдавшаго на это дѣло свою часть Уваровской преміи, по-

---

[1]) Ibidem, 286.

[2]) Ibidem, 295.

[3]) Франко—«Др. Остап. Терлецький». Зап. Н. Т. ім. Шевченка т. L, стр. 43.

лученной за «Историческія пѣсни малорусскаго народа» [1]). Г. Франко дѣлается соредакторомъ и однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ новаго журнала, помѣстивъ здѣсь рядъ своихъ стихотвореній (между прочимъ—«Каменярі»), разсказовъ, критическія и публицистическія работы (важнѣйшія изъ нихъ: «Критичні письма о галицькій інтеллігенції» и «Література, її завдання і найважнійші ціхи»). Но условія, въ которыхъ находились молодые редакторы «Громадського Друга»,—крайняя необезпеченность и чуть не ежедневныя опасенія умереть съ голоду [2]), враждебное отношеніе со стороны общества, отсутствіе подготовленныхъ читателей, а наконецъ и собственная неопытность и неподготовленность къ самостоятельному веденію журнальнаго дѣла [3]),—препятствовали работѣ руководителей журнала и крайне тяжело отзывались на ихъ дѣтищѣ. Нервное настроеніе ихъ выражалось въ рѣзкомъ мѣстами тонѣ журнала, который поэтому регулярно, книжка за книжкой, подвергался конфискатѣ и выходилъ вслѣдствіе этого подъ разными названіями—«Громадський Друг», «Дзвін» и «Молот». Послѣдняя часть была редактирована уже единолично г. Франкомъ, такъ какъ г. Павлыкъ отсиживалъ въ это время наложенный на него, какъ отвѣтственнаго редактора, арестъ, а затѣмъ эмигрировалъ въ Женеву. Изданіе, при которомъ «стояла тільки горстка молодіжі» [4]), прекратилось,

---

[1]) Ibidem, 45.

[2]) «Часто бувало так,—пише г. Франко,—що одного дня ми не знали, що їстимемо другого; з платою за помешкання опізнювалися часто». Ibidem, 46.

[3]) В поті чола, X

[4]) Ibidem; насколько одиноко стояли тогда передовые люди въ Галичинѣ, видно изъ того, что изданія ихъ сплошь и рядомъ вызывали бурю негодованія среди читателей, а подписчики возвращали книжки обратно, изукрасивъ ихъ выраженіемъ своего негодованія и плодами досужаго обывательскаго остроумія: «Чи не сказився»,—запитував один пренумерант; «Не смійте мені присилати такої огидної макулятури»—гримав другий; «Возвращается обратнымъ шагомъ къ умалишеннымъ»—глаголав од писанія третій». См. «З останніх десятиліть XIX в.» Л.-Н. Вістник, 1901, VIII, стор. 54.

не просуществовавъ и года. Послѣ этой неудачной попытки г. Франко предпринимаетъ рядъ подобныхъ же попытокъ войти въ непосредственное общеніе съ читателями: издаетъ подъ общимъ заглавіемъ «Дрібна бібліотека» художественныя и научныя произведенія европейскихъ писателей (Байрона, Гейне, Гексли, Эмиля де-Лавелье, Писарева и др.) въ украинскомъ переводѣ; замышляетъ изданіе журнала «Нова Основа», которому, впрочемъ, не суждено было осуществиться; намѣревается «в цілім циклі новелл списати по змозі всі боки життя простого люду: відносини економичні, освітні, правні, політичні і т. и.[1]); пишетъ популярныя экономическія статьи, читаетъ лекціи въ кружкѣ львовскихъ рабочихъ и т. п. Въ это же время, ради заработка, онъ въ первый разъ помѣщаетъ въ журналѣ «Tydzień polski» свои сатирическіе очерки, критическія статьи и замѣтки на польскомъ языкѣ. Въ началѣ 1880 г. крайняя нужда заставила г. Франка оставить Львовъ и выѣхать къ товарищу въ деревню, гдѣ онъ безъ всякаго повода былъ арестованъ не въ мѣру ретивой полиціей, просидѣлъ три мѣсяца въ тюрьмѣ и затѣмъ по этапу отправленъ на родину, въ Дрогобычскій округъ. Это время,—пишетъ г. Франко,—«належить до найтяжших моментів у моім життю»[2]): его, больного и измученнаго, засадили въ вертепъ, описанный въ разсказѣ: «На дні», затѣмъ опять гоняли по этапу въ Нагуевичи, а когда, наконецъ, онъ получилъ свободу, то это была лишь свобода безпрепятственно умереть съ голоду[3]). Написавъ разсказъ «На дні» и на послѣднія деньги отославъ его во Львовъ, авторъ «жив три дні трьома центами, найденими над Прутом на піску, а коли й тих не стало, заперся в своій кімнатці в готелю і лежав півтора дня в гарячці й голоді, ждучи смерти, безсильний і знеохочений до життя»[4]). Къ счастью, подоспѣлъ разыскивавшій г. Франка

---

[1]) и [2]) В поті чола, XI.

[3]) Подробно эта исторія изложена г. Франкомъ въ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ вмѣстѣ съ переводомъ «На дні» въ вѣнской газетѣ «Die Zeit» (1903 г., № 167) подъ заглавіемъ «Wie ich dazu kam».

[4]) В поті чола, XII.

товарищъ и спасъ его отъ голодной смерти. Оправившись немного и еще разъ испытавъ прелести пѣшаго хожденія по этапу, когда отъ жары у него «на обох ногах повідпадали ніхті на пальцях» [2]), г. Франко, въ предупрежденіе такихъ же хожденій на будущее время, поспѣшилъ въ Нагуевичи, откуда осенью возвратился во Львовъ и опять поступилъ въ университетъ. Въ 1881 г. началъ выходить во Львовѣ подъ редакціею г. Белея журналъ «Сьвіт», въ первый разъ соединившій въ одномъ органѣ всѣ прогрессивныя литературныя силы Украины и Галичины; въ этомъ журналѣ г. Франко принимаетъ самое дѣятельное участіе, помѣщая здѣсь массу всевозможныхъ произведеній какъ чисто литературнаго, такъ и научнаго характера и не прекращая своего сотрудничества даже въ то время, когда обстоятельства опять заставили его оставить Львовъ,—жизнь въ городѣ нашему писателю была тогда не по карману. Живя въ Нагуевичахъ подъ надзоромъ мѣстнаго жандарма, который—такова иронія судьбы—подавалъ ему благожелательные совѣты, въ родѣ напр., принять монашество, г. Франко въ перемежку то помогаетъ родственникамъ въ полевыхъ работахъ, то возвращается къ литературнымъ занятіямъ. За это время имъ, кромѣ множества мелкихъ работъ, доконченъ переводъ «Фауста» (изданъ во Львовѣ въ 1882 г.) и написана большая историческая повѣсть «Захар Беркут», удостоенная преміи по конкурсу, объявленному редакціей журнала «Зоря». Въ 1883 г. г. Франка приглашаютъ въ сотрудники и члены редакцій журнала «Зоря» и газеты «Діло» [3]), и въ обоихъ этихъ изданіяхъ появляется много принадлежавшихъ ему статей, преимущественно экономическаго содержанія, обратившихъ на себя общее вниманіе даже въ польской прессѣ и обществѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ неутомимый писатель готовитъ обширную работу по исторіи Галичины въ XIX в., редактируетъ собраніе сочиненій безвременно скончавшагося галицко-украинскаго экономиста Навроцкаго, принимаетъ

---

[1]) и [2]) В ноті чола, XII.

[3]) Франко «З останніх десятиліть XIX в.» Л.-Н. Вістник. 1901, VIII, 51-54.

участіе въ польскихъ газетахъ «Prawda», «Kurjer Lwowski» и др., и этимъ непрестаннымъ каторжнымъ трудомъ зарабатываетъ ровно столько, чтобы не умереть съ голоду[1]). Въ 1885 г., послѣ небольшого перерыва въ его отношеніяхъ къ «Зор'ѣ», г. Франка пригласили негласно редактировать этотъ журналъ, но подъ непремѣннымъ условіемъ – подчиниться цензурѣ отвѣтственнаго редактора. Работая въ изданіяхъ старшей генераціи галицкаго общества, г. Франко тѣмъ не менѣе не перестаетъ мечтать объ изданіи собственнаго органа, такъ какъ положеніе наемнаго редактора, сопряженное съ мелочною зависимостью отъ прихотей, капризовъ и вкусовъ старшихъ народовцевъ, даетъ себя чувствовать крайне непріятно. Съ цѣлью найти средства и сотрудниковъ для предполагаемаго журнала («Прапор», позже «Поступ» [2]) г. Франко въ 1885 г. въ первый разъ посѣщаетъ Украину и Кіевъ. Мечта о непосредственномъ, не стѣсненномъ цензурой и мелочными придирками оффиціальныхъ собственниковъ «Зорі» общеніи съ читателями и на этотъ разъ не осуществилась; мало того, осенью 1886 г. г-нъ Франко вынужденъ былъ выйти изъ состава редакціи «Зорі», такъ какъ помѣщенныя имъ въ журналѣ стихотворенія Руданскаго и рецензія г. Вильхивскаго показались черезчуръ чопорному галицкому обществу оскорбительными для нравственности... Находясь въ безвыходномъ положеніи, г. Франко, тогда уже человѣкъ семейный, долженъ былъ въ 1887 г. принять мѣсто члена редакціи газеты «Kurjer Lwowski», «де й вибув, — по его собственному отзыву, — десятилітню панщину» [3]). Это судорожное метаніе въ тискахъ неблагопріятныхъ условій, безуспѣшные поиски подходящей почвы для нестѣсняемой дѣятельности на пользу родного народа и, наконецъ, тихая, если можно такъ выразиться, пристань въ редакціи *польской* газеты — все это, съ одной сто-

[1]) За редактированіе «Зорі», напр., г. Франко немного позже получалъ 25 гульденовъ въ мѣсяцъ! См. Записки Наук. Т. ім. Шевченка, т. L, стр. 51 и 56.

[2]) Ibidem, 54 – 56.

[3]) Ibidem, 56.

роны, крайне вредно отразилось на развитіи художественнаго дарованія г. Франка, принудивъ его впречься въ ярмо мелочной газетной работы, а съ другой—почти лишило на нѣкоторое время украинскую литературу энергичнаго, талантливаго работника. Прикованный нуждой и нетерпимостью русинскихъ главарей къ польскому ежедневному изданію, онъ на время становится почти ремесленникомъ; много работая теперь въ польскихъ изданіяхъ, онъ почти прекращаетъ свою дѣятельность на родномъ языкѣ: страницы упоминавшагося уже «Списа творів» его въ періодъ 1887—1896 г.г., особенно въ первой половинѣ этого десятилѣтія, пестрятъ заглавіями польскихъ работъ, между которыми только изрѣдка проскользнетъ одно-другое произведеніе на родномъ языкѣ. Правда, и на польскомъ языкѣ г. Франко продолжаетъ служить своей родинѣ, посвящая обзору ея духовной и матеріальной культуры свои талантливо написанныя обозрѣнія и статьи, но собственно родной литературѣ онъ можетъ удѣлять лишь сравнительно рѣдкіе досуги.

Къ такимъ досугамъ, обогатившимъ украинскую литературу рядомъ цѣнныхъ произведеній, принадлежитъ, между прочимъ, и одинъ вынужденный, составляющій не безынтересную страницу не только въ личной жизни нашего писателя, но и въ исторіи общественныхъ отношеній Галицкой Украины. Лѣтомъ 1889 г. г. Франко съ нѣсколькими пріятелями изъ россійской Украины былъ арестованъ въ третій разъ, «але за що, який факт мені закинено, сього я не міг дізнатися і доси не знаю» [1]),—пишетъ онъ въ автобіографіи, хотя и отсидѣлъ въ тюрьмѣ около десяти недѣль, причемъ разъясненію этого темнаго дѣла не помогла даже интерпелляція, внесенная русинскими послами въ мѣстный сеймъ [2]). Во время этого вынужденнаго «досуга», въ тюрьмѣ, г. Франкомъ написанъ прекрасный разсказъ «До світла!», рядъ цѣнныхъ поэмъ изъ жизни арестантовъ-евреевъ («Сурка», «У цадика», «З любови», «По людському») и циклъ «Тюремні сонети»,—что то въ

---

1) В поті чола, XVI.

2) Л.-Н. Вістник, 1901, VIII, 64.

родѣ поэтическаго дневника, охватывающаго во всѣхъ подробностяхъ весь складъ тюремной жизни, съ ея упрощеннымъ юридическимъ кодексомъ, существующимъ «лиш в устній і пястучній передачі»[1], а также навѣянныя заключеніемъ мысли автора объ отношеніяхъ между людьми, воспоминанія о великихъ мученикахъ человѣчества и собственные рефлексы автора.

Для дѣятельности г. Франка, какъ украинскаго писателя, десятилѣтній періодъ «панщини» въ польской газетѣ является, какъ сказано, временемъ въ значительной степени потеряннымъ, и это тѣмъ болѣе прискорбно, что талантъ нашего автора къ этому времени выросъ значительно, окрѣпъ и развернулся во всю свою ширь—для того лишь, чтобы быть истраченнымъ на работу чисто ремесленную, работу текущаго дня, гибнущую вмѣстѣ съ прочитаннымъ и сейчасъ забытымъ и уничтоженнымъ газетнымъ листомъ. Правда, начиная съ 1889 г., онъ помѣщаетъ свои работы въ популярномъ журналѣ «Батьківщина», пробуетъ опять—и опять неудачно—сойтись на нейтральной почвѣ съ народовцами (въ «Правдѣ» 1889 г.), а въ 1890 г., когда была провозглашена въ Галичинѣ такъ называемая «новая эра»[2], для противодѣйствія

[1] «З вершин і низин,» стор. 169; въ этомъ же сборникѣ читатель найдетъ и упомянутыя поэмы.

[2] «Новой эрой» или «угодою» называется соглашеніе одной части галицкой интеллигенціи, именно народовцевъ, съ представителями польской магнатско-шляхетской партіи: за нѣкоторыя уступки въ области національныхъ требованій народовцы отказывались отъ всякой оппозиціи и допускали, такимъ образомъ, нестѣсняемое хозяйничанье польской шляхты въ Галичинѣ. Противниками этой «угоди» выступили именно радикалы, съ г.г. Франкомъ и Павлыкомъ во главѣ, выставившіе на своемъ знамени рядъ требованій экономическаго, соціальнаго и демократически-національнаго характера: подоходный налогъ, государственная помощь безземельнымъ, неотчуждаемость крестьянскихъ надѣловъ, уменьшеніе податей и налоговъ, а для этого въ первой линіи сокращеніе войска; реформа избирательной системы въ смыслѣ введенія общаго прямого и тайнаго голосованія, реформа учебнаго дѣла въ смыслѣ обязательности и безплатности обученія—въ восточной Галичинѣ на украинскомъ языкѣ; свобода слова, печати, сходокъ и собраній, равная отвѣтственность всѣхъ предъ закономъ и т. п.

ей основываетъ съ г. Павлыкомъ газету «Народ». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ является и однимъ изъ вождей новообразовавшейся политической партіи—радикальной, внесшей въ общественную жизнь Галичины сѣмена новой дѣятельности. Здѣсь не мѣсто подробно останавливаться на программѣ и дѣятельности молодой партіи, сыгравшей важную роль въ исторіи общественной жизни и политической эволюціи Галичины [1]). Нечего и говорить, что воспитаніе народа въ указанномъ направленіи, какъ и вся вообще дѣятельность этой чисто демократической, «хлопской» партіи, велось на основахъ широко понимаемаго національнаго принципа, исключающихъ всякую нетерпимость и шовинизмъ съ одной стороны, а также мелочные споры на тему о національныхъ особенностяхъ—съ другой. Вообще украинскія національныя требованія для представителей радикальной партіи представлялись не требующею доказательствъ аксіомой соціальной жизни, вытекающею изъ фактическаго положенія вещей, и потому разговоры и споры на эти темы считались ими излишними.

Изъ-подъ пера г. Франка въ періодъ возникновенія радикальной партіи и расцвѣта ея дѣятельности вышло много блестящихъ публицистическихъ работъ, программныхъ статей, ѣдкихъ и рѣзкихъ памфлетовъ, въ которыхъ онъ безпощадно разоблачалъ и бичевалъ «неполітичну політику» своихъ противниковъ, ихъ оппортунизмъ, ограниченность кругозора, отсутствіе политическаго такта и яснаго пониманія дѣйствительныхъ народныхъ интересовъ. Можетъ быть, въ пылу борьбы и въ жару полемики съ пера его сорвалось не одно слишкомъ рѣзкое слово; можетъ быть, не всегда было соблюдено имъ требуемое справедливостью безпристрастіе,

---

[1]) Подробности см. въ статьяхъ: г. Р. Я. «Новое движеніе среди русскихъ Галичанъ», Вѣстникъ Европы, 1892. кн. XI., г. Василевскаго «Новыя теченія среди галицкихъ Русинъ», Русское Богатство, 1893, кн. VIII, г. Франка «З останніх десятиліть XIX в.» Л.-Н. Вістник, 1901, кн. VII—IX; цѣлый рядъ программныхъ статей напечатанъ въ органахъ радикальной партіи «Народ», «Хлібороб», «Жите і Слово» и др.

но не слѣдуетъ забывать, что и противники въ долгу не оставались, и не обладая тѣмъ публицистическимъ и полемическимъ талантомъ, какой обнаруженъ г. Франкомъ, вознаграждали отсутствіе его грубою бранью, въ родѣ напр., эпитета «стеклий (бѣшеный) вовк», и наивными инсинуаціями [1].

Не ограничиваясь этой кипучей дѣятельностью, отвлекаемый, кромѣ того, обязательной работой изъ-за куска хлѣба въ польскихъ газетахъ, г. Франко въ тоже время вновь принимается за университетскія лекціи, докапчиваетъ историко-филологическое образованіе въ Вѣнскомъ университетѣ подъ руководствомъ проф. Ягича и готовится къ профессурѣ—на каѳедру украинской литературы во Львовскомъ университетѣ. Изъ ученыхъ трудовъ его отмѣтимъ историко-литературную монографію «Іван Вишенський і його твори» (у Львові, 1895), за которой слѣдуетъ докторская диссертація «Варлаам і Йосаф, старохристиянський духовний роман і його літературна історія» («Записки Наук. Товар. ім. Шевченка», 1895—97 и отдѣльно), и кромѣ того масса большихъ или меньшихъ научныхъ статей, замѣтокъ и матеріаловъ въ редактированномъ имъ журналѣ «Жите і Слово», въ «Записках Наук. Товариства ім. Шевченка», «Л.-Н. Вістнику» и другихъ изданіяхъ. Въ 1895 г. послѣ блестяще прочитанной во Львовскомъ университетѣ вступительной лекціи на тему: «Наймичка» Тараса Шевченка»—профессорская коллегія избрала его доцентомъ на освободившуюся послѣ смерти Ом. Огоновскаго каѳедру украинской литературы, но тутъ постигаетъ его неожиданный ударъ: намѣстникъ Галичины, графъ Бадени, отказался утвердить избраніе на профессорскую каѳедру человѣка, который

---

1) Въ одно время, напр., противники распускали о г. Франкѣ слухъ, что онъ—еврей по происхожденію, принявшій христіанство лишь при вступленіи въ бракъ съ христіанкой («Радикальна тактика», ч. I. Написав Ів. Франко. У Львові, 1898, стор. 10—11). См. также статью «Як я став казенним радикалом», Жите і Слово, 1896, т. V, стор. 473—500.

три раза сидѣлъ въ тюрьмѣ [1]). Прискорбнѣе всего въ этой исторіи то, что отказъ гр. Бадени нашелъ сочувствіе даже среди нѣкоторыхъ Русиновъ, коихъ также смущала перспектива имѣть профессоромъ человѣка, который «w podartym surducie chodzi [2]). Надежда вырваться, наконецъ, изъ ярма подневольной работы и уйти по собственному почину изъ редакціи польской газеты пока не оправдалась, хотя въ непродолжительномъ времени г. Франко принужденъ будетъ это сдѣлать,—уже по неволѣ.

IV.

Мы остановимся еще на двухъ эпизодахъ изъ жизни г. Франка, крайне характерныхъ и для нашего автора, и для окружающей его среды, тѣмъ болѣе, что оба произошли на литературной, такъ сказать, почвѣ и отразились на дальнѣйшей литературной дѣятельности автора, не говоря уже о его личной жизни.

Въ 1897 г. вышла во Львовѣ неоднократно уже нами цитированная книжка «Obrazki galicyjskie przez Jwana Frankę» съ чрезвычайно интереснымъ предисловіемъ автора «Nieco o sobie samym». Въ галицко-украинскомъ обществѣ это предисловіе вызвало настоящую бурю негодованія противъ автора, открыто здѣсь заявившаго: «nie kocham Rusinów» и «nawet Rusi naszej nie kocham», а если, молъ, работалъ и продолжаю для нея работать, то къ этому меня побуждаетъ лишь «poczucie psiego obowiązku» [3]). «Какъ сынъ украинскаго мужика,—продолжаетъ онъ,—вскормленный чернымъ мужицкимъ хлѣбомъ и трудомъ грубыхъ мужицкихъ рукъ, я обязанъ собственнымъ трудомъ цѣлой жизни выплатить тѣ гроши, которые истратила мужицкая рука, чтобы я могъ достигнуть вершины, гдѣ свѣтло, гдѣ благоухаетъ свобода

---

[1]) Крымскій «Франко Иванъ», Энциклопед. Словарь Брокгауза и Ефрона, полут. 71, стр. 475.

[2]) Obrazki galicyjskie, IV.

[3]) Obrazki galicyjskie, IV—V.

и сіяютъ общечеловѣческіе идеалы. Мой украинскій патріотизмъ— это не одно лишь чувство и поэзія, а тяжелое бремя, возложенное на мои плечи судьбой. Я могу сгибаться подъ его тяжестью, могу исподтишка проклинать судьбу за то, что она возложила на мои плечи это бремя, но скинуть его и искать другой родины я не могу, потому что это было бы подлостью предъ собственной моею совѣстью. И если что облегчаетъ мнѣ ношеніе этого бремени, такъ это видъ украинскаго народа, который, въ теченіе долгихъ столѣтій испытывая лишь гнетъ, темноту и деморализацію, и въ настоящемъ убогій, слабый и безпомощный, начинаетъ тѣмъ не менѣе понемногу возрождаться, ощущать все въ сильнѣйшей степени жажду свѣта, правды и справедливости и искать путей къ нимъ. Конечно, слѣдуетъ работать на пользу этого народа, и никакой искренній трудъ для него не пойдетъ прахомъ» [1]). Перечитывая эти строки, какъ и все предисловіе, теперь, мы не въ состояніи понять, что́ собственно могло въ нихъ возбудить среди земляковъ негодованіе противъ автора и на чемъ основывались тѣ обвиненія въ измѣнѣ родному народу и «запроданствѣ ляхамъ», которыя со всѣхъ сторонъ, какъ изъ рога изобилія, посыпались на автора. Вѣдь здѣсь лишь въ болѣе конкретномъ видѣ и, такъ сказать, личной формѣ представленъ тотъ же образъ добровольно заковавшаго себя невольника прогресса,— образъ, который стоялъ передъ г. Франкомъ еще на зарѣ его литературной дѣятельности и который онъ еще въ 1878 г. воплотилъ въ прекрасномъ, сильномъ и глубокомъ стихотвореніи «Каменярі». Съ другой стороны, можно ли было говорить о какомъ бы то ни было «запроданствѣ», когда авторъ въ томъ же предисловіи, только нѣсколькими строчками ниже, успѣлъ наговорить не особенно пріятныхъ комплиментовъ по адресу и господствующей польской партіи. «Я не люблю,—говоритъ онъ,— тѣхъ не въ мѣру ретивыхъ патріотовъ, уста которыхъ полны Польши, а сердце остается холоднымъ къ бѣдствіямъ польскаго

[1]) Ibidem, V—VI.

мужика или рабочаго» [1]), т. е. и къ «патентованнымъ» патріотамъ польскимъ имъ прилагается та же мѣра, какой онъ измѣряетъ патріотизмъ свой личный и своихъ земляковъ. Смыслъ инкриминированнаго предисловія для насъ совершенно ясенъ, и трудно не раздѣлять того мнѣнія о «патентованныхъ» патріотахъ—украинскихъ ли, польскихъ, или принадлежащихъ къ какой нибудь иной національности—какое высказалъ авторъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ выразился еще конкретнѣе: «Посол Вельовейський прилюдно заявляє, що любить Русинів. Ну, *кого такі пани люблять, того я з спокійним сумлінєм можу не любити»* [2]),—т. е. галицко-украинская интеллигенція (а о ней только и шла рѣчь въ данномъ предисловіи), идущая рука объ руку съ польской шляхтой во вредъ истиннымъ интересамъ своего народа, не заслуживаетъ симпатіи съ точки зрѣнія этихъ послѣднихъ. Кромѣ нѣсколько рѣзкаго тона предисловія и узости понятій о патріотизмѣ среди галицкаго общества, главнѣйшей причиной озлобленія и негодованія противъ г. Франка «патентованныхъ» патріотовъ было, безъ сомнѣнія, то, что еретическія мысли высказаны имъ на польскомъ языкѣ. Это обстоятельство, при обостренности русинско-польскихъ отношеній, всѣмъ показалось верхомъ политической и національной безтактности и дало поводъ взваливать на г. Франка несуществовавшія въ дѣйствительности вины.

Результатомъ этого эпизода было появленіе цѣлаго ряда стихотвореній г. Франка, содержащихъ въ сильной, энергичной формѣ отвѣтъ на нападки и обвиненія въ недостаткѣ патріотизма, а также выясняющихъ собственный взглядъ автора на свою дѣятельность для родины.

Страстная любовь-ненависть, заставляющая писателя болѣть и мучиться несчастіями своей родины и безпощадно бичевать ея недостатки, много выше той показной любви, которой громогласно хвалятся обыкновенно всевозможные «патріоты своего отечества»...

---

[2]) Ibidem, VI.

[3]) «Декілька афоризмів у альбом «Ділу»... Житє і Слово, 1897, т. VI, стор. 264.

Выше она была, конечно, и въ данномъ случаѣ,—тѣмъ болѣе, что дѣйствительность показала, насколько были справедливы тѣ обвиненія въ измѣнѣ и «запроданствѣ ляхамъ», которыми преслѣдовали г. Франка его не въ мѣру ретивые земляки.

Благодаря какой-то странной ироніи судьбы, одновременно съ этимъ г-ну Франку пришлось прогнѣвить и другую часть галицкаго общества,—ту самую, которой, по отзывамъ противниковъ-русиновъ, онъ льстилъ своимъ предисловіемъ къ «Obrazkam galicyjskim». Въ № 136 вѣнской газеты «Die Zeit» имъ помѣщена была юбилейная статья о Мицкевичѣ «Ein Dichter des Verrathes», которая подняла цѣлую бурю, на этотъ разъ уже среди польской прессы и общества. Предъ авторомъ, обнаружившимъ неслыханную дерзость—«смѣть свое сужденіе имѣть» о величайшемъ польскомъ поэтѣ, немедленно были закрыты двери редакцій тѣхъ польскихъ газетъ, въ которыхъ онъ былъ постояннымъ сотрудникомъ; во львовскихъ газетахъ на него выливали цѣлые потоки грубой брани и величали эпитетами, изъ которыхъ «подлецъ» и «бѣшеная собака» не принадлежатъ еще къ числу самыхъ сильныхъ; по улицамъ Львова красовались плакаты съ краснорѣчивыми надписями «Precz z Frankiem»; ему не подавали руки, не кланялись при встрѣчѣ,—словомъ польское общество оказалось въ общемъ по своей зрѣлости ни чуть не выше того директора, который автору, бывшему тогда еще гимназистомъ, задалъ порядочную головомойку за еретическія мысли о Мицкевичѣ въ школьномъ сочиненіи [1]). Между тѣмъ эта оригинальная, спокойно написанная и обставленная цѣлымъ рядомъ доказательствъ статья вовсе не заслуживала того грубаго отношенія и брани, какими была встрѣчена въ галицкой польской прессѣ. Самъ г. Франко указываетъ, что подобная мысль о Мицкевичѣ вскользь была брошена уже Брандесомъ, и если поляки,—продолжаетъ онъ,—«не протестовали, не привлекли Брандеса къ позорному

---

[1]) Д-ръ Иванъ Франко—«Поэтъ измѣны (Ein Dichter des Verrathes)». Переводъ съ польскаго изданія, дополненнаго предисловіемъ «польскаго патріота». Варшава, 1897. Стр. 12.

столбу безчестія, какъ преступника, оскверняющаго ихъ народную святыню, въ такомъ случаѣ и я осмѣливаюсь высказать на этомъ мѣстѣ нѣсколько еретическихъ мыслей, относящихся къ «величайшему польскому поэту»,—мыслей, которыя бродятъ въ моей головѣ еще съ гимназическихъ временъ» [1]). Но авторъ этихъ строкъ упустилъ изъ виду, что тогда какъ Брандесъ былъ совершенно неуязвимъ для польскихъ шовинистовъ—самъ онъ жилъ въ Галичинѣ, гдѣ его постараются донять если не мытьемъ, такъ катаньемъ, что́ въ дѣйствительности и произошло. Главная мысль этой нашумѣвшей статьи [2]) осталась неопровергнутой литературнымъ путемъ, но за то дерзкій авторъ былъ достаточно чувствительно наказанъ другими способами. Лишенный постояннаго заработка, подвергнутый отовсюду остракизму, онъ нѣкоторое время перебивался случайными работами въ нѣмецкихъ, чешскихъ и русскихъ изданіяхъ, но этого было слишкомъ недостаточно, и передъ выдающимся писателемъ, какъ и въ началѣ его литературной дѣятельности, вновь во всей наготѣ своей стала грозная перспектива—умереть голодной смертью; жилъ онъ тогда въ темной квартирѣ, отъ чего едва не лишился зрѣнія, и бѣдствовалъ самымъ сильнымъ образомъ [3]). Къ счастью, въ это время основывается взамѣнъ «Зорі» и «Житя і Слова»—«Літературно-Науковий Віст-

---

[1]) Ibidem, 11.

[2]) «Измѣна, въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, является главнымъ мотивомъ почти во всѣхъ его (Мицкевича) стихотвореніяхъ, но . . . она—и это характернѣе всего—изображена не какъ низкій порокъ, не какъ отрицаніе этическаго чувства, но очень часто представляется чѣмъ то геройскимъ, нерѣдко даже чѣмъ то идеальнымъ, происходящимъ отъ возвышеннаго патріотизма. Печальны, должно быть, были тѣ времена, когда геніальный поэтъ рѣшился ступить на столь ложный путь, и печальная участь предстоитъ народу, который безъ всякой оговорки считаетъ такого поэта величайшимъ національнымъ героемъ и пророкомъ и вскармливаетъ молодыя поколѣнія ядовитыми произведеніями его духа». Ibidem, 25.

[3]) Крымскій—статья въ Энциклопед. Словарѣ Брокгауза и Ефрона, полутомъ 71, стр. 475.

ник», и г. Франко, приглашенный въ качествѣ одного изъ редакторовъ этого журнала, руководитъ имъ и до настоящаго времени, помѣщая здѣсь и въ другихъ изданіяхъ Науко-вого Товариства імени Шевченка свои художественныя и научныя произведенія. Случай, доставившій лично г. Франку много горя и огорченій, оказался благодѣтельнымъ для украинской литературы, такъ какъ возвратилъ ей цѣликомъ одного изъ выдающихся ея дѣятелей.

Въ 1898 г. былъ отпразднованъ во Львовѣ 25-лѣтній юбилей литературной и общественной дѣятельности г. Франка, и талантливый писатель—можетъ быть, въ первый разъ за четверть столѣтія тяжелой работы—могъ получить нравственное удовлетвореніе, видя, что вокругъ него и его идей соединились всѣ прогрессивные элементы обѣихъ частей Украины-Руси, что молодежь, въ рукахъ которой находится будущее родной страны, воспитывается на его произведеніяхъ, принимаетъ высказанныя имъ мысли глубоко къ сердцу, проникается ими и кладетъ ихъ въ основу своей дѣятельности. Тѣ сотни теплыхъ, дружескихъ привѣтствій, которыми былъ засыпанъ юбиляръ, показали наглядно, что жизнь его состояла вовсе не изъ той «świerzbiączki do pisania», которой онъ самъ себя характеризуетъ, а напротивъ—дала очевидные даже для враговъ и недруговъ результаты... [1]) Жизнь стойкаго и мужественнаго борца за общечеловѣческіе идеалы и прививку ихъ къ родной почвѣ, жизнь неутомимаго работника на благо ближняго, всегда представляющая высокій интересъ и дающая плодотворные результаты, пріобрѣтаетъ особенное значеніе, когда и вся литературная дѣятельность даннаго работника представляется лишь воплощеніемъ той же борьбы, осуществленіемъ тѣхъ же высокихъ идеаловъ. А въ этомъ отношеніи трудно найти болѣе гармоничное сочетаніе жизни и произведеній, чѣмъ у интересу-

---

1) Подробности юбилейнаго чествованія см.—О. М. «Ювилей 25-літньоі літературноі діяльности Івана Франка», Л.-Н. Вістник, 1898, XI.

ющаго насъ писателя: его жизнь и произведенія сливаются въ одинъ грандіозный по своей цѣльности образъ—неутомимой борьбы и неустанной дѣятельности на благо родного народа и всего человѣчества. Къ этой картинѣ, которая развертывается передъ нами въ произведеніяхъ г. Франка, мы теперь и обратимся.

Сергій Ефремовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Очерки изъ прошлаго и настоящаго черноморскаго побережья Кавказа.

IV.

Вдоль побережья—до Абхазіи.

Вопросъ о путяхъ сообщенія. Морской путь вдоль побережья. Пароходы Русскаго и Россійскаго общества. Путь моремъ отъ Геленджика до Новороссійска. Хлопоты, сопряженныя съ посадкой на пароходъ. Отплытіе изъ Новороссійска. Первыя впечатлѣнія морского пути. Недостатокъ удобныхъ бухтъ на побережьѣ. Недочеты каботажнаго плаванія. Криница и ея культурное значеніе. Кое что изъ исторіи Архипоосиповки. Джубга. Данныя по топографіи побережья. Переселенцы и спекулянты. Туапсе. Туапсинскій молъ. Посадка на пароходъ и высадка на берегъ. Историческія данныя. Свѣдѣнія о климатѣ. Туапсинскія лихорадки. Почвы и растительность. Частновладѣльческія земли на побережьѣ. Остановка у Сочи. Служащіе и прислуга на пароходахъ. Разнорѣчивыя свѣдѣнія о Сочи и въ особенности о климатѣ его. Важное разнорѣчіе въ мнѣніяхъ профессоровъ Воейкова и Краснова. Ночь на пароходѣ. Хлудовское имѣніе. Адлеръ. Хоста и Романовскъ. Колонизаціонная политика Н. С. Абазы. Дѣленіе побережья въ климатическомъ и флористическомъ отношеніи.

Каждый желающій лично познакомиться съ частью побережья, лежащею на югъ отъ Геленджика, неизбѣжно наталкивается на вопросъ о мѣстныхъ путяхъ сообщенія. Здѣсь это вопросъ существенной важности.

Побережныя жители, какъ мы видѣли выше, мечтаютъ и хлопочутъ уже о побережной желѣзной дорогѣ, тогда какъ не имѣютъ еще колеснаго пути для непрерывнаго сообщенія вдоль всего побережья, не говоря уже о колесныхъ путяхъ къ разбро-

саннымъ по сторонамъ поселкамъ. Казалось бы, прежде чѣмъ хлопотать сразу о желѣзной дорогѣ, слѣдовало бы озаботиться именно объ этомъ, какъ болѣе при томъ дешевомъ и легче осуществимомъ. На пространствѣ 300 верстъ протяженія, губерніи или даже приблизительно 400 верстъ отъ Новороссійска до Сухума, казалось бы, проще, скорѣе, дешевле и даже нужнѣе провести колесный путь, надобность въ которомъ врядъ ли вполнѣ устранится даже и съ проведеніемъ желѣзной дороги. Осуществленіе этого пути значительно облегчилось бы тѣмъ, что большая часть его уже имѣется на лицо въ видѣ такъ наз. голоднаго или Анненковскаго шоссе, на которомъ мѣстами недостаетъ только мостовъ для установленія постояннаго сообщенія между тѣми или иными пунктами. Вѣдь оно еще при Анненковѣ, не считая послѣдующихъ кое-гдѣ сдѣланныхъ достроекъ и ремонтовъ, обошлось казнѣ въ 4,200,000 р.! Неужели же отказаться отъ возможности воспользоваться тѣмъ, что уже сдѣлано (и при томъ за столь дорогую цѣну) и признать, такимъ образомъ, четыре милліона народныхъ денегъ брошенными почти на вѣтеръ??... Правда, мѣстами шоссе это, какъ будто нарочно, проведено по склонамъ, страдающимъ постоянными сползами почвы съ море, игнорируя болѣе удобное направленіе еще и до сихъ поръ прочныхъ мѣстами горскихъ дорогъ; правда, что къ пересѣкающимъ путь рѣкамъ оно подведено кое-гдѣ, какъ бы нарочно, именно въ такихъ мѣстахъ, гдѣ черезъ нихъ нельзя провести мосты, но все это исправимо. А главное, что для того, что-бы пользоваться этимъ шоссе на всемъ протяженіи побережья, остается сдѣлать уже сравнительно совсѣмъ немного.—Остается кое-гдѣ измѣнить его направленіе, построить чрезъ нѣкоторыя рѣки мосты и, такимъ образомъ, связать между собою разрозненныя пока—то рѣками, то сползами—части готоваго шоссе. И остается еще... отказаться отъ мысли о дорогой побережной желѣзной дорогѣ. Отказаться потому прежде всего, что мечта о ея проведеніи только тормозитъ дѣло окончательнаго устройства необходимаго для края побережнаго шоссе. Отказаться потому, что съ государственной точки зрѣнія нѣтъ надобности проводить дорогу по малонаселен-

ной мѣстности и преимущественно въ интересахъ удобствъ нѣсколькихъ сотенъ дачниковъ. Отказаться—и, вмѣсто нее, одновременно съ окончаніемъ шоссе, озаботиться проведеніемъ многочисленной сѣти подъѣздныхъ къ шоссе колесныхъ путей (которые все равно нужны были бы и при желѣзной дорогѣ) отъ разбросанныхъ по сторонамъ поселковъ, неимѣющихъ часто иного сообщенія, кромѣ верховыхъ тропъ, благодаря чему сильно затрудняется заселеніе края и тормозится развитіе въ немъ сельско-хозяйственной и всякой другой промышленности.

Теперь, пока ничего этого здѣсь нѣтъ, путникъ, пожелавшій совершить свой путь по побережью сухимъ путемъ, рискуетъ быть на каждомъ шагу задержаннымъ на нѣсколько дней то разливомъ рѣки, на которой нѣтъ моста, то оползнемъ части шоссе въ море, то отсутствіемъ почтовыхъ станцій и т. п. неустройствами. Этотъ путь по побережному шоссе среди живописной разнообразной мѣстности, о бокъ съ величественными горами, съ одной стороны, и необъятнымъ моремъ съ другой, то чрезъ дѣвственныя лѣса, то мимо дорогихъ дачъ и виллъ, то среди зарослей высокорослыхъ папоротниковъ, то между обширными виноградниками, или фруктовыми садами, то у самаго подножія моря, то на значительной высотѣ, съ которой открываются прелестныя величественныя перспективы,—этотъ путь доставилъ бы путнику большое наслажденіе и массу интереса. Но теперь для лица, желающаго повидать побережье приходится избрать другой, единственный въ настоящее время, сквозной путь вдоль побережья—путь моремъ на пароходѣ.

Какъ о единственномъ—о немъ надо сказать подробнѣе. Многимъ онъ совсѣмъ не знакомъ, многіе его боятся, онъ имѣетъ много неудобствъ и недостатковъ, съ которыми небезполезно заранѣе ознакомиться, но онъ также имѣетъ свою прелесть и свои удобства. Въ тихую ясную погоду, рядомъ съ обычными прелестями морского путешествія, онъ даетъ еще и высокое наслажденіе любоваться могучими красотами побережья, видѣть его угрюмыя скалы, мрачныя ущелья, покрытыя дѣвственными лѣсами

горы, выползающія изъ-за нихъ могучія снѣговыя вершины Кавказа, разбросанныя мѣстами поселки...

Нѣкоторое понятіе объ этомъ пути, о его неудобствахъ и достоинствахъ, вѣроятно, дастъ читателю описаніе моей первой поѣздки на югъ отъ Новороссійска на пароходѣ.

Однимъ изъ неудобствъ этого пароходнаго сообщенія является его дороговизна. Изъ крейсирующихъ вдоль побережья пароходовъ «Россійскіе» возятъ по болѣе дешевому тарифу, чѣмъ пароходы «Русскаго Общества». Но какъ товаро-пассажирскіе, они ходятъ медленнѣе уже потому, что имѣютъ болѣе длительныя остановки на пристаняхъ; въ тоже время они не заходятъ въ нѣкоторые пункты, обязательно посѣщаемые пароходами «Русскаго Общества». Намъ сказали, что на нихъ, какъ на товаро-пассажирскихъ, всегда меньше публики и потому просторнѣе, чѣмъ на пассажирскихъ пароходахъ «Русскаго Общества», субсидируемаго казною и потому зазнавшагося, недорожащаго пассажирами, игнорирующаго ихъ интересами. Прельстившись надеждой на этотъ просторъ и сравнительною дешевизной пути, мы рѣшились ѣхать на югъ на пароходѣ «Россійскаго Общества». Но для этого изъ Геленджика (куда они не заходятъ) надо было поѣхать обратно въ Новороссійскъ.

Тихимъ яснымъ утромъ при безоблачномъ небѣ и голубой глади водъ бухты выѣхали мы изъ Геленджика въ Новороссійскъ на паровомъ катерѣ «Отважномъ».

Хотя до Новороссійска моремъ всего 26 верстъ пути, но, предпринимая это первое въ нашей жизни путешествіе моремъ, всѣ мы радовались безмятежному спокойствію бухты, обѣщавшему вполнѣ благополучное морское путешествіе безъ всякихъ признаковъ качки.

Открытое море встрѣчало насъ замѣчательною зеркальной гладью и полнымъ штилемъ. И вотъ мы въ морѣ и зеркало водъ его съ поразительною ясностью отражаетъ каждое облачко, а необыкновенная ихъ прозрачность даетъ возможность на значительной глубинѣ видѣть большіе камни на днѣ его. Кажется даже, что поверхность моря здѣсь какъ будто еще болѣе зеркальна,

чѣмъ въ бухтѣ. А между тѣмъ мы начинаемъ уже чувствовать, что съ нами происходитъ что то такое, чего не было прежде, пока мы не вышли изъ бухты. Скоро мы убѣждаемся въ томъ, что пароходъ нашъ идетъ не по горизонтальной поверхности, а временами то приподнимается надъ нею, то опускается ниже ее, что носъ его то равномѣрно вздымается къ небу, то плавно наклоняется книзу и одновременно съ этимъ корма становится выше носа. И въ тоже время и почти съ тою же плавностью движенiй пароходъ, покачиваясь на обѣ стороны, наклоняется къ водѣ то правымъ, то лѣвымъ бортомъ. Теперь, приглядываясь внимательнѣе къ этой зеркальной поверхности, мы ясно видимъ, что она не неподвижна, что она живетъ и дышетъ, то поднимаясь, то опускаясь безъ излома, безъ ряби, какъ гнется свѣтлый листъ бѣлой жести, не измѣняя своей свѣтлой поверхности и способности отражать предметы.

Дамъ уже начинаетъ мутить, ихъ лица блѣднѣютъ. Дѣвочка лѣтъ 10-ти, впервые ѣдущая моремъ и не понимающая, что съ нею, старается примоститься около матери и положить свою головку на ея колѣни, а мать, такъ недавно еще любовавшаяся моремъ, сама уже склонила голову на первый попавшiйся узелъ съ вещами. Оказывается, что это—остатки вчерашняго сильнаго волненiя,—мертвая зыбь, дающая здѣсь тѣмъ болѣе неправильную качку, что мы идемъ близъ береговъ, изгибы которыхъ отражаютъ прибойную волну въ самыхъ разнообразныхъ направленiяхъ, производя такимъ образомъ неправильное колебанiе водной поверхности.

Въ то время, какъ большинство пассажирокъ уже не въ состоянiи любоваться моремъ, а разговоры мужчинъ постепенно начинаютъ затихать подъ влiянiемъ все увеличивающейся качки, передъ нами открываются все новые и болѣе красивые виды побережья. Это—Мархотхскiй горный хребетъ отвѣсными отрогами круто спускается въ море, обнажая свои бѣлыя мѣловые обрывы, увѣнчанные на огромной вышинѣ зеленой каймой лѣса. Горы эти также залиты солнцемъ, какъ и само море. Сверкая подъ его лучами своею бѣлизною, онѣ уходятъ въ даль мощною круто

обрывистою стѣною, прерываемою лишь глубокими узкими ущельями--«щелями»—то обрамленными лѣсною зеленью, то бѣлыми, какъ сами обрывы. Вдали среди покрывающей вершины горъ зелени лѣсовъ красиво высится стройная бѣлая башня Дообскаго маяка близъ входа въ Новороссійскую бухту, гдѣ мы надѣемся найти отдыхъ отъ несносной качки. Около насъ то и дѣло весело выпрыгиваетъ пара большихъ дельфиновъ, повидимому, принявшая на себя трудъ состязаться въ скорости съ пароходомъ. Около маяка близъ входа въ Новороссійскую бухту качка достигаетъ апогея, но, ослабѣвая съ входомъ въ бухту, скоро прекращается въ ней совершенно. Съ приближеніемъ къ пристани всѣ уже оправились отъ качки; хотя дамы нѣсколько утомлены, но всѣ уже здоровы и собственными силами высаживаются съ парохода.

Здѣсь выясняется, что намъ придется ждать прибытія большого парохода до завтрашняго утра. Поэтому, прямо съ пристани по скверной новороссійской мостовой изъ мелкаго поставленнаго ребромъ камня мы ѣдемъ въ ближайшую гостинницу. Въ городѣ жара необычайная и послѣ путешествія моремъ всѣмъ намъ кажется, что мы попали въ какое то пекло. Но вечеромъ собираются тучи и городъ освѣжается дождемъ съ грозою, который, однако, къ несчастію нашему, продолжается и завтра. Между тѣмъ мы уже съ вечера взяли билеты на пароходъ «Россійскаго Общества», въ конторѣ котораго нашли много пріѣхавшихъ по желѣзной дорогѣ пассажировъ, уже почти два дня ожидающихъ прибытія парохода. Хотя заходившій вчера въ Новороссійскъ пароходъ Русскаго Общества «Константинъ» сегодня вѣроятно довезъ бы уже большинство ихъ до мѣста, однако они ждутъ прихода россійскаго «Платона», чтобы ѣхать по дешевому тарифу. Ждутъ его второй день, зная навѣрное, что по расписанію онъ придетъ только завтра. Конечно, это поселяетъ въ насъ сомнѣніе въ томъ, что на пароходѣ будетъ дѣйстительно просторно, благодаря «обычной» немногочисленности пассажировъ; но билеты уже взяты.

На завтра мы съ ранняго утра изъ оконъ гостинницы изучаемъ бухту, надѣясь усмотрѣть пришедшаго ночью «Платона», но густая пелена дождя препятствуетъ этому. Боясь опоздать,

мы, безъ дальнѣйшихъ справокъ, направляемся къ пароходу со всѣми вещами. Въ конторѣ сдаемъ на храненіе лишній багажъ, ненужный для предстоящаго пути, и съ остальными вещами, уже измокшіе подъ сильнымъ дождемъ, идемъ по длинной пристани къ грузящемуся «Платону». На немъ какъ и на всѣхъ пароходахъ «Россійскаго Общества», только два класса: третій—для палубныхъ пассажировъ и второй—для каютныхъ. Проталкиваясь между массой пассажировъ, скопившихся вверху въ рубкѣ, мы достигаемъ наконецъ общей каюты второго класса и находимъ ее почти сплошь занятой, но не людьми, а всякимъ ручнымъ багажемъ, наваленнымъ и на полу и на мебели. Свободна только средина каюты, гдѣ на стульяхъ сидятъ въ уныніи три пассажирки, не нашедшія, гдѣ надлежащимъ образомъ пріютиться. Толкотня невообразимая. Прислуга сбилась съ ногъ, раскладывая багажъ и разыскивая вещи, требуемыя то однимъ, то другимъ изъ пассажировъ, большинство которыхъ за неимѣніемъ мѣста въ каютѣ, помѣстилось вверху, въ рубкѣ, въ крышу которой стучитъ дождь, а въ отворяемыя на палубу двери врывается вѣтеръ. Очевидно дешевый тарифъ имѣетъ свое значеніе и не останавливаетъ нѣкоторую часть публики даже передъ неудобствами путешествія въ такой тѣснотѣ!..

Что будетъ при этой массѣ вещей и пассажировъ въ морѣ, если тамъ разыграется волненіе, которое теперь замѣчается даже въ прекрасно защищенной бухтѣ? Гдѣ и какъ будемъ здѣсь спать ночью? Не начнутъ ли всѣ эти наваленныя чуть не до потолка вещи, въ тактъ волненію, перекатываться по нашимъ головамъ съ одной стороны каюты на другую?—спрашиваемъ мы себя въ недоумѣніи, остановившись передъ картиной этого трудно вообразимаго хаоса.

Рѣшаемъ подождать другого парохода и ищемъ агента Общества. Онъ, надо правду сказать, съ полною любезностью и безъ всякихъ отговорокъ возвращаетъ намъ плату, полученную за 5 билетовъ и мы спѣшимъ возвратиться въ городъ. Но это не такъ легко. Наши вещи въ каютѣ уже заложены другуми мокрыми отъ дождя вещами послѣ насъ прибывшихъ; наши чемо-

даны и саки оказываются весьма сходными по виду съ таковыми же другихъ пассажировъ. Прислуга, призываемая одновременно съ разныхъ сторонъ, мечется, какъ угорѣлая—и мы лишь съ трудомъ находимъ наконецъ свои вещи. Опять нанимаемъ носильщиковъ и подъ дождемъ шествуемъ по длинной пристани въ контору, гдѣ надо еще получить обратно багажъ, оставленный на храненіе. Тамъ встрѣчаемъ компанію пассажировъ, тоже отказавшуюся отъ поѣздки на «Платонѣ». Они рѣшаются ждать 2—3 дня до прихода другого «Россійскаго» парохода, потому что на пароходахъ «Русскаго Общества» дороже и, главное, служащіе и прислуга такъ дерзки и грубы, что поѣздки на этихъ пароходахъ, какъ они знаютъ по опыту, могутъ быть связаны съ большими непріятностями, которыхъ лучше избѣгнуть.

Въ конторѣ «Русскаго Общества» я узнаю, что пароходъ ожидается завтра утромъ. Но контора положительно отказывается взять наши лишнія вещи для храненія на время пути за какую бы то ни было плату. Билетовъ не продаютъ до прихода парохода, пока не выяснится вопросъ, сколько мѣстъ осталось свободныхъ. Порядки, какъ видите, въ разныхъ пароходствахъ различные. На первый взглядъ различны и служащіе. Насколько въ конторѣ «Россійскаго Общества» служащіе производятъ впечатлѣніе людей внимательныхъ и любезныхъ, отзывчивыхъ на нужды пассажировъ, на столько же въ болѣе богато обставленной конторѣ «Русскаго Общества» всѣ скупы на объясненія и оффиціальны, хотя и сухо-вѣжливы.

Совершенно измокшіе и усталые, съ кучей вещей, мы ѣдемъ подъ дождемъ опять въ гостинницу, тамъ усиленно сушимся и цѣлый день рѣшаемъ на всѣ лады вопросъ о предстоящей поѣздкѣ, причемъ подъ вліяніемъ этой первой неудачи нѣкоторые предлагаютъ даже, отказавшись отъ поѣздки, возвратиться на житье въ Геленджикъ. Но слѣдующій день встрѣчаетъ насъ свѣтлымъ радостнымъ утромъ и этого, какъ не рѣдко бываетъ, вполнѣ достаточно, чтобы отдохнувшіе за ночь туристы, бросивъ всѣ колебанія, быстро собрались въ путь и вновь отправились на пароходную пристань.

На пароходѣ публики много, но вездѣ порядокъ: весь болѣе крупный багажъ сданъ въ трюмъ (конечно, съ платой—и не особенно дешевой), а при пассажирахъ только самый нужный, преимущественно ручной багажъ, которому отведено особое мѣсто. Просторно, свѣтло и чисто. При покупкѣ билета въ агенствѣ выходитъ маленькое недоразумѣніе. Я прошу дать мнѣ семейный билетъ на 5 лицъ (дающій скидку въ 10%, а при взятіи обратныхъ билетовъ даже 30%), но отъ меня требуютъ доказательствъ родственныхъ отношеній лицъ, ѣдущихъ со мною. Приходится идти къ вещамъ за паспортными книжками и моя очередь пропадаетъ. Ставъ опять въ очередь уже съ видами въ рукахъ, я дожидаюсь минутъ двадцать и наконецъ сдаю свои виды, но получаю приглашеніе подождать, пока провѣрятъ мои права на семейный билетъ. Очередь моя опять пропадаетъ, а между тѣмъ билеты продолжаютъ выдаваться тѣмъ, кто стоялъ позади меня. Понятно, я волнуюсь, что не хватитъ мѣстъ. Но въ концѣ концовъ получаю все-таки билеты, хотя уже послѣднимъ. Однако и тутъ не безъ задержки: у кассира является сомнѣніе въ родствѣ между моей женою и ея сестрою, которая, по его мнѣнію, можетъ быть включена въ семейный пароходный билетъ лишь при одинаковости ихъ фамилій! Однако это недоразумѣніе скоро улаживается—но лишь благодаря убѣдительности представленныхъ мною доводовъ, доказывающихъ, что при однородности отчествъ замужняя и незамужняя сестры, несмотря на свое близкое родство, весьма нерѣдко носятъ различныя фамиліи...

Мы устраиваемся все-таки достаточно удобно и довольные выходимъ на палубу любоваться видами новороссійской бухты. Теперь для насъ вопросъ только въ томъ, не будетъ ли за предстоящіе сутки пути сильной качки въ морѣ. Но хотя небо покрыто облаками и временами дуетъ вѣтерокъ, пока день все-таки свѣтлый и теплый. Обидно не воспользоваться удобнымъ случаемъ и не повидать, какъ отчалитъ пароходъ, какъ онъ пройдетъ мимо красивыхъ моловъ, какъ выйдетъ въ открытое море— и наши боящіяся качки дамы сразу нарушаютъ наставленія, на дняхъ только полученныя отъ врача-писателя А. Я. Елпатьев-

скаго. Чтобы организмъ постепенно свыкся съ новымъ положеніемъ, надо было лечь въ койки немедленно по прибытіи на пароходъ и лежать въ нихъ, по крайней мѣрѣ, полчаса по выходѣ его въ открытое море. Между тѣмъ онѣ, надѣясь на свѣтлый день и сравнительную тишину въ бухтѣ, давно уже сидятъ на палубѣ, даже и не помышляя объ этомъ. Впрочемъ судьба, заставившая насъ ждать парохода на пристани до полудня, побудила насъ нарушить и другое рекомендуемое условіе, обезпечивающее отъ вліянія качки: не пускаться въ путь съ пустыми желудками.—На пристани, конечно, достать было нечего, а у буфетчиковъ «русскихъ» пароходовъ повидимому такая ужь манера: откладывать и завтракъ и обѣдъ по возможности, до выхода въ море. Тамъ начавшаяся качка сразу даетъ значительный процентъ лицъ отказывающихся принимать пищу, что составляетъ прямой барышъ буфетчика, такъ какъ большинство беретъ билеты съ оплатой полнаго содержанія. Правда, бываетъ въ случаяхъ подобныхъ замедленій, что оголодавшіе пассажиры вопіютъ къ капитану или его дежурному помощнику; но въ большинствѣ получается изъ буфета стереотипный отвѣтъ, что «въ кухнѣ еще не готово». Тогда пароходный чинъ безнадежно разводитъ передъ оголодавшими пассажирами обѣими руками, давая этимъ понять, какъ онъ безсиленъ передъ недугами поварского искусства.

На встрѣчу намъ идетъ двухтрубный океанскій гигантъ, нѣсколько качающихся фелюгъ лавируютъ подъ парусами вокругъ нашего парохода. Мимо насъ, обогнавъ океанскій пароходъ, быстро прошныриваетъ маленькая сѣрая миноноска съ нумеромъ, вмѣсто надписи, обозначающей названіе судна,—и пароходъ нашъ, взрывая носомъ пѣну, быстро выходитъ за молы. Съ палубы видно, что тамъ вдали, въ открытомъ морѣ водная поверхность какъ будто не такъ гладка, какъ по сю сторону моловъ, но, и выйдя за молы, мы долго еще идемъ по защищенной бухтѣ, покрытой лишь незначительной рябью. Однако постепенно, по мѣрѣ приближенія къ выходу изъ бухты, насъ слегка начинаетъ приподымать и опускать на легкихъ, но понемногу увеличивающихся волнахъ,—на палубѣ уже начинаетъ чувствоваться вѣтеръ,

котораго почти незамѣтно было въ защищенной горами бухтѣ. Дамы одна за другою начинаютъ спускаться въ каюты, а пароходъ нашъ быстро несется по широкимъ размашистымъ волнамъ мимо тѣхъ красивыхъ береговъ, которыми мы любовались третьяго дня съ «Отважнаго». Черезъ часъ-полтора мы уже минуемъ и входъ въ Геленджикскую бухту, куда воскресный пароходъ, по росписанію совсѣмъ не заходитъ. Тамъ на голомъ мысу, у входа въ бухту на высотѣ 3—4 саж. надъ уровнемъ моря, виднѣется небольшое зданіе маяка, подверженное всѣмъ вѣтрамъ, а во время сильнаго зимняго нордъ-оста обливаемое до крыши столбами брызгъ морской воды, осѣдающими на его стѣнахъ толстою ледяною корою.

Чѣмъ дальше, тѣмъ отвѣсный непреступный берегъ становится все выше и выше. Его бѣлая стѣна известково-мѣловыхъ отложеній далеко тянется впередъ, теряясь въ безконечной дали, не образуя ни укромныхъ бухтъ, ни тихихъ заливовъ. Мѣстами онъ прерывается только узкими и мрачными щелями, по крутымъ бокамъ которыхъ сбѣгаетъ къ морю зелень лѣсовъ покрывающихъ вершины береговыхъ высотъ. А у бѣлаго подножія ихъ съ шумомъ и пѣной бьется о неприступные утесы взволновавшееся море.

Но любоваться этой мрачной и могучей красотой намъ то и дѣло мѣшаютъ набѣгающія полосы дождя. Погода становится непостоянной; непрекращающійся вѣтеръ, то и дѣло нагоняя отдѣльныя дождевыя тучи, набѣгаетъ все усиливающимися шквалами. Солнце то выбѣгаетъ изъ-за быстро несущихся облаковъ, радостно озаряя и море и освѣженныя дождемъ берега, то снова скрывается въ налетѣвшую тучу, и море вновь становится сумрачнымъ, волны сѣдыми. Пароходъ покачиваетъ и вдоль и съ боковъ, и покачиванія эти даютъ возможность замѣтить, что онъ значительно наклоненъ на лѣвый бортъ,—на этотъ лѣвый бортъ при накренѣ волной по временамъ долетаютъ брызги, тогда какъ правый наклоняется гораздо меньше. Оказывается, что пароходъ перегрузили на этотъ бокъ въ Новороссійскѣ.

Но вѣдь это можетъ быть въ бурю опасно? Какъ же это могло случиться?—обращаются пассажиры къ одному изъ матросовъ

— Нешто, сообразишь, на какомъ боку грузъ будетъ тяжелѣе!—флегматично замѣчаетъ матросъ очень неохотно отвѣчавшій на наши тревожные вопросы и, неостанавливаясь, проходитъ дальше.

Я вспоминаю, что и приходившіе въ Геленджикъ пароходы «Русскаго Общества» даже въ самую тихую погоду тоже имѣли нерѣдко накренъ на какой либо одинъ бокъ. Но это сообщеніе не успокаиваетъ одного изъ нашихъ попутчиковъ, боящагося, «начинающейся бури»: вѣтеръ дуетъ намъ въ бокъ прямо съ открытаго моря и какъ разъ такъ, что усиленно кренитъ пароходъ именно на перегруженную сторону. Трусливый пассажиръ давно уже волнуется по поводу того, что «начинается настоящая буря», но ему не хочется спросить объ этомъ прямо кого либо изъ матросовъ изъ боязни быть поднятымъ на смѣхъ. Наверхъ же къ дежурному помощнику капитана входъ постороннимъ запрещенъ. Тщетно испытуя глазами волны и небо, онъ рѣшаетъ заняться наблюденіями надъ этимъ дежурнымъ помощникомъ капитана.

— Если на лицѣ его будетъ обнаруживаться безпокойство или болѣе усиленная озабоченность, а въ движеніяхъ суетливость, или хотя бы нѣкоторая нервность, то это будетъ—объясняетъ пассажиръ—вѣрнымъ признакомъ увеличивающейся опасности положенія—болѣе вѣрнымъ, чѣмъ мои—человѣка неопытнаго—личныя наблюденія надъ моремъ и небомъ!

Однако и продолжительныя наблюденія надъ дежурнымъ помощникомъ капитана ни къ чему не приводятъ.

— Чортъ его возьми совсѣмъ!—говоритъ онъ о предметѣ своихъ наблюденій—ходитъ себѣ тамъ по своей эстрадѣ словно машина и хоть бы что: ни на лицѣ, ни въ движеніяхъ! Прямо они—эти моряки—непроницаемы! Налетитъ туча, набѣжитъ шквалъ, закачаетъ какъ будто сильнѣе, захлещетъ дождь, а этотъ дежурный, все по прежнему, ходитъ себѣ какъ заведенная машина, да, молча поглядываетъ впередъ... Привыкли должно быть не показывать виду... Или...—какъ вы думаете?—можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ еще не такъ опасно?!...

Я сообщаю ему, что, по разсказамъ, вчера былъ вѣтеръ еще сильнѣе, такъ что «Платонъ» шелъ съ закрытыми иллюминаторами, а волны вливались на палубу, чего въ данномъ случаѣ не замѣчается. Но это не успокаиваетъ его, потому что погода, видимо, ухудшается. Главное, что его волнуетъ, это—непріятное сознаніе, что въ случаѣ наступленія настоящей опасности, пароходу, какъ извѣстно изъ каждаго путеводителя по побережью, совершенно некуда укрыться отъ бури, и въ случаѣ наступленія послѣдней, отъ этихъ утесистыхъ береговъ «можно ждать не спасенія, а смерти»!

Въ самомъ дѣлѣ, все это побережье, за исключеніемъ Геленджикской, Новороссійской и отчасти Сухумской бухты, на нѣсколько сотенъ верстъ береговаго протяженія вплоть до Батума совершенно открыто для свободнаго набѣга бурной морской волны [1]). На всемъ этомъ протяженіи берегъ представляетъ слабо извилистую, а кое гдѣ и совершенно прямую линію, почти лишенную бухтъ и удобныхъ якорныхъ стоянокъ, при чемъ берега моря отъ Анапы до Сухума большею частію высоки и скалисты, а между Сухумомъ и Батумомъ низки и мѣстами болотисты. Неудобство стоянки для судовъ въ первой—сѣверной—части увеличивается еще открытостью береговъ вѣтрамъ многихъ румбовъ и въ томъ числѣ борѣ (между Новороссійскомъ и Туапсе). Между тѣмъ Черное море вообще извѣстно своей бурливостью. Въ зимнее же время, приблизительно съ половины ноября и до апрѣля, оно находится почти въ постоянномъ волненіи. Эти обстоятельства всегда составляли серіозное препятствіе мореходству вдоль береговъ кавказскаго побережья. Въ періодъ войны съ горцами, когда на побережьѣ былъ устроенъ рядъ русскихъ укрѣпленій подъ общимъ именемъ «черноморской береговой линіи», укрѣпленія эти, благодаря бурямъ, нерѣдко по долгу оставались безъ подвоза провіанта. Дѣло заключалось въ томъ, что «наши

---

[1]) Потійскую бухту считать нельзя, такъ какъ въ нее нельзя войти съ моря во время бури.

пароходы выжидали иногда по мѣсяцу удобнаго времени» для выхода въ море, «да и то нерѣдко должны были проходить мимо нѣкоторыхъ укрѣпленій по невозможности пристать къ берегу» [1]). Конечно, нынѣшніе болѣе крупной конструкціи и болѣе совершенно устроенные пароходы и избавлены отъ необходимости отстаиваться по цѣлому мѣсяцу. Но, съ другой стороны, фактъ невозможности высадки и пріема пассажировъ и груза въ сильное волненіе на многихъ остановочныхъ пунктахъ побережья до сихъ поръ еще составляетъ, особенно зимою, вполнѣ обычное явленіе. Нерѣдки случаи, что пассажиры, ѣдущіе изъ Новороссійска только въ Джубгу (близъ Геленджика) или въ Сочи, за невозможностью высадки съ парохода, проѣзжаютъ до Батума и высаживаются только на обратномъ пути парохода; да и то, если позволитъ волненіе. Не составляетъ рѣдкости и тотъ фактъ, что нѣкоторые прибрежные пункты за неимѣніемъ другихъ путей сообщенія, кромѣ морского, подолгу и тщетно ждутъ привоза тѣхъ или другихъ, давно уже вышедшихъ товаровъ, составляющихъ предметъ постояннаго потребленія жителей, и немогутъ ихъ получить потому, что пароходы провозятъ ихъ мимо, за невозможностью остановокъ [2]). Между тѣмъ развитіе каботажнаго плаванія, было бы особенно важно здѣсь именно благодаря недостатку, а мѣстами и полному отсутствію сухопутныхъ путей сообщенія и оно могло бы давать значительный матеріалъ для грузовъ большимъ пароходамъ. Но благодаря выясненнымъ выше особенностямъ береговъ кавказскаго побережья, плаваніе это до невозможности неудобно и при данныхъ условіяхъ не можетъ развиться, хотя безъ него, собственно говоря, почти немыслимо правильное развитіе побережнаго хозяйства. Въ

---

[1]) «Воспоминанія Гр. Ив. Филипсона», Москва, 1885 г.

[2]) Въ 1900 г. пароходы такъ долго не могли пристать у Сочи, что въ тамошнихъ лавкахъ вышелъ весь сахаръ; въ 1895—96 гг. пароходы въ теченіе болѣе мѣсяца не могли остановиться у Сочи и когда, наконецъ, море затихло и остановился пароходъ съ грузомъ, въ мѣстныхъ лавкахъ остался уже всего только одинъ мѣшокъ муки. (В. Цвѣтовъ. „Спутникъ туриста по Кавказу“).

давнія времена жители страны пользовались для каботажнаго плаванія легкими гребными судами съ парусомъ для ѣзды во время вѣтра. Устройство этихъ судовъ позволяло ихъ вытаскивать на берегъ или перетаскивать въ устья большихъ рѣкъ, чтобы отстаиваться до прекращенія бури. Нынѣшнія фелюги—суда по преимуществу парусныя, слишкомъ тяжелы для вытаскиванія на берегъ силами обычнаго ихъ экипажа и слишкомъ глубоки для перетаскиванія въ устья рѣчекъ, хотя имѣютъ то крупное преимущество передъ прежними легкими судами, что подымаютъ значительно больше груза. Въ виду всего этого настоятельною необходимостью является устройство небольшихъ искусственныхъ бухтъ для укрытія судовъ отъ бурь при устьяхъ болѣе значительныхъ рѣкъ, гдѣ берегъ обыкновенно образуетъ все-таки нѣчто въ родѣ заливчика и гдѣ, благодаря рѣкѣ, прилегающая мѣстность является, по обыкновенію, болѣе заселенною. Это сразу поставитъ дѣло каботажнаго плаванія въ благопріятныя условія, безъ которыхъ оно не можетъ надѣяться на дальнѣйшее развитіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно потребуетъ на весь этотъ рядъ сооруженіей гораздо меньше затратъ, чѣмъ тратилось у насъ на сооруженіе какого-нибудь одного порта въ родѣ, напр., Потійскаго, откуда суда передъ бурею стараются выйти въ открытое море ради своей безопасности.

Это слабое развитіе каботажнаго плаванія не можетъ не броситься въ глаза каждому ѣздившему на пароходѣ вдоль побережья,—море около побережья отличается своей пустынностью: рѣдко-рѣдко увидишь на немъ какую-нибудь пріютившуюся у берега фелюгу, идущее подъ парусами суденышко, или, въ лучшемъ случаѣ, молча пройдетъ на встрѣчу рейсовый пассажирскій пароходъ и вскорѣ скроется въ отдаленіи. И опять передъ глазами только берегъ и красивое, но пустынное море.

Взбираясь съ волны на волну и покачиваясь на обѣ стороны, пароходъ бойко идетъ впередъ, а мы—пассажиры, которыхъ еще не укачало волненіе, проводимъ время въ разговорахъ, въ измѣреніи длины и ширины парохода шагами, въ подробномъ его осмотрѣ, въ попыткахъ правильно и прямо ходить по па-

лубѣ, несмотря на качку. Пароходъ минулъ уже скрытый за дождевою пеленой красивый мысъ Джанхотъ и идетъ мимо извѣстной «еропкинской» колоніи земледѣльцевъ-интеллигентовъ, рисующейся съ него въ видѣ домиковъ, разбросанныхъ среди густой зелени одной изъ сравнительно возвышенныхъ террасъ берегового склона. Въ путеводителѣ г. Москвича (1900 г.) читатель найдетъ весьма интересное указаніе на «громадное культурное вліяніе этой колоніи». По собранымъ справкамъ, это указаніе весьма близко къ истинѣ. Колонія служитъ для мѣстнаго насенія единственнымъ живымъ примѣромъ тому, какъ надо вести хозяйство въ этой полосѣ при данныхъ условіяхъ климата, почвы и пр. Окрестное населеніе поучается этому у интеллигентныхъ землепашцевъ Криницы и поучается съ несомнѣнной пользой для дѣла. Жаль только, что при крайне слабомъ развитіи путей сообщенія и происходящей отсюда изолированности мѣстныхъ населенныхъ пунктовъ, вліяніе это должно неизбѣжно ограничиваться сравнительно не широкимъ райономъ. Между тѣмъ на побережьѣ слишкомъ рѣдки примѣры столь раціональной, вполнѣ принаровленной къ мѣстнымъ условіямъ постановки сельскохозяйственнаго дѣла, такъ что побережному сельскому насенію почти не у кого этому научиться. Криничане же охотно при томъ помогаютъ проходящимъ къ нимъ полезными совѣтами и указаніями. Въ этомъ отношеніи можно пожелать Криницѣ долгихъ лѣтъ существованія и всякихъ успѣховъ. И можно въ тоже время пожалѣть, что будущее Криницы, какъ я слышалъ, нельзя считать прочнымъ потому, что земля, фактически принадлежащая всѣмъ криничанамъ, куплена на имя одного лица, въ случаѣ смерти или ухода котораго могутъ возникнуть серіозныя осложненія въ вопросѣ о правахъ членовъ общины на эту землю. Усердные хлопоты криничанъ о закрѣпленіи права собственности на эту землю за всею общиною,—что и было бы единственнымъ выходомъ изъ этого неудобнаго положенія,—какъ я слышалъ, до сихъ поръ не приводили ни къ какимъ результатамъ.

Миновавъ Криницу и д. Береговую,—бывшее укрѣпленіе Новотроицкое, пароходъ проходитъ вскорѣ мимо расширяющагося

къ морю ущелья, въ низинѣ котораго расположено вблизи берега селеніе съ церковкою и отдѣльно стоящимъ бѣлымъ крестомъ на авансценѣ. Это—селеніе Вуланка, бывшее укрѣпленіе Михайловское, носящее нынѣ оффиціальное названіе Архипо-Осиповскаго селенія, въ память того героя, которому поставленъ тотъ бѣлый крестъ, чуть-чуть видный съ парохода. Когда въ 1839 г., послѣ нѣсколькихъ побѣдъ надъ Шамилемъ, военныя дѣйствія противъ горцевъ вновь возобновились и на Черноморскомъ побережьѣ, то находившіеся тамъ укрѣпленія были въ полуразрушенномъ состояніи, гарнизоны же ихъ крайне ослаблены лихорадками и другими изнурительными болѣзнями. Горцы значительными массами обрушились на эти укрѣпленія и 7 февраля 1840 г., истребивъ поголовно всѣхъ защитниковъ форта Лазарева (нынѣ д. Лазаревская, южнѣе Туапсе), уничтожили это укрѣпленіе, а 29 февраля таже участь постигла и укрѣпленіе Вельяминовское (Туапсе). Затѣмъ въ мартѣ мѣсяцѣ настала очередь и форта Михайловскаго. Трогательными красками описываетъ Филипсонъ [1]) эту борьбу горсти отрѣзанныхъ со всѣхъ сторонъ и ослабленныхъ болѣзнями и постояннымъ ночнымъ бодрствованіемъ солдатъ съ окружавшими ихъ полчищами горцевъ. Немногочисленная горсть этихъ храбрецовъ долго отбивалась отъ приступовъ горцевъ. И солдаты и офицеры, зная неизбѣжно печальный исходъ борьбы, рѣшились стоять до послѣдней капли крови.

Въ одинъ прекрасный день, незадолго до послѣдняго нападенія горцевъ, начальникъ укрѣпленія капитанъ Лико собралъ войска и сдѣлалъ вызовъ желающихъ взорвать укрѣпленіе въ тотъ моментъ, когда побѣдившій непріятель ворвется въ фортъ,—взорвать и умереть подъ развалинами форта! Изъ фронта вышло десять человѣкъ и затѣмъ при каждомъ вечернемъ расчетѣ гарнизона,—кому и гдѣ находиться на случай нападенія,—вызывался очередной изъ этихъ десяти. Но вскорѣ рядовой Тенгинскаго полка Архипъ Осиповъ обратился къ капитану Лико съ

---

[1]) См. его «Воспоминанія».

усердною просьбой возложить этотъ подвигъ на него одного. Послѣ этого капитанъ Лико, ежедневно вызывая команду, передъ фронтомъ напоминалъ Осипову его обѣщаніе и каждый разъ этотъ рядовой громко повторялъ свою клятву. Въ критическій моментъ, когда горцы уже ворвались въ укрѣпленіе и надежды на спасеніе не оставалось никакой, Архипъ Осиповъ схватилъ фитиль и съ крикомъ «поминайте. братцы, Архипа Осипова!»—бросился въ пороховой погребъ. Послѣдовалъ ужасный взрывъ, уничтожившій и крѣпость и остатокъ недобитаго горцами гарнизона и погубившій толпы ворвавшихся въ крѣпость горцевъ. Пораженные ужасомъ оставшіеся въ живыхъ горцы бѣжали отъ укрѣпленія, а изъ русскихъ спасся только одинъ солдатъ, счастливо отброшенный силою взрыва и не попавшій въ руки горцевъ, благодаря ихъ отступленію. Онъ то и разсказалъ впослѣдствіи о послѣднихъ дняхъ укрѣпленія Михайловскаго и о подвигѣ Архипа Осипова.

Мы уже приближаемся къ Джубгѣ и на пароходѣ идутъ споры о томъ, допуститъ ли волненіе у береговъ Джубги спустить фелюгу на встрѣчу пароходу.

Джубга—это большое селеніе, окрестности котораго заняты довольно многочисленными частновладѣльческими участками, на части которыхъ, обращенной подъ культуру, разводится преимущественно табакъ и виноградники; почвенныя условія особенно благопріятствуютъ табаководству. Въ Джубгѣ недурное купанье, недорогая жизнь (можно нанять домикъ у мѣстныхъ поселянъ въ 3—4 комнаты за 15—20 р. въ мѣс.) и недурныя окрестности.

Наши споры скоро однако прекращаются, такъ какъ издали видно, что двѣ фелюги отдѣляются отъ берега. Наполненныя пассажирами онѣ на веслахъ, то высоко вздымаясь на движущіяся водяныя горы, то пропадая между ними, медленно приближаются къ быстро идущему имъ на встрѣчу пароходу. Борьба съ волнами, видимо, нелегкая и пароходъ успѣваетъ уже бросить якорь противъ Джубги въ то время, когда фелюги сдѣлали не много болѣе половины пути. Нетерпѣливый пароходъ даетъ уже пер-

вый свистокъ, а онѣ все еще борются съ волнами. Наконецъ, передняя приближается къ борту у кормовой части и старается притянуться къ трапу то далеко отбиваемая отъ него волною, то чуть не ударяемая о его бортъ. Не безъ тревоги наблюдаемъ мы сверху, какъ, улавливая удобный моментъ, прибывшіе на фелюгѣ пассажиры, хватаясь обѣими руками за перила трапа, ухитряются вскочить на нижнюю его ступеньку и затѣмъ подпимаются на палубу. Между тѣмъ другая фелюга, также то отбрасываемая, то подталкиваемая къ борту парохода волнами, подойдя къ носовой части борта, принимаетъ изъ трюма грузъ опускаемый въ фелюгу паровымъ подъемнымъ краномъ. Спускъ груза, сопровождается непріятнымъ визгомъ подымающихъ грузъ изъ трюма цѣпей и обычными при этомъ выкриками техническихъ словъ «майна» и «вира», служащихъ синонимами «подымай» и «опускай». Еще не успѣли спустить въ фелюгу послѣдній подхваченный «майна—вирой» узелъ груза, а уже пароходъ даетъ третій свистокъ и начинаетъ поднимать якорь. Видно, что «Русское» пароходное общество очень дорожитъ временемъ.

Дальше изъ пунктовъ, имѣющихъ историческое значеніе, намъ придется до Туапсе миновать только устье р. Шапсухо, гдѣ когда то стояло Тенгинское укрѣпленіе. Составитель перваго русскаго описанія всего восточнаго берега Чернаго моря Карльгофъ[1]) дѣлитъ горное побережье между Новороссійскомъ и Сухумомъ (съ котораго начинаются уже береговыя низины) на двѣ части— по ту и по сю сторону р. Шапсухо. Первую, которую пароходъ нашъ долженъ миновать у Тенгинскаго мыса, онъ характеризуетъ какъ мѣстность, выражающуюся «уже рѣзкими чертами горной страны. Не только главный хребетъ, но и отрасли его достигаютъ довольно значительной высоты; скаты ихъ круты, изрѣзаны оврагами и перегнуты угловыми изломами, а гребни остроконечны». Въ слѣдующей затѣмъ части побережная «мѣстность совершенно принимаетъ суровый видъ горной природы. Главный хребетъ воз-

---

[1]) «Военностатистическое обозрѣніе вост. берега Чернаго моря», СПБ. 1853 г.

ростаетъ до исполинскихъ размѣровъ и мѣстами достигаетъ до снѣговой черты». «Отъ главной цѣпи откидываются къ морскому берегу, въ видѣ контрфорсовъ, массивныя, утесистыя и изрытыя оврагами отроги, которые, развѣтвляясь, наполняютъ второстепенными отраслями, столько же рѣзко очерченными, какъ и самыя отроги, всю мѣстность и образуютъ тѣснины и глубокія ущелья». Теперь мы плывемъ мимо этихъ горныхъ громадъ, зеленѣющихъ подъ покровомъ лѣсной растительности. Утесы огромны, горы высоки, виды красивы, величественны. Но это не крымскіе изящные берега, оживленные чрезвычайнымъ разнообразіемъ рельефа, быстро смѣняющеюся панорамой горъ и пригорковъ, утесовъ, красивыхъ долинъ, ущелій, зеленыхъ культурныхъ полянъ, парковъ, деревень, садовъ и дачъ. Это суровые величественные виды, слабо оживленные людскою жизнью, поражающіе и привлекающіе своею огромностью и первобытной дикостью.

Горный хребетъ, достигающій у Джубги до 3000 футовъ надъ уровнемъ моря, къ ю.-в. отъ Туапсе, постепенно отступая въ главной своей части отъ берега моря, доходитъ уже до 6 и 7000 ф. высоты. Благодаря этому удаленію главнаго хребта отъ моря по мѣрѣ приближенія къ югу узкая полоса черноморскаго побережья, достигающая ширины не болѣе 3-хъ верстъ около Новороссійска и мѣстами съуживаемая въ сѣверной части почти на-нѣтъ, по мѣрѣ приближенія къ Сухуму (за предѣлами Черноморской губ.) достигаетъ уже 70 в., а вблизи Очемчиръ—до 150 верстъ. Но удаляясь отъ моря, главный хребетъ тѣмъ не менѣе отпускаетъ отъ себя въ сторону моря вѣтвистые отроги и контръ-форсы, изрѣзывающіе прибрежную полосу рядомъ второстепенныхъ хребстовъ, холмовъ и ущелій, постепенно понижающихся по мѣрѣ приближенія къ морю. Благодаря этому большая часть—около трехъ четвертей побережья—занята живописно спускающимися къ морю террасами, выступающими въ него возвышенными скалами, мѣстами съуживающими низменную береговую полосу тоже или совсѣмъ на-нѣтъ или до ширины тропинки, омываемой водами прибоя. И только остальная ($^1/_4$) часть побережья состоитъ изъ низменностей—преимущественно близъ Сухума и южнѣе его,—то болѣе

широкихъ, разстилающихся на десятки верстъ, то болѣе узкихъ, образующихся у дельтъ нѣкоторыхъ рѣкъ, или же въ видѣ расширенныхъ ущелій и котловинъ, обрамленныхъ прибрежными отрогами горнаго хребта.

У борта парохода собралась группа пассажировъ изъ нѣсколькихъ чуекъ и «спинжаковъ» и двухъ крестьянъ изъ южныхъ губерній. Прислушиваясь къ ихъ бесѣдѣ, я скоро убѣждаюсь въ томъ, что ихъ соединилъ одинъ общій интересъ къ землѣ, которую они ищутъ на побережьѣ. Крестьяне идутъ присмотрѣть земли для переселенія, а чуйки и спинжаки, эти наши побережные, «культуртрегеры», присматриваютъ земли для скупки съ цѣлью перепродажи. Они—знатоки края, постоянно ѣздятъ по побережью, присматриваясь, прицѣниваясь, собирая свѣдѣнія и дѣлая покупки. Они этимъ живутъ и бесѣда ихъ очень поучительна для невидавшихъ побережья крестьянъ, которые внимательно прислушиваются къ ихъ разговорамъ, отъ времени до времени обращаясь за разъясненіями.

Крестьяне эти—ходоки, посланные «міромъ» для пріисканія вольныхъ земель. Они слышали о хорошихъ мѣстахъ подъ Туапсе и Сочи и видъ незаселенныхъ, покрытыхъ лѣсомъ окрестностей Джубги успокоилъ ихъ относительно возможности найти вольныя земли въ этихъ мѣстахъ. Но чуйки и спинжаки разъясняютъ имъ, что около Сочи и Туапсе все уже позанято, что окрестности Джубги тоже всѣ въ частныхъ рукахъ, а если большая часть ихъ лежитъ еще впустѣ, то это не значитъ еще, что она ничья. По ихъ словамъ, пригодныхъ къ культурѣ вольныхъ земель около моря въ этихъ мѣстахъ почти уже нѣтъ, а оставшіяся незанятыми мало доступны и при данныхъ условіяхъ заселеніе ихъ почти невозможно.

Но ходоки все еще сомнѣваются въ этомъ. Имъ трудно вѣрится, чтобы эти огромныя некультурныя, заросшія лѣсомъ пространства побережья, непрерывною панорамою развертывающіяся передъ ихъ глазами, нельзя было теперь же утилизировать подъ вольное заселеніе.

— И какъ же можно, чтобы такая масса земли лежала нераспаханной, нетронутой и въ тоже время не была бы свободна, а кому то принадлежала!?. И кто это такой, этотъ неизвѣстный *хозяинъ* всей этой уймы нетронутой земли, который и самъ ею не пользуется и другимъ не даетъ?...—удивляются ходоки.

— «Хозяинъ, хозяинъ»!—передразнивая ходока, съ усмѣшкой отвѣчаетъ одинъ изъ спинжаковъ. Ищи вѣтра въ полѣ—найдешь тутъ хозяина! Тутъ, братъ, за исключеніемъ пяти—десяти человѣкъ на всемъ побережьѣ, нѣтъ ни одного *хозяина*, а все одни только *собственники*...

И видя недоумѣніе ходоковъ, добавляетъ:

— Понимаете вы—которая земля ближе къ морю и поудобнѣе роздана въ разныя руки, разнымъ, значитъ, лицамъ, въ родѣ, напр., дворянамъ, служащимъ чиновникамъ и т. п. Ну, они, конечно, состоятъ всѣ при своей службѣ, а земля ихъ... состоитъ вотъ здѣсь на побережьѣ. Они тамъ сами по себѣ, а земля здѣсь сама по себѣ. Оттуда имъ хозяйство вести, сами понимаете, не сподручно—вотъ она и лежитъ пока что, въ ожиданіи, что когда-нибудь владѣлецъ надумается чего-нибудь съ нею сдѣлать, а вѣрнѣе—до хорошей цѣны, чтобы продать ее повыгоднѣе.

Онъ разъясняетъ имъ, какъ мало на побережьѣ владѣльцевъ которые если не сами, то хотя черезъ управляющихъ разрабатываютъ свои земли. Разсказываетъ какъ при этомъ много изъ нихъ такихъ, которые, какъ и они—ходоки и всѣ переселяющіеся на побережье степные крестьяне,—совершенно не зная мѣстныхъ земель и условій, принимаются за хозяйство не такъ, какъ слѣдуетъ, убивая на него безплодно массу труда, а нѣкоторые болѣе богатые—и десятки и сотни тысячъ рублей, прежде чѣмъ чего нибудь добьются или совсѣмъ бросятъ всякіе опыты съ землею...

— Вотъ потому то—разъясняетъ онъ—и лежитъ вся эта земля почти не тронутая, а перемѣняются у нее только собственники ея: сегодня одинъ, завтра другой и уже поджидаетъ цѣны, чтобы продать третьему, который тоже не будетъ надъ ней стараться...

— Ну, а мы— добавляетъ онъ съ усмѣшкой оглядывая свою компанію,—мы этому дѣлу главные помощники: одному поможемъ продать, у другого сами купимъ, чтобы перепродать новому, такъ и хозяйничаемъ землею,—распредѣляемъ ее между новыми владѣльцами. Такъ что ежели вамъ нужно видѣть этой земли хозяевъ, такъ если правду сказать мы то и есть ей настоящіе хозяева! Пожалуйте и покупайте, если, конечно, денежки имѣете!..

— А вѣдь это ты ловкую, Иванъ Сидоровичъ, для насъ резолюцію вывелъ!—восклицаетъ въ восторгѣ одинъ изъ культуртрегеровъ, одобряя заключеніе разказчика.—И вправду, что нашъ братъ и есть самые настоящіе этихъ земель хозяева и распорядители!..

— А если вы хотите вольныхъ земель—продолжаетъ разсказчикъ—хотите поселиться гдѣ нибудь на казенной землѣ еще никому не отданной, то имѣйте въ виду, что тутъ у моря, такой свободной земли уже мало, потому что все пороздано. А которая и есть, то не роздана потому, что или неудобна, неподступна или очень дорога для разработки. Которая же удобна, той уже мало и раздаваться будетъ господамъ, а не вахлачью въ родѣ вашего брата. Вотъ что!...

Но видя недовѣріе на лицахъ ходоковъ,—разсказчикъ опять разъясняетъ:

— Конечно, за казной въ этомъ краѣ земли пока еще много, да вѣдь это тоже такой у насъ «хозяинъ», который лучшее, болѣе выгодное пороздалъ, а съ худшимъ остался. Оставилъ себѣ такое, куда нѣтъ проѣзда, откуда нѣтъ доступа ни къ морю, никуда, потому что придержалъ главнымъ образомъ тѣ земли, что вдали отъ моря, въ горахъ.—Поселись теперь въ такихъ мѣстахъ, такъ потомъ и не вылезешь—ни тебѣ за покупкою куда нибудь съѣздить, ни продать что нибудь! Застрянешь въ такой глуши,—такъ и умрешь, не увидя живого человѣка!..

Разговоръ переходитъ на вопросъ о неудобномъ расположеніи переселенческихъ участковъ, отводимыхъ имѣющеюся въ Новороссійскѣ поземельноустроительною партіею, на которыхъ только и можно селиться въ настоящее время крестьянамъ, приходящимъ

изъ другихъ губерній. Со словъ разсказчиковъ для ходоковъ выясняется, что старые вольные порядки, когда всякъ выбиралъ себѣ мѣсто «по волѣ» прикончены вышедшимъ въ 1897 году новымъ закономъ, что переселеніе идетъ теперь «по новому положенію», [1]) а законъ неопубликованъ, «начальство держитъ въ секретѣ» (!) и какой это такой законъ—подробностей никто не знаетъ. Извѣстно только, что теперь безъ новороссійскаго «переселенскаго присутствія» уже «никому ничего нельзя». А отмежованы гдѣ то въ глухихъ мѣстахъ—«но гдѣ неизвѣстно, въ точности доказать не можемъ»—какіе то переселенскіе участки и кромѣ нихъ мужику селиться нигдѣ не приказано. А узнать на счетъ ихъ нужно имъ было еще въ Новороссійскѣ, «потому больше и узнать негдѣ» и тамъ же получить и разрѣшеніе на ихъ осмотръ. Теперь же безъ всего этого для ходоковъ все де пойдетъ «зря», потому что не для того же имъ харчиться и время терять, чтобы около Туапсе или Сочи смотрѣть чужія земли, которыми имъ владѣть никогда не придется?!

Все это приводитъ ходоковъ въ большое уныніе, а одинъ изъ дѣловитыхъ культуртрегеровъ, не могущій переварить такой мужицкой непрактичности третируетъ ихъ самымъ презрительнымъ образомъ.

— Эхъ, мужики вы сиволапые, вотъ что! Развѣ же такъ можно: міръ вамъ, какъ разумнымъ людямъ довѣріе оказалъ, а вы, какъ дѣти малые, ничего не узнавши, да не опросивши, туда попёрли, куда можетъ и вовсе не надо!

— Да развѣ-жъ мы знали?..

— То то «знали»! А языка то спросить не было? Вашему ли брату теперь это дѣло на себя брать, когда вы дуромъ, не разобравши толку за него принимаетесь! Такъ вотъ вы и потомъ, когда на побережьѣ поселитесь, все равно ничего не подѣлаете: все будете дѣлать не какъ здѣсь надо, а по своему, по степняцкому. Ну, и разоритесь и разбредетесь, какъ и всѣ прочіе, вамъ подобные...

— Ну, тоже народъ у насъ нельзя сказать—народъ у насъ рабочій, пробовалъ возразить одинъ изъ ходоковъ въ защиту міра. Народъ нашъ работу любитъ...

---

[1]) Объ этомъ подробно будетъ сказано ниже.

— Мало ли васъ работныхъ то было, да скоро на утекъ уплыло!..—Не въ работѣ вѣдь дѣло, а чтобы знать, какъ здѣсь за нее приняться: все вѣдь здѣсь не по вашему, а по другому. Тутъ, братъ, хозяйство поставить, да направить, это надо годъ присмотрѣться, да два поучиться, да три попробовать, а только потомъ ужъ за настоящее дѣло приняться.

— Да ужъ тамъ бы только земли пріискать да до мѣста добраться, а міръ—великъ человѣкъ—обмозгуемъ!

— «Обмозгуемъ», когда на простое дѣло до начальства въ Новороссійскѣ дойти и то смѣкалки нѣту!.. Ну, обмозгуй вотъ простую задачу на самыя малыя числа,—вмѣшался одинъ изъ спинджаковъ, все время иронически прислушивавшійся къ бесѣдѣ товарищей съ ходоками.—Скажемъ вотъ теперь у меня въ рукахъ мальчонкинъ задачникъ—сына я съ собой везу тамъ въ трюмѣ—отдать въ туапсинское Варваринское училище...—Вотъ и рѣшите задачу: у ученика было три пера и онъ рѣшилъ раздѣлить ихъ между товарищами. Сколько по вашему досталось каждому?

Онъ смотритъ на нихъ побѣдоносымъ взглядомъ, а недоумѣвающіе ходоки мнутся и виновато улыбаются.

— Вотъ-то-то и оно то!—послѣ минутнаго молчанія замѣчаетъ вопрошавшій. Дурни вы, вотъ что! Нешто вамъ рѣшать такія задачи, чтобы селиться въ нашихъ незнамыхъ мѣстахъ, ежели вы простой рихметики рѣшить не можете! Тутъ, братъ, умные образованные люди милліоны затратили, да и то, почитай, никакихъ толковъ нѣту, потому что за незнамое дѣло взялись въ чужомъ незнакомомъ мѣстѣ, а вашего то брата тутъ столько голову сложило, что и считать перестали...

Но низкій басъ пароходнаго гудка неожиданно прерываетъ эту интересную для меня бесѣду. Пассажиры устремляются къ бортамъ. Впереди показывается Туапсе.

Раскинувшееся на небольшихъ возвышенностяхъ, окружающихъ дельту р. Туапсе, и въ свою очередь окруженное возвышенностями еще болѣе крупными и щедро покрытыми зеленью, Туапсе съ своими тонущими въ зелени домиками, производитъ,

несмотря на скверную погоду, впечатлѣніе милаго уютнаго уголка въ живописной обстановкѣ. Расходившееся море бурными пѣнистыми волнами выбѣгаетъ на пологій берегъ, тамъ, гдѣ онъ не защищенъ небольшимъ моломъ. Безпрерывно набѣгая на отвѣсныя каменныя стѣны мола, яростныя волны какъ бы стремятся перепрыгнуть здѣсь искусственную преграду, неистово бьются о молъ, вздымаясь высоко вверхъ, разбиваясь въ столбы пѣны и брызгъ. Между тѣмъ, по ту сторону мола, волненіе чуть замѣтно и небольшое двухмачтовое судно тихо покачивается на якорѣ. Это хорошая защита отъ буйныхъ волнъ, но только для болѣе мелко сидящихъ судовъ, а нашему пароходу все равно бы не было тамъ спасенія въ случаѣ сильной бури. И трусившій бури пассажиръ, о которомъ я говорилъ выше, съ завистью наблюдая тихій уголокъ моря за моломъ, возмущается огромной затратой денегъ на этотъ «портъ-убѣжище», недоведенное все-таки до размѣровъ, необходимыхъ для защиты большихъ пароходовъ. Тутъ же онъ припоминаетъ почерпнутыя изъ книгъ свѣдѣнія, что фелюги, выѣзжающіе изъ Туапсе къ пароходу въ сильное волненіе, рискуютъ быть наброшенными на молъ и разбитыми о его стѣны.

— Хороша защита, чортъ ее возьми, если объ нее же можно разбиться!—заключаетъ онъ свой разсказъ гнѣвнымъ жестомъ, указывая на яростно бьющія о молъ волны. Да тамъ знаете, если туда нанесетъ большой пароходъ, то и такому, какъ нашъ, не поздоровится!

— Ну, хоть и то слава Богу, что вонъ суденышко спокойно можетъ стоять, не боясь бури...

— Посмотрѣлъ бы я на васъ, какъ бы вы это говорили, когда бы началась настоящая зимняя буря, налетѣлъ бы какой нибудь тамъ нордъ-остъ или въ родѣ того!.. Вы вотъ не знаете, а я лишь недавно прочелъ, что 30 мая 1837 г. около Туапсе была такая буря, которая выбросила на берегъ одновременно 13 судовъ, стоявшихъ въ *такъ называемой* туапсинской бухтѣ. изъ нихъ 5 большихъ военныхъ и въ томъ числѣ одинъ большой пароходъ! А въ 1838 г. другая такая же буря выбросила здѣсь же два тоже военныхъ и одно купеческое судно. И замѣтьте,

что случившійся въ то время разливъ рѣчки Туапсе въ теченіе цѣлыхъ сутокъ не далъ возможности даже десятитысячному отряду генерала Вельяминова оказать хоть какую нибудь помощь спасшимся съ этихъ судовъ людямъ, выброшеннымъ на берегъ моря по ту сторону рѣчки!.. А вѣдь все это возможно и теперь при наличности этого пресловутаго, хотя и дорогого мола, потому что въ немъ, вслѣдствіе мелководья и узости входа, могутъ укрываться лишь сравнительно мелкіе суда. Большимъ же въ случаѣ сильной бури, предоставляется разбиваться не только о берегъ, но и о самый молъ, который... который... Однако, о-о!.. Посмотрите!..

Внезапно изъ вновь набѣжавшей тучи дождь хлынулъ ливнемъ. Жутко и жалко было смотрѣть на промокшихъ, сбившихся въ кучу пассажировъ фелюгъ, бросаемыхъ по прихоти волнъ и долго и медленно приближавшихся къ пароходу. Фелюги биткомъ набиты людьми и вещами. Кому не нашлось мѣста на мокрыхъ скамьяхъ, тотъ сидитъ на набросанныхъ въ кучу вещахъ, многіе всю дорогу ѣдутъ стоя, потому что въ фелюгѣ уже некуда приткнуться. Съ пассажировъ струями сбѣгаетъ дождь. Брызги отъ волнъ обдаютъ ихъ съ боковъ. А они сидятъ и стоятъ, неподвижные какъ статуи, боясь пошевельнуться, съ нетерпѣніемъ и страхомъ ожидая посадки на пароходъ. Фелюги уже подплыли, но еще долго, отбрасываемыя отъ парохода волнами, употребляютъ усилія прицѣпиться къ пароходному трапу. Наконецъ, не безъ риска для жизни, начинается высадка пассажировъ съ вещами по колеблющемуся, мокрому отъ дождя трапу.

Таковы, въ общемъ, условія высадки и посадки пассажировъ на всемъ побережьѣ отъ Новороссійска до Поти! Бываютъ случаи, что фелюги перевертываетъ сильною волною и пассажиры тонутъ[1])...

Между тѣмъ сзади отплываютъ отъ берега новыя фелюги съ пассажирами и грузомъ. Одна изъ нихъ легкая, управляемая

---

[1]) См. напр., «Лѣто на Кавказѣ» въ «Р. Мысли», за 1901 г., Захаринъ И. Н. «Кавказъ и его герои», 1902 г., стр. 129. С. И. Васюковъ «Страна гордой красоты», стр. 225.

только двумя гребцами и кормчимъ, юношами-турками въ коротенькихъ курткахъ и фескахъ, съ однимъ только пассажиромъ-студентомъ, быстро перегоняетъ другія, подбрасываемая волнами, какъ ничтожная щепка. Въ фелюгѣ вода отъ дождя, скамьи ея мокры и скользки, гребцы промокли насквозь, но, приблизившись къ пароходу, они лихо вскакиваютъ съ мѣстъ и стоя на скользкой поверхности скамеекъ сильно колеблемой волнами фелюги, дѣлаютъ попытки уцѣпиться баграми за спущенный трапъ. Ловкіе и статные, рискуя поскользнуться при каждомъ движеніи, они легко перепрыгиваютъ со скамьи на скамью, оживленно безъ умолку что то кричатъ другъ другу и наконецъ побѣдоносно уцѣпляются за трапъ въ то время, когда ушедшая волна, казалось, подбиваетъ ихъ фелюгу подъ самое дно парохода. Поддерживаемый однимъ изъ турокъ студентъ довольно ловко пользуется моментомъ, чтобы уцѣпиться за трапъ—и вмигъ фелюгу уже отбило отъ парохода и одинъ изъ турокъ, выдѣлывая на скользкой скамьѣ ловкіе курбеты, весело затягиваетъ пѣсню. Съ пѣсней и выкриками они уже весело возвращаются къ берегу, въ то время, какъ большія фелюги, полныя пассажирами только еще начинаютъ принимать садящихся съ парохода.

Опять визжатъ цѣпи, снова работаетъ подъемный кранъ, вновь слышна майна-вира, это—прыгающая на волнахъ около пароходнаго борта фелюга, сдавъ свой грузъ, принимаетъ уже грузъ съ парохода. Тѣмъ временемъ одна изъ фелюгъ, перегруженная пассажирами не меньше прежняго, медленно возвращается къ берегу. Опять пассажиры мокнутъ подъ непрекращающимся дождемъ, опять гребцы упорно борются съ подбрасывающими фелюгу волнами, стараясь держаться подальше отъ мола, чтобы не набросило волной на его каменныя стѣны. Тамъ у берега, не пользуясь бухтой, образуемой моломъ, фелюга съ трудомъ пристаетъ къ покрытой бурунами отмели и пассажиры выбираются изъ нее на плечахъ гребцовъ или по колѣно въ водѣ, обдаваемые сердитою прибойною волною и потоками дождя. Мокрыя вещи выбрасываются гребцами на прибрежную гальку и безпомощные пассажиры стоятъ около нихъ подъ тѣмъ же дождемъ, съ тревогой по-

сматривая на берегъ въ тщетной надеждѣ, не подъѣдетъ ли оттуда извощикъ. Какъ и въ другихъ прибрежныхъ пунктахъ высадки пассажировъ, въ Туапсе нѣтъ крытаго для нихъ пристанища на случай непогоды, такъ какъ пароходныя общества отлично знаютъ, что за отсутствіемъ другихъ путей сообщенія это нисколько не повліяетъ на уменьшеніе числа пассажировъ.

Теперь было бы кстати въ подробностяхъ описать Туапсе, но я не настолько знаю его, чтобы внести что, либо новое въ то, что уже до сихъ поръ о немъ напечатано въ довольно многочисленныхъ журнальныхъ статьяхъ и отдѣльныхъ изданіяхъ.— Туапсе и Сочи, этимъ новомоднымъ курортамъ черноморскаго побережья, особенно посчастливилось въ указанномъ отношеніи. Взамѣнъ того, я отмѣчу для удобства читателя, главнѣйшіе изъ новѣйшихъ литературныхъ источниковъ о Туапсе и о Сочи съ окрестностями—(въ примѣчаніи) [1]. Въ данномъ же случаѣ я скажу лишь нѣсколько словъ о его прошломъ и остановлюсь на выясненіи положенія Туапсе преимущественно въ климатическомъ отношеніи по сравненію съ двумя описанными уже выше курортами.

Еще въ 1853 г. Карльгофъ писалъ о немъ, что «во второмъ отдѣленіи черноморской береговой линіи самое большое число больныхъ бываетъ въ укрѣпленіи Вельяминовскомъ» (Туапсе). О прошломъ этого укрѣпленія имѣются нѣкоторыя довольно инте-

---

[1]) «Лѣто на Кавказѣ» М. Б., «Русск. М.», 1901, № 3 и 4 (о Туапсе); «Черноморское Побережье»—помянутыя работы г.г. Воейкова, Пастернацкаго и Сергѣева (и о Туапсе и о Сочи), Красновъ «Русская Колхида»—„Кавк. Вѣстн“, 1901 г. № 1 и статьи его же въ «Книжкахъ Недѣли» 1900 г. №№ 1, 3, 5, 8, 1901 г. № 1 (о Сочи и Туапсе), И. Н. Захарьинъ „Кавказъ и его герои“, Спб. 1902 (тоже), С. И. Васюковъ „Край гордой красоты“ Спб. изд. Девріена, (тоже); Путеводители: г.г. Москвича, Лендера (Русск. О. Пар. и Т.), Цвѣтова („Спутникъ туриста по Кавказу“), Альбовъ „Очеркъ растительности Колхиды“ въ „Землевѣдѣніи“ 1896 г., Клингенъ „Основы хозяйства въ Сочинск. округѣ“ и другія, указанія на которыя можно найти въ уже названныхъ источникахъ.

ресныя (и неупомянутыя въ вышеуказанныхъ источникахъ) свѣдѣнія въ «Воспоминаніяхъ» генер. Филипсона[1]).

«Изъ среднихъ укрѣпленій мы нашли въ самомъ бѣдственномъ положеніи Вельяминовское (на р. Туапсе), построенное въ прошломъ (1838) году. Гарнизонъ, изъ 2-хъ ротъ, не имѣлъ свѣжаго мяса, цинга свирѣпствовала и порождала общую апатію. Видя издали пароходъ, въ укрѣпленіи многое прибрали и скрыли; но во время осмотра Раевскимъ лазарета, набитаго больными, я увидѣлъ между лазаретомъ и бруствером палатку, изъ которой торчали голыя человѣческія ноги; это было нѣсколько труповъ, которыхъ не успѣли похоронить»... «Генер. Раевскій, конечно, поднялъ цѣлую бурю, но все оборвалось на бѣдномъ запуганномъ старикѣ, капитанѣ Папахристо, исправлявшемъ должность воинскаго начальника, и на лѣкарѣ Нечипуренко. Послѣдняго онъ арестовалъ и приказалъ отправить на пароходъ, который назвалъ, по разсѣянности, вмѣсто «Колхиды», «Язономъ». Папахристо буквально исполнилъ приказаніе и посадилъ лѣкаря *въ котелъ* парохода «Язонъ», потерпѣвшаго тутъ въ прошломъ году крушеніе. Отъ парохода остался только котелъ, который и лежалъ на берегу. Раевскій извинился передъ лѣкаремъ, тѣмъ дѣло и кончилось»...

Это историческое указаніе на неблагопріятныя климатическія условія жизни въ укрѣпленіи относится впрочемъ не къ самому Туапсе, а именно къ с. Вельяминовскому,—поселку, расположенному однако *смежно* съ нынѣшнимъ Туапсе.

Для знающихъ Туапсе небезъинтересно отмѣтить кстати, что въ 1873 году Туапсе представлялъ собою «якорную стоянку, гдѣ виденъ всего одинъ домъ, стоящій у берега»[2]). Съ того времени количество жителей въ немъ достигло 2000 человѣкъ и Туапсе сдѣлался моднымъ курортомъ. Курортъ этотъ считается люднымъ, но это, очевидно, лишь по сравненію съ малочисленностью въ

---

[1]) Стр. 205.

[2]) Каргановъ. „Записки Кавк. Отд. Русск. Геогр. О.“. 1873—74 г.; цитирую по Реклю „Земля и Люди“, т. VI, стр. 98.

немъ жилыхъ помѣщеній, въ которыхъ иногда замѣчается недостатокъ; въ сущности же это курортъ пока далеко еще не бойкій, такъ какъ съѣздъ курортныхъ посѣтителей колеблется въ немъ всего отъ 100—200 человѣкъ въ сезонъ).

Помянутыя выше лихорадки существуютъ въ смежной съ Туапсе Вельяминовской станицѣ и теперь, благодаря положенію станицы въ низинѣ и также вслѣдствіе того, что земледѣльческія занятія вельяминовцевъ происходятъ обыкновенно въ заболоченной долинѣ р. Туапсе, гдѣ среди болотъ находятся ихъ поля. (Въ самомъ Туапсе опи значительно рѣже). Эта же часть Туапсинскаго поселенія подвержена и холоднымъ вѣтрамъ съ сѣвера, хотя Туапсинскій районъ считается уже почти свободнымъ отъ вліянія нордъ-оста. Въ сѣверо-западной части Черноморскаго побережья между Новороссійскомъ и Туапсе при чрезвычайной покатости склоновъ отъ близко лежащаго горнаго хребта (2000—4000 ф. высоты) губительное вліяніе нордъ-оста, какъ извѣстно, проявляется съ особенною силою[2]). Чѣмъ болѣе мѣстность открыта нордъ-осту, тѣмъ сильнѣе его вліяніе, и наоборотъ, что особенно замѣтно при сравненіи между собою климатовъ Новороссійска, Геленджика и Туапсе, изъ которыхъ въ первомъ зима суровѣе, чѣмъ во второмъ, а во второмъ, значительно суровѣе, чѣмъ въ третьемъ (хотя виноградъ, напротивъ, подъ Новороссійскомъ лучше чѣмъ въ Геленджикѣ и тѣмъ болѣе—чѣмъ въ Туапсе). За небольшими возвышенностями, на которыхъ расположено Туапсе, подымается, какъ было сказано выше. рядъ болѣе высокихъ горъ, которыя и образуютъ для Туапсе защиту отъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ. Начиная съ Туапсе вообще кончается на побережьѣ царство нордъ-оста, потому что къ довольно значительнымъ возвышенностямъ, обрамляющимъ побережье, подходятъ сзади еще и горныя альпійскія цѣпи Кавказа, задерживающія его губительное движеніе. Отсутствіе вліянія нордъ-оста. конечно, уменьшаетъ вентиляцію мѣстности, но за то защищенность его оттуда и от-

---

1) Васюковъ. «Край гордой красоты», стр. 91.

2) «Черном. побер.», стр. 125.

крытость южнымъ вѣтрамъ и «моряку» дѣлаетъ климатъ Туапсе значительно болѣе теплымъ и болѣе влажнымъ, сравнительно съ болѣе сѣверною частью побережья. Поэтому изслѣдователи побережья г.г. Воейковъ, Пастернацкій и Сергѣевъ считаютъ Туапсе пригоднымъ какъ зимнюю климатическую станцію на побережьѣ [1]).

Съ Туапсе замѣчается также—по направленію къ югу—значительное измѣненіе какъ въ составѣ растительности, такъ и въ составѣ мѣстныхъ почвъ (между которыми конечно существуетъ извѣстная зависимость). Около Туапсе береговые возвышенности сложены въ значительной мѣрѣ еще изъ тѣхъ самыхъ мѣловыхъ «трескуновъ», которые такъ распространены на побережьѣ между Новороссійскомъ и Туапсе (въ особенности около Новороссійска и Геленджика) и представляютъ собою известковоглинистые сланцы, отличающіеся особенной способностью распадаться и растрескиваться въ сухомъ видѣ на тончайшія пластинки, несмотря на замѣчательную твердость этой породы тамъ, гдѣ она защищена отъ доступа воздуха. Представляющіе въ растрескавшемся и измельченномъ видѣ прекрасную почву для виноградниковъ (Новороссійскъ), трескуны эти около Туапсе въ долинахъ рѣкъ уже смѣняются глинами. Нѣсколько же южнѣе—у Макопсе—полоса трескуновъ, отступая отъ моря, постепенно замѣняется сначала переходными формами, а потомъ (у Псезуапе) и чистыми сланцевыми глинами и песчанниками, образующими здѣсь отвѣсные берега моря. Такимъ образомъ въ почвенномъ отношеніи береговая полоса отъ Туапсе до Псезуапе представляетъ переходъ отъ болѣе сѣверной части побережья между Новороссійскомъ и Туапсе, къ болѣе южной полосѣ между Псезуапе—Сочи и Сухумомъ, гдѣ начинается въ береговой полосѣ ясное преобладаніе глинистыхъ почвъ.

Но наиболѣе всего разница этихъ двухъ полосъ—сѣверной до Туапсе и южной послѣ Туапсе—замѣтна именно на мѣстной растительности. Изъ слабо развитой и приниженной подъ влія-

---

[1]) Противъ чего однако возражаетъ проф. Красновъ—объ этомъ ниже.

ніемъ мѣстныхъ почвъ и въ особенности изсушающаго нордъ-оста у Новороссійска, растительность, достигая Туапсе, постепенно становится гуще, могущественнѣе и разнообразнѣе. Уже въ надѣлѣ с. Вельяминовскаго можно любоваться рощами каштановыхъ деревьевъ. Окрестности Туапсе изобилуютъ густо разросшимся дубомъ и букомъ, а масса каштановъ въ его окрестностяхъ даетъ возможность мѣстнымъ жителямъ заниматься сборомъ ихъ плодовъ, какъ промысломъ. Здѣсь уже растутъ кипарисы, лавровишни, магноліи и азаліи; окрестности Туапсе изобилуютъ заросшими старыми черкесскими садами съ яблонями, черешнями, фундуками, грушами, грецкими орѣхами, достигающими здѣсь громадныхъ размѣровъ. Нѣсколько южнѣе его нерѣдкость уже встрѣтить цѣлыя сотни десятинъ каштановыхъ лѣсовъ съ деревьями въ 5—8 четвертей въ діаметрѣ и отъ 15 до 20 саж. высоты. При выходѣ въ море р. Шахе, гдѣ лежало раньше укрѣпленіе Головинское, нынѣшній Головинскій поселокъ, пароходъ нашъ минуетъ то мѣсто, гдѣ туристамъ показываютъ обыкновенно знаменитое тюльпанное дерево, о которомъ сложилась легенда, что такихъ деревьевъ всего четыре на свѣтѣ: съ громадной развѣсистой кроной оно имѣетъ 6 аршинъ въ окружности и растетъ среди такихъ же гигантовъ орѣховыхъ и другихъ породъ деревьевъ.

Такая разница въ растительности съ болѣе сѣверной полосою уже сама по себѣ указываетъ на зависимость не только отъ почвенныхъ, но и отъ климатическихъ условій: климатъ здѣсь влажный, осадки обильные, зимы сравнительно теплыя. Но именно—сравнительно. Въ то время, какъ (въ очень рѣдкіе правда, зимы) случается, что новороссійская бухта на короткое время покрывается льдомъ, въ Туапсе море никогда не замерзаетъ. Но дальше на югъ--мѣста еще теплѣе: когда въ 1864 г. гр. Евдокимовъ [1]) производилъ осмотръ береговъ на шкунѣ «Псезуапе», 23 февраля «шкуна прошла мимо устья р. Псезуапе и Шахе, мимо Вардане»... «и подошла къ устью р. Сочи, гдѣ уже зеленѣли трава и по-

---

[1]) М. Б. „Лѣто на Кавказѣ", „Р. Мысль", 1901 г. № 4.

казался листъ на деревьяхъ, тогда какъ въ Туапсе не было и признаковъ зелени и весны»...

Больному человѣку, выбирая Туапсе для жизни, надо также имѣть въ виду, что не всѣ части Туапсинскаго поселенія съ прилегающими къ нему окрестностями одинаково удобны для больного. Есть мѣста, какъ было уже указано, заболоченныя, лихорадочныя, есть мѣста болѣе, есть и менѣе защищенные отъ холодныхъ вѣтровъ, и наоборотъ—болѣе или менѣе открытыя только теплымъ южнымъ вѣтрамъ, есть пункты расположенные противъ влажныхъ сырыхъ ущелій и пр. и пр. Со всѣмъ этимъ надо очень считаться и выбирать мѣсто для жизни съ нѣкоторою осторожностью. Немаловажныя указанія по этой части приведены въ цитированной уже книгѣ «Черноморское побережье». Надо сказать кстати, что у самаго Туапсе пляжъ для купанья не отличается удобствомъ...

Сейчасъ послѣ отхода отъ Туапсе на пароходѣ обѣдъ, но за table d'hôte подъ вліяніемъ качки садятся только мущины и то далеко не всѣ, и въ видѣ исключенія одна дама. Но, покушавъ супу, она вдругъ поднимается съ мѣста и, блѣдная спѣшными неровными шагами удаляется въ дамскую каюту.

Обѣдъ безусловно хорошій и вкусный. Но пока подается закуска и водка, четыре блюда обѣда (во II классѣ), затѣмъ дессертъ, арбузъ и кофе, мнѣ становится немножко неловко въ закрытомъ, укачиваемомъ волнами помѣщеніи каюты II класса, гдѣ качка оказываетъ тѣмъ большее вліяніе, что нашъ общій залъ находится въ боковой части парохода. Наскоро покончивъ съ кофе, я ухожу наверхъ и тамъ подъ вліяніемъ свѣжаго воздуха сразу прихожу въ норму.

Небо застлало тучами, вѣтеръ крѣпчаетъ, надвигаются сумерки. Пелена дождя застилаетъ видъ на берегъ. Когда придемъ въ Сочи, очевидно, будетъ уже совершенно темно и повидать его съ берега не удастся. Такъ оно впрочемъ и бываетъ обыкновенно, съ проѣзжающими мимо Сочи пассажирами Русскаго Общества, потому что по росписанію пароходы, идущіе отъ Новороссійска, проходятъ мимо Сочи вечеромъ, а отъ Батума—раннимъ утромъ.

Между Туапсе и Сочи мы минуемъ береговую полосу, почти сплошь заполненную многочисленными частными владѣніями. «*Вся береговая полоса* отъ Туапсе до Сочи —говорится въ цитированномъ уже трудѣ «Черноморское побережье» [1])—находится въ *частномъ* владѣніи разной величины и со времени занятія края остается до настоящаго времени, за самымъ небольшимъ исключеніемъ, *въ первобытномъ своемъ состояніи, производя впечатлѣніе, что земля эта отъ созданія міра не была извѣстна человѣку.* Какъ на оазисы культивированныхъ участковъ этого района можно указать: имѣніе бар. Штейнгеля, участки—бывшій Сибирякова, товарища министра путей сообщенія Петрова, Государево имѣніе «Дагомысъ», участокъ Н. С. Абазы, бывш. Старка, уч. Хлудова и еще нѣсколько другихъ». На этой же береговой полосѣ находятся и извѣстные въ краѣ имѣнія «Учдере»—вел. князя Михаила Николаевича и «громадное пространство береговой полосы и прилегающихъ къ ней земель» между р.р. Псезуапе и Шахе, тоже принадлежащее частнымъ лицамъ и составляющее «большею частію Высочайше пожалованныя земли дѣятелямъ по завоеванію края; таковыя участки: Годликъ, имѣніе Геймана (Плинтуса), Шмидта, Зубова, Страхова, Соленика, Краса и др. Къ сожалѣнію, участки эти оставлены владѣльцами *въ первобытномъ состояніи и* подъ зарослями лѣса, кустарниковъ и цѣпкихъ ліанъ *окончательно схоронены культурные участки черкесскихъ аулищъ. Подъ вліяніемъ этихъ сплошныхъ зарослей измѣнился, вѣроятно, и климатъ мѣстности»* [2])...

Но обо всѣхъ этихъ имѣніяхъ, пожалованныхъ и благопріобрѣтенныхъ, и вообще о хозяйствѣ на частновладѣльческихъ земляхъ придется еще подробно поговорить въ одной изъ слѣдующихъ главъ...

Около Сочи опять высадка и посадка пассажировъ на открытомъ морѣ и внѣ дорого стоющаго мола, опять майна—вира, опять фелюги и турки, но на этотъ разъ все это не только подъ

---

[1]) Стр. 21—22.

[2]) Черном. побер., стр. 144.

дождемъ и на волнахъ, но еще и въ темнотѣ ночи. Самъ Сочи свѣтится намъ издали лишь нѣсколькими огоньками. Опять пассажиры спускаются съ парохода въ колыхающіяся на волнахъ фелюги по мокрому трапу и опять фелюги отходятъ отъ него переполненные пассажирами и вещами. И вверху на палубѣ около трапа и тамъ внизу около фелюгъ, шумъ и суета. Жутко подумать спускаться при такихъ условіяхъ въ подпрыгивающую на темныхъ волнахъ фелюгу хотя и освѣщаемую сверху!..

Прозвучалъ уже второй свистокъ, а суета еще не кончилась. Одинъ пассажиръ, уже спустившійся было по трапу, возвращается обратно. Онъ отказывается ѣхать въ переполненной до нельзя фелюгѣ и требуетъ, чтобы для высадки немногихъ, еще не сѣвшихъ въ фелюгу, пассажировъ, пароходъ подождалъ возвращенія этихъ фелюгъ съ берега. Но дежурный помощникъ капитана не находитъ возможнымъ задерживать пароходъ.

— Въ фелюгахъ есть еще мѣсто, а если не желаете спускаться, то можете ѣхать дальше, только возьмите билетъ на новое разстояніе!..

Конечно, онъ привыкъ уже къ переполненнымъ фелюгамъ, а съ другой стороны, ему, опытному въ этомъ дѣлѣ человѣку, и лучше знать, опасенъ ли при данныхъ условіяхъ переѣздъ до берега. Но положеніе волнующагося пассажира, увѣреннаго въ опасности переѣзда, несомнѣнно, отъ этого не легче. И это тѣмъ болѣе, что каждый ѣздившій на этихъ пароходахъ, хорошо знаетъ, какъ мало все-таки внимательны служащіе къ интересамъ пассажировъ...

Надо сказать кстати, что невнимательность старшихъ служащихъ все же уступаетъ невнимательности прислуги находящейся при каютахъ. О ней можно сказать, что она не только невнимательна, но почти груба, что не мѣшаетъ капитанамъ довѣрять ей даже контроль пассажирскихъ билетовъ и передавать черезъ нее свои замѣчанія пассажирамъ, въ родѣ предложенія не курить въ неуказаннымъ мѣстѣ и т. п. Въ нѣкоторое оправданіе этой грубости нельзя впрочемъ не указать, кромѣ невоспитанности, еще и на тяжелыя условія службы и жизни прислуги на пароходахъ. Штатъ

ея немногочисленный, а пассажировъ обыкновенно въ лѣтнее время много, требованія каждаго приходится удовлетворять и при томъ съ возможною спѣшностью. Послѣ общихъ утренняго и вечерняго чаевъ, завтрака и обѣда, надо еще удовлетворить разнообразныя требованія и отдѣльныхъ пассажировъ и цѣлыхъ семействъ, не участвующихъ въ общемъ столѣ. И такъ весь день! А тутъ еще качка, безсонныя ночи въ бурную погоду при сильномъ волненіи, скверный сонъ отъ духоты въ тѣсномъ помѣщеніи въ жаркія ночи, ночныя дежурства, тяжелая обязанность помогать даже и ночью страдающимъ отъ морской болѣзни пассажирамъ и пр. и пр. Все это не можетъ не отозваться издерганностью нервовъ этихъ мелкихъ служащихъ, пробавляющихся небольшимъ жалованьемъ и, какъ я замѣтилъ, очень дорожащихъ пуръ-буарами, пропорціонально размѣрамъ которыхъ увеличивается ихъ вѣжливость. Нельзя не отмѣтить также, что на большинствѣ пароходовъ Русскаго Общества прислуга предоставлена самой себѣ—надзоръ за ней со стороны капитана и его помощниковъ почти отсутствуетъ и потому тѣмъ болѣе понятно, что на ее угодливость можетъ разсчитывать только тотъ, кто ей особо платитъ.

О Сочи [1]), о тепломъ климатѣ и роскошной «субтропической» растительности сочинскаго района, которые одни считаютъ вполнѣ сходными съ климатомъ и флорою Японіи, другія сравниваютъ съ итальянской ривьерой, а третьи только съ Ю. Чили и Лузитаніей (но все таки съ Чили и Лузитаніей!), о могучей производительности сочинскихъ почвъ, о красотахъ природы въ окрестностяхъ Сочи и пр. и пр. писалось такъ много, что можно было бы совсѣмъ обойти его молчаніемъ. Но всѣ эти отзывы такъ разнообразны и даже прямо разнорѣчивы, что необходимо остановиться на указаніи этихъ противорѣчій.

«Спутникъ туриста по Кавказу» [2]) говоритъ о Сочи, что онъ «можетъ быть прекраснымъ курортомъ, *но—въ будущемъ*. [3]) Купанье

[1]) Источники уже указаны выше.

[2]) В. Цвѣтова. Москва, изд. 1901 г.

[3]) Курсивъ и здѣсь и дальше—вездѣ мой.

здѣсь *хорошее* и зима очень легкая. Но въ настоящее время рекомендовать его больнымъ *опасно—пока* не осушатся прибрежные участки и вообще не будетъ принято надлежащихъ мѣръ противъ застоя воды». Въ унисонъ съ этимъ, въ мѣстной (южной) прессѣ [1]) не разъ указывалось на крайне антисанитарную обстановку г. Сочи. «Въ обывательскихъ дворахъ по цѣлымъ годамъ гніютъ и заражаютъ воздухъ кучи навоза, на улицамъ нерѣдко валяются трупы дохлыхъ кошекъ, собакъ и домашней птицы»... «Мало того, чуть не на глазахъ у мѣстной администраціи заваливаются навозомъ и домашними отбросами такія мѣста, которыя могли бы быть превращены въ парки, какъ напр. лѣвый берегъ р. Сочи. Не существуетъ также въ посадѣ санитарнаго надзора за мясными и фруктовыми лавками, пекарнями, трактирами, харчевнями, благодаря чему въ продажу идутъ сплошь и рядомъ недоброкачественные съѣстные продукты, не безвредные для здоровья потребителей».

«Путеводитель по Кавказу» [2]) описываетъ климатъ Сочи и его окрестностей, какъ очень теплый и влажный съ прохладною и позднею весною, *умѣренно* жаркимъ лѣтомъ съ рѣдкими ливнями, но весьма влажнымъ воздухомъ, необыкновенно теплою длинною осенью съ умѣреннымъ количествомъ чисто лѣтнихъ дождей, «теплою зимою *съ большимъ числомъ солнечныхъ дней*», когда въ декабрѣ цвѣтутъ розы и масса дико растущихъ цвѣтовъ. «Зима здѣсь *великолѣпна. Морозъ въ 1—3° рѣдкость*»... «*Воздухъ ясный, теплый, сухой*»... «*Таковы здѣсь декабрь, январь, февраль*»... [3]) «Такимъ образомъ температура, влажность воздуха, обиліе солнца и осадковъ»... «направленіе и сила вѣтровъ—всѣ эти исключительныя благопріятныя климатическія условія вліяютъ прежде всего на характеръ растительности въ Сочи и его окрестностяхъ»..

---

[1]) Напр., «Донская Рѣчь» 1901 г. № 164

[2]) Гр. Москвича, 1900 г.

[3]) Между тѣмъ проф. Красновъ говоритъ по этому же поводу: „въ Сочи зима *одно изъ самыхъ непріятныхъ* временъ года“.. и „вообще всякій *предпочтетъ* здоровый морозъ сѣвера *здѣшнему холодному ненастью*“. (Недѣля» 1900 г. № 2 стр 219).

Впрочемъ, характеризуя самое Сочи по мѣстоположенію отдѣльныхъ его частей, путеводитель выясняетъ, что верхняя часть Сочи, расположенная на возвышенномъ плато, представляетъ лучшую часть города, «вполнѣ здоровую и свободную отъ лихорадокъ», въ то время какъ нижняя часть города расположена въ мѣстности «очень сырой и лихорадочной». П. Н. Захарьинъ [1]) даетъ самый восторженный отзывъ о климатѣ, о дивной субтропической растительности, о «*волшебной панорамѣ* города», о «*рѣдкой дешевизнѣ жизни*» въ этомъ чудномъ благодатномъ мѣстечкѣ, расположенномъ въ мѣстности, красота которой даже для человѣка, бывавшаго въ Крыму и три раза заграницей «можетъ далеко превзойти *самую пылкую требовательную фантазію*». Между тѣмъ А. Н. Красновъ [2]) вынесъ о Сочи совсѣмъ иное впечатлѣніе: «общій обликъ кавказскаго берега близъ Сочи, по его словамъ, *далеко не соотвѣтствуетъ* ожиданіямъ. Ялта съ моря *неизмѣримо* красивѣе»... «Здѣсь монотонная блѣдная зелень однообразно гористаго берега; изъ нее выглядываютъ нѣсколько жалкихъ домиковъ, да маякъ, *нѣтъ красоты*, нѣтъ выдающихся контуровъ. Берегъ не изрѣзанъ, нѣтъ манящихъ бухтъ»... «Пейзажъ наводитъ скуку и уныніе. Это пейзажъ скорѣе сѣвера, чѣмъ юга»... «Одинъ изъ моихъ коллегъ весьма удачно сравнилъ Сочи съ бѣдною невѣстою, имѣющей непомѣрно большія притензіи—и сравненіе это не лишено истины. Не успѣвъ переродиться изъ жалкаго берегового поселка въ курортъ, Сочи уже мечтаетъ тянуться за Ялтою и Ниццею въ смыслѣ *дороговизны* провизіи, квартиръ и *вообще жизни* и странной спекуляціи на землю, цѣнность которой около Сочи возросла до 3000 р. за десятину»... «Сочинскіе жители на перерывъ разсказываютъ пріѣзжающимъ о томъ,, какая тишина и безопасность царствуютъ во всемъ округѣ. Но полагаться на эти разсказы было бы легкомысленно»... «Дачники поэтому должны, подобно неаполитанцамъ, живущимъ у подножія Везувія, наслаждаясь жизнью, стараться не думать о ежедневно

---

[1]) «Кавказъ и его герои». Спб. 1902 г., стр. 119—135.

[2]) Недѣля 1900 г. № 1 «Русская ривьера».

грозящей опасности» [1])... «Съ здѣшними *столичными цѣнами* все таки можно было бы помириться, еслибы продукты были въ достаточномъ количествѣ»... «Рыба разыгрывается чуть не въ лотерею»... «масла коровьяго свѣжаго достать можно бываетъ только по протекціи за высокую цѣну»..

С. И. Васюковъ [2]), говоря о «чопорности и скукѣ общественной жизни въ Сочи» [3]), добавляетъ, что «еслибы не богатая роскошная растительность и живописные горные виды, совсѣмъ грустно было бы жить въ Сочи. Прибавьте къ этому частые дожди и глинистую почву, да угрюмый, каменистый берегъ моря съ постояннымъ прибоемъ, во время котораго *трудно и крайне неудобно купаться*, то удобства и привлекательность Сочи представляются *сомнительными. Дороговизна*, плохое качество жизненныхъ продуктовъ, всевозможнаго рода барышничество, земельная спекуляція, продажа и перепродажа участковъ и плановъ — все это печальныя особенности моднаго курорта»... «Въ самомъ дѣлѣ откуда появиться дѣйствительной жизни, *когда кругомъ пустыня*, положимъ, богатая, роскошная, лѣсная, но все-таки *пустыня незаселенныхъ мѣстъ*»!.. «Посадъ мало-помалу развивается, постройки растутъ, растутъ и окрестности Сочи. Но какъ все это развивается? Страннымъ путемъ *и совершенно искусственнымъ:* въ будущемъ рисуются для сочинскихъ обитателей радужныя картины небывалаго роста и богатства посада когда... когда пройдетъ желѣзная дорога, которая привезетъ всѣ блага міра, которая оживитъ, быстро закультивируетъ и заселитъ край. Тогда наступятъ времена блаженства, въ виду которыхъ и теперь сочинскіе землевладѣльцы и аферисты чувствуютъ себя

---

[1]) Между тѣмъ И. Н. Захарьинъ (въ помянутой статьѣ) констатируетъ полную безопасность жизни, отсутствіе случаевъ «какихъ нибудь простыхъ кражъ въ домахъ, т. е. такихъ кражъ, которыя происходятъ въ любомъ городѣ ежедневно, цѣлыми десятками».

[2]) „Край гордой красоты“, стр. 102 и слѣд.

[3]) На ту же скуку жизни въ Сочи указываетъ и г. Красновъ и даже г. Захарьинъ.

хорошо; земли не по днямъ, а по часамъ растутъ въ цѣнѣ, повышаются» [1])... «Въ нижней торговой части Сочи *вообще грязно*, а послѣ дождей грязь самая невылазная»... «Санитарная сторона г. Сочи заставляетъ желать *очень и очень многаго*»... «Неговоря о *непомѣрной дороговизнѣ* (въ гостиницахъ), грязно и шумно»... Сочинскія «купанья едвали не *самыя неудобныя на всемъ кавказскомъ побережьѣ*»... «Сочи—курортъ *не особенно дорогой, но и не дешевый*»...

Въ извѣстной книгѣ о «Черноморскомъ побережьѣ», кромѣ указанія на заболоченность нижней крайне сырой части Сочи и на присутствіе въ ней лихорадокъ, отмѣчается еще обиліе грязи въ дождливую погоду и пыли въ сухую. Пыль эта, по мнѣнію изслѣдователей, представляетъ немало неудобствъ, «особенно для больныхъ»...

Таковы противорѣчивые отзывы о Сочи. Неодинаковость ихъ въ значительной мѣрѣ зависитъ, конечно, какъ отъ степени знакомства авторовъ съ мѣстными условіями, такъ и отъ тѣхъ требованій, которыя они къ нему предъявляли, отъ тѣхъ ожиданій, съ которыми туда пріѣзжали, отъ тѣхъ благопріятныхъ или неблагопріятныхъ условій, въ которыхъ они въ немъ временно проживали и пр. и пр. По нимъ, конечно, трудно составить вѣрную картину Сочи и условій жизни въ немъ. Тѣмъ не менѣе изъ всего этого нельзя все-таки не прійти къ выводу,

---

[1]) Вотъ, что говорятъ по этому же поводу проф. Пастернацкій („Черном. побережье“, стр. 157) «*городъ* Сочи и теперь уже страдаетъ *существенными* недостатками, *препятствующими* ему сдѣлаться *климатическою станціею* для больныхъ; съ проведеніемъ же желѣзной дороги, съ устройствомъ въ городѣ пристани, городъ неизбѣжно сдѣлается еще болѣе оживленнымъ торговымъ пунктомъ, въ которомъ *не будетъ мѣста для больныхъ*. Когда въ недалекомъ будущемъ наступитъ это время, Верещагинскій (пригородный) участокъ самъ собою превратится въ дачное мѣсто для здоровыхъ и больныхъ, *но* занятое исключительно богатыми собственниками и потому *недоступное для другихъ*»...

что, какъ бы ни были преувеличенно-пессимистичны отзывы нѣкоторыхъ описателей Сочи,—все же прославленный курортъ этотъ имѣетъ немало весьма серіозныхъ дефектовъ.

Одинъ изъ этихъ дефектовъ, ѣхавшій со мною пассажиръ характеризовалъ краткимъ отзывомъ, что «Сочи—баня»!

По отзыву изслѣдователей «Черноморскаго побережья» не только въ средней, но и въ сѣверной Россіи лѣтомъ нерѣдко бываетъ гораздо жарче, чѣмъ въ южной части Черноморскаго побережья... «А между тѣмъ на жары лѣтомъ здѣсь жалуются и мѣстные жители и пріѣзжіе». Это кажущееся противорѣчіе объясняется тѣмъ, что «и въ средней Россіи, а тѣмъ болѣе въ степяхъ юга и юго-востока, сильные жары бываютъ при сухомъ воздухѣ, при этомъ потъ съ поверхности тѣла быстро испаряется и это испареніе охлаждаетъ его». Если же высокая температура, какъ здѣсь, бываетъ при влажномъ воздухѣ, то потъ испаряется медленно и человѣческое тѣло болѣе страдаетъ отъ жара. «Къ этому является непріятное ощущеніе отъ пота, который гораздо быстрѣе выступаетъ, чѣмъ испаряется» [1]). Говоря вообще о климатѣ сочинскаго района отъ Туапсе до Адлера—г. Красновъ [2]) пишетъ по поводу этого: «Для здороваго и, быть можетъ, для легочного больного эта нѣкоторая влажность даже пріятна, но для людей съ издерганными нервами, для неврастениковъ высокое давленіе воздуха съ этою влажностью не всегда отзывается хорошо. Часто утромъ вы встаете съ чувствомъ утомленія въ членахъ и, несмотря на чудную погоду и полную тишину воздуха, васъ не манитъ на прогулку. Хочется при здѣшнемъ климатѣ воздуха болѣе легкаго»...

Все это, конечно, надо имѣть въ виду людямъ, ѣдущимъ въ Сочи на леченіе. Имъ слѣдуетъ также имѣть въ виду указанія «Черноморскаго побережья» [3]) на далеко не одинаковую пригодность Сочи съ прилегающими къ нему ближайшими окрестностями

---

[1]) Черном. Побер., стр. 56—57, 79—80, 95, 99.
[2]) Недѣля, 1901, № 1, стр. 178.
[3]) Стр. 151—158.

для поселенія дачниковъ и въ особенности больныхъ тѣми или иными болѣзнями. Слѣдуетъ въ то же время обратить вниманіе и на рѣзкое разнорѣчіе въ отзывахъ нашихъ ученыхъ спеціалистовъ—профессоровъ Воейкова и Краснова о климатѣ Сочи [1]) и быть осторожными вообще при выборѣ Сочи для поправленія здоровья. А. Н. Красновъ указываетъ на усиленное стремленіе А. И. Воейкова подчеркиваніемъ чертъ сходства и умалчиваніемъ о различіяхъ, описать побережье какъ русскую «ривьеру», сходную въ климатическомъ отношеніи съ итальянской и французской ривьерой. Останавливаясь на отнесеніи Сочи г. Воейковымъ къ категоріи лучшихъ зимнихъ климатическихъ станцій, г. Красновъ возражаетъ противъ этого указаніемъ на случающіеся зимой морозы въ 15° и на *изобиліе* дождливыхъ дней зимою («въ декабрѣ до 27 дней дождливыхъ!»). Поэтому онъ признаетъ Сочи съ сосѣдними побережными курортами (и въ томъ числѣ Туапсе) не зимними климатическими станціями, а «осенними курортами подобно Крыму, или, если хотите, лѣтнимъ мѣстопребываніемъ для легочныхъ больныхъ людей, которымъ нужно купанье въ тепломъ морѣ, при равномѣрной, не слишкомъ высокой температурѣ воздуха».

Уже темною ночью отходимъ мы отъ Сочи. Все попрежнему покачиваясь на обѣ стороны, взбѣгаетъ пароходъ съ волны на волну. Все по прежнему бьются пѣнистыя волны объ его бока. По прежнему же мѣрнымъ шагомъ прохаживается около руля дежурный помощникъ капитана, молча посматривая впередъ. А тамъ впереди изъ-за черной тьмы, изъ-за то подымающихся, то опускающихся в нихъ видны какіе то мерцающіе огоньки, то пропадающіе, то опять вспыхивающіе. Признаки ли это жилья на берегу и какого, или сигнальные береговые огни идущимъ судамъ, маячные огни, предупреждающіе объ опасности—какъ разобрать въ такой темнотѣ?! Между тѣмъ опасный берегъ близокъ, а пароходъ идетъ тѣмъ же ходомъ и эти неизвѣстные огни... не манятъ, а тревожатъ...

---

[2]) Недѣля, 1900 г., № 2, стр. 216 и слѣд.

Жутко подумать, что именно такія темныя и даже можетъ быть болѣе бурныя ночи выбирались въ былыя времена турецкими судами, легкими и плоскодонными, для отплытія при первомъ береговомъ вѣтрѣ съ контрабанднымъ грузомъ въ Турцію. Въ то время, передъ устройствомъ знаменитой «береговой линіи» изъ ряда укрѣпленій, въ родѣ Кабардинки или Архипоосиповки, охрана береговъ лежала на русскихъ военныхъ крейсерахъ. Считалось необходимымъ пресѣчь торговыя сношенія турокъ съ горцами, изолировать послѣднихъ отъ первыхъ, прекратить всякій подвозъ товаровъ изъ Турціи; необходимо было также ограждать и русскія суда отъ черноморскихъ пиратовъ. Въ то время русскія торговыя суда, поддерживавшія торговыя сношенія между Абхазіей и разными побережными пунктами Азовскаго моря и Крыма, заштилѣвъ въ морѣ или будучи занесены непогодами къ кавказскому берегу, не рѣдко попадали въ руки черкесовъ, захватывавшихъ ихъ на своихъ галерахъ. Русскіе крейсеры должны были ловить морскихъ пиратовъ, выискивать въ морѣ и у береговъ турецкіе суда, возившіе контрабанду. Но легкія турецкія суда, спуская парусъ, держались днемъ вдали отъ берега, оставаясь такимъ образомъ невидимыми для плававшихъ у береговъ крейсеровъ—въ ожиданіи перваго вѣтра къ берегу. Тогда даже при бѣломъ свѣтѣ дня они на парусахъ шли къ берегу, вполнѣ увѣренные, что тамъ ихъ ожидаютъ горцы, могущіе не только быстро выгрузить товары, но и геройски защитить въ случаѣ надобности отъ русскихъ. Но въ защитѣ даже рѣдко предстояла надобность, потому что съ моря—съ крейсера часто трудно было разсмотрѣть маленькое судно, пріютившееся гдѣ нибудь въ укромномъ уголкѣ подъ самымъ берегомъ. Въ сильный же вѣтеръ къ берегу для тяжелаго крейсера даже рискованно было сильно приближаться къ побережью изъ опасенія невозможности отлавироваться отъ него и быть прибитымъ къ берегу, гдѣ черкесы и турки расправились бы съ беззащитнымъ крейсеромъ по своему. Такъ и крейсировали наши военныя (въ то время преимущественно парусныя) суда, испытывая всяческія непогоды, по бурнымъ волнамъ Чернаго моря, большею частію тщетно разыскивая или догоняя

постоянно ускользавшаго отъ нихъ непріятеля. Эта безплодность дѣятельности крейсеровъ и привела прежде всего къ мысли объ устройствѣ на побережьѣ цѣлаго ряда береговыхъ укрѣпленій, подъ общимъ именемъ «Черноморской береговой линіи»,—укрѣпленій, подъ защитой которыхъ мѣстами стали зарождаться впослѣдствіи первые русскіе мирные поселки... Но вѣчное скитаніе по морскимъ волнамъ во всякое время года при всякой погодѣ—хотя бы и за вѣчно ускользавшимъ непріятелемъ,—было дѣломъ во всякомъ случаѣ очень безпокойнымъ, труднымъ, связаннымъ съ многими треволненіями и опасностями. Это было далеко, конечно, не то, что теперь, хотя бы и въ бурю, проѣхать вдоль побережья, при извѣстномъ комфортѣ на большомъ быстроходномъ пароходѣ. Что же въ такомъ случаѣ сказать о положеніи этихъ всю свою жизнь рыскавшихъ по морю на своихъ плоскодонныхъ невидимыхъ судахъ турецкихъ и черкесскихъ контробандистахъ, самыми удобными моментами для плаванія которыхъ считались темная ночь да вѣтеръ къ берегу и вѣтеръ отъ берега?..

Много эти берега «видали видовъ», много исторій могли бы разсказать эти сѣдыя мрачныя волны пришлецу, интересующемуся прошлымъ этого когда то богатого культурой и оживленнаго побережья!..

Пора ужъ спать, но сонъ не идетъ. Въ каютѣ душно, потому что несмотря на вѣтеръ въ воздухѣ потеплѣло, а окна на ночь задраены изъ опасенія бури. Электрическій фонарь свѣтитъ прямо въ глаза и мѣшаетъ заснуть. За стѣною непрерывный плескъ волнъ и слышенъ шумъ машины, и какой то непрерывный скрипъ и непрерывные шумы и звуки. Пока заснешь, проходитъ часъ-другой. Но сонъ приходитъ ненадолго: будитъ какое то новое, иное чѣмъ прежде, покачиваніе парохода. Я спѣшу подняться на верхъ, чтобы узнать въ чемъ дѣло, но на лѣстницѣ сталкиваюсь съ спускающимся въ каюту пассажиромъ.

— Ну, что, какъ тамъ на верху... волненіе?..—спрашиваю я у него на ходу. Но онъ, вмѣсто отвѣта, дѣлаетъ вдругъ такое движеніе ртомъ и всею головою, что я въ ужасѣ сторонюсь изъ

опасенія попасть подъ душъ совсѣмъ особаго рода и съ всевозможною скоростью почтительно даю ему дорогу.

Оказывается, что пароходъ опять на якорѣ у мѣста новой остановки. Снова работаетъ майна-вира, снова у подножія парохода качаются фелюги, снова прибываютъ и убываютъ пассажиры.

Въ наше отдѣленіе каюты входятъ два нѣмца-пассажира и пробуютъ устроиться на свободныхъ верхнихъ койкахъ. Но не совсѣмъ то легко залезть туда во время сегодняшней качки по короткой, почему то несоразмѣренной съ высотою коекъ, приставной лѣсенкѣ. Можно опасаться или полетѣть вмѣстѣ съ лѣсенкой на полъ или удариться головой о низкій потолокъ каюты.

— А что Карлъ Эдуардычъ, пароходъ нэ тресиетъ?—становясь на лѣсенку, спрашиваетъ у своего спутника толстый нѣмецъ, показывая жестомъ на потолокъ и голову.

— О, нэтъ—волненій мало!..—Онъ не трэскаетъ—онъ сдэланъ карашо, удобно...—далеко отъ голова...—успокаиваетъ его другой, устраиваясь на своей койкѣ.

Покидая Сочи, нельзя не упомянуть объ исторіи Хлудовскаго имѣнія, этомъ рельефномъ примѣрѣ того хозяйничанья, которое заводятъ здѣсь пришлые люди. Хлудовское имѣніе поглотило на свое «устройство» по однимъ свѣдѣніямъ полтора, по другимъ $2^1/_2$ милліона денегъ. Расположено оно близъ Сочи въ живописной мѣстности съ роскошной растительностью, удобной почвой и всѣми благопріятными условіями для насажденія культуры. Не даромъ же сорокъ съ небольшимъ лѣтъ назадъ въ окрестностяхъ Сочи процвѣтала «блестящая черкесская культура», не даромъ англійскій путешественникъ Спенсеръ писалъ о горцахъ въ 1837 г.: «Съ перваго же момента, когда открылись передо мной черкесскія долины, видъ страны и населенія превзошелъ мои самыя пылкія представленія. Вмѣсто пустыни, населенной дикарями, я нашелъ непрерывный рядъ обработанныхъ долинъ и холмовъ, почти ни одного клочка земли не было некультивировано. Огромныя стада козъ, овецъ, лошадей и быковъ бродили въ разныхъ направленіяхъ по роскошной травѣ»... За-

тѣмъ... горская культура исчезла, послѣдніе слѣды ея заросли лѣсомъ... Затѣмъ въ этихъ мѣстахъ—въ окрестностяхъ Сочи—посеены были для насажденія культуры крестьяне, крестьяне эти стали заводить свое хозяйство, вводить кое-какую культуру. Но... по волѣ Н. С. Абазы, устроявшаго на побережьѣ «ривьеру», крестьяне эти были переведены подальше отъ берега, удалены съ уже насиженныхъ мѣстъ и посажены на другіе пустыри, но находящіеся въ гораздо менѣе выгодныхъ условіяхъ и... вмѣсто нихъ для насажденія культуры призвана была «интеллигенція» и капиталы... И вотъ эти капиталы были между прочимъ пущены въ дѣло въ Хлудовскомъ имѣніи (около 1000 десят.). Въ имѣніе приглашены были химикъ, инженеръ-механикъ и ученый спеціалистъ по виноградарству и винодѣлію. И всѣ они принялись работать. Построили огромный каменный подвалъ для вина, винодѣльню, массу дорого стоющихъ каменныхъ и всякихъ другихъ жилыхъ и нежилыхъ построекъ. Развели сразу болѣе ста десятинъ виноградника и большею частію на кольяхъ, а не въ разстилку (что не позволительно при здѣшнемъ сыромъ климатѣ) и при томъ съ густотою посадки до 9000 кустовъ на десятину, устраняющей всякую возможность конной обработки между грядками и увеличивающей затемненіе почвы отъ солнца и вліяніе сырости [1]). Развели и болѣе 100 дес. сада, посадивъ тамъ яблони синопъ, сливы и массу гранатъ, которые въ Сочи почти никогда вполнѣ не дозрѣваютъ. Развели и огромный питомникъ фруктовыхъ и декоративныхъ растеній... Но... виноградъ сталъ гнить, вино изъ него оказалось негоднымъ и получило столь дурную славу, что его никто не сталъ брать даже даромъ, сорокъ тысячъ ведеръ хереса, мадеры и т. п. сортовъ винъ пришлось вылить въ рѣчку, гранаты оказались мелкими и кислыми, питомникъ не окупилъ расходовъ и пр. и пр. Все—потому, что, не считались съ мѣстными условіями, не считались съ почвой, съ

---

[1]) „Виноградникъ засаженъ такъ густо, что походитъ на дикіе кусты не то колючки, не то чего-либо въ этомъ родѣ“. (Васюковъ. „Край гордой красоты“, стр. 106).

климатомъ, съ спросомъ и предложеніемъ, съ условіями доставки и сбыта, совсѣмъ не знали никакихъ условій и не находили нужнымъ ихъ предварительно изучить. И въ результатѣ затраченные милліоны и «запустѣніе, одичаніе повсюду: необрѣзанныя деревья, Богъ знаетъ въ какомъ видѣ виноградники, мрачное въ видѣ фабрики зданіе винодѣльни и другія не то развалины, не то постройки» [1])... и продажа г. Хлудовымъ имѣнія казнѣ всего за $^1/_2$ милліона, лишь бы избавиться отъ дальнѣйшихъ убытковъ. А затѣмъ... раздача и распродажа казною этого и еще верещагинскаго имѣнія уже сравнительно мелкими участками и частями, но опять такимъ же пришлымъ людямъ, незнающимъ мѣстныхъ условій, неживущимъ здѣсь и не могущимъ и не желающимъ лично работать надъ мѣстной культурой. И въ результатѣ... «появились управляющіе имѣніями, люди безъ всякаго опыта и знанія, люди съ борка и съ сосенки, конечно, безпрекословно исполнявшіе дикую волю своихъ хозяевъ, безъ которыхъ властно распоряжались всѣмъ тѣмъ, что Господь послалъ. Вырубались строевые лѣса, на мѣстѣ которыхъ воцарялась мерзость запустѣнія, строились какія то зданія для неизвѣстныхъ будущихъ операцій, но серіознаго простого дѣла никто не дѣлалъ, нужнаго хозяйства никто не заводилъ, о «хлѣбѣ» никто не пекся, но каждый думалъ о высшихъ культурахъ, напр., о бананахъ, о кофейномъ деревѣ»... И вотъ теперь «тамъ, гдѣ у горцевъ были пастбища и прекрасный скотъ, тамъ теперь ни пройти, ни проѣхать, гдѣ были ихъ фруктовые сады, тамъ теперь дичь и живутъ кабаны и медвѣди» [2])... Имѣніе за имѣніемъ безъ перерыва заполняютъ сочинское побережье и ближайшіе къ нему склоны горныхъ высотъ, но... «всѣ эти земли и имѣнія не обработаны, не культивированы и... будущее ждетъ ихъ впереди» [3])... Таковы блестящіе результаты устроенія русской ривьеры около Сочи по мысли покойнаго гофмейстера Абазы [4]), въ руки котораго еще такъ недавно фактически

[1]) Тамъ же, стр. 105—106.

[2]) Тамъ же, стр. 106—107.

[3]) Тамъ же, стр. 128.

[4]) Бывшаго предсѣдателя бывшей комиссіи „заселенія и оживленія" края.

предоставлено было—въ послѣдніе годы его жизни—все будущее черноморскаго побережья Кавказа, все направленіе его колонизаціи, его «заселенія, устроенія и оживленія»... Но самый рельефный образецъ этой колонизаціонной политики, это устроенные однимъ почеркомъ его пера новые города: Романовскъ и Хоста. Изъ нихъ послѣдній созидается на берегу, мимо котораго намъ придется проѣхать отъ Сочи ночью.

Когда проф. Красновъ посѣтилъ городъ Хосту въ 1899 г.—на второй годъ послѣ его закладки—онъ увидѣлъ «въ мрачномъ сыромъ ущельѣ», въ ямѣ, «гдѣ царятъ лихорадки», предназначенной для обращенія въ городъ, среди дѣвственнаго лѣса, гдѣ бродили стада кабановъ и дикихъ козъ, *столбы* съ обозначеніемъ будущихъ улицъ, площадей, главныхъ зданій и учрежденій города, будущаго кладбища, церкви и городского выгона, да дренажныя канавы, присоединившіяся къ столбамъ къ концу второго года [1]. Для города предназначено 80 десятинъ, раздѣленныхъ на 160 городскихъ усадебныхъ участковъ, розданныхъ почти при самомъ его основаніи (т. е. въ періодъ установки столбовъ) «преимущественно интеллигентнымъ лицамъ: профессорамъ, учителямъ, врачамъ, а также и многимъ лицамъ высшей служебной іерархіи». Остальные 420 дес. подѣлены на такъ называемые дачные участки по двѣ и болѣе десятинъ и тоже всѣ розданы. Теперь уже кончается 1903 г., а въ этомъ городѣ нѣтъ пока никакого управленія, число постоянныхъ жителей 200 душъ, есть фельдшерскій пунктъ на 2 кровати, да небольшая гостинница и только... И что изъ всего этого выйдетъ дальше—неизвѣстно... Но что бы не вышло, во всякомъ случаѣ деньги потрачены и, главное, земли ужъ розданы...

Розданы онѣ, какъ здѣсь принято говорить, «петербургскимъ генераламъ» и такъ или иначе извѣстнымъ покойному Абазѣ лицамъ. «Мѣщанамъ, ремесленникамъ и торговцамъ доступа не было», такъ какъ получить участокъ подъ усадьбу обыкновенному смертному, было невозможно. Не даромъ же по по-

---

[1] „Недѣля“, 1900, № 8.

бережью ходитъ анекдотъ, что Н. С. Абаза на просьбу одного простого смертнаго дать участокъ земли въ Хостѣ, отвѣтилъ, что у него тамъ будутъ поселены «только сенаторы да губернаторы»... Немудрено, конечно, что въ Хостѣ, говоря словами Щедрина, «народъ нѣтъ, помпадуръ есть—чисто»!...

Другой, создаваемый по волѣ фантазіи Н. С. Абазы городъ—Романовскъ—лежитъ дальше, въ сторонѣ отъ берега, въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ слѣдующей пароходной остановки—у Адлера. Адлеръ это—также новомодный «курортъ» и пароходная «пристань», около которой пароходы тоже останавливаются на якорѣ въ морѣ. Селеніе Адлеръ расположено на берегу моря въ живописной мѣстности и состоитъ изъ бывшихъ крестьянъ бессарабской и херсонской губ., сначала—съ 1869 г.—поселенныхъ въ горахъ, а съ 1876 г. переведенныхъ сюда на берегъ съ надѣленіемъ земли въ подворное владѣніе по 9 $^1/_4$ дес. на каждый дворъ. Съ точки зрѣнія курортной, это—мѣсто, о которомъ пока не стоитъ говорить: «сырость воздуха, домовъ и постелей въ нихъ заставляетъ не забывать, что вы находитесь въ лихорадочной мѣстности» [1]). Это—благодаря заболоченности р. Мзмыты, у которой расположено селеніе. Такая же болотная низменность находится и въ приморской полосѣ между р.р. Псоу и Мзмытой, но впрочемъ и тамъ и здѣсь къ настоящему времени частію уже окончены, а частію только начаты осушительныя работы, обѣщающія оздоровленіе этихъ красивыхъ, одаренныхъ теперь роскошною растительностью окрестностей Адлера.

Отъ Адлера по долинѣ р. Мзмыты проведена горами дорога въ такъ наз. Красную Поляну, гдѣ и предназначено быть городу Романовску. Путь туда на протяженіи 54 верстъ, стоившій огромныхъ денегъ, въ части его, проложенной чрезъ головокружительныя высоты и трудно проходимыя ущелья, отличается замѣчательною красотою. «Злые языки говорятъ—пишетъ проф. Криновъ [2])—что практичнѣе было бы вести дорогу не по голо-

---

[1]) «Черном. побер.» стр. 162.
[2]) Недѣля 1901 г. № 1.

воломному ущелью Мзмыты, а окружнымъ путемъ, начиная съ Хосты. Она, говорятъ, стоила бы дешевле и облагодѣтельствовала бы нѣсколько селеній. Пусть такъ--но не всѣ же дороги Швейцаріи строились только ради селеній. Тамъ проводили дороги и для туристовъ—и, *если* Красная Поляна есть будущій курортъ, то трудно придумать болѣе живописный и грандіозный путь, къ нему ведущій»... Красная Поляна—это широкая замѣчательная своею красотой, возвышенная (свыше 2000 ф.) часть долины р. Мзмыты съ прилегающими къ ней склонами была заселена славившимися, какъ лучшіе пчеловоды и садоводы, горскими племенами, которыя въ 1864 г. вынуждены были эмигрировать въ Турцію. Поляна опустѣла и была надолго совсѣмъ забыта, но затѣмъ ходоки жившихъ въ ставропольской губ. малоазіатскихъ грековъ набрели на нее и въ 1878 г. въ нее переселились греки (теперь около 40 дворовъ), а послѣ нихъ образовали еще одно селеніе эстонцы (86 дворовъ). И тѣ и другіе успѣшно занялись здѣсь хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ.

Вслѣдствіе отсутствія путей сообщенія и неприступности мѣстности, Красная Поляна была почти неизвѣстна до 1894—5 г.г. Затѣмъ 1898 г. эта мѣстность изслѣдована была помянутою комиссіей ученыхъ (авторовъ книги «Черноморское побережье») нашедшихъ здѣсь нѣсколько разнообразныхъ минеральныхъ источниковъ, признавшихъ климатъ ея сходнымъ съ климатомъ Мерана и чрезвычайно благопріятнымъ для здоровья.—Этотъ выводъ знаменуетъ, по мнѣнію проф. Краснова, «новое направленіе въ русской метеорологіи и климатологіи, согласно которому оказывается возможнымъ, на основаніи трехдневныхъ случайныхъ наблюденій и разсказовъ волостного писаря, дѣлать характеристики климата и сравнивать съ климатомъ, характеръ котораго установленъ многолѣтнимъ трудомъ метеорологической обсерваторіи» [1]). Въ слѣдующемъ же 1899 г. проведенъ уже въ Красную Поляну упоминавшійся выше весьма дорогой, но красивый шоссейный путь долиною р. Мзмыты. Отъ надѣла греческаго селенія отобрана часть

---

[1]) «Недѣля» 1901 № 1, стр. 185.

земель и отведена подъ будущій городъ Романовскъ. Вся долина Красной Поляны, площадью до 600 дес., вмѣстѣ съ существующими греческими землями разбита на двухдесятинные дачные и полудесятинные городскіе участки г. Романовска. Часть этихъ участковъ роздана, по обыкновенію, безплатно, преимущественно пришлому чиновному люду, часть пущена въ продажу съ торговъ. Поселяне, которые не хотятъ переименоваться въ мѣщанъ новаго города, должны переселиться туда, гдѣ начальство отведетъ имъ новые надѣлы. Будущее этого города однако довольно печально, потому что, *если* онъ заселится, ему неоткуда будетъ получать предметы первой необходимости. Два поселка грековъ и эстовъ ничтожны, русскихъ поселковъ вблизи нѣтъ, образованіе по близости новыхъ поселеній невозможно, а единственный путь къ Адлеру, къ морю, зимой нерѣдко совсѣмъ недоступенъ, благодаря частымъ снѣжнымъ заваламъ.

Если ужь въ Сочи дороговизна и трудность полученія нѣкоторыхъ продуктовъ первой необходимости объясняется рѣдкостью сельского населенія—недостаткомъ въ окрестностяхъ его крестьянскихъ поселковъ (часть которыхъ въ цѣляхъ насажденія на побережьѣ «высшихъ культуръ» тоже выселена была съ береговъ моря на другія мѣста), то относительно жителей будущаго города Романовска не трудно предвидѣть, что они очутятся въ положеніи неизмѣримо худшемъ, чѣмъ два щедринскіе генерала прокормленные мужикомъ. Дѣло въ томъ, что по разсчету числа дачныхъ и городскихъ участковъ, въ Романовскѣ должно быть гораздо больше жителей, чѣмъ въ ближайшихъ къ нему поселкахъ. И если одинъ мужикъ дѣйствительно могъ прокормить двухъ генераловъ, то это еще не можетъ служить доказательствомъ, что онъ можетъ прокормить и десятерыхъ [1]). Между тѣмъ... между

[1]) Интересно, что ту же будущность пророчитъ проф. Красновъ даже для Сочи: когда „мирно сидящіе въ Петербургѣ“ сочинскіе владѣльцы „съ наступленіемъ для Сочи лучшихъ временъ“... „вздумаютъ пожаловать на свои участки“ „и число дачниковъ значительно увеличится—ихъ будетъ ожидать горькая участь щедринскихъ генераловъ на необитаемомъ островѣ“ („Недѣля“ 1900 г. № 1).

тѣмъ дѣло уже сдѣлано: «народъ гонялъ, помпадуръ сажалъ, риформа кончалъ»!.,

Таковы новоустрояемыя «однимъ почеркомъ пера» города побережья, плановыя мѣста которыхъ розданы именно тѣмъ, кто жить тамъ навѣрное не будетъ,—города, оживающіе на извѣстное лишь время года съ пріѣздомъ на отдыхъ нѣкоторой части чиновныхъ «хозяевъ». Таковы новые побережные города, состоящіе частію изъ жилыхъ домовъ, а больше изъ дачекъ, бараковъ, пустыхъ плановыхъ мѣстъ и столбовъ, обозначающихъ направленіе улицъ,—города, отсутствующіе «хозяева» которыхъ при случаѣ охотно спекулируютъ на выгодную перепродажу своихъ плановыхъ участковъ.

Это—поучительные образцы дорого стоившей Россіи колонизаціонной политики «заселенія и оживленія» края, сводившейся, по идеѣ Н. С. Абазы, къ обращенію его въ ривьеру во что бы то ни стало. Это—такъ сказать живые кульминаціонные пункты той колонизаціонной политики, которую не одобрялъ никогда и никто изъ дѣйствительныхъ знатоковъ-старожиловъ края, лично незаинтересованныхъ въ полученіи крупицъ отъ раздаваемыхъ направо и налѣво лучшихъ земель побережья; но осуществленію которой никто не могъ противорѣчить, потому что покойный Абаза слушался только тѣхъ, кто сами его во всемъ слушались.

— Вотъ и наши виноградные съѣзды [1])—говорилъ мнѣ одинъ изъ виноградовладѣльцевъ—не хотѣли ходить по его указкамъ, обошли его нарочно—не пригласили на засѣданія, вотъ и затормозилось дѣло и теперь никогда не дождутся благопріятнаго разрѣшенія своихъ ходатайствъ. А пригласи они его—и все бы устроилось моментально... но, конечно, въ томъ только духѣ, какъ бы онъ самъ захотѣлъ... Однако все-таки было бы хоть что-нибудь..

Дальше по побережью, на югъ отъ Адлера, за р. Мзмытой, вскорѣ кончается уже черноморская губернія, граничащая здѣсь съ губерніей кутаисской. Отсюда начинается уже Абхазія.

---

[1]) См. предыдущую главу.

Но прежде чѣмъ вступить въ Абхазію, надо сказать еще нѣсколько словъ къ характеристикѣ климата и растительности оставляемаго района. Проф. Красновъ [1]) говоритъ, что граница кутаисской губ. проведена очень удачно въ томъ отношеніи, что съ нее начинается полоса болѣе теплаго климата (Гагринскій районъ побережья), болѣе южной флоры и болѣе теплыхъ (известковыхъ) почвъ, смѣняющихъ здѣсь собою тяжело-глинистыя, пропитанныя влагой, почвы сочинскаго района. По этому поводу надобно вообще сказать, что побережье отличается разнообразіемъ мѣстныхъ климатическихъ особенностей, какъ и разнообразіемъ своей растительности.

Высота положенія надъ уровнемъ моря, преобладаніе почвъ болѣе теплыхъ или наоборотъ болѣе холодныхъ, положеніе мѣстности на низменной заболоченной низинѣ, въ ущельѣ или же наоборотъ въ открытой, хорошо вентилируемой мѣстности, большая или меньшая закрытость мѣстности отъ холодныхъ или напротивъ отъ теплыхъ вѣтровъ горами или лѣсами, или же наоборотъ большая или меньшая открытость тѣмъ или инымъ изъ этихъ вѣтровъ, все это оказываетъ въ побережьѣ свое вліяніе на разницу климата и растительности мѣстности. При наличности съ одной стороны горъ, съ другой—моря, при разнообразіи положеній, которыя занимаютъ различные пункты побережья по отношенію къ этому морю и къ этимъ горамъ и перерѣзывающимъ ихъ рѣкамъ и ущельямъ, естественно, создается такое разнообразіе условій, при которомъ разныя части одного и того же района, даже одного и того же поселенія или курорта отличаются другъ отъ друга тѣми или иными климатическими особенностями, большимъ или меньшимъ распространеніемъ тѣхъ или иныхъ представителей мѣстной флоры, тѣмъ или инымъ вліяніемъ на здоровье. Вспомнимъ, напр., что различныя части г. Туапсе неодинаково пригодны для жизни; вспомнимъ, что тою же неодинаковостью вліянія на здоровье человѣка отличаются и различныя части ближайшихъ окрестностей Сочи. Охарактеризовавъ

---

[1]) „Недѣля“ 1901 г. № 1.

флору Сочинскаго района, какъ сходную съ флорою Пиринейскаго побережья Бискайскаго залива и прилегающей къ нему части Франціи (но не съ флорой Японіи и итальянской Ривьеры, какъ указывали другіе изслѣдователи), проф. Красновъ [1]), отмѣчаетъ между прочимъ различіе въ климатѣ и растительности окрестностей Сочи въ зависимости отъ защищенности ихъ выдающимися въ море мысами отъ холодныхъ сѣверозападныхъ вѣтровъ. «Все, что защищено отъ вліянія сѣверозападнаго вѣтра, то отличается пышнымъ развитіемъ, все, что открыто ему, то носитъ отпечатокъ сѣвера. Каждый такой выдающійся мысъ играетъ роль естественнаго барьера, по ту сторону котораго остается часть русскаго холода»...

Совершенно понятно поэтому, что отдѣльные болѣе или менѣе крупные районы побережья должны отличаться еще большимъ различіемъ въ климатѣ и растительности. Новороссійскій округъ, какъ мы знаемъ, мѣстами совсѣмъ не защищенъ отъ холодныхъ вѣтровъ сѣвера, Туапсинскій—защищенъ уже лучше, но защитность его значительно уступаетъ защитности округа Сочинскаго, который однако отстаетъ въ этомъ отношеніи отъ Сухумскаго, «имѣющаго совершенно исключительныя топографическія условія, благодаря превосходному воздушному дренажу системы р.р. Бзыби, Цхалты и Кодора» [2]). «Подъ защитою каждаго такого выступа (выступа горъ въ море высокими защищающими отъ вѣтровъ мысами) растительность—говоритъ проф. Красновъ [3])—становится нѣжнѣе, богаче южными формами. Благодаря этому Сочи лучше Туапсе, Хоста лучше Сочи, заадлерскія дачи лучше Хосты и наконецъ Гагры защищеннѣе Адлера».

Составители «Черноморскаго побережья» дѣлятъ побережье на югъ отъ Туапсе на три части—сѣверозападную, юговосточную и срединную между ними. Къ первой они относятъ Туапсе и приморскія мѣстности, лежащія къ югу отъ него, къ средин-

---

[1]) „Недѣля“ 1900 г. № 8.

[2]) Клингенъ И. Н. „Основы хоз. въ Соч. окр.“, стр. 10.

[3]) „Недѣля“ 1901 № 1.

ной—Сочи съ его окрестностями, и наконецъ къ третьей—береговую полосу отъ Гагръ до Сухума включительно (Абхазію). Главными особенностями этой срединной полосы они считаютъ, съ одной стороны, отсутствіе свойственнаго сѣверному району нордъ-оста, а съ другой, отсутствіе тропической лѣтней жары, присущей иногда Сухуму, а также и отсутствіе «злыхъ сухумскихъ лихорадокъ». Въ флористическомъ отношеніи они дѣлятъ побережье на такія части: отъ Новороссійска до р. Шахе съ преобладаніемъ растительности «травянистой, вообще злаковой», отъ Шахе далѣе на югъ съ растительностью сочной лиственною, а ближе къ Сухуму—съ субтропическою, при чемъ сочинскій районъ представляетъ какъ бы связующее звено между обоими крайними, къ нему прилегающими, сочетая въ себѣ представителей того и другого—«Сочи съ его окрестностями—золотая середина для флоры всего Черноморскаго побережья».

Такимъ образомъ вступая въ предѣлы Абхазіи, мы въ тоже время вступаемъ и въ новый климатическій и флористическій районъ Черноморскаго побережья.

Л. С. Личковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Іосифъ Максимовичъ Бодянскій и его заслуги для изученія Малороссіи[1].

VII.

Первый рефератъ О. М. Бодянскаго въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ. Упадокъ Общества. Избраніе О. М. Бодянскаго секретаремъ Общества. Заслуги Бодянскаго, какъ редактора «Чтеній въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ». Исторія съ изданіемъ перевода Флетчера на русскій языкъ.

Еще до поѣздки своей заграницу О. М. Бодянскій былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ. Но фактическое его участіе въ Обществѣ началось только по возвращеніи заграницы. 28 ноября 1842 г. Бодянскій прочиталъ въ засѣданіи Общества первый свой рефератъ «О поискахъ моихъ въ познанской публичной библіотекѣ». Рефератъ этотъ впослѣдствіи былъ напечатанъ въ первой книжкѣ «Чтеній въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ», вышедшей подъ редакціей О. М. Бодянскаго. «Удостоенный чести быть членомъ здѣшняго императорскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ, говоритъ О. М. Бодянскій въ началѣ своего реферата, я, по случаю скораго потомъ отъѣзда своего въ путешествіе по заграничнымъ славянскимъ землямъ, не имѣлъ по сю пору, удовольствія присутствовать въ

[1]) См. Кіев. Ст. 1903 № 10.

засѣданіяхъ почтеннѣйшихъ сочленовъ. Надѣюсь, со временемъ, оправдать такое вниманіе и довѣріе ко мнѣ своими занятіями, доказать, что ожидаемое отъ меня дѣйствительно основывалось на *возможномъ*, осуществимомъ... Посѣщая племя за племенемъ нашихъ одноутробныхъ и обозрѣвая книгохранилища ихъ, я постоянно обращалъ также вниманіе и на все то, что могло прямо, косвенно, относиться къ исторіи и древностямъ русскаго народа, особенно письменнымъ, зашедшимъ туда какимъ-нибудь случаемъ, и старался извлечь изъ своего положенія возможно большую пользу». Не говоря о томъ, что удалось ему извлечь въ другихъ мѣстахъ, О. М. Бодянскій останавливается на своихъ занятіяхъ въ познанской библіотекѣ, принадлежавшей гр. Эдуарду Рачинскому и составленной премущественно «изъ многихъ частныхъ библіотекъ, принадлежавшихъ нѣкоторымъ знаменитымъ домамъ въ Литвѣ и Бѣлой Руси». Рачинскаго Бодянскій особенно хвалитъ за то, что тотъ старается «всѣми мѣрами противодѣйствовать чужеязычному натиску», что онъ «ничего не щадитъ для открытія и напечатанія памятниковъ польской старины и при томъ очень важныхъ не для однихъ поляковъ, но и прочихъ славянъ».

Въ познанской библіотекѣ Бодянскій могъ заниматься не долго, ознакомился съ ней только поверхностно, но все-таки ему удалось списать кой-что изъ рукописей. Пусть читатель припомнитъ здѣсь кстати и отзывъ И. И. Срезневскаго о занятіяхъ Бодянскаго, который былъ выше приведенъ. Рукописи, съ которыми познакомилъ О. М. Бодянскій, членовъ Общества въ засѣданіи 28 ноября 1842 г., относились отчасти къ смутному времени, отчасти къ исторіи Литвы или исторіи древней повѣсти (о Гвидонѣ). Онѣ представляютъ интересъ, поэтому, какъ со стороны и историческихъ фактовъ, такъ и со стороны языка.

Активному участію Бодянскаго въ Обществѣ мѣшали на первыхъ порахъ его университетскія занятія [1]). Съ 1842 г. до 1845. онъ рѣдко выступалъ съ рефератами.

---

[1]) Чтенія въ Общ. ист. и древн. россійскихъ 1846, I.

Въ 1845 году Бодянскій былъ избранъ въ секретари Общества.

До этого времени секретаремъ былъ М. П. Погодинъ. Дѣятельностью Погодина, видимо, члены Общества не были вполнѣ довольны и ждали только отказа. Когда же отказъ послѣдовалъ, кандидатами на должность секретаря были намѣчены П. М. Строевъ, Вельтманъ и О. М. Бодянскій. Послѣдній получилъ большинство голосовъ (6 бѣлыхъ и 2 черныхъ) и былъ избранъ [1]).

Дѣятельность О. М. Бодянскаго, какъ секретаря, составила цѣлую эпоху въ исторіи московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ.

Общество это было основано въ 1804 г. и затѣмъ въ 1823 г. преобразовано. Особымъ оживленіемъ оно не отличалось. Въ годъ избранія Бодянскаго секретаремъ былъ поднятъ вопросъ о пересмотрѣ устава. Этимъ способомъ думали оживить Общество. Въ совѣщаніяхъ по этому поводу принималъ дѣятельное участіе и О. М. Бодянскій.

Въ одномъ изъ совѣщаній старѣйшій членъ Общества того времени П. М. Строевъ, дѣлая обзоръ дѣятельности Общества за все время его существованія, пришелъ къ печальнымъ выводамъ.

Мы приводимъ здѣсь довольно большой отрывокъ изъ рѣчи Строева. Она является лучшей характеристикой положенія Общества того времени. Она же вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо оттѣняетъ и заслуги Бодянскаго въ дѣлѣ оживленія старѣйшаго въ Россіи историческаго Общества.

«Общество исторіи и древностей россійскихъ, говорилъ Строевъ, утвержденное въ 1811 году, на основаніи довольно прочномъ, по несчастнымъ обстоятельствамъ, вскорѣ пришло въ разстройство; старанія обратить его къ предположенной цѣли въ 1823 году, не имѣли успѣха; въ настоящее время (1845 г.) цѣль эта призракъ. Археографическая коммиссія собрана изъ всѣхъ

---

[1]) Н. П. Барсуковъ. Жизнь и труды П. М. Строева стр. 416—417.

библіотекъ имперіи лѣтописи и важнѣйшія историческія сборники, сводить и издаетъ ихъ, слѣдовательно, главное занятіе наше ускользнуло отъ насъ. Она издастъ и акты разнаго рода и имѣетъ ключъ ко всѣмъ архивамъ; мы немного успѣемъ, если удастся намъ получить изъ нихъ кой-что, въ родѣ «дѣлъ о мѣстничествѣ». Члены никогда не доставляли сочиненій и статей въ изобиліи, едва возможно было въ два года издавать по небольшому тому; апробаціонный комитетъ 1837 года уничтожилъ и послѣднее усердіе. Назначеніе платы за труды (40 р. асс.) не повело ни къ чему; самолюбіе авторовъ ищетъ обширнаго круга читателей, и потому весьма естественно, что статьи, прочитанныя въ засѣданіяхъ, напечатаны послѣ на сторонѣ. Намъ нѣтъ никакой возможности издавать журнала, если бы даже энтузіазмъ, трудолюбіе и безкорыстіе 1811 года къ намъ возвратились» [1]).

Итакъ, по словамъ П. М. Строева, московское историческое Общество въ срединѣ 1840-хъ годовъ находилось въ полномъ упадкѣ. Члены обнаруживали къ нему мало интереса; издательская дѣятельность была довольно слабой. Труды Общества появлялись только съ большими перерывами.

Въ 1845 году избирается секретаремъ Общества О. М. Бодянскій и становится редакторомъ его изданій. Сразу же картина мѣняется. Сборники, издававшіеся Обществомъ и бывшіе до тѣхъ поръ случайными, обращаются въ періодическій журналъ подъ названіемъ «Чтенія въ Императорск. Обществѣ исторіи древностей россійскихъ» [2]). Журналъ этотъ носитъ спеціальный характеръ; но онъ является чрезвычайно богатымъ и разнообразнымъ по содержанію. Конечно, все это, благодаря труду и энергіи О. М. Бодянскаго. Онъ расширилъ программу журнала, онъ сумѣлъ привлечь сотрудниковъ, сумѣлъ заставить работать членовъ Общества и самъ отдавалъ и отдалъ ему и журналу лучшія, можетъ быть, свои силы. «Взявшись за изданіе «Чтеній»,—гово-

[1]) Н. П. Барсуковъ. Жизнь и труды П. М. Строева стр. 426—427.

[2]) Рус. Стар. 1879 г., май, стр. 207.

ритъ И. И. Срезневскій, Бодянскій придумалъ для этого повременнаго изданія такіе отдѣлы содержанія и такой порядокъ помѣщенія вносимаго, что было мѣсто всему—и изслѣдованіямъ, и описаніямъ памятниковъ, и запискамъ современниковъ прежняго и новаго времени, и всякимъ сборникамъ, и всякимъ замѣчаніямъ, всему, сколько-нибудь подходящему подъ кругозоръ вниманія Общества, какъ бы оно велико или мало ни было, въ подлинникѣ или въ переводѣ. Не могло быть помѣщено только то, что почему-нибудь Бодянскій находилъ неумѣстнымъ» [1])...

Неутомимость Бодянскаго при изданіи «Чтеній» невольно поражала всякаго. Ему самому приходилось и разыскивать матеріалы, выбирать, подбирать ихъ, самому перечитывать корректуры, хлопотать въ типографіи, наблюдать за печатаніемъ Исключительно благодаря энергіи Бодянскаго, въ «Чтеніяхъ» изданы очень обширныя сочиненія старыя и новыя, многія записки современниковъ, и подлинныя русскія, и иностранныя въ переводѣ, и сборники пѣсенъ и пословицъ, и памятники древніе и т. п. Такимъ образомъ, «Чтенія» составили библіотеку, необходимую для каждаго историка, археолога, этнографа, статистика, языковѣда, историка литературы и народной словесности, не только русской, но и западно-славянской» [2]).

Мы не можемъ перечислить здѣсь хотя бы главнѣйшихъ статей и матеріаловъ, напечатанныхъ въ «Чтеніяхъ» за время редакторства О. М. Бодянскаго. Желающій можетъ обратиться къ статьѣ М. И. Семевскаго въ «Русской Старинѣ» 1879 г. (май) или къ «Указателямъ къ повременнымъ изданіямъ московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ», составленнымъ И. Е. Забѣлинымъ и С. А. Бѣлокуровымъ.

Самъ О. М. Бодянскій почти всѣ свои научныя работы помѣщалъ въ «Чтеніяхъ». Исключеніемъ изъ этого явились немногія. Въ числѣ ихъ были: докторская диссертація Бодянскаго «О

---

[1]) *Срезневскій.* На-память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ, стр. 40.

[2]) Тамъ же, стр. 40—41 и 45.

времени происхожденія славянскихъ письменъ», вышедшая въ 1855 г. отдѣльно; разборъ книги о Кириллѣ и Мефодіи, напечатанный въ «Седьмомъ присужденіи Уваровскихъ премій» (1864 г.), и рѣчь о Ломоносовѣ въ «Празднованіи столѣтней годовщины Ломоносова» (1865 г.) [1]. Полнаго списка научныхъ работъ Бодянскаго нѣтъ, такъ какъ библіографическіе указатели, его трудовъ, приведенные въ поминкѣ о Бодянскомъ И. И. Срезневскаго [2]) и въ біографіи Бодянскаго, написанной проф. Н. Ф. Сумцевымъ [3]), далеко не могутъ назваться полными. Въ нихъ вошло только главнѣйшее. Небольшія же замѣтки, возраженія, разъясненія и пр. ждутъ еще своего библіографа.

За все время своего редакторства Бодянскій издалъ сто книгъ «Чтеній». Хотя онъ и умеръ въ 1877 году секретаремъ Общества и редакторомъ его журнала—дѣятельность его, однако, не была непрерывной. Она прервалась въ 1848 году. До этого времени, съ сентября 1845 года, Бодянскимъ было издано 22 книжки «Чтеній» [4]). На 23-й книжкѣ, или первой въ 1848 году, изданій «Чтеній» было прервано и возобновилось только въ 1858 году, подъ редакціей того же О. М. Бодянскаго.

Поводомъ къ перерыву изданія послужила извѣстная исторія съ изданіемъ въ «Чтеніяхъ» перевода сочиненія Флетчера на русскій языкъ.

Исторія эта остается до сихъ поръ мало объясненной.

---

[1]) *Срезневскій.* На память о Бодянскомъ и пр. стр. 45—46.

[2]) *Тамъ же,* стр. 41—44.

[3]) *С. А. Венгеровъ.* Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, т. V, стр. 65—75.

[4]) Изданіе «Чтеній» началось въ сентябрѣ 1845 года, при чемъ издательскій годъ продолжался съ мая-іюня по апрѣль. За первый годъ (1845—1846) вышло 4 книги „Чтеній“; за второй (1846—1847) —9 книгъ; за третій (1847—1848)—9 книгъ. На первой книжкѣ четвертаго года іюнь (1848 г.) изданіе было пріостановлено. См. Предисловіе къ „Указателю ко всѣмъ періодич. изданіямъ О-ва исторіи и древностей россійск.“ за 68 лѣтъ, М. 1883 г., стр. 3—4.

1848-й годъ былъ особенно тяжелъ въ русской жизни вообще и въ исторіи русской литературы въ частности. Революціонныя событія, разыгравшіяся въ Западной Европѣ, въ видѣ венгерскаго возстанія дошли до границъ Россіи и вызвали сильную тревогу въ русскихъ правящихъ сферахъ. Стали бояться революціоннаго движенія и въ предѣлахъ Россіи, и правительство обратило вниманіе, главнымъ образомъ, на университеты и печать. За послѣднею былъ учрежденъ суровый надзоръ, и начались преслѣдованія ея дѣятелей. Въ это самое время и на этомъ фонѣ и разыгралась исторія по поводу изданія перевода сочиненія Джильса Флетчера на русскій языкъ.

Англичанинъ Джильсъ Флетчеръ былъ посломъ англійской королевы Елисаветы и пріѣхалъ въ Россію при Федорѣ Ивановичѣ, вскорѣ послѣ смерти Грознаго. Въ своемъ интересномъ, по наблюденіямъ, и обстоятельномъ сочиненіи «On the Russe Common Wealth», вышедшимъ въ свѣтъ въ 1591 году, Флетчеръ нарисовалъ безотрадную картину русскаго государства и довольно непочтительно отозвался о разныхъ сторонахъ русской жизни. Въ Англіи книга вызвала переполохъ. Дѣло въ томъ, что англичане вели оживленную торговлю съ Россіей и пользовались въ ней обширными торговыми привиллегіями. Такъ какъ лондонская торговая камнанія боялась, какъ бы русское правительство не отняло, благодаря книгѣ Флетчера, у англичанъ привилегій, то ей удалось добиться у правительства сожженія книги Флетчера, отъ которой случайно уцѣлѣло только нѣсколько экземпляровъ.

Съ той поры прошло $2^1/_2$ вѣка. Въ началѣ XIX вѣка сочиненіемъ Флетчера пользовался Карамзинъ при составленіи своей «Исторіи государства россійскаго и въ примѣчаніяхъ къ ней сдѣлалъ довольно большія выписки, благодаря которымъ русская публика могла познакомиться съ характеромъ сочиненія Флетчера. До 1848 года сочиненіе это, такимъ образомъ, не казалось опаснымъ.

Перевелъ Флетчера на русскій языкъ Н. В. Калачовъ [1]). Подлинникъ и переводъ представилъ Обществу въ засѣданіи 27 декабря 1847 года князь М. А. Оболенскій, директоръ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ: онъ же снабдилъ переводъ и обширнымъ предисловіемъ [2]). Противъ печатанія перевода Флетчера на русскій языкъ возставалъ П. М. Строевъ, доказывая, что Общество можетъ потерять право собственной цензуры [3]). Переводъ все-таки былъ напечатанъ, по распоряженію графа С. Г. Строганова, въ первой книжкѣ «Чтеній» за 1848 г., вышедшей въ свѣтъ въ октябрѣ.

Выходъ книги совпалъ какъ разъ съ пребываніемъ въ Москвѣ министра народнаго просвѣщенія Уварова.

Между министромъ и московскимъ попечителемъ Строгановымъ существовала давнишняя вражда, и этими то ихъ отношеніями сумѣли воспользоваться люди, враждебно настроенные противъ Строганова и Бодянскаго. Кто здѣсь былъ виною, трудно сказать. Молва обвиняла Шевырева и Погодина [4]). Во всякомъ случаѣ кто-то изъ благожелателей Строганова обратилъ вниманіе Уварова на переводъ Флетчера и далъ этому переводу надлежащую оцѣнку съ политической точки зрѣнія. Уваровъ усмотрѣлъ въ сочиненіи Флетчера недоброжелательные отзывы о русскомъ правительствѣ и духовенствѣ и велѣлъ немедленно остановить дальнѣйшій выпускъ книжки «Чтеній», возвратить обратно въ Общество выпущенные уже экземпляры и вырѣзать изъ нихъ сочиненіе Флетчера [5]).

Исторія эта надѣлала вообще много шума. Графъ Строгановъ, разрѣшившій печатать переводъ Флетчера, изложилъ графу

---

[1]) Древняя и Новая Россія, 1880, I, стр. 551.

[2]) *Н. П. Барсуковъ.* Жизнь и труды Погодина, т. X, стр. 157.

[3]) Тамъ же.

[4]) Записки Никитенка, т. I, стр. 495—496. *Н. П. Барсуковъ.* Жизнь и труды Погодина, т. X, стр. 160 и слѣд.

[5]) *Н. П. Барсуковъ.* Жизнь и труды Погодина, т, X, стр. 157—158.

Уварову мотивы, по которымъ печатаніе Флетчера было разрѣшено. Но это не помогло дѣлу. «Сочиненіе Флетчера, сообщалъ графъ Строгановъ министру, писанное въ 1588 году, казалось мнѣ такого содержанія, что ни одна въ немъ строка не могла примѣниться къ Россіи нашего времени, и что любопытная сатира эта содержитъ много важнаго, но только для древней Руси. Самъ Карамзинъ неоднократно изъявлялъ желаніе видѣть напечатаннымъ этотъ документъ: такъ онъ цѣнилъ его для эпохи, въ немъ изображенной. Я полагалъ, что въ настоящее время, когда вся Европа съ завистью смотритъ на наше духовное и государственное могущество, ни высшему правительству, ни лицамъ духовнымъ не могли казаться соблазнительными нѣсколько рѣзкихъ мѣстъ въ сочиненіи, писанномъ за триста лѣтъ и напечатанномъ въ ученомъ сборникѣ» [1]).

Объясненіе это не достигло цѣли. Гр. Уваровъ доложилъ государю, и послѣдній издалъ повелѣніе, чтобы на будущее время всѣ изданія Общества подвергались разрѣшенію общей цензуры. Цензура тогда находилась въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія. Общество, такимъ образомъ, предсѣдателемъ котораго былъ Строгановъ, отдавалось подъ контроль графа Уварова. Гр. Строгановъ, конечно, немедленно же отказался отъ званія предсѣдателя Общества; сложилъ званіе секретаря и Бодянскій. Предсѣдателемъ Общества былъ избранъ послѣ этого вице-президентъ А. Д. Чертковъ, а секретаремъ И. Д. Бѣляевъ [2]).

Этимъ исторія съ Флетчеромъ не кончилась. Хотя Бодянскій игралъ въ ней, повидимому, чисто пассивную роль, такъ какъ гр. Строгановъ разрѣшилъ печатаніе Флетчера, онъ же и настаивалъ на этомъ печатаніи, все таки пострадалъ больше всѣхъ Бодянскій. Онъ не только долженъ былъ сложить съ себя секретарство въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, но и былъ переведенъ профессоромъ славяновѣдѣнія изъ Москвы въ Казань, а В. И. Григоровичъ изъ Казани въ Москву на мѣсто

[1]) *Барсуковъ.* Жизнь и труды Погодина т. X, стр. 158.

[2]) Тамъ же, стр. 159.

Бодянскаго. Пословица «паны дерутся, а у мужиковъ чубы болятъ», казалось, была бы здѣсь вполнѣ умѣстной, но только съ нѣкоторыми существенными оговорками. Бодянскій пострадалъ вовсе не случайно. Онъ, конечно, былъ правой рукой Строганова, который покровительствовалъ ему чуть ли не съ университетской скамьи. Казалось, естественно, что разъ пострадалъ Строгановъ, это должно было отразиться и на Бодянскомъ. Но такое объясненіе было бы неполнымъ и неточнымъ. Бодянскій явился жертвой не Уваровской мести Строганову, а жертвой той мелкой, въ нравственномъ отношеніи, клики людей, которая всегда существовала въ нашихъ университетахъ и которая не останавливалась ни предъ какими средствами, какъ бы грязны они ни были, будь то клевета, ложный доносъ, лишь бы только избавиться отъ нежелательнаго имъ человѣка, хоть бы этотъ человѣкъ имѣлъ крупное имя въ наукѣ и былъ бы дорогъ въ университетѣ. Исторія русскихъ университетовъ знаетъ не мало случаевъ въ подобномъ родѣ. Однимъ изъ яркихъ—является судьба Бодянскаго. Вся исторія съ Флетчеромъ начата, вѣдь, вовсе не министромъ Уваровымъ, а начата именно учеными добровольцами, тѣми ревнителями науки, которые боятся всякаго смѣлаго, живаго, правдиваго слова, которые именемъ науки пользуются часто для своихъ мелкихъ личныхъ дѣлишекъ. Для насъ все равно, кто затѣялъ исторію съ Флетчеромъ, Погодинъ, Шевыревъ или кто-нибудь другой. Но фактъ тотъ, что первымъ человѣкомъ, испугавшимся Флетчера, былъ не цензоръ, не министръ Уваровъ, а ученый П. М. Строевъ[1]). Когда разыгралась исторія съ Флетчеромъ ученый А. М. Кубаревъ писалъ Сахарову: «Неистовый Бодянскій привелъ въ такое замѣшательство дѣла Общества своимъ глупымъ журналомъ, что Общество не знаетъ, гдѣ найти Геркулеса, чтобы очистить это Авгіево стойло». Далѣе Кубаревъ обвиняетъ Бодянскаго въ томъ, что тотъ не даетъ будто бы отчета, не возвращаетъ книгъ, взятыхъ для Общества у другихъ лицъ, и говоритъ, что книги эти онъ уже возвратилъ по принадлежности...

---

[1]) Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина т. X, стр. 157.

«Можно ли удержать негодованіе, продолжаетъ Кубаревъ, при мысли, что такой уродъ позволяетъ себѣ такія дерзости? Что онъ глупъ и полуневѣжда—это я знаю давно и хвалилъ въ немъ только одно батырщество; но чтобы онъ былъ такъ подлъ—этого я не ожидалъ никогда. Взгляните на древніе акты, имъ изданные—можно ли безъ скорби душевной видѣть ихъ такъ изуродованными отъ невѣжества издателя? Накопецъ, чѣмъ сдѣлались «Чтенія»? Сбродомъ всякой всячины и сокровищницею былей или небылицъ хохлатскихъ, такъ что самое доброе, что есть въ нихъ, совершенно теряется въ этомъ навозѣ. Какъ я обрадовался было, что Богъ внушилъ благую мысль министру очистить университетъ, столицу и общество отъ этой скверны. Теперь говорятъ, что графъ Строгановъ за него хлопочетъ. Очень жаль. Онъ не знаетъ, что этотъ человѣкъ не заслуживаетъ его ходатайства и въ выборѣ людей не дѣлаетъ ему чести! Присоединить къ этому, что этотъ человѣкъ не только не знаетъ древне-славянскаго языка, даже, бывши заграницею, не выучился порядочно по-польски. Присоедините хохлатскую грубость; упорство и деревенщину—и вы увидите, что негодованіе мое справедливо. А какъ вы думаете, сколько напечаталъ онъ экземпляровъ отдѣльно той пьесы, вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстной? 1800 по русски и по англійски! Вздорный памфлетъ удостоился такой чести, хотя по положенію общества опредѣлено было не печатать никакой пьесы отдѣльно болѣе 300 экземпляровъ. Вотъ что дѣлалъ Бодянскій! Похлопочите, подайте совѣтъ, употребите возможныя средства, чтобы избавить Общество отъ этого неистоваго звѣря» [1]).

Письмо это было писано въ то время, когда Строгановъ хлопоталъ о возвращеніи Бодянскаго на кафедру въ московскій университетъ. Оно очень хорошо характеризуетъ партію, враждебную Бодянскому, и тѣ средства, которыя употребляетъ она. Клевета, возводимая на Бодянскаго въ письмѣ Кубарева, давно уже опровергнута исторіей. Здѣсь скажемъ только, что лишнее число экземпля-

---

1) Древняя и Новая Россія, 1880 г., т. I, 544—545.

ровъ Флетчера было напечатано не на средства Общества, а на средства князя М. А. Оболенскаго[1]).

Другой профессоръ типа Кубарева И. И. Давыдовъ по поводу исторіи съ Флетчеромъ писалъ Погодину: «Нѣкоторыя страницы изъ Флетчера я пробѣжалъ: удивляюсь тупоумію и сумасбродству предсѣдателя, переводчика и издателя»... Затѣмъ: «Судьба историческаго общества, вѣроятно, вамъ извѣстна. Кого Богъ захочетъ наказать, у того отнимаетъ умъ, или, что все равно, напускаетъ на него гордость, и человѣкъ гибнетъ. Не представляетъ ли этому свидѣтельство Змѣй Горынычъ? Надменный до дерзости, въ какое ничтожество попалъ»![2])

Змѣй Горынычъ здѣсь никто иной, какъ О. М. Бодянскій.

Бодянскій имѣлъ много враговъ въ университетѣ и въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ. Говорили даже, что Шевыревъ однажды въ засѣданіи Общества публично требовалъ удаленія Бодянскаго отъ званія секретаря и редактора «Чтеній». На сколько это вѣрно, въ настоящее время трудно сказать; но въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго. Во всякомъ случаѣ, для цѣлаго ряда лицъ, имѣвшихъ вліяніе на министра Уварова, Бодянскій былъ лицемъ нежелательнылъ въ Москвѣ. Это, конечно, не могло остаться безъ вліянія на переводъ Бодянскаго профессоромъ изъ Москвы въ Казань.

Само собой разумѣется, далеко не всѣ раздѣляли точку зрѣнія враговъ Бодянскаго.

Болѣе чуткіе и чистые элементы Москвы,были страшно возмущены противъ тѣхъ людей, которыхъ молва называла виновниками всей исторіи. Когда Погодинъ устроилъ у себя вечеръ въ честь Гоголя и пригласилъ Ю. Ф. Самарина, тотъ не поѣхалъ: «Послѣднія происшествія въ университетскомъ кругу, писалъ онъ Погодину, о которыхъ говоритъ теперь вся Москва, возмутили меня и оставили во мнѣ впечатлѣніе, со которымъ я не считаю себя въ правѣ принять вашего приглашенія»[3]).

---

[1]) Жизнь и труды Погодина, т. X, стр. 160.

[2]) Тамъ же, стр. 166.

[3]) Жизнь и труды Погодина, т. X, стр. 163.

«Что у васъ дѣлается?—спрашивалъ Хомякова у Погодина изъ своего села Богучарова. Неужели правда, что Бодянскій переведенъ въ Казань? Если это правда, неужели это вамъ всѣмъ не стыдно? Если это только въ будущемъ, то мнѣ кажется и Шевыреву, и всѣмъ профессорамъ добропорядочнымъ слѣдуетъ отвратить это твердостью, сдѣлать изъ этого une question de cabinet? Вѣдь, Бодянскій—человѣкъ, котораго ни университетъ, ни историческое общество замѣнить не могутъ»[1]).

По поводу исторіи съ Флетчеромъ въ дневникѣ О. М. Бодянскаго подъ 23 декабря 1852 года есть интересная запись: «Бывши у государя—разсказывалъ графъ С. Г. Строгановъ,—«послѣ обѣда я отошелъ съ нимъ къ камину, гдѣ, закуривъ сигару, онъ спросилъ меня: «что ты тамъ печатаешь такое»?—«Государь»—отвѣчалъ я—я печаталъ такое, что всегда готовъ напечатать. Флетчерово сочиненіе относится къ царствованію Ивана Грознаго и сына его Федора Ивановича; все худое, замѣченное иностранцемъ о Руси того времени, не относится къ нынѣшней, ничѣмъ на нее не похожей. Уваровъ, по личной ко мнѣ враждѣ, рѣшилъ надѣлать изъ этого шуму и представить В. В., какъ нѣчто зловредное. А я между тѣмъ напечаталъ его въ журналѣ ученаго Общества, бывшаго подъ моимъ предсѣдательствомъ и имѣющаго весьма тѣсный кругъ читателей, преимущественно ученыхъ, изъ коихъ, когда объявлена была мною на послѣдній годъ подписка на этотъ журналъ, однихъ архіереевъ изъявило желаніе получать его 33, т. е. изъ всѣхъ, къ кому было сдѣлано отъ меня отношеніе, только два не подписались».—«Но и архіереямъ не все можно дозволять читать».—«Такъ, Государь, но если ученымъ мы не будемъ дозволять знать худую сторону нашу, тогда и въ доброй свѣтъ усумнится».—«Хорошо, хорошо»,—подхватилъ тогда Государь: «мы все это уладимъ скоро, и пострадавшій отъ Уварова возвратится непремѣнно на свое мѣсто, когда тотъ не будетъ болѣе министромъ, а это, говорю тебѣ, скоро насту-

---

[1]) Тамъ же, стр. 143—144.

нить». И, точно, ровно черезъ годъ (20 декабря 1849 г.) Уваровъ не былъ уже болѣе министромъ» [1]).

Пострадавшимъ отъ Уварова былъ О. М. Бодянскій. Онъ, какъ мы уже говорили выше, былъ переведенъ на кафедру славяновѣдѣнія въ Казань, а на его мѣсто изъ Казани назначенъ В. И. Григоровичъ. Переводъ этотъ, конечно, былъ пониженіемъ по службѣ для Бодянскаго. Поэтому онъ обратился къ министру Уварову съ письмомъ, въ которомъ объяснялъ, что «по состоянію его здоровья, для него единственнымъ безвреднымъ мѣстопребываніемъ можетъ быть Москва, и что въ данной имъ, при отправленіи заграницу подпискѣ, онъ обязался прослужить 12 лѣтъ именно при московскомъ университетѣ» [2]). Въ подпискѣ, дѣйствительно, стояли эти слова; но Уваровъ не признавалъ ссылку на нихъ основательною, указывая на право министерства переводить профессоровъ изъ одного университета въ другой; что же касается здоровья, то министръ представлялъ Бодянскому просить объ увольненіи отъ службы вовсе; причемъ за министерствомъ сохранялось право, въ случаѣ выздоровленія Бодянскаго, потребовать отъ него, чтобы онъ дослужилъ 12-лѣтній срокъ тамъ, гдѣ «министерство признаетъ полезнымъ употребить его». Послѣ этого Бодянскій, заручившись свидѣтельствомъ профессора Альфонскаго, «не имѣя и въ мысли неповиновенія приказанію высочайше поставленной власти, но по сущей необходимости», какъ выражался онъ въ своемъ прошеніи, просилъ объ увольненіи его вовсе отъ службы, безъ всякихъ ограниченій и съ пенсіею по сокращеннымъ срокамъ. Въ первой своей части прошеніе Бодянскаго было удовлетворено. Съ 2 января 1849 г. онъ былъ уволенъ отъ службы съ освобожденіемъ отъ обязанности дослуживать 6 лѣтъ по министерству народнаго просвѣщенія. Что же касается просьбы о назначеніи пенсіи, то въ этомъ Бодянскому

---

[1]) Сборникъ Общества любителей россійской словесности на 1891 г. стр. 110.

[2]) Жизнь и труды Погодина, т. X, стр. 166—168.

было отказано. Ему было выдано только единовременное пособіе въ размѣрѣ годового одклада, т. е. 1429 р. 60 коп.[1]).

Такой, сравнительно благопріятный, оборотъ дѣло Бодянскаго[2]) приняло, благодаря заступничеству за него графа С. Г. Строганова. Послѣднему стоило, вѣроятно, немало усилій отстоять интересы Бодянскаго. По крайней мѣрѣ, это видно изъ слѣдующаго письма его къ Бодянскому отъ 15 января 1849 г.: «Кажется, что есть надежда устроить дѣла такъ, что при увольненіи въ отставку, вы совершенно развяжетесь съ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Вотъ все, что я могу сказать вамъ теперь. Оставаясь въ Москвѣ, вы не будете потеряны для науки, а потомъ великъ Богъ добрыхъ людей. Надѣюсь чрезъ, нѣсколько дней успѣть вамъ сообщить что-нибудь болѣе положительное. Крѣпитесь и будьте благонадежны».

На это Бодянскій 22 января 1849 года отвѣчалъ: «Письмо вашего сіятельства отъ 15 текущаго мѣсяца, полученное мною вчера вечеромъ, чрезвычайно утѣшило меня. Далъ бы только Богъ, чтобы усилія вашего сіятельства увѣнчались успѣхомъ, и мнѣ расчитаться съ моими вѣрителями! А тамъ, дѣйствительно, великъ Богъ добрыхъ людей, какъ вы говорите. Главное—Москва и возможность дѣйствовать не со связанными руками. Никогда не измѣнялъ и не измѣню я своей наукѣ и нравственности благороднаго человѣка; все же прочее можетъ быть или не быть къ бо́льшему или меньшему удобству моему. Не въ первый разъ встрѣчаться мнѣ лицомъ къ лицу съ нуждой; все вынесу, все стерплю, на все готовъ, кромѣ потери добраго имени и осужденія себя на застой въ наукѣ. Что же далѣе ждетъ меня въ будущемъ—кто

---

[1]) *Н. А. Поповъ.* Осипъ Максимовичъ Бодянскій въ «Рус. Ст.», 1879 г., ноябрь, стр. 475—480.

[2]) Бодянскій боялся ссылки въ Вологду (Жизнь и труды Погодина, т. X. 164). И. И. Давыдовъ писалъ Погодину, что переводъ въ Казань для Бодянскаго «изъ различныхъ бѣдствій, ему угрожавшихъ наименьшее» «Благословляйте милосердіе Государя и снисходительность министра»—прибавлялъ онъ въ своемъ письмѣ. (Тамъ же стр 175).

можетъ то знать? Въ одно лишь вѣрилъ и вѣрю, что Богъ не убогъ и милость Его неоскудна. На дняхъ узналъ я отъ М. Н. Каткова, который слышалъ то отъ г. Бекетова. бывшаго ассистента въ нашей университетской клиникѣ и пріѣхавшаго недавно изъ С.-Петербурга, что Шевыревъ, по словамъ Давыдова, не только, вопреки моему желанію, писалъ обо мнѣ къ нему и министру, какъ это я сказывалъ вашему сіятельству предъ самымъ отъѣздомъ изъ Москвы, но даже осмѣлился утруждать о томъ и самую великую княгиню Ольгу Николаевну. Вотъ на какія продѣлки рѣшается измученная и нечистая совѣсть, думая, что и это, по ея сужденію, доброе дѣло, также останется тайной, какъ и прежняя кабала ея. Не знаю, можно ли найти болѣе глубокое нравственное паденіе, будучи вынужденнымъ хлопотать о человѣкѣ, котораго наканунѣ еще самъ же губилъ, хлопотать помимо вѣдома его и въ награду не получить не только отъ него спасибо, но даже сдѣлаться черезъ то предметомъ повсемѣстной жалости, чтобъ не сказать болѣе. Грустно подобное явленіе»[1]).

Мы нарочно цѣликомъ привели это письмо. Въ немъ Бодянскій отразился цѣликомъ, съ его честной, прямой, неподкупной душой, съ его готовностью жертвовать всѣмъ ради своихъ убѣжденій, съ его любовью къ наукѣ и ненавистью ко всему подлому, низкому...

Въ Казань, такимъ образомъ, Бодянскій не поѣхалъ; боязливый же В. И. Григоровичъ, немедленно послѣ своего перевода на мѣсто Бодянскаго, поспѣшилъ въ Москву и явился съ визитомъ къ Бодянскому. Тотъ его не принялъ[2]). Положеніе Григоровича было крайне ложнымъ и затруднительнымъ. Очень можетъ быть, что благодаря этому, попечитель казанскаго округа сталъ хлопотать о возвращеніи Григоровича снова въ Казань[3]). Пока шла переписка, положеніе оставалось неопредѣленнымъ до

1) „Рус. Стар.“, 1890 т. LXV, стр. 54.

2) *Проф. А. А. Кочубинскій.* О. М. Бодянскій въ его дневникѣ Истор. Вѣстн. 1880 г., кн. XII, стр. 507.

3) Рус. Ст. 1879 г., кн. XI, стр. 478.

самаго ухода гр. Уварова съ поста министра народнаго просвѣщенія (20 октября 1849 года). 4 декабря 1849 года Бодянскій былъ возвращенъ въ московскій университетъ, а В. И. Григоровичъ перемѣщенъ обратно въ казанскій [1]).

Флетчеръ и до сихъ поръ не напечатанъ въ Россіи, а экземпляры его гдѣ-нибудь хранятся въ складахъ московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ или московскаго университета. Книга не была сожжена, и есть оффиціальныя свѣдѣнія, что нѣсколько экземпляровъ ея были взяты въ разное время изъ склада при университетской типографіи, по распоряженію различныхъ начальствующихъ лицъ [2]).

Въ 1867 году переводъ Флетчера былъ напечатанъ А. И. Герценомъ заграницей. По этому поводу О. М. Бодянскій вспомнилъ исторію съ переводомъ Флетчера. «Послѣдній (переводъ), писалъ онъ, есть перепечатка, сдѣланная безъ вѣдома Общества, которое, какъ всѣмъ извѣстно, принуждено было немедленно, по выпускѣ, изъять его изъ обращенія, навлекло на себя замѣчаніе, а предсѣдатель и секретарь Общества удалились изъ него; послѣдній даже, сверхъ того, и перемѣщенъ еще въ другой университетъ, куда, однако, не поѣхалъ, а предпочелъ выйти совсѣмъ изъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, но къ концу года (1849) снова былъ приглашенъ управляющимъ министерствомъ кн. Пл. Ал. Ширинскимъ-Шихматовымъ на свою кафедру въ московскій университетъ. Мы все еще боимся, и по истеченіи цѣлыхъ столѣтій, преклонить ухо свое къ невыгоднымъ отзывамъ о насъ иностранцевъ,—все еще думаемъ, что они, говоря о Россіи за 300 лѣтъ, говорятъ о теперешней Россіи, о насъ и нашихъ порядкахъ. Поэтому русскій переводъ сочиненія, заключающаго въ себѣ цѣлое сокровище самыхъ важныхъ замѣтокъ о тогдашнемъ московскомъ государствѣ во всѣхъ отношеніяхъ, помѣщаемаго всѣми знатоками исторіи на ряду съ записками Герберштейна, недоступнымъ сдѣлался именно тѣмъ, кому это без-

[1]) Рус. Стар. 1879, кн. XI, стр. 478.

[2]) Рус. Ст. 1890, т. LXV, стр. 428.

цѣнное произведеніе больше всего нужно. Или такъ уже и суждено намъ никогда не взглянуть прямо въ глаза никакой правдѣ о насъ, высказанной нашими врагами безъ обиняковъ и покрововъ?.. При такомъ состояніи нашемъ, конечно, Флетчеру въ русской одеждѣ суждено скорѣе, пожалуй, сгнить, чѣмъ когда-либо увидѣть свѣтъ Божій. А между тѣмъ незабвенный исторіографъ нашъ сколько обязанъ этому злополучному англичанину, помѣстивъ его. въ разбитную, въ своемъ безцѣнномъ трудѣ, чуть не цѣликомъ всего, въ разныхъ мѣстахъ IX и X томовъ «Исторіи Россійскаго государства» [1]).

Вся исторія по поводу Флетчера не прошла для Бодянскаго безслѣдно. Она наложила извѣстный отпечатокъ на весь его душевный складъ. Бодянскій больше уединился, ушелъ въ себя [2])...

Отъ этого времени сохранилась часть дневника Бодянскаго, куда онъ заносилъ свои мысли по поводу тѣхъ или другихъ общественныхъ событій, а также факты, о которыхъ ему приходилось узнавать или которые онъ самъ переживалъ [3]). Дневникъ этотъ чрезвычайно интересенъ и остается только пожалѣть, что отъ него уцѣлѣли только отрывки [4])...

---

[1]) Чтенія въ О-вѣ ист. и древн. росс. 1870, кн. Ш. Предисловіе къ „Матеріаламъ для исторіи Россіи, извлеченнымъ изъ рукописи Британскаго музея Н. И. Стороженкомъ".

[2]) Ист. Вѣд. 1887, кн. XII, стр. 513.

[3]) *Проф. А. А. Кочубинскій.* О. М. Бодянскій въ его дневникѣ Ист. Вѣст. 1887, кн. XII, стр. 514—515.

[4]) О дневникѣ О. М. Бодянскаго см. упомянутую выше статью проф. А. А. Кочубинскаго, а также замѣтки *А. А. Гатцука* въ „Рус- Стар. 1888 г. мартъ и *И. Ф. Павловскаго* въ Рус. Ст. 1888 г. ноябрь. Отрывки изъ дневника О. М. Бодянскаго напечатаны въ „Сборникѣ Общества россійской словесности на 1891 г. М. 1891 и *И. Ф. Павлосвкимъ* въ „Рус. Стар". 1888 г., ноябрь и 1889 г., октябрь.

VIII.

Научныя занятія О. М. Бодянскаго послѣ прекращенія «Чтеній». Докторская диссертація О. М. Бодянскаго и отзывы о ней спеціалистовъ. Вторичное избраніе Бодянскаго секретаремъ Общества и редакторомъ «Чтеній». Забаллотированіе его въ университетѣ. «Трилогія на трилогію».

Возстановленный въ званіи профессора, О. М. Бодянскій не былъ, однако, возстановленъ въ званіи секретаря Общества. Объ этомъ никто не смѣлъ и заикнуться послѣ всего случившагося. Только уже въ царствованіе Александра II, въ 1858 году, Бодянскій былъ снова выбранъ секретаремъ историческаго Общества исторіи и древностей россійскихъ и снова сдѣлался редакторомъ «Чтеній». До тѣхъ поръ секретаремъ Общества былъ И. Д. Бѣляевъ. «Чтенія» были замѣнены «Временникомъ», редакторомъ котораго былъ Бѣляевъ. Изданіе это, по словамъ М. И. Семевскаго, «не отличалось уже тѣмъ разнообразіемъ, какимъ выдавались «Чтенія»; нѣкоторые отдѣлы вовсе были устранены изъ «Временника» [1]).

Съ 1848 г. дѣятельность Бодянскаго сосредоточивалась, такимъ образомъ, исключительно на профессурѣ. Это дало ему возможность разобраться въ собранныхъ имъ научныхъ матеріалахъ и подвинуть впередъ свои научныя работы. Въ бытность свою редакторомъ «Чтеній», Бодянскій совсѣмъ не имѣлъ времени заниматься ими.

Среди научныхъ работъ Бодянскаго изъ этого времени на первомъ мѣстѣ необходимо, конечно, поставить его докторскую диссертацію «*О времени происхожденія славянскихъ письменъ*» (М. 1855 г.). Изданіе это вышло отдѣльною книгою и вотъ по какому поводу.

«Въ 1855 году, разсказываетъ А. А. Котляревскій, приходилось праздновать юбилей московскаго университета; Шевыревъ,

---

1) „Рус. Стар.“, 1879 г., май, стр. 210.

руководя всѣмъ дѣломъ, хотѣлъ совмѣстить три юбилея: два тысячелѣтніе: основанія русскаго государства и изобрѣтенія славянскихъ письменъ, и столѣтній—московскаго университета. Когда въ юбилейномъ изданіи, по вопросу о письменахъ, Бодянскій пришелъ къ выводу, что письмена изобрѣтены были не въ 855, а въ 862 году, то, по распоряженію Шевырева, печатаніе пріостановлено и отпечатанные листы уничтожены. Тогда Бодянскій издалъ свое изслѣдованіе «О времени происхожденія славянскихъ письменъ» отдѣльною книгою. Онъ хотѣлъ представить его на степень доктора, но все откладывалъ... Шевыревъ пустилъ слухъ, что Бодянскій боится диспута, и это то обстоятельство ускорило диспутъ, на который, кстати сказать, Шевыревъ не явился» [1])...

Изслѣдованіе Бодянскаго очень высоко цѣнится спеціалистами. По словамъ А. А. Котляревскаго, «изслѣдованіе о времени происхожденія славянскихъ письменъ—настольная книга у всѣхъ, кто предается занятіямъ старославянскою письменностью. Заглавіе ея далеко не выражаетъ всего богатства содержанія; это огромный сборникъ всякаго рода историко-литературныхъ и палеографическихъ замѣтокъ и изслѣдованій по различнымъ вопросамъ, относящимся къ произведеніямъ древне-славянской литературы. Таковъ, напр., мастерской разборъ сказанія о св. Вячеславѣ» [2]). Такого же высокаго мнѣнія о диссертаціи О. М. Бодянскаго держится и И. И. Срезневскій. Въ книгѣ «О времени происхожденія славянскихъ письменъ», говоритъ онъ, «въ первый разъ подобраны и разобраны всѣ источники, пособія и мнѣнія, касающіеся этой задачи, и гдѣ обширныя знанія и особенности изслѣдовательнаго направленія Бодянскаго высказались въ полномъ свѣтѣ. Все изслѣдованіе раздѣлено на четыре главы. Первая заключаетъ въ себѣ обзоръ свидѣтельствъ, раздѣленныхъ на два отдѣла: къ одному отнесены источники (греческіе, западные и отечественные), ко второму—пособія, т. е. свидѣтельства проложныя и лѣтописныя, какъ пересказы источниковъ. Во второй

---

[1]) Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. II, стр. 442.

[2]) Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. II, стр. 442—443.

главѣ данъ разборъ свидѣтельствъ съ мыслію объяснить, какія и почему заслуживаютъ болѣе уваженіе. Третья глава, самая живая по увлеченію сочинителя, самая замѣчательная для того, кто желаетъ познакомиться съ главными его убѣжденіями, есть переборъ мнѣній относительно разбираемаго вопроса, начиная отъ старѣйшихъ, XVII вѣка, до послѣднихъ современныхъ. Въ четвертой главѣ еще разъ перебраны сравнительно и объяснительно главныя показанія, и дано общее рѣшеніе: славянскія письмена созданы Кирилломъ философомъ въ Цареградѣ въ 862 году. Къ этому обширному изслѣдованію приложены не менѣе обширныя примѣчанія, изъ которыхъ нѣкоторыя могутъ быть цѣнимы какъ отдѣльныя изслѣдованія: таковъ, напр. разборъ Житія Вячеслава, князя чешскаго» (стр. 76—88)[1].

Ко времени перерыва въ редакторствѣ «Чтеній» относятся и другія научныя работы О. М. Бодянскаго. Въ 1856 году въ «Русскомъ Вѣстникѣ» была напечатана его работа о новыхъ открытіяхъ въ области глаголицы[2], Тогда же приблизительно Бодянскій началъ свой трудъ по изданію Изборника Святослава 1073 г.[3]). Изданіе было предпринято на средства графа Строганова и подвигалось очень медленно. Бодянскій печаталъ его по листу въ годъ. Работа была кропотливая. Это, вѣроятно, въ связи затѣмъ съ разными житейскими невзгодами, тормозило изданіе. «Изборникъ 1073 года, говоритъ А. А. Котляревскій весь основанъ на греческихъ источникахъ, но нѣкоторые источники неизвѣстны въ подлинникѣ, и Бодянскій искалъ ихъ у древнихъ авторовъ. Труда это стоило ему не мало: будучи отъ природы очень разсчетливъ, Бодянскій, однако, предлагалъ значительную денежную премію тому, кто отыщетъ нѣкоторыя мѣ-

---

[1]) *Срезневскій.* На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ, стр. 45—46. Болѣе подробный и обстоятельный разборъ диссертаціи Бодянскаго сдѣланъ И. И. Срезневскимъ въ «25-мъ присужденіи Демидовскихъ наградъ».

[2]) *Срезневскій.* На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ, стр. 46.

[3]) Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. II, стр. 441.

ста въ сочиненіи Кирилла Іерусалимскаго, находящагося въ «Изборникѣ»; конечно, предварительно онъ самъ тщательно перечиталъ всего Кирилла Іерусалимскаго» [1]).

«Изборникъ» былъ отпечатанъ при жизни Бодянскаго, но вышелъ въ свѣтъ уже послѣ его смерти, въ 1882 г., съ предисловіемъ Е. В. Барсова и статьей Дювернуа [2]).

Въ 1858 году умеръ Чертковъ, который былъ предсѣдателемъ Общества исторіи и древностей россійскихъ послѣ графа С. Г. Строганова. Времена теперь уже измѣнились. Наканунѣ крестьянской реформы стало дышаться нѣсколько вольнѣе. При такихъ обстоятельствахъ, Общество, безъ всякаго съ своей стороны риска, могло избрать графа Строганова снова въ предсѣдатели, а Бодянскаго—въ секретари. О. М. Бодянскій, такимъ образомъ, вернулся къ редакторской дѣятельности и принялся за изданіе «Чтеній», которыя выходили теперь по четыре объемистыхъ тома въ годъ. До своей смерти за все время своего редакторства О. М. Бодянскій издалъ *сто* книгъ «Чтеній». Съ 1858 г.—*семьдесятъ восемь*.

Характеръ «Чтеній» этого второго періода нѣсколько измѣняется. Историческіе матеріалы, главнымъ образомъ, по малорусской исторіи замѣтно рѣдѣютъ [3]). На первый планъ выдвигаются памятники древней письменности и литературы и переписка, преимущественно, лицъ духовныхъ. Думаемъ, такая перемѣна характера «Чтеній» стоитъ въ значительной связи съ спеціальными занятіями О. М. Бодянскаго древней письменностью послѣ 1848 года. Эти спеціальныя занятія не могли, конечно, не отразиться на вкусахъ Бодянскаго, какъ редактора.

Спеціальный характеръ журнала не мѣшалъ, однако, О. М. Бодянскому иногда выступать въ немъ и со статьями нѣсколько публистическаго характера. Въ началѣ 1860-хъ годовъ онъ напе-

---

[1]) Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. II, стр. 441.

[2]) Статья проф. Н. Ф. Сумцова въ «Критико-біографическомъ словарѣ С. А. Венгерова», т. V, стр. 75.

[3]) Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. II, стр. 442.

чаталъ, напримѣръ, рядъ замѣчаній на проэкты объ ученыхъ степеняхъ, объ университетскомъ уставѣ, объ академіи наукъ, о польскомъ дѣлѣ, о преобразованіи календаря... Эти статьи публицистическаго характера въ 1870-хъ годахъ повели къ новой бурѣ противъ Бодянскаго. Но объ этомъ въ свое время...

Какъ редакторъ «Чтеній» О. М. Бодянскій управлялъ и университетскою типографіею и занималъ при ней казенную квартиру. Въ 1862 году рѣшено было отдать «Московскія Вѣдомости» и университетскую типографію въ аренду Каткову. Бодянскій былъ рѣшительнымъ противникомъ этого. До тѣхъ поръ онъ находился въ хорошихъ отношеніяхъ какъ съ Катковымъ, такъ и съ Леонтьевымъ. Теперь же рѣзко выступилъ противъ нихъ. Отличаясь всегда большимъ упорствомъ, О. М. Бодянскій въ дѣлѣ сдачи университетской типографіи Каткову довелъ свое упорство до крайности. Наканунѣ вывезши всѣ свои вещи изъ казенной квартиры на частную, Бодянскій оставилъ для себя только немного мебели, приготовилъ къ сдачѣ дѣла по типографіи, просидѣлъ цѣлый вечеръ въ пустой квартирѣ, и сдалъ типографію, когда пробило 12 часовъ ночи 31 декабря 1862 года [1]). Благодаря этому, первый номеръ «Московскихъ Вѣдомостей», подъ редакціей Каткова, опоздалъ на два дня [2]).

Одинъ изъ сотрудниковъ «Московскихъ Вѣдомостей» перваго періода г. Зименко описываетъ чрезвычайно оригинальную сцену переговоровъ своихъ съ О. М. Бодянскимъ по поводу сдачи типографіи [3]). Сцена эта настолько характерна, что отрывки изъ нея мы считаемъ нужнымъ привести здѣсь. Г. Зименко видитъ главную причину упорства Бодянскаго въ нежеланіи очищать и лишаться казенной квартиры, но мы далеки отъ подобнаго рода подозрѣній. Это совсѣмъ не вяжется какъ-то съ той характеристикой Бодянскаго, какую оставили намъ знавшіе хорошо его люди...

---

1) «Историч. Вѣст.», 1887, кн. XII, стр. 507.

2) «Рус. Арх.», 1883, кн. I, стр. 136.

3) «Рус. Арх.», 1883, кн. I, стр. 132—136.

Г. Зименко былъ посланъ къ Бодянскому, послѣ того какъ ни Каткову, ни Леонтьеву не удалось уговорить его сдать типографію до срока, который для арендаторовъ наступалъ 1 января 1863 г. «Такъ какъ Бодянскій, разсказываетъ г. Зименко, еще не оставлялъ занимаемаго имъ помѣщенія въ домѣ университетской типографіи (хотя всѣ вещи его уже были перевезены на другую наемную квартиру), то мнѣ стоило только перейти дворъ, чтобы достигнуть его апартамента. Съ трепетомъ, поминая «Царя Давида и всю кротость его», я переступилъ порогъ его опустѣлой квартиры. Во всѣхъ комнатахъ двери были растворены настежъ. Въ кабинетѣ, гдѣ онъ принялъ меня, стояла кушетка съ двумя подушками (изъ нихъ одна вышитая гарусомъ), большое, въ родѣ Вольтеровскаго, кресло, въ которомъ возсѣдалъ самъ хозяинъ, небольшой письменный столъ съ находящимся на немъ зеркаломъ, бумагами и какою то толстою въ старомъ кожаномъ переплетѣ книгою. У стѣны стояли два стула—вотъ и все убранство его кабинета. Въ сосѣдней комнатѣ, въ широко растворенную дверь, я примѣтилъ большой, простой, деревянный столъ, заваленный связками конторскихъ книгъ, кипами бумагъ и проч. Это то и были тѣ дѣла и документы, которые подлежали передачѣ новой редакціи и о которыхъ шли и велись такіе оживленные переговоры.

— Милости прошу садиться, сказалъ Бодянскій, придвигая стулъ къ своему столу. Чѣмъ могу служить вамъ?—прибавилъ онъ, взглянувъ на меня съ остервененіемъ.

— Я къ вамъ, Іосифъ Максимовичъ, (онъ не любилъ, когда его называли Осипъ), по порученію Михаила Никифоровича Каткова.

— Это на счетъ чего же?—спросилъ онъ, нахмуривъ брови.

— Просить, чтобы вы были такъ добры, распорядились теперь же передачею всѣхъ дѣлъ новой редакціи... Дальнѣйшая задержка можетъ повліять на выходъ газеты во-время, а это, въ свою очередь, неблагопріятно отразится на подпискѣ. Михаилу Никифоровичу желательно выпустить первый нумеръ 1-го ян-

варя, а это почти невозможно, если вы не передадите намъ дѣлъ и...

— Ну, такъ что жъ такое, если газета не выйдетъ 1-го числа?

— Да, это ваше мнѣніе, Іосифъ Максимовичъ; но публика судитъ иначе... Ей никакого дѣла нѣтъ до причинъ, замедлившихъ выходъ газеты; она въ правѣ требовать и требуетъ, чтобы...

— Полноте, батенька мой, полноте, сказалъ онъ, снова перебивая рѣчь мою; я самъ очень хорошо знаю всѣ эти исторіи... Все это одни пустыя слова... Но все равно, я ни для кого и ни за что не отступлю отъ своихъ правилъ... Чего я не могу сдѣлать, того не сдѣлаю: долгъ, обязанности службы для меня выше всего .. По крайней мѣрѣ, въ моей жизни я ни для дружбы, ни родства или кумовства отъ своихъ правилъ не отступалъ, тѣмъ паче въ ущербъ казеннымъ интересамъ.

— Помилуйте, Іосифъ Максимовичъ! Какимъ же образомъ могутъ тутъ страдать казенные интересы? Они здѣсь ни причемъ. Если отъ вашего нежеланія передать намъ поскорѣе дѣла и пострадаютъ интересы, то вовсе не казны, а Михаила Никифоровича, да, пожалуй, и самихъ подписчиковъ. Согласитесь, что для редакціи не совсѣмъ пріятно на первыхъ же порахъ зарекомендовать себя неаккуратнымъ исполненіемъ принятыхъ ею на себя обязательствъ.

— Все это такъ, батенька; а я не могу, положительно не могу... Я привыкъ слово свое считать для себя закономъ. Я увѣренъ, что Михаилъ Никифоровичъ на моемъ мѣстѣ поступилъ бы также: въ угоду другимъ онъ тоже не уклонился бы отъ исполненія своихъ обязанностей.

— Совершенно вѣрно, что въ угоду другимъ Михаилъ Никифоровичъ не уклонится отъ своихъ обязанностей. Но взглядъ на обязанности бываетъ не у всѣхъ одинаковъ. Такъ напримѣръ, то, что вы считаете исполненіемъ своихъ обязанностей, онъ, да и не онъ одинъ, а всѣ благомыслящіе люди, считаютъ вздоромъ, а настойчивость, съ какою вы преслѣдуете вашъ прин-

ципъ—называютъ прижимкою, т. е. желаніемъ сдѣлать все непріятное почтеннымъ редакторамъ «Московскихъ Вѣдомостей».

— А вы, батенька мой, слишкомъ молоды, чтобы говорить мнѣ такія вещи и учить меня... Я давно ученъ, да и другихъ учу... Передайте г-ну Каткову, что я какъ сказалъ, такъ и сдѣлаю. Ранѣе назначеннаго мною времени я отсюда не уѣду и дѣлъ тоже не передамъ. Такъ и скажите.

Онъ всталъ; я послѣдовалъ его примѣру. Онъ весьма сухо поклонился мнѣ, и мы разстались.

Я тотчасъ же передалъ печальный результатъ моего свиданія съ Бодянскимъ.

— Дѣлать нечего, будемъ ждать,—проговорилъ Катковъ послѣ минутнаго молчанія. Займитесь же теперь, о чемъ я просилъ васъ. Когда перевезете сюда дѣла, которыя остались на прежней квартирѣ, займитесь пріемомъ подписки; если не справитесь одни, пригласите кого-нибудь изъ корректоровъ.

Вечеромъ того же дня мы принялись за работу. Масса подписчиковъ осаждала контору вплоть до 11 часовъ ночи. По закрытіи подписки мы работали всю ночь, вписывая въ книгу адресы, провѣряя деньги и пр., причемъ многія жалобы и вопросы подписчиковъ оставлялись неудовлетворенными и не разъясненными, за неимѣніемъ для провѣрки ихъ книгъ и документовъ, находившихся у Бодянскаго.

Наконецъ, наступилъ желанный нами срокъ. Ровно въ 12 часовъ ночи 31 декабря 1862 года старшій корректоръ объявилъ намъ, что г. Бодянскій выѣхалъ изъ квартиры, и что книги и документы находятся въ комнатѣ, запертой на ключъ, который тутъ же и былъ врученъ Павлу Михайловичу Леонтьеву» [1]).

Понятное дѣло, Катковъ и Леонтьевъ не могли отнестись равнодушно къ подобной выходкѣ и, по своему, отомстили Бодянскому.

Въ 1868 году истекалъ 25-лѣтній срокъ службы Бодянскаго въ университетѣ. Предстояла въ совѣтѣ баллотировка его

---

[1]) Рус. Арх., 1883, I, стр. 134—136.

на новое пятилѣтіе. Леонтьевъ въ это время пользовался въ московскомъ университетѣ большимъ вліяніемъ и располагали большинствомъ голосовъ въ университетскомъ совѣтѣ. Въ концѣ октября 1868 г. Бодянскій былъ забаллотированъ. На его мѣсто избрали Дювернуа, одного изъ послѣднихъ, по времени, его учениковъ, который примкнулъ къ партіи Леонтьева [1]).

Въ печать проникло еще мало подробностей обо всемъ этомъ. «Исторія впослѣдствіи разъяснитъ и произнесетъ надъ нимъ свой судъ, но и теперь можно уже сказать, что съ удаленіемъ Бодянскаго изъ московскаго университета наука упала въ немъ низко, очень низко»... Такъ писалъ въ 1878 году покойный А. А. Котляревскій [2]). «Грустно вспомнить объ этомъ тяжеломъ остракизмѣ!—говоритъ проф. А. А. Кочубинскій.—Но позволяемъ себѣ вѣрить,—что будущій историкъ русскаго просвѣщенія не скажетъ слова одобренія увѣнчанному, къ несчастію, побѣдою домогательству противниковъ Бодянскаго—устранить его изъ университета» [3]).

Забаллотированіе Бодянскаго въ университетѣ должно было сильно огорчить, обидѣть его. Что онъ въ это время переживалъ тяжелую душевную драму,—въ этомъ, врядъ ли можно сомнѣваться. Отголосокъ ея слышится въ письмѣ Бодянскаго къ М. И. Семевскому отъ 28-го ноября 1868 года. Прошелъ ужъ мѣсяцъ послѣ изгнанія Бодянскаго изъ университета, но чувство горечи такъ еще свѣже въ этомъ письмѣ. «Въ послѣднихъ числахъ октября, пишетъ онъ, я *принужденъ* добрыми людьми удалиться изъ университета; съ удаленіемъ же изъ университета я *вынужденъ* оставить и «Общество исторіи и древностей россійскихъ», какъ состоящее при ономъ, и направиться въ болѣе благопріятный для меня край—коротать свой вѣкъ. Другими словами: получая только 1500 съ небольшимъ рублей серебромъ пенсіи, мнѣ

---

[1]) Славянское Обозрѣніе, 1892, стр. 303, ст. проф А. А. Кочубинскаго.

[2]) Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. II, стр. 443.

[3]) Славянское Обозрѣніе, 1892 г. ноябрь-декабрь, стр. 303.

нельзя оставаться въ столицѣ съ семействомъ, а необходимо забраться въ такую глушь, гдѣ бы можно было, какъ говоритъ пословица, протягивать ножки по одежкѣ». Далѣе О. М. Бодянскій говоритъ объ изданіи «Чтеній», которому онъ, по его словамъ, «служилъ всѣми силами и способностями своими». «Кто же и какъ поведетъ ихъ—не вѣмъ пока, да и вѣдать не стараюсь,— продолжаетъ онъ. Сдѣлавъ свое, сослуживъ ему службу, желаю, чтобы и другіе хоть также искренно, также любовно къ нему отнеслись послѣ меня, какъ я относился во все мое многолѣтнее и нелегкое служеніе ему. Статься можетъ, помянутъ когда-нибудь и того чудака, что почти безъ всякихъ средствъ, сумѣлъ однакоже всѣми забытое «Общество», спавшее болѣе 40 лѣтъ, не только пробудить къ жизни, но и поставить его въ головѣ всѣхъ прочихъ ученыхъ Обществъ, не задолжавъ никому ни гроша, и не получая за всѣ свои труды и подвизанія также ни гроша.

Конечно, подобные дурни въ нашъ разсчетливый вѣкъ рѣдки, переводятся съ каждымъ днемъ; они, какъ поэты, non fiunt, sed nascuntur, и то лишь въ болѣе благопріятныя времена, въ урожайные годы на дурней» [1])...

Къ счастію, предсѣдателемъ Общества исторіи и древностей былъ графъ С. Г. Строгановъ, постоянный покровитель и защитникъ Бодянскаго. Строганову удалось удержать въ Обществѣ его неутомимаго секретаря...

«Устраненный отъ живого дѣла старикъ—говоритъ по этому поводу проф. А. А. Кочубинскій, можно бы ожидать, легко затеряется въ текущей жизни. Легко могъ онъ и умереть.. Но Бодянскій и отставной, не погибъ для насъ, для русскаго просвѣщенія, для науки: его спасла наука отъ моральной или физической смерти еще на цѣлый десятокъ лѣтъ, спасла возможность удовлетворить своей старой привычкѣ—работать и работать на той же родной, славянской нивѣ. Университетская атмосфера ушла отъ стараго слависта; но живая атмосфера науки, интересовъ просвѣщенія не переставала живительно вліять на него и отставного. Онъ не

---

[1]) Рус. Ст. 1879 г., май, стр. 215—216.

профессоръ; но онъ остался въ роли редактора знаменитыхъ «Чтеній въ московскомъ Обществѣ исторіи», созданныхъ именно его трудомъ, его энергіей, его знаніемъ» [1]).

Редакторомъ «Чтеній» Бодянскій оставался до самой своей смерти (6 сентября 1877 г.); но и здѣсь дѣло не обошлось безъ тревогъ и все на почвѣ той же вражды съ Леонтьевымь и Катвымъ.

Въ концѣ 1860-хъ и въ началѣ 1870-хъ годовъ начались со стороны нашей охранительной печати, во главѣ которой стояли редактируемые Катковымъ «Московскія Вѣдомости» и «Русскій Вѣстникъ», ожесточенныя нападки на университетскій уставъ 1863 г. и на предоставленную имъ, въ нѣкоторой степени, автономію русскимъ университетамъ. Въ обсужденіи университетскаго вопроса приняли участіе всѣ наиболѣе видные и вліятельные журналы того времени [2]). Застрѣльщикомъ въ борьбѣ противъ устава 1863 г. выступалъ, главнымъ образомъ, профессоръ московскаго университета Н. Любимовъ, напечатавшій рядъ обширныхъ статей въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Одна изъ этихъ статей носила названіе «Трилогіи» и была помѣщена въ 5 книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за 1873 годъ.

Мы уже знаемъ, что еще въ началѣ 1860-хъ годовъ Бодянскій выступалъ со статьями по университетскому вопросу и печаталъ ихъ въ «Чтеніяхъ». Не могъ онъ удержаться и теперь, когда по поводу университетовъ велась такая ожесточенная полемика.

Въ I книжкѣ «Чтеній» за 1873 годъ (генварь-мартъ) появилась обширная статья, подписанная «К. Муцій Сцевола» и озаглавленная «Трилогія на трилогію. Историческій очеркъ изъ современной жизни русскаго университета».

---

[1]) Славянское Обозрѣніе, 1892, ноябрь-декабрь. стр. 303.

[1]) Важнѣйшая литература того времени приведена О. М. Бодянскимъ въ предисловіи къ статьѣ К. Муція Сцеволы («Чтенія» 1873, I, стр. 284, «Трилогія на трилогію»).

Статья, снабжена предисловіемъ подписаннымъ иниціалами Бодянскаго «О. Б.». Но, несомнѣнно, что и вся статья написана имъ. Достаточно только пробѣжать ее, чтобы сразу же замѣтить обычную манеру письма Бодянскаго: пересыпанье своей рѣчи пословицами и поговорками на всевозможныхъ языкахъ.

Въ предисловіи къ статьѣ Бодянскій говоритъ: «По той важности, какую имѣютъ въ жизни народовъ высшія учебныя и ученыя учрежденія, всякій, посвящающій себя изученію бытій, обязанъ внимательно слѣдить за судьбой ихъ, отмѣчая въ дневникѣ своемъ всѣ перемѣны, происходящія въ нихъ къ лучшему, или къ худшему. На семъ основаніи и мы заносимъ на страницы «Чтеній», какъ изданія историческаго, очеркъ изъ современной жизни Русскаго Университета, именно борьбы его, за сохраненіе дѣйствующаго нынѣ Устава Русскихъ Университетовъ, съ тѣми немногими, которые всемѣрно ратуютъ противъ оного, предлагая уже съузить кругъ самостоятельной, свободной дѣятельности ихъ, дарованной еще такъ недавно имъ въ ихъ Уставѣ. И это тѣмъ обязательнѣе для «Чтеній», что Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ состоитъ при одномъ изъ сихъ высшихъ учрежденій, получило свое существованіе при немъ, и притомъ въ одно время съ первымъ Уставомъ для Русскихъ Университетовъ, самымъ лучшимъ и самымъ либеральнымъ изъ всѣхъ, послѣдовавшихъ за нимъ: многое и многое вошло изъ него, вопреки злобѣ дня, и въ преслѣдуемый теперь Уставъ воротилами нашего времени. Для Историческаго Общества процвѣтаніе Университета (а его нѣтъ и быть не можетъ, безъ самобытной жизни) есть и его процвѣтаніе, и, на оборотъ, съ прозябаніемъ его, и оно неминуемо прозябаетъ. «Bonae indoles, ubi fructus non possunt, spem, non fructus, edunt».

Какъ ни коротко, однако же, время, протекшее отъ перваго напора на дѣйствующій нынѣ Университетскій Уставъ по ся поры, но уже литература этого вопроса немалочисленна».

Самая статья шагъ за шагомъ слѣдуетъ за мыслями противниковъ устава 1863 г. и чрезвычайно зло и остроумно ихъ разбиваетъ. Статья утомительно длинна и носитъ чисто полеми-

ческій характеръ, благодаря чему передать ея содержаніе вкратцѣ не представляется возможнымъ.

Сущность возраженій К. Муція Сцеволы и манера его письма видны изъ слѣдующихъ словъ, которыми статья оканчивается: «Когда два первые Устава просуществовали, одинъ тридцать лѣтъ, другой почти столько же, ломать третій Уставъ, всего только черезъ десять лѣтъ, тутъ что-нибудь да не спроста. Музыка, очевидно, заведена издалека и изъ недоступныхъ убѣжищъ. Главное побужденіе для нея къ тому, какъ можно видѣть изъ статьи Г. Любимова,—возможность профессуры и участія въ производствѣ экзаменовъ для преподавателей, поступившихъ, или назначенныхъ, за негодностію, въ сломку. Мы думаемъ, что достаточно выказали всѣ диссонансы и фальшивыя ноты, которыми сопровождается повсюду мотивъ этой музыки, и мы надѣемся, что послѣ всего, что обнаружено печатью, исполнившею честно свое назначеніе, музыка не произведетъ дѣйствія, на которое разсчитывалось. Одна и та же Редакція, одно и тоже изданіе, одинъ и тотъ же союзъ людей, стоящихъ внѣ Университета, сегодня говоритъ одно, завтра другое, сегодня это бранитъ, завтра хвалитъ, сегодня этого проситъ, завтра это самое отвергаетъ, у себя имѣетъ большее, даже до чрезмѣрности, у другихъ наровитъ отнять меньшее и необходимѣйшее. Это признаемся, недоступно для здраваго смысла. Понять развѣ, и то по своему, съ своей точки зрѣнія, могутъ одни лишь фанатики. Фанатизмъ, какъ извѣстно, слѣпъ; онъ не знаетъ законовъ здраваго разумѣнія, ему подобенъ и мелкій разсчетъ, обращенный къ своимъ исключительнымъ цѣлямъ; мелкій разсчетъ тоже не хочетъ знать законоположеній чистаго разума. Когда фанатизмъ, при счастливомъ стеченіи обстоятельствъ, достигаетъ осуществленія самого себя, тогда становится на его мѣсто разсчетъ, старающійся поддержать осуществленную идею въ ея фанатической исключительности. Такъ «Московскимъ Вѣдомостямъ», фанатически проводившимъ свою идею народнаго образованія, говорятъ, что онѣ хватили уже черезъ мѣру, указываютъ на непріязненную имъ общественную среду и на жертвы, которыя вы-

хватываетъ преждевременная смерть изъ молодого поколѣнія, а онѣ твердятъ: «Это клевета! Мы знать ничего не знаемъ!» и ссылаются на легкомысліе молодого поколѣнія, указывая на радикальный способъ лѣченія—розги. Кстати, послѣ всѣхъ выписокъ, которыя мы привели изъ изданій одной и той же Редакціи, обличающихъ въ ней тоже легкомысліе и во всякомъ случаѣ положительное отсутствіе того, чего надѣются достигнуть чрезъ классическое образованіе и розги, кстати посовѣтовать ей: «Врачу, исцѣлился самъ!» А какимъ способомъ, это предоставляемъ на выборъ самимъ врачамъ, но пожалуй, укажемъ на два способа, ими же сами предлагаемые; слѣдовательно, на свои собственные рецепты они положиться могутъ. Первый—получше вытвердить зады въ древнихъ языкахъ, которыя сообщатъ имъ устойчивость или, такъ сказать, порядочность мысли и уваженіе къ публикѣ. Древніе языки рекомендуемъ имъ для того, чтобы они не мѣняли легкомысленно, какъ не «дисциплированные» юноши, по нѣскольку разъ своихъ взглядовъ на одинъ и тотъ же предметъ, что мы показали выше; древніе писатели, и преимущественно ораторы, такъ тщательно и строго логично вырабатывавшіе свои рѣчи, изъ уваженія къ мыслительной способности своихъ слушателей, предохранятъ ихъ и отъ почтиванія читателей плохими переводами изъ Латинскихъ историковъ, и еще болѣе плохими на этотъ счетъ и легкомысленными объясненіями въ родѣ того, что плохой переводъ изъ Тита Ливія помѣщенъ, «какъ вставка», мимоходомъ. Нѣтъ, знающій хорошо Латинскій языкъ, переводчикъ ли то будетъ, или Редакторъ журнала, не только мимоходомъ, но и въ шутку, всегда и при всѣхъ условіяхъ, передастъ слова подлинника въ ихъ настоящемъ значеніи. Другое дѣло не обработать хорошо языка своего перевода, ради спѣшности, или неважности, но объ этомъ мы и не говоримъ; ошибки же, обличающія прямое незнаніе словъ и смысла выраженій, нигдѣ и никогда не извинительны, особенно для проповѣдниковъ классицизма. Такое объясненіе въ защиту дурного Латинскаго перевода не хуже самаго перевода. Къ чему тутъ понадобилось оно? Ради оправданія? Но дурное ни чѣмъ не можетъ быть оправ-

дано, не сдѣлается отъ того хорошимъ, и даже посредственнымъ. Ради извиненія? Но: «Excusatio non petita, accusatio manifesta». Сдѣланнаго не передѣлать уже: «Factum infectum fieri non potest». Плохо тому, на кого его же и слова и дѣла: «Turpe est doctori, dum culpa redarguit ipsum». Второй рецептъ не такъ сложенъ: это тотъ самый Англійскій способъ лѣченія, который мы сейчасъ назвали настоящимъ его именемъ со словъ Редакціи «Московскихъ Вѣдомостей». Въ похвалу ему нельзя не сказать: «Cum feriunt unum, non fulmina ferrent». По законамъ здраваго смысла а вмѣстѣ и безпристрастія, когда дѣлается предостереженіе, то надлежитъ обслѣдовать это предостереженіе, и тѣмъ тщательнѣе, чѣмъ болѣе вопіющи указываемые имъ случаи, а потомъ исправить мѣру, которая перемѣриваетъ, и вѣсы, которыя перевѣшиваютъ. Если же, при всей очевидности указаній, не хотятъ приступить къ исправленію, то это показываетъ, что мелкій разсчетъ вступилъ въ свои права и что до требованій человѣческаго здравомыслія ему нѣтъ дѣла, а всю свою логику онъ примѣняетъ къ своей частной цѣли, чтобы удавшуюся случайно фанатическую идею отстоять въ ея фанатической исключительности, среди подымающагося отовсюду зловѣщаго подземнаго гула. Иначе, указанныя нами крайнія противорѣчія въ публичной дѣятельности Московскихъ союзниковъ, ополчившихся на Русскій Университетъ, и ихъ очевидно пагубныя, даже непонятныя, требованія разныхъ отмѣнъ и ограниченій, никакими законами здраваго смысла объяснены быть не могутъ безъ тѣхъ разоблаченій, которыя, быть можетъ, наименѣе желательны поборникамъ классицизма и радѣтелямъ Русскаго Университета. Извѣстное, переизвѣстное, дѣло: «есть тайно, еже не явѣ», или, какъ Латынь выражается: «Quidquid nix celat, solis calor omne revelat». Напрасно думать: замыслы наши крѣпки сами собою, и кто бы что ни говорилъ и ни дѣлалъ, постоимъ мы за себя; но: «Saepe optime cogitata pessime cadunt», говорятъ вамъ ваши же классики. Сила тутъ ни при чемъ, если не покоится она на правдѣ; она себя губитъ: «Vis consilii expers, mole ruit sua». Не обольщайтесь, не говорите: «Nos numerus sumus, et fruges consumere nati»; не хвалитесь: «Quid

curo stellas, si mihi Phoebe, faves?» ни «Norunt, cui serviunt leones», чтобы не затянуть послѣ: «Nos quoque floruimus, sed flos ille fuit caducus», по тому что: «Violenta nemo imperia continit diu»; при томъ: «Brevis est magni fortuna favoris». То одно прочно въ мірѣ семъ, что зиждется на прочномъ, т. е., на правдѣ, на истинѣ, на благѣ; а Г. Любимовъ со своими развѣ смѣетъ сказать теперь, обращаясь къ Русскому Университету: «Путь истины изволихъ, и судьбы твоя не забыхъ»? Однимъ словомъ, невольно вспоминаются намъ тутъ въ заключеніе слова, сказанные уже въ древности однимъ изъ умнѣйшихъ людей своего времени: «Dum privatae utilitati consulitur, commodum universum perditur». Конечно, это можетъ быть, и горько слышать отъ другихъ тѣмъ, кто съ тою гордостію провозгласилъ: «Изданіе наше предназначено служить интересамъ свободы и жизни»; но что же дѣлать, когда другіе, не видя этого служенія, провидятъ въ нихъ совсѣмъ противное тому и, въ оправданіе своихъ домысловъ, указываютъ на дѣла ни мало не гласящія о свободѣ и жизни, да, въ досадѣ на такое помыканіе столь священными для человѣка понятіями, высказываютъ злоупотребляющимъ ими въ лицо упреки безъ всякаго пощаженія. Они свидѣтельствуются въ справедливости того ихъ же дѣлами, и «свидѣтельство сіе (говорятъ они) истинно есть: ея же ради вины и обличаютъ ихъ нещадно, да здрави будутъ, не внимающе баснемъ, ни заповѣдемъ человѣкъ, отвращающихся отъ истины». Гнѣваться за то не лѣть есть, по тому что: «Admoneri bonus gaudet, pessimus quisque correptionem asperrime patitur». Да, святая, во вѣки непреложная, истина: доброе добромъ и поминается. Кто ее не знаетъ, кто ее не видитъ, и не видѣлъ въ своей жизни? «Vidimus, et sordet, quidquid spectavimus olim»...

Появленіе статьи К. Муція Сцеволы нагнало цѣлую бурю на Общество и исторія древностей. По словамъ А. А. Котляревскаго, статья едва не вызвала разрушеніе стараго московскаго историческаго общества [1]). Въ протоколахъ Общества есть едва примѣтные слѣды всего происшедшаго. Бывшій тогда предсѣда-

[1]) Сочиненія А. А. Котляревскаго т. II стр. 443.

телемъ Общества гр. С. Г. Строгановъ вышелъ въ отставку; Бодянскій остался секретаремъ, но за то былъ лишенъ права что-нибудь печатать безъ согласія предсѣдателя Общества. Предсѣдателемъ былъ избранъ генералъ Н. В. Исаковъ а, за отказомъ его, М. П. Погодинъ [1]).

Подробности всего, что случилось по поводу напечатанія «Трилогіи на трилогію» намъ неизвѣстны. Можно только догадываться, что дѣло было такъ, какъ и во времена Флетчера, т. е. что гоненіе на Общество вышло изъ среды ученой братіи, враждебной Бодянскому. Министромъ народнаго просвѣщенія былъ тогда гр. Д. А. Толстой, который всегда находился подъ большимъ вліяніемъ Каткова и К°. Послѣднимъ не трудно было направить его дѣйствія въ извѣстную сторону. Формальнымъ предлогомъ для того, чтобы зажать ротъ Бодянскому, было выбрано то обстоятельство, что въ программу «Чтеній» не входили статьи публицистическаго характера. Въ 60-хъ годахъ, мы знаемъ, статьи по университетскому вопросу печатались въ «Чтеніяхъ» и считались дозволенными. По крайней мѣрѣ, никто не обратилъ вниманіе на то, что онѣ не входятъ въ программу изданія. Теперь же, въ 1870 года, когда статья Бодянскаго оказалась невыгодной для Каткова и Любимова, она повлекла за собой цѣлую бурю...

IX.

Послѣдніе годы жизни О. М. Бодянскаго. Смерть его. Некрологи. Оцѣнка личности О. М. Бодянскаго людьми, его лично знавшими. Судьба библіотеки и рукописей О. М. Бодянскаго.

Въ послѣдніе годы своей жизни О. М. Бодянскій началъ прихварывать, но все-таки неизмѣнно работалъ надъ своими излюбленными «Чтеніями». На совѣтъ своего друга земляка профес-

---

[1]) Чтенія 1875 г. кн. I, протоколы стр. 167 и кн. Ш, протоколы стр. 119.

сора Варвинскаго, не запускать болѣзни, а пригласить постояннаго врача, онъ отвѣчалъ, говоритъ проф. А. А. Кочубинскій, своимъ классическимъ «не хо́чу»—съ неизмѣннымъ своимъ удареніемъ[1]). Болѣзнь между тѣмъ дѣлала свое дѣло. За нѣсколько дней до смерти, положеніе Бодянскаго было уже безнадежнымъ.

«Поддержи меня хоть немного, мнѣ нужно сдѣлать еще кой-какія распоряженія», просилъ онъ своего друга—профессора узнавъ отъ него о безнадежности своего положенія[2]).

Поддержать было уже не возможно, и 6 сентября 1877 года Бодянскій умеръ, не составивъ завѣщанія, не сдѣлавъ никакихъ распоряженій.

О. М. Бодянскаго похоронили въ Москвѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, рядомъ съ могилой М. П. Погодина[3]).

«Московскія Вѣдомости» прошли молчаніемъ кончину О. М. Бодянскаго. Зато въ другихъ газетахъ и журналахъ съ глубокой скорбью проводили въ могилу этого оригинальнаго человѣка. «О. М. Бодянскій читаемъ мы, напр., въ некрологѣ, напечатанномъ въ № 213 газеты «Голосъ» за 1877 годъ, былъ не изъ тѣхъ людей, которыхъ могли смутить естественныя послѣдствія исполненнаго долга. Впродолженіе своей жизни онъ неоднократно доказывалъ, что готовъ многимъ рискнуть ради принципа, ради того, что онъ считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ. Эта гражданская честность, эта неподкупность нравственнаго чувства составляетъ одну изъ привлекательнѣйшихъ чертъ въ нравственномъ обликѣ покойнаго. Въ наше время такъ рѣдко встрѣчаются натуры цѣльныя, характеры стойкіе, что одна эта черта способна внушить уваженіе къ памяти почившаго труженика науки».

Подъ впечатлѣніемъ еще свѣжей могилы «Вѣстникъ Европы» писалъ:

---

1) «Славянское Обозрѣніе», 1892 ноябрь—декабрь, стр. 305.

2) *И. Ф. Павловскій.* Осипъ Максимовичъ Бодянскій въ «Рус. Стар.», 1888 ноябрь, стр. 394—395.

3) «Рус. Архивъ», 1883, кн. I, стр. 83.

«Въ первыхъ числахъ сентября умеръ въ Москвѣ Осипъ Максимовичъ Бодянскій, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ славистовъ—не только у насъ, но и во всей славянской литературѣ. Его имя извѣстно было въ ученомъ славянскомъ мірѣ, на ряду съ корифеями славистики...

... «Какъ характеръ, Бодянскій былъ человѣкъ очень независимый,—качество, слишкомъ рѣдкое въ нашемъ учено-литературномъ мірѣ. Эпизодъ съ переводомъ въ Казань свидѣтельствуетъ объ этой независимости, въ которой сказывалась и черта малорусскаго упрямства. Говорятъ, столь же независимо онъ держалъ себя въ недавнее время, когда въ московскомъ университетѣ господствовалъ авторитетъ Леонтьева! Бодянскій не подчинялся ему и, кажется, вслѣдствіе этого обстоятельства былъ забаллотированъ по выслугѣ срока,—забаллотированъ одинъ изъ самыхъ заслуженныхъ ученыхъ, какіе только бывали въ московскомъ университетѣ. Мало того; въ университетскомъ изданіи, какимъ въ сущности были «Чтенія», Бодянскій не усумнился напечатать знаменитую «Трилогію».

«Бодянскій владѣлъ чрезвычайно обширными свѣдѣніями, которыя были авторитетны даже для очень суровыхъ ученыхъ. Въ его богатой славянской библіотекѣ было, повидимому, много рѣдкихъ вещей, особенно рукописей»...

... «Бодянскій и Григоровичъ, уже принадлежащіе исторіи, являются намъ какъ ученые специалисты, которыхъ дѣятельность вращается въ научной отвлеченности, недоступной для массы общества. Но, въ сущности, они не были такими схоластическими учеными, какъ можно думать: и тотъ, и другой далеко не ограничивали своихъ интересовъ отжитой стариной,—напротивъ, и тотъ и другой слѣдили за современными движеніями славянства и могли бы сказать обществу много поучительнаго, если бы могли, и если бы потомъ не потеряли желанія... И тотъ, и другой—лучшіе знатоки славянства въ нашей литературѣ—не были славянофилами. Они слишкомъ хорошо знали дѣйствительное положеніе славянскихъ народовъ и ихъ стремленій, чтобы принимать исключительную и притязательную славянофильскую теорію.

Точно также, понимая, какія побужденія служатъ источникомъ возникновенія мѣстныхъ народныхъ литературъ, они никогда не относились къ нимъ съ тѣмъ высокомѣріемъ, какъ нѣкоторые новѣйшіе отпрыски славянофильства, ставшіе лазутчиками и алгвазилами этихъ мѣстныхъ литературъ и, конечно, названные ученые были гораздо ближе славянофиловъ къ истинному пониманію славянскаго вопроса» [1]).

Серьезную оцѣнку заслугъ О. М. Бодянскаго для науки сдѣлалъ также М. И. Семевскій въ некрологѣ Бодянскаго въ Русской Старинѣ». «Знаменитый учяный, по его словамъ,—Бодянскій оказалъ громадныя услуги Россіи, въ области славяновѣдѣнія и отечественной исторіи» [2]).

Подъ впечатлѣніемъ недавней смерти О. М. Бодянскаго были написаны поминки по немъ А. А. Котляревскаго и И. И. Срезневскаго. Мы часто упоминали о нихъ и знаемъ, какъ высоко цѣнили О. М. Бодянскаго оба названные слависта.

«Не много было у насъ такихъ самоотверженныхъ дѣятелей, какимъ былъ Бодянскій, говоритъ И. И. Срезневскій, нельзя не признать его заслугъ, какъ заслугъ важныхъ, достойныхъ благодарности общей» [3]).

Во всѣхъ некрологахъ О. М. Бодянскаго и поминкахъ его отмѣчались его неутомимость, его любовь къ наукѣ, его непоколебимая твердость характера.

«Неутомимость Бодянскаго въ изданіи «Чтеній»,—говоритъ И. И. Срезневскій, невольно поражала всякаго столько же, какъ и стойкость его характера, и самостоятельность воззрѣній на всѣхъ и вся, соединяемая нерѣдко съ самомнѣніемъ» [4]). А. А. Котляревскій такъ характеризуетъ О. М. Бодянскаго: «Характера Бодянскій былъ разсчетливо-обдуманнаго и сдержаннаго; послѣдняя черта

---

1) «Вѣст. Европы», 1877, кн. X, стр. 899—904.

2) «Рус. Ст.», 1897, май, стр. 218.

3) Поминка о Прейсѣ, Григоровичѣ и Бодянскомъ, стр. 47.

4) *Срезневскій.* На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ. стр. 45.

нерѣдко скрывалась у него подъ видомъ простодушія; но это былъ твердый и стойкій характеръ, это былъ человѣкъ убѣжденій, не уступавшій ни пяди земли безъ боя и не входившій ни въ какія сдѣлки съ совѣстью. Такими чертами отмѣчена и его дѣятельность послѣдняго времени, когда помѣщена имъ въ «Чтеніяхъ» статья «Трилогія па трилогію», едва не вызвавшая разрушеніе стараго московскаго историческаго общества».

«О. М. Бодянскій былъ образецъ ученаго трудолюбія, и какъ профессоръ, и какъ секретарь ученаго общества—редакторъ его журнала: онъ вполнѣ подвигомъ добрымъ подвизался, теченіе скончалъ, вѣру соблюлъ» (2-е посланіе Павла къ Тим., гл. IV, ст. 7)» [1]).

Наконецъ, послѣдній изъ учениковъ О. М. Бодянскаго одесскій профессоръ А. А. Кочубинскій рисуетъ намъ фигуру и нравственный обликъ Бодянскаго въ такихъ словахъ: «Небольшого роста, сутуловатый, съ огромной головой на толстой и короткой шеѣ, съ испорченными болѣзнью врозь глядящими глазами, съ прямыми «гетманскими» усами, и все это па короткихъ ногахъ безъ пальцевъ,--Бодянскій былъ некрасивъ [2]). Но эта некрасивая оболочка вмѣщала въ себѣ высокій духъ, который носителя своего возвышалъ надъ уровнемъ, не дозволялъ ему входить съ соглашеніе. Упрямо—точный до смѣшного, твердый въ въ своихъ рѣшеніяхъ и въ тоже время привѣтливый, съ отмѣнно

---

[1]) Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. 2, стр. 443.

[2]) Некрасивая наружность Бодянскаго дала поводъ профессору-юристу Дмитріеву сочинить такого рода „недобрый экспромтъ“,

Воззри на звѣря-бегемота,
На дальній типографскій дворъ,
Глаголица его охота,
И по древлянски онъ остеръ.

Г. Кочубинскій находитъ нѣкоторое сходство у Бодянскаго съ названнымъ звѣремъ (Истор. Вѣст. 1887, кн. XII, стр. 506).

добрымъ мягкимъ сердцемъ [1]), Осипъ Максимовичъ сторонился всего, что заключало въ себѣ хотя малѣйшій намекъ на низость, холопство или грозный практицизмъ и даже въ самыя трудныя, критическія минуты своей жизни были всегда однимъ до самозабвенія» [2]).

Мы знаемъ, что еще въ семинаріи Бодянскій былъ библіофиломъ и собиралъ книги. Въ бытность свою въ заграничной командировкѣ онъ составилъ довольно большое и цѣнное собраніе по славяновѣдѣнію, простиравшееся до 1909 книгъ. Это собраніе онъ продалъ, по возвращеніи въ Россію, московскому университету за 3,142 р. 85½ коп. сер., т. е. за ту сумму, которую стоили какъ самыя книги, такъ и ихъ перевозка. Благодаря этой покупкѣ, московскій университетъ и его молодая кафедра славяновѣдѣнія сразу же обогатились очень цѣнной библіотекой [3]).

Съ годами страсть къ собиранію книгъ еще болѣе выросла. Послѣ смерти Бодянскаго осталась большая, очень богатая въ

---

[1]) Графиня Ростопчина въ своемъ стихотвореніи «Домъ сумасшедшихъ въ Москвѣ въ 1858 г.» посвящаетъ О. М. Бодянскому слѣдующіе строки:

Вотъ незлобная овечка,
Сущій въ хартіяхъ монахъ,
Не терявшій ни словечка
О житейскихъ пустякахъ;
Онъ съ Кириллицей вѣнчался,
Онъ Глаголицѣ сродни,
И всегда забыть старался
Жизни мышьи бѣготни.

(Рус. Ст. 1888 г., т. 55, стр. 690).

[2]) *А. А. Кочубинскій.* О. М. Бодянскій въ его дневникѣ. Истор Вѣст. 1887, кн. XII, стр. 507.

[3]) Чтенія въ Общ. ист. и древн. россійскихъ. 1879 г., кн. I. Письма Бодянскаго къ Погодину, стр. 31. Рус. Ст. 1879 г., XI, стр. 473—475.

научномъ смыслѣ, библіотека и довольно большое собраніе рукописей. «Кто изъ посѣщавшихъ покойнаго во флигелѣ во дворѣ дома Мещериновой у Никитскихъ воротъ—спрашиваетъ проф. А. А. Кочубинскій—не помнитъ его библіотеки? Въ громадной залѣ стройными рядами—черные шкапы; направо дверь въ кабинетъ («славянская картинная галлерея»), отъ прихожей къ этой двери шелъ узкій проходъ, образованный шкапами, съ живымъ плющемъ по верху. Нигдѣ никакой пыли. Хозяинъ въ этомъ отношеніи былъ антиподомъ В. И. Григоровича, у котораго не было книги безъ страницъ, щедро облитыхъ каплями сальной свѣчи. Да и рѣдко давалъ онъ кому книги изъ своей библіотеки»... И это «трудовое наслѣдіе Бодянскаго, замѣчательное по богатству и сохранности собраніе книгъ и рукописей по славянской кафедрѣ, его библіотеку, постигла грустная участь, та же горькая участь, которая постигла и хозяина напослѣдокъ въ московскомъ университетѣ» [1]).

О. М. Бодянскій умеръ безъ завѣщанія. Распорядительницей всего сдѣлалась жена его, женщина безъ образованія. Московскій университетъ предполагалъ купить у нея библіотеку, и профессоръ Н. А. Поповъ произвелъ оцѣнку, причемъ библіотека была оцѣнена въ 7 тысячъ руб. Вдова же просила 12 тысячъ. Кромѣ московскаго университета библіотеку хотѣло купить и министерство народнаго просвѣщенія для томскаго университета. Пока тянулись переговоры, полуграмотная вдова, не находя возможнымъ платить за квартиру для помѣщенія библіотеки и не встрѣчая нравственной поддержки со стороны ученыхъ, продала всю библіотеку букинистамъ за 3000 р. Отъ продажи въ розницу тѣ выручили болѣе 20 тысячъ. «Разгромъ библіотеки О. М. Бодянскаго,—говоритъ г. Гатцукъ, совершился, благодаря съ одной стороны, вражды къ покойному ученому М. Н. Каткова, въ особенности за напечатаніе въ «Чтеніяхъ исторіи и древностей» извѣстной «Трилогіи на трилогію», съ другой же, благодаря недостаточной заботливости

---

[1]) Рус. Фил. Вѣстн., 1880, т. IV, стр. 150—151.

и настойчивости представителей словесныхъ наукъ въ московскомъ университетѣ» [1]).

При продажѣ библіотеки букинистамъ въ ней почти не было рукописей [2]). Впослѣдствіи извѣстный ростовскій собиратель древнихъ рукописей А. А. Титовъ купилъ значительную часть бумагъ О. М. Бодянскаго, но А. А. Гатцукъ утверждалъ, что это не всѣ бумаги [3]). Часть бумагъ Бодянскаго, по словамъ А. А. Гатцука, передана имъ въ университетъ св. Владиміра (кіевскій) [4]). Цѣлы ли эти бумаги, намъ неизвѣстно. Въ своемъ «Опытѣ русской исторіографіи» проф. В. С. Иконниковъ объ этихъ рукописяхъ не говоритъ ни слова...

Ник. Василенко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

1) Рус. Стар. 1888, мартъ, стр. 761—762.

2) Тамъ же, стр. 762 и Русск. Стар., 1888 г., ноябрь, стр. 394—395.

3) Рус. Фил. Вѣстникъ, 1880, т. IV, стр. 150—151.

4) Рус. Стар., 1888, мартъ, стр. 762.

Въ незнану далечинь.

Въ розчынени ворота зъ двору священныка выйиздылы пидводы, навантажени всякымъ добромъ. Туть булы столы и стильци, кровати и скрыни, видра й дижкы,—все те збижжя, безъ якого не обходытся путяще господарство. О. Гервасій переходывъ на другу парахвію, и все ёго добро, надбане на симъ мисци за довги рокы ёго священства, рушыло въ дорогу, кудысь на нове жытло, ледви чы не за трыста верстовъ.

Поволи выйиздылы зъ двору волови хуры, и похмури та сумни булы погоныччи. На ганку стоявъ самъ о. Гервасій, смуглявый, кремезный, зъ энергичнымъ облыччямъ чоловикъ, рокивъ сорока пьяты, захвылёваный и темный, мовъ гризна громова хмара.

— Поглядайте на возы, щобъ не забулы чого!—суворо гукавъ винъ наймытамъ.—Паняйте на Политровку!..

Повагомъ выйиздылы зъ двору хуры. Ихъ було шисть. Заразъ видъ ворить воны бралы наливоручъ и йихалы по довгій сильській вулыци. Люде непрыязно дывылысь на попивське добро и провожалы хуры довгымъ, ворожымъ поглядомъ. У ихъ зъ о. Гервасіемъ була давня ворожнеча. Вона потаемно тяглась довги рокы, выдымо вынықла въ останни часы, и теперъ о. Гервасій—почасты, якъ винъ казавъ, зъ своеи охоты, а почасты зъ темного, але недвозначного загаду консысторіи—кыдавъ добре насыжене мисце зъ тымъ, щобъ уже николы не вертатысь сюды.

Хуры пройихалы вподовжъ усёго села и потяглыся геть на гору, мріючы жывою стежкою на тли помарнилого степу.

О. Гервасій мусывъ тежъ рушаты за нымы. Кони булы запряжени давно. Бувъ часъ йихаты, але щось несвидоме и болюче зупыняло его. Винъ все ще зоставався зъ жинкою и зъ сыномъ въ хати, и, здавалось, вси воны впывалы въ себе въ останне пекучый биль прощання зъ ридною имъ хатою. Матушка плакала, а сынъ, ще невелыкый, смуглявый хлопець, здывовано поглядавъ на голи стины хаты, де замисть образивъ теперъ чорнила пасма паутыны, и тежъ ось-ось збирався заплакаты.

О. Гервасій, одягненый, важко ходывъ по невелычкій, але теперъ по просторій, зали, и коженъ его ступинь одгукувався скризь по пустци. Якась велыка и напружена вага налягала на его душу. То було неясне, але важке чуття и жалю, и зневагы, и мужнёи упертосты характеру мицного чоловика. Оте село, що залягло по-надъ проваллямъ по балци, оти мужыкы, що гниздятся по своихъ нызькыхъ камьяныхъ хатахъ, выпыраютъ его геть видъ себе, якъ жыве, здорове тило, несвидомо, але прытьмомъ, выкыдае зъ себе все зайве, усе соби вороже, що попадае въ его, чы то буде шпычка, чы куля. Рана загоится скоро и сама собою, безъ ніякыхъ ликивъ.

Се правда, але се велыка образа для о. Гервасія. Винъ николы сёго не сподивався. Винъ дуже довго бувъ запевненый, що мужыкы въ таемныци душъ своихъ поважаютъ его, его санъ, а хто не поважае, той боится его. Але теперъ ясно, що и не поважаютъ, и не боятся. Винъ чужый имъ и ворожый... Такъ, ворожый... Ніякого звязку теперъ немае у его зъ нымы. Треба йихаты... Але щось ще держыть его тутъ, у сій пустци. Ему хочется ще поворушыты въ своій души си болючи, пекучи думкы, мовъ злегка прыдавыты хворого зуба... И винъ ходыть по зали.

А на ганку сыдять и плачуть килька бабивъ, прыхыльныхъ до семьи его, матушчыныхъ давнихъ прыятелёкъ. Воны не даютъ прызводу, а такы щыро плачуть, бо имъ жалко й важко выряжаты невидомо куды любу имъ симью. Батюшка,—правда чоловикъ суворый, але матушка—така гарна людына! Воны стоять

осторонь сильськои политыкы, зъ-за якои и выйиздыть теперъ батюшка. Але ихъ плачъ дратуе серце ёго. Винъ дали не може терпиты ёго.

— Ну, часъ, Катю, въ дорогу!.. Годи, буде... Молиться Богу!..—каже винъ жинци и сынови и, повернувшысь до того кутка, де булы образы, почынае не хапаючысь и зъ чуттямъ хрестытысь.

Матушку мовъ косою пидризало. Вона схылылась зъ плачемъ до викна, мовъ що увирвалось въ ій. Кынуты свою любу ридну хату, свое село, де вона родылась и зросла, и за яке не було для неи кращого ниде на свити?.. О, якъ се важко! Вона не хоче того, не може...

— Не пиду я, не пиду!.. Не хочу я, кыньте мене тутъ!.. Краще мени тутъ умерты!.. Сыночку мій, дытыно моя, куды жъ се мы пойидемъ?!..—обернулась вона до хлопця и, обхопывшы ёму шыю, зарыдала, тремтючы всимъ тиломъ.

Хлопець тежъ плакавъ.

— Катю!.. Катю!.. Годи, перестань!—казавъ о. Гервасій, торкаючы за плечи жинку, и самъ до краю зрушеный.

Винъ почувавъ на соби велыку выну. Вона, колысь така струнка и чепурна, ёго чорнобрыва Катруся, тутъ, у сій хати, въ сему сели и народылась, и выросла. Тутъ воны спизналысь и покохалысь. Тутъ и шлюбъ узялы... Потимъ, якъ померъ іи батько, вдвохъ воны йиздылы до архырея, и той перевивъ ёго зъ другои парахвіи сюды. Тутъ воны сподивалысь и вику свого звикуваты... И теперъ, зъ ёго выны—такъ, правда, годи бильшъ дурыты себе!—зъ ёго выны воны выбираются звидсы геть... Ёго выкыдають, вкупи зъ симьею, мовъ загноену навколо шпычку!.. А іи, бидну Катрусю, винъ самъ вырывае зъ ридного грунту, мовъ зелену, молоду рослынку, зъ усимъ коринням̆ъ!..

Ось колы саме трищыть іи нижне, чутлыве кориння!..

— Катю!.. Годи, серце мое!.. Пойидемо...—каже винъ.

Одмовы немае. Тилькы слёзы и рыдання.

— Катю!.. Ходимъ!..—и о. Гервасій тыхо одвивъ за плечы одъ викна жинку, взявъ за руку сына и выйшовъ зъ хаты. Тутъ

воны попрощалысь зъ людьмы, до ихъ прыхыльнымы и, винъ, посадовывшы симью въ брычку, оглянувъ у-остаппе весь двиръ и хату и сказавъ наймытови рушаты.

Самъ винъ выйшовъ зъ двору пишкы и, повернувшысь видъ ворить до мурованои церквы, що стояла тутъ же на майдани, знявъ брыля и, ставшы павколишкы, виддавъ останній уклинъ тому храмови, де винъ служывъ стилькы рокивъ. Облычча ёго було темне зъ погляду и холодне, але колы винъ нахылывся до землп, то щось стысло ёму горло, и такъ невпынно пидступылы було до очей слёзы, що винъ ледви-ледви не зарыдавъ. Та винъ перемигъ себе и теперъ, якъ перемогавъ увесь часъ...

Тильки сёгодня вранци, колы винъ ходывъ прощатысь до церквы, винъ не змигъ упыныты себе.

Тамъ винъ бувъ самъ. И було страшенно тыхо въ велыкій камьяній церкви. Винъ пройшовъ у вивтарь и впавъ передъ престоломъ на землю, прыпавъ головою до неи и такъ мовъ застывъ. И ёму выразно-выразно прыгадалась та перша служба, що винъ правывъ тутъ, передъ симъ престоломъ. Якъ тоди було гарно у ёго на души, и якъ теперъ важко!..

— Охъ!.. Боже мій, Боже!..—вырвалось у ёго зъ грудей.

— О-хъ!.. О-о!..—одизвалось позаду въ порожній церкви.

И въ ту хвылыну вразъ усе мовъ перевернулося въ нимъ, все затаене горе и биль тяжкои зневагы и каяття—все вылылося въ одынъ несподиваный и невпынный плачъ. Тутъ зъеднались и жаль за непорозуминня зъ людьмы, и жаль на самого себе за вси провыны, може часомъ и невильни, що такъ обурылы на ёго парахвіянъ... И хотилось, щобъ хтось зрозумивъ ёго, щобъ хтось простывъ ёму, щобъ хтось пожаливъ ёго!

Простывъ и пожаливъ.

Теперь ёму було ясно, що винъ вынenъ. Вынenъ насамперёдъ передъ своимы парахвіянамы, вынenъ передъ своею симьею, вынenъ передъ самымъ собою.

Гордый и упертый, винъ згоры дывывся на людей. Николы воны не чулы видъ ёго ласкового слова. Николы винъ не бувъ тыхымъ, добросердымъ пастыремъ своеи отары. Тыхисть и добро-

сердисть булы протывни ёго вдачи. Винъ не мигъ навчаты, винъ прыказувавъ. И колы яка-небудь мыршава заблуда-вивця зъ ёго духовнои отары своимъ убогымъ мозкомъ не могла одразу зрозумиты ёго прыказу и нестямно вертилась на одпимъ мисци, то винъ запалювався гнивомъ и тяжко бывъ іи. Звычайно, не кгерлыкгою, а гострымъ словомъ.

Ёму завше здавалось, що не винъ истніе для парахвіи, а вона для ёго, и винъ пыльно стеригъ свій авторитетъ середъ селянства. Винъ бувъ певенъ, що вси мусять поступатысь передъ нымъ и передъ ёго интересамы. Колы винъ наймавъ наймыта, то николы не дававъ ёму звычайнои платни, а яко мога меньшу; колы дававъ у-зимку гроши на одробитокъ, то вымагавъ, щобъ люде косылы у найгарячишый часъ насамперѐдъ ёго, а не свою пшеныцю. А колы ёму «за требу» давалы малу платню, винъ гнивався и збывавъ бучу, называючы людей «скотамы» и «хамамы».

Винъ не бувъ лютый зъ роду, але ёго деспотычну вдачу зопсувала посада, «санъ» ёго, передъ якымъ, по ёго думци, все мусыло згынаты шыю.

И ось теперъ винъ ясно побачывъ, що шыи гнутся не тому, що воны самы хотять того, або доконче по якомусь закону мусять гнутся: гнутся здебильшого тилькы дочасно, набираючысь сылы. А колы наберется досыть потугы и зъ шыи овечои зробытся шыя турова, то тоди не зигнешъ іи. Тоди краще утикаты зпидъ рогивъ роздратованои звирыны...

И о. Гервасій урозумивъ се и, якый винъ не бувъ гордый и упертый, ухылывся одъ бою зъ роздратованымъ туромъ—своею парахвіею. Винъ переходыть на друге мисце. Але серце краялось ёму зъ жалю й досады и винъ тяжко и гирко плакавъ, прыпавшы чоломъ до выбытого ёго ногамы вивтарного кылыма...

Якъ винъ рыдавъ тоди, те чулы тильки чужи стины церквы, але теперъ винъ перемигъ себе и, пидвившыся зъ земли, поклонывся въ поясъ ще разъ церкви, потимъ, тако жъ въ поясъ, людямъ, надивъ брыля и сказавъ наймытови:

— Паняй!..

Кони рушылы, и брычка покотылася, везучы блиду заплакану матушку, сумного чорноокого хлопця и суворого мовчазного о. Гервасія.

Зустрични селяне зъ традыціи скыдалы шапкы и кланялысь. Батюшка тежъ здіймавъ брыля и, не дывлячысь на колышнихъ своихъ прыхыльныкивъ и ворогивъ—все те мовъ выйшло вже въ якусь далечинь,—тежъ кланявся.

Пройихалы село и повернулы на ту дорогу, де недавно поперёдъ пройихалы хуры.

— Повертай на дачу!—сказавъ о. Гервасій визныкови.

Звернулы геть у бикъ и пойихалы горою на дачу.

Де-хто зъ парахвіянъ, що бачылы, куды пойихавъ о. Гервасій, сміючысь, казалы:

— Мабуть у его тамъ гроши закопани,—пойихавъ выкопаты!..

Вси воны думалы, що винъ пажывъ у ихъ на сели велыки тысячи, и колы бралысь ихъ рахуваты, то одни, хто бильше тямывъ, казалы, що мабуть ихъ повынно буты тры, або чотыри; а други булы тіеи думкы, що ихъ, тыхъ незнаныхъ и невидомыхъ имъ тысячивъ, буде трыдцять або сорокъ, а може й сотня набереться...

Пройихавшы верствы зъ пивторы горою, брычка о. Гервасія спустылася въ лощыну и покотылася пискуватымъ берегомъ сухои балкы. Потимъ пиднялася зновъ на гору и пойихала межею, ажъ докы та межа не довела іи до другои балкы, де текла зъ крыныци вода и скризь по балци рослы дерева. Вершына тіи балкы була на церковній земли.

Була вже давно осинь, хочъ и дуже тепла. У повитри въ день литало безличъ блыскучого павутыння. Цили дни сонце не заходыло за хмары и нагривало й повитря, й землю. Але, степъ лежавъ голый. А ни былыночкы не бренило на ёму молодои, а старе все понерегорило. Скризь чорнилы поорани ланы. Зграи крюкивъ крутылысь по-надъ чорною риллею зъ сумнымъ крякапнямъ. А въ балци було повно вохкого, жовтого лыстя и стоялы наркотычни пахощи, теперъ мертвого, а колысь такого гомонлывого убрання деревъ. И дерева стоялы теперъ оголени и сумни,

и тильки молода дыка груша, высока и струнка, що росла въ самій вершыни балкы, стояла ще зъ лыстямъ, але вся червона.

Брычка зупынылась. Се була попивська дача. О. Гервасію хотилось въ-останне побачыты іи, и теперъ винъ дывывся на неи. Ёму хотилось навикы затриматы въ своій души сей любый, ридный, дорогый ёму краевыдъ, кожну рысу и кожну могылку сіеи земли, що годувала стильки рокивъ и ёго, и ёго симью и давала ёму достаткы; що винъ всю іи, одъ краю й до краю стильки разивъ переоравъ своимы плугамы, засивавъ своимъ зерномъ, довиряючы ій, мовъ ридній матери, и шануючы, мовъ матиръ.

Винъ бувъ душою щырый хлиборобъ и ни въ чому винъ такъ не кохався, якъ у хлиборобстви. И колы, бувало, винъ выйиздывъ сюды въ-литку, якъ хлибъ повыкыдае колосъ и почне налыватысь зерномъ, то винъ не знавъ ничого кращого, якъ зъ обидъ до смерку любоватыся зъ своихъ ланивъ.

Погляне винъ яснымъ, спокійнымъ окомъ и баче, якъ сяе сонце, на облыччи своему винъ чуе, якъ дыше теплый, запашный витеръ. А нывы стоять зелени-зелени, ажъ сыни. Хлибъ на іихъ зрисъ высокый, густый. И хвылюють воны ледви-ледви помитно, и тыхо шумлять своимъ зеленымъ колосомъ. А надъ нымы, высоко-высоко звывся, дывысь, жайворонокъ, трипоче крыльцямы и ажъ умливае въ своій безжурній писни. Крычыть перепелъ. Далеко геть йиде хтось обмижкомъ и мріе дуга и голова кинська, и чуты писню...

О, степе, степе!.. Немае ничого кращого за тебе!..

Такъ думавъ о. Гервасій и винъ довго не повертався въ ти дни до-дому зъ поля. Винъ обходывъ коженъ ланъ, кожну десятыну и колы у вечери повертався до-дому, то бувъ тыхый и добрый и ёго мовъ повывала якась ясна думлывисть.

И ось теперъ винъ знае, що очи ёго въ останне бачать си, дороги ёму, ланы, сю любу балку и ту червону грушу, що винъ колысь наглянувъ іи ще малою, молоденькою и заборонывъ наймытамъ займаты. Теперъ вона розрослась, бачъ, въ яке дерево! И повзъ неи тягнется сей шляхъ далекый, непрывитный, въ да-

леку, незнапу краину, у другый кинець губерни, куды его жене теперъ доля. Прощай, струнка красуне!..

О. Гервасій не мигъ сыдиты въ брычци. Ему хотилось ще разъ пройтысь по сій земли, по сій стерни. Винъ злизъ зъ брычкы и трохы одійшовъ одъ шляху. Прыкри и тяжки чуття все ще хвылювалы его душу. Въ сему поли винъ колысь мавъ соби вирного, щырого друга, винъ такъ зжывся зъ усимъ цимъ краемъ,—зъ цимы горамы и долынамы, балкамы и могылами и теперъ винъ усе це кыдае!.. И черезъ що?.. Що жене его на чужыну?..

И знову, якъ у церкви, несподивано гострый, болючый жаль стыснувъ ему серце, и теперъ винъ уже не мигъ бильше здержуватысь. Мовъ яка безодня розкрылась передъ его очыма, и винъ мусывъ упасты въ неи. И винъ упавъ. Упавъ на холодну землю, прыгорнувся до неи облыччямъ, цилувавъ іи холодне, запашне лоно, и все тило его затремтило зъ рыдання. Винъ плакавъ. Ему здавалось, що зъ сіею землею винъ губыть усе, усе на свити. Будучына стала передъ нымъ моремъ питьмы. А тутъ було колысь такъ ясно, такъ тепло, такъ гарно.

И все пропало... Пропало!..

Матушка тежъ плакала. Сынъ сыдивъ рядомъ зъ матирью, дывывся на ихъ обохъ и въ его души складалысь якись ще до того часу ему невидоми думкы.

Николы не забуде винъ тыхъ слизъ!..

Перша опамьяталась матушка. Вона хутко злизла зъ брычкы, пидійшла до чоловика и почала, плачучы, пидводыты его зъ земли.

— Встань, встань!..—казала вона.—Дывысь, земля яка холодна... застудышся!.. Того, що зроблено, не переробышъ...

— Серце мое, важко, важко мени!.. простогнавъ о. Гервасій.—Краще бъ мени голову знялы!..

— Вставай!.. Годи!.. Треба йихаты, вже не рано!..

Глухи рыдання тильки, що мицного, а теперъ зламаного, пидбытого чоловика булы одповидью на іи слова...

Нарешти о. Гервасій пидвився на колина, перехрестывся и уклонывся ще разъ въ землю. Тоди винъ ставъ на ногы. Одвернувся одъ усихъ. Вытеръ облыччя рукавомъ рясы и сказавъ:

— Ходимъ... буде!..

Винъ пишовъ, не дывлячысь куды и точучысь. Матушка взяла ёго пидъ ликоть й повела до брычкы. Силы на брычку. О. Гервасій въ останне глянувъ червоными заплакаными очыма на степъ, на балку, пидибравъ полы рясы, и, мовъ не своимъ голосомъ, промовывъ:

— Рушай!..

И знову слёзы невпынно полылысь зъ ёго очей, и винъ весь затремтивъ зъ рыдання. То булы останни, и вже не таки пекучи и важки, якъ попередни, слёзы. То булы останни краплыны видъ чорнои дощовои хмары.

Наймытъ рушывъ—и брычка покотылась по мнякій, ривній дорози. Николы іи колеса не торохтитымуть по ній зновъ...

Ни батюшка, ни матушка не промовылы бильше ни слова. Воны сыдилы мовчкы. Слизъ бильше не було. Ни, воны булы, та матушка здержувала ихъ, хочъ серце іи краялось зъ болю. Ій такъ було сумно и важко на души и вона була певна, що тамъ, куды воны йидуть, ихъ жде якесь важке и несподиване лыхо.

А о. Гервасій сыдивъ холодный и зновъ суворый. Ёго облычча зъ энергичнымъ профилемъ мовъ почорнило, и глыбока морщына ще пеначе глыбше залягла ёму межи бривъ. Винъ ничого не думавъ и несвидомо дывывся впередъ себе туды, де по степу стелылась накочена чорна дорога. Винъ немовъ застыгъ и въ ёго души вже не було а ни жалю, ни каяття, а ни якого бажання.

Тамъ було пусто и холодно.

Винъ ничого не бажавъ. И тильки передъ ёго очыма, непомитно для ёго самого, все малювалась одна картына: тягнутся довги гоны, по бикъ ихъ лежать знаёми десятыны: де-яки зъ ихъ поорани и гайворонння крутытся надъ йимы и сидае на чорну рыллю. Дали вымалёвуется балка зъ оголенымы деревамы, и

тильки молода, струнка й высока груша стоить у самыхъ головахъ іи—вся въ червоно-жовтому лысти. Немовъ одна вона выйшла провожаты ёго, и стоить, и дывытся у слидъ за брычкою й тыхо шепоче своимъ помертвилымъ лыстямъ останне—прощай!..

— Прощай навикы!..—Одмовляе ій щось глыбоке и таемне въ души о. Гервасія.

— Прощай!..—додае винъ.

А колеса брычкы мнягко стугонять по чорній дорози, и вона все дали й дали подается видъ тіеи грушн и уплывае въ туманувату незнану далечинь...

М. Чернявській.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ исторіи винокуренія и винной торговли въ Малороссіи въ XVIII в. Въ старой Малороссіи, какъ извѣстно, практиковалась полная свобода винокуренія и шинкованія. Не только монастыри, городскія общины, старшина и духовныя лица, но и простые козаки и мѣщане имѣли право курить водку и продавать ее оптомъ и враздробь въ своихъ или чужихъ шинкахъ. Конечно, это служило важнымъ подспорьемъ для земледѣлія. При тогдашнемъ земельномъ просторѣ, хлѣба производилось больше, чѣмъ сколько могло потребить его населеніе, заграничнаго отпуска хлѣба почти не существовало, и избытокъ его по необходимости приходилось перерабатывать въ спиртъ, который отчасти сбывался и за границу, а главнымъ образомъ потреблялся мѣстнымъ населеніемъ. Отсюда—необычайное развитіе пьянства въ тогдашней Малороссіи. Водка была очень дешева; шинки торчали буквально на каждомъ шагу и конкуренція между ними была большая; каждый шинкарь охотно отпускалъ напитки въ долгъ. Легко понять, какъ развращающе должно было дѣйствовать все это на слабохарактерныхъ людей. Иной «необачный», бывало, и «не счуется», какъ шинкари предъявятъ къ нему такіе счета за выпитое имъ, что ему приходилось сбывать за безцѣнокъ и скотину, и лѣски, и грунты, и изъ «заможного господаря» превратиться въ «нищетного», и итти къ богачу въ «подсосѣдки». Такія превращенія происходили ежедневно не только съ пьяницами, но и съ винокурами и виноторговцами, благодаря чрезмѣрной конкуренціи. Чтобы ограничить это зло, въ гетманство Разумовскаго принимались нѣкоторыя правительственныя мѣры.

Объ одной изъ такихъ мѣръ говорится въ нижеслѣдующемъ доношеніи Синявской (черниговскаго полка) сотенной старшины, 1766 года:

«Въ полковую Черниговскую Канцелярию

Доношеніе.

Прошлого 1761 года, июля 6 дня, от его сиятелства графа Разумовскаго, по битности его гетманомъ, с представленій к нему от полковой Лубенской канцеляріи и от полковихъ Киевскихъ старшинъ состоявшимся ордеромъ, между протчимъ велѣно козакамъ, кои не имѣютъ своего доволного в хлѣбѣ запаса и лѣсныхъ угодій, чтоби в далшое разореніе и несостояніе не приходили, онимъ винное курение производить вовся запретить, а протчіимъ козакамъ, кои, взимая, кто бы токмо какъ повѣрить могъ, на кредитъ куфами вино и надѣяся, оное спродавъ врознь, получить себѣ баришъ, вомѣсто того разоряются, ибо обикновенно в шинкахъ по болшой части пьють на кредитъ, то кредитованніе денги никогда имъ сполна не отдаются, кредитори же ихъ за данние имъ куфи с виномъ, по неимѣнию денегъ, забираютъ ихъ имущество,—оное все упреждая, пресѣчъ, дабы от того не токмо лѣсы и другіе грунта козачие, но и сами оніе козаки не искоренилися. И хотя то его сиятельства повелѣніе в народъ ко исполненію неоднократно публѣковано, но какъ нынѣ дойшло сотенной канцеляріи ведать, что многие козаки виборніе и подпомощники села Волосковецъ, в разнихъ обивателей взимая наборгъ куфами и барилами вино горячое, шинкуютъ врознь, роздавая болшою частию на кредитъ, а по требованію ихъ кредиторовъ не имѣя чемъ отдать денегъ, з послѣднего своего имущества, пахотную землю продавая и отдавая въ закладъ, уплачиваютъ. Что и самимъ дѣломъ видится, яко козакъ Остапъ **Богунъ** в семъ годѣ, априлѣ м-цѣ, почти послѣднюю ниву для оплатки козакамъ Городискимъ за взятіе барила вина и розданние—нѣкоторую часть на кредитъ, а другую самимъ випитую, заставилъ на упадъ зятю своему, козаку Волосковскому Андрею Кисляку за шесть рублей; и не вмѣняя себѣ того за убитокъ, въ прошломъ маѣ м-цѣ онъ, Богунъ, и паки в козака Городиского жъ Посяхна болѣе нежели кадковое барило взялъ, синъ же его Василь, с нимъ в едной хатѣ, по неимѣнию другой, жиючий, взялъ куфу въ бобровника Городиского жъ Бобонки за пьятьдесятъ рублей, и если оніе Остапъ Богунъ барило, а синъ куфу въ кредитъ роздадутъ, то оплатить того долгу почти всего имѣнія отдать не станетъ, а хотя би и ставало, толко

жъ службы виборнои крайне отправлять нѣ съ чего уже будетъ. Для того в полковую Черниговскую Канцелярию представляя, какъ съ нимъ Богуномъ, и другими таковими козаками, кои взимаютъ в разнихъ обивателей вино куфами и барилами на кредитъ, кое еще доселѣ не вишинковано, а по неотдачи за то вино в срокъ денегъ, свои допослѣдка изтощеваютъ продажею и на упадъ в заставѣ козачіе грунта, от чего и умаленіе в службѣ произойтить можетъ,—поступить просимъ, резолюціи»

Атаманъ сотениій Синявській Федоръ Каменецкій.

Писар сотенній Синявскій Емеліянъ Дроздовскій.

1767 году, июня 6 дня».

На это доношеніе изъ Черниговской полковой канцеляріи послѣдовала резолюція:

«1766 году, августа 4 дня, по командѣ опредѣлено: къ сотнику Синявскому Петрункевичу изъ сотенною старшиною послать указъ и велѣть зъ козаками сотнѣ Синявской о непродажѣ ими взимаемой изъ сторони горѣлки поступать по силѣ прописанного его сиятелства ордера и в томъ неодмѣнное исполненіе чинить, яко жъ о томъ сотенному Синявскому правленію, имѣя точное повелѣніе, и представлять въ полковую канцелярію не слѣдовало».

Полковникъ Петръ Милорадовичъ.

Писарь Якимовичъ.

Сотникъ Дзвонкевичъ.

Изъ послѣдующаго видно, что распоряженіе гр. Разумовскаго соблюдалось лишь отчасти. Для малорусской старшины, образовавшей изъ себя классъ дворянъ-помѣщиковъ, было выгодно настаивать на точномъ исполненіи лишь первой части ордера Разумовскаго—воспрещенія простымъ козакамъ, «кои не имѣютъ довольного въ хлѣбѣ запаса и лѣсныхъ угодій» (а подъ это опредѣленіе легко было подвести все рядовое козачество), производить винокуреніе, которое такимъ образомъ становилось привилегіей лишь старшинъ и высшаго духовенства; что же касалось укоренившагося въ Малороссіи промысла раздробительной перепродажи вина, то этотъ промыслъ представлялъ важныя удобства для новоявленнаго „шляхетскаго“ сословія, какъ въ смыслѣ сбыта вина, выкуриваемаго на помѣщичьихъ винокурняхъ, такъ и въ интересахъ закрѣпощенія вольныхъ людей. По свидѣтельству Теплова,

помѣщики, продавая по домамъ вино и отдавая его на продажу козакамъ и посполитымъ, этимъ способомъ систематически разоряли и закабаляли ихъ. И теперь еще народъ въ Малороссіи помнитъ преданія о тѣхъ временахъ, когда „паны збывалы землю у людей найбильше горилкою».

О. Л.

Мелочи изъ архива юго-западнаго края. 1) *Памятная записка и. о. кіевскаго губернатора о частыхъ воровствахъ, куреніи на улицахъ и дурномъ мощеніи послѣднихъ.* Весною 1855 года, исправлявшій обязанности кіевскаго губернатора, передавая должность, представилъ князю Васильчикову краткую памятную записку со слѣдующими замѣчаніями, относившимися «къ благоустройству города и соблюденію выгодъ казны»:

a) „Въ городѣ Кіевѣ безпрестанно случаются воровства, повидимому происходящія образовавшеюся шайкою, подъ руководствомъ какого-нибудь мошенника довольно опытнаго. Средства мѣстной полиціи такъ ограничены, что трудно ожидать прекращенія сего зла; къ предупрежденію онаго необходимо было бы усилить ночные патрули по городу и принять мѣры особенной предусмотрительности.

b) Съ нѣкотораго времени ввелось и нынѣ, къ сожалѣнію, продолжается, что идущіе и ѣдущіе по городу днемъ и вечеромъ курятъ сигары и папиросы, даже извощики примѣру сему слѣдуютъ. Легко можетъ случиться, чего храни Боже, что по малѣйшей неосторожности курящаго произойдетъ какое несчастье. Нелишне было бы, къ предупрежденію сего, возложить на обязанность полиціи извѣстить городскихъ жителей повсемѣстно печатными объявленіями, чтобы они, ходивши и ѣздивши по городу, вовсе ничего не курили.

c) Во многихъ улицахъ города вымащиваютъ мостовыя весьма недобросовѣстно. Я не техникъ, но не могъ этого не замѣтить. Человѣку, который обязанъ за симъ наблюдать, трудно усмотрѣть самому, какъ равно и подрядчику за рабочими, чтобы вездѣ мостили хорошо. Не знаю положены ли для сихъ работъ казенные десятники, подобно какъ имѣются при другихъ постройкахъ, но, по моему мнѣнію, тутъ они болѣе чѣмъ гдѣ-либо необходимы...“

Ближайшимъ послѣдствіемъ сей памятной записки было то, что кіевскій военный губернаторъ 17 мая предложилъ гражданскому гу-

бернатору распорядиться напечатаніемъ объявленія, чтобы никто на улицахъ и въ городскомъ саду не рѣшался курить. Объявленіе это приказано разослать по всѣмъ дворамъ, а въ гостинницахъ велѣно его расклеить на видныхъ мѣстахъ, для свѣдѣнія пріѣзжающимъ; наблюденіе за точнымъ сего исполненіемъ возложено на кіевскаго старшаго полиціймейстера и подвѣдомственныхъ ему полицейскихъ чиновниковъ.

---

2) *Ожженіе лба, шутки ради.* Въ концѣ августа 1855 г. кременчугскимъ уѣзднымъ стряпчимъ получено «достовѣрное» свѣдѣніе о томъ, «что въ с. М—ахъ прибывшій изъ Москвы, гдѣ состоитъ на службѣ (канцел. служителемъ палаты гражданскаго суда), сынъ помѣщицы П—ской находящемуся въ домѣ ихъ на работѣ портному еврею раскаленнымъ металлическимъ крестомъ насильно выжегъ на челѣ крестъ, отъ чего образовалась рана, угрожающая, будто, опасностію жизни». Стряпчій проситъ земскій судъ «учинить распоряженіе объ освидѣтельствованіи раны помянутаго еврея и объ означенномъ поступкѣ П., который рѣшился святый крестъ употребить орудіемъ исполненія непонятныхъ своихъ намѣреній—произвести слѣдствіе».

Съ своей стороны еврей м. Вишневцы, Нудель, заявилъ исправнику, что 14 августа былъ приглашенъ на работу въ домъ помѣщицы П. Въ ночь съ 15-го на 16-ое, когда онъ, утомленный работою, крѣпко заснулъ, сынъ г-жи П., раскаливъ крестъ, принялся на лбу ему выжигать крестный знакъ. Отъ сильной боли онъ, Нудель, проснулся и „надѣлалъ крику", но П. велѣлъ прислугѣ придержать жалобщику руки и докончилъ начатое дѣло.

Кременецкій городовой врачъ свидѣтельствовалъ потерпѣвшаго; у него дѣйствительно обнаружено на лбу черное пятно, въ видѣ креста, которое однако уменьшается, по причинѣ лущенія наружной кожицы и должно вскорѣ исчезнуть, безъ худыхъ для названнаго еврея послѣдствій.

При дальнѣйшемъ разслѣдованіи свидѣтельскія показанія и объясненія сторонъ дали поводъ заключить, что крестъ на лбу Н. написанъ лакеемъ П. посредствомъ „lapis infernalis", взятаго „по ошибкѣ" вмѣсто мѣла, съ согласія самого еврея, желавшаго доказать что крестнаго знаменія онъ вовсе не боится.

Насмѣшки и преслѣдованія единовѣрцевъ побудили портного однако же возобудить дѣло.

Уѣзднымъ судомъ обще съ магистратомъ П. оставленъ въ сильномъ подозрѣніи, со внушеніемъ, въ присутствіи судебнаго мѣста, что подобныя шутки, сколько не достойны дворянина, сильно несообразны съ духомъ христіанства.

Приговоръ утвержденъ палатою.

Между тѣмъ, обязанный подпиской о невыѣздѣ впредь до рѣшенія дѣла, г-нъ П. не явился изъ отпуска въ срокъ, и отъ службы гражданскою управою уволенъ.

Впрочемъ, вскорѣ онъ принятъ на таковую вновь, достаточно наказанный за легкомысліе.

Учрежденіе комитета для вспомоществованія раненымъ офицерамъ и семействамъ ихъ въ 1855 году. 31 декабря 1854 года начальникъ кіевской губерніи доноситъ и. д. кіевскаго военнаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора, князю Васильчикову, согласно рапорту кіевскаго городского головы, потомственнаго почетнаго гражданина 1 гильдіи купца, Бухтѣева, что „кіевское городское общество, выслушавъ послѣдовавшее отъ 14 декабря воззваніе августѣйшаго защитника православной церкви и отечества къ вѣрнымъ сынамъ своимъ, отозвалось съ совершенною готовностію на всѣ усилія и жертвы, какія бы ни потребовались отъ общества въ настоящей упорной борьбѣ съ немиролюбивыми врагами—врагами отечества нашего."

Въ доказательство, что сія готовность не въ однихъ только словахъ, общество на сей разъ изъявляетъ желаніе учредить въ Кіевѣ и содержать въ продолженіе войны, даже до пяти лѣтъ, домъ призрѣнія для 30 раненыхъ офицеровъ, обязуясь для этого предмета вносить каждогодно по $1/2$ процента съ объявленныхъ купеческихъ капиталовъ."

Согласно примѣрному исчисленію, учиненному по распоряженію главнаго начальника края, на обзаведеніе дома оказывалось необходимымъ до 3 тысячъ единовременно, а ежегодныя издержки опредѣлены въ 6 тысячъ рублей. Между тѣмъ капиталовъ объявляется всего 842.400 р. сер.; съ нихъ $1/2$ процента—4212 р., коихъ на покрытіе расходовъ такимъ образомъ недостаточно.

Тогда князь Васильчиковъ, при помощи губернатора, убѣдилъ отцевъ города отказаться отъ дома призрѣнія.

Сумма представлена въ полное распоряженіе Его Императорскаго Величества. Купечеству выражена Высочайшая благодарность, при

чемъ ($^5/x$ 1855 г.) повелѣно особому комитету заняться выдачею изъ сихъ суммъ пособій наиболѣе нуждающимся раненымъ офицерамъ и семействамъ раненыхъ, убитыхъ и умершихъ отъ ранъ, проживающимъ въ городѣ и въ губерніи.

„Кіевскій комитетъ для вспомоществованія раненымъ офицерамъ и семействамъ ихъ“ открылъ дѣйствія въ срединѣ декабря 1855 года.

Въ 1856 году подсчитано, что чрезъ руки комитета прошло свыше 9000 р.

16 августа губернаторъ возбудилъ въ установленномъ порядкѣ ходатайство о закрытіи комитета. Лицъ, получавшихъ къ сему времени пособіе, числилось 34. Надобности въ дальнѣйшемъ производствѣ выдачъ въ ближайшемъ будущемъ, однакоже, болѣе не предвидѣлось.

Сборъ тою жъ осенью прекращенъ.

Сообщ. **А. Мёрдеръ**.

Къ исторіи польскаго возстанія 1831 года[1]. 1) Отношеніе за № 11 отъ 3 мая 1831 года состоящаго по кавалеріи генералъ-маіора и кавалера Гельда (изъ Бѣлой Церкви) звенигородскому городничему. *Секретно*.

«Прилагая при семъ къ свѣдѣнію Вашему предписаніе кіевскаго военнаго губернатора генералъ-лейтенанта и кавалера Княжнина, отъ 2 мая сего года за № 426, предлагаю вашему высокоблагородію немедленно извѣстить меня со всею подробностію о всѣхъ вообще происшествіяхъ, по возникшимъ безпорядкамъ со стороны мятежниковъ, и на предметъ сей обратите особенное свое вниманіе. Впрочемъ, если-бъ и впредь по случаю сего происшествія могли вы что-либо замѣтить, то въ то же самое время безъ замедленія извѣщать меня обо всемъ съ нарочнымъ въ м. Бѣлую Церковь. Генералъ-маіоръ Гельдъ. (Изъ бумагъ Звенигородскаго Полицейскаго архива).

---

2) *Донесеніе генералъ-лейтенанта Кайсарова отъ 6-го августа 1831 г.* Желая стѣснить, сколь возможно болѣе, крѣпость Замостье, я производилъ неоднократно весьма успѣшныя экспедиціи.

---

[1]) См. „Кіевск. Старина“, 1901. кн. VI, оттд. II, стр. 149—157, кн. IX, отд. II, стр. 89—94.

Августа 2 генералъ-маіоръ Купріяновъ, съ баталіономъ пѣхоты и 6-ю орудіями, на разсвѣтѣ приблизился къ крѣпости на сто саженей и скрылъ искусно свой отрядъ; а съ разсвѣтомъ открылъ канонаду; произвелъ большое смятеніе и безпорядокъ; нѣсколько гранатъ разорвало въ толпѣ войскъ и жителей. Причемъ убито и ранено болѣе 60-ти человѣкъ, и въ числѣ первыхъ одинъ артиллерійскій капитанъ. Со стороны нашей потери никакой не было.

4-го числа для стѣсненія гарнизона и уничтоженія многихъ запасовъ въ Форштатѣ (Новомѣсто), предпринято овладѣть двумя редутами, находившимися предъ Форштатомъ. Въ два часа по полуночи генералъ-лейтенантъ Тимофѣевъ съ 22-мъ Егерскимъ полкомъ взялъ штурмомъ одинъ редутъ; причемъ уничтожена большая часть гарнизона онаго и взятъ въ плѣнъ одинъ офицеръ и 54 нижнихъ чина. Другой редутъ атаковалъ генералъ-маіоръ Купріяновъ. Непріятель поспѣшно оставилъ его и скрылся въ Форштатѣ, который онъ старался удержать, сдѣлавши сильную вылазку изъ крѣпости; но посланныя для овладѣнія онаго три баталіона пѣхоты, два эскадрона Александрійскихъ гусаръ, при содѣйствіи батареи изъ 6-ти орудій, подъ начальствомъ генералъ-маіора Шульмана, съ необыкновенною быстротою опрокинули непріятеля, гнали до самыхъ воротъ и уничтожили въ Форштатѣ запасы. Причемъ непріятель потерялъ болѣе 500 человѣкъ убитыми и ранеными, и 123 плѣнныхъ; съ нашей же стороны убито 7, ранено 44, генералъ Тимофѣевъ получилъ контузію, тяжело раненъ Войска Донскаго войсковой старшина Молчановъ. Составлена въ главной квартирѣ 1-й арміи, въ г. Дубнѣ. 10 августа 1831 года. (Изъ бумагъ бывшаго Звенигородскаго Правленія).

Ограбленіе гр. Станислава Потоцкаго 1780 г. подъ Кіевомъ.

Ордеръ

Господину генералъ-порутчику кіевскому оберъ-коменданту и кавалеру Елчанинову.

Вьчера в проездъ господина графа Потоцкого, коронного польского хорунжого по дорогѣ, от Василкова до Кіева лежащей, не доезжая деревнѣ Вети нечаянно нападшіе на него разбойники ограбили денги и вещи, о коихъ, включая здесь въ копіи реестръ, ва-

шему превозходителству предлагаю пр(и)твердить чрезъ киевскую губернскую канцелярію, кому надлежитъ, здесь въ Кіевѣ и околичныхъ мѣстахъ, такъ же в здѣшнѣхъ баталионахъ и иныхъ командахъ, чтобъ всеприлѣжно тѣхъ грабителей и ограбленніе ими денги и вещи обискивано и примѣчаемо было, и показавшемся и малѣйшимъ видомъ, а паче ежели бъ что гдѣ у кого найдено было, спрашивать и доходить обстоятелно со всею аккуратностію и старатся всячески всіо ограбленное и самихъ разбойниковъ отискать, и по отисканіи первое возвратить съросцискою, кому отъ упомянутаго господина графа повѣрено будетъ, а с послѣдними и ихъ соучастниками, ежели окажутся, поступить въ кіевской губернской канцеляріи по строгости узаконеній. Мая 13-го, 1780-го года.

На копіи подписано тако: Г. Румянцовъ Задунайскій.

Михайло Бѣляковъ.

Съ копиями читалъ канцеляристъ Никита Рисьевъ, Триполскаго Духовнаго Правленія Писаръ Василь Добрянскій.

—

Реестръ разграбленнимъ у господина графа Потоцкаго вещамъ и денгамъ.

Часи съ бриліантовою осипью, зъ двойными стеклами и со знаками I. S. P: с осипью жъ. Цепка бриліантами осипаная, въ овалномъ по синему полю кружки(у?) знаки: на одной сторонѣ Y. P:, а на другой S. P:, бриліантами осаженая и въ верху пугвица; привѣски: два золотія цвѣточки съ брилиантами, ключъ съ обеихъ сторонъ бриліантами осипаной, маленкое серд(е)чко съ неболшими на срединѣ бриліантами и пе(чать?) на подобіе древней урны золотомъ объдѣланная, брилиантами, а внизу карниоль. Маленкіе нѣсколко высокіе часы с репетиціею на палѣвой цѣпки съ разними сталними привѣсками и посрединѣ цепки овалной кружокъ. Чорная, одного сорта съ предидущею цепка и на ней привѣски: тонпаковой ключъ и агатовая двойная печать, а съ другой сторони двойніе колци, на коихъ висѣли часи, и по черному полю золотіе букви S. P:, а по краямъ финифьтью рисунки голубіе и бѣліе. Золотіе часи съ репетиціею, на оборотѣ дерево и собачка; какъ на сихъ, такъ и на первихъ часахъ имя мастера Vauchet; и послѣдные съ цепкою и разнымы на ней привѣшеними маленкими болоболочками. Золотіе часи съ рисованною на финифтѣ женщиною, и висятъ на шелковой тясмѣ. Голубая мужеская

табакерка, осипаная по краямъ бриліантами; на кришки рисунокъ: греческая попадья, съ брилиантами въверху и внизу. - Чернильница цвѣта на полъ краснаго и зеленаго; двойная розовая табакерка, на кришки сърисована трава, въ кружкѣ, покритомъ двомя стеклами; круглость подобна зьмеиной линіи, и по чертамъ весма маленкіе жемчужины. Картина, представляющая въ черномъ полѣ двумя цвѣтами агафоника, объдѣланая золотомъ и на(ка)ждой сторонѣ по три брилианти. На объдѣланомъ възолотѣ карниолѣ изображеніе малчика, ведущаго четири лошади. Золотое колцо, въ срединѣ коего слова: Stanislaus Potocky „1774“. Золотое колцо съ буквами S. P:. Золото колцо безо всего. Изъ серебра: кастроля, шесть блюдъ и четири тарѣлки. Рукомойникъ сребраной съ тазикомъ. Сахарница замкнутая съ маленкою сребряною ложечкою. Двѣ тисячи пятъсотъ галланскихъ чирвонцовъ, ружье, на коемъ слова alipa. Ружье съ надписью Par Beandoir atondres. Пара швецкихъ пистолетовъ съ надписью an(!)okhlm. (Stokholm?). Пара пистолетовъ парижскихъ съ надписью Par Dehorne. Охотничей ножъ съ бѣлою головкою и сталною осадкою. Охотничей ножъ съ черною головкою и сребраною осадкою. Футляръ зъ двумя ножами—золотимъ и сталнимъ, ручка бѣлая, осажена по золоту жемчугомъ. Женскіе шитіе башмаки. Пѣнковая трубка, оправленная въ серебро, съ чернимъ чубукомъ и муштучкомъ изъ амбри(?). Двойной, на подобіе штановъ, кошелекъ съ серебреними по сторонамъ пуговками, въ коемъ било двадцять червонцовъ. (Изъ церковнаго архива с. Краснаго, Кіевск. у).

Жалоба Краснянской [1]) громады (1751 г.) на утѣснѣнія отъ поляковъ.

В духовно Освященній Катедры Митрополіи Кіевския Соборъ

Всенижайшое Доношеніе.

Живучи мы в отчинѣ катедры митрополитанския Свято-Софійския на пограничномъ с полскою стороною селѣ Красномъ, отъ мно-

---

[1]) С. Красное, на р. Красной, кіевскаго уѣзда, въ 8 верстахъ отъ м. Триполья. Въ настоящее время въ Краснянской церкви, сооруженной 1785 г., находится три связки документовъ, начиная съ 1731 года и до нашихъ дней. Среди документовъ, помимо всевозможныхъ указовъ по духовному вѣдомству, имѣется немало матеріаловъ, относя-

гихъ лѣтъ крайніе нужды оутерпѣваемъ от ляховъ державы Староства Бѣлоцерковского, а сего 751 года, априля 31, набѣгли войска лядского оружейнаго человѣка до сто, забрали под самим селом з нив 18 во(ловъ) з двома плуги, а третую снасть и двѣ сокири и прочии нѣкотории... (оторвано два слова) загнали самихъ краснянскихъ; а потому ежеденне не по малому числу, аже на половину греблѣ краснянския набѣгають неприятелски и сказивають: „поклонѣтесь де намъ совсѣмъ, то де не будем к вам набѣгат и по грибл(те)". А сего мая 9 числа набѣгало не малое число ляховъ, плугѣ порубали, а человѣка й спѣсомъ еднаго поранили, а понеже намъ нижайшимъ, по такимъ разореніямъ от ляховъ намъ дѣемыхъ (sic!), в селѣ Красном крайне обѣдно, да и опасно жить, для того за такою нашею обѣдою просимъ нижайше за нас, где надлежит, вступится и в отдачѣ нашихъ воловъ постаратся, или нам позволит з села вступить.

Іерей Прокопій Бедачевский, вѣкарій Святомихайловскій Краснянскій.—Войтъ Василій Глушко, Ѳеодоръ Голубъ, Ꙗкимъ Мехеда, Андрей Чорненкій, Іванъ Кривохижа, Андрей Хвесенко, Михаилъ Чорненкій, присемъ и вся громада краснянская подпис... (оторвано нѣсколько буквъ).

Неизвѣстно, была ли настоящая жалоба отправлена по адресу, такъ какъ документъ, съ котораго мы ее списали, на обратной сторонѣ оказался использованнымъ, повидимому мѣстнымъ священникомъ, для иныхъ цѣлей: здѣсь имѣются записи церковныхъ расходовъ — «Якимъ Ктиторъ купилъ паперу лѣбрусу, вина кварту—уплотилъ 10 коп. (другой разъ 12), паперу лѣбрусу—6 коп., уплотилъ мировых (за мvро?)— 19 коп.», а также „в Духовное Правленіе Протопопію Трипольской всеныжайшій реестръ" такого содержанія; „За силу приказа Его Ясне в Богу Преосвященства и вашего високопревелебія, прилѣжно сискивалъ помянутой книжици о Полтавской побѣдѣ, іюня 27, отправля-

---

щихся къ исторіи Малорусской и въ особенности Великорусской въ царствованіе Анны Іоанновны. Имѣется, между прочимъ, два подлинныхъ указа митр. Рафаила Заборовскаго: 1734 г.—о винахъ князя Александра Черкасскаго и 1731—о поминовеніи царицы Евдокіи Ѳеодоровны ея монашескимъ именемъ. Желательно было бы, чтобы какое-либо изъ научныхъ учрежденій, имѣющее архивъ, напр. Кіевская Духовная Академія, пріобрѣла упомянутыя 3 связки Краснянскихъ документовъ для своего архива, гдѣ они находились бы въ должной сохранности и могли бы служить для научныхъ цѣлей.

емихъ церемонѣй церковнихъ, толко не сискалъ; а отправа бывала что годно, яко и в сем году без опущенія, Преподобному Самъпсону со всенощнимъ бдѣніем, из общей Мѣніи, по храмовой главѣ. Симъ моимъ писаніемъ всепокорнѣйше репортую". (на этомъ рапортѣ прекращается).

Почеркъ тотъ же, что и въ жалобѣ. Очевидно, что въ такомъ видѣ жалоба Краснянской громады не могла быть направлена „въ Духовно Освященный Катедры Митрополіи Кіевскія Соборъ". Врядъ ли она была написана вторично, такъ какъ трудно думать, чтобы приписка въ концѣ ея „или намъ позволить з села вступить"—входила въ разсчеты іерея Краснянскаго Прокопія Бедачевского.

Сообщ. **В. Доманицкій.**

Народныя преданія, связанныя съ селомъ Слобидкою-Межыривською, литинск. уѣзда. Село Слобидка-Межыривська, литинскаго у., подольской губ., расположено на правомъ берегу небольшой рѣчки Думкы (Думыча), образующей у села большой прудъ версты въ двѣ-три длиною. Прудъ у береговъ заросъ «очеретамы та осокою» и въ двухъ мѣстахъ настолько сильно, что чистый проходъ между зарослями остается лишь сажней 4—5 и такимъ образомъ прудъ естественно раздѣленъ на 4 части. Часть, оканчивающаяся плотиной съ мельницею, возлѣ которой раскинулось село, называется «перше плесо», слѣдующее за ней—«середне плесо» и послѣдняя, съ прилегающими къ ней побережными лугами—«Червоною». Думка у села протекаетъ съ запада на востокъ и село раскинулось на южномъ, довольно «згорыстимъ» берегу и упирается сѣверной стороной въ «перше плесо ставу», а съ юга окружено грабовымъ лѣсомъ, отдѣляющимъ село отъ желѣзнодорожной станціи Сербиновецъ. На другомъ берегу пруда—«панське поле й цвынтаръ». Дальше на сѣверо-востокѣ «за панськымъ полемъ, ажъ видъ Глибокои (долыны) й Мугылы почынается, людське поле», а на сѣверо-западъ «за фильваркомъ—невелычкый круглый, тежъ панськый лисокъ Маркивъ». Въ 18 верстахъ отъ Слободки лежитъ г. Баръ. Ближайшія села, расположенныя въ 4—6 верстахъ отъ Слобидкы: Головчынци, въ которомъ родился извѣстный Кармалюкъ, гдѣ еще и теперь живутъ его потомки, Сербыны, Лопатынци, Лука-Барська и Ражепы.

Вслѣдствіе того, что село расположено на склонѣ, открытомъ сѣвернымъ вѣтрамъ, а лѣсъ закрываетъ доступъ южнымъ вѣтрамъ, въ

селѣ весной и осенью бываютъ такія «трясовыны, що прыходытся волами выбычовуваты» неосторожныхъ «подорожныхъ», попавшихъ въ эти западни. Меня интересовало, почему село расположилось на этомъ неудобномъ склонѣ, когда противоположный, открытый лучамъ солнца и вѣтрамъ, представлялъ гораздо болѣе удобное мѣсто для поселенія. Съ этими вопросами я не разъ обращался къ старикамъ крестьянамъ и узналъ, что село давно еще когда то стояло именно на противоположной сторонѣ пруда, но гораздо выше по теченію рѣки, «коло Червонои, на могыли», но что «ще за панщыны дидычъ прымусывъ» перенести село на занимаемую теперь неудобную сторону. Но на ряду съ этимъ мнѣ довелось услышать и другой варіантъ, быть можетъ и менѣе правдоподобный, но несравненно болѣе интересный своей поэтической подкладкой. Слышалъ я его два раза отъ Явдокыма Пужайла (вже небощыка) и бабы Горпыны Брыковои. Оба разсказчика передавали его почти дословно одними и тѣми же словами. Къ сожалѣнію разсказа я не могъ записать подъ диктовку, а лишь по памяти.

«Ни, цёго не знаю. Не доводылося чуты николы, чого то саме та могыла насыпана. Тилькы про те мисце стари люде, ще нашы диды-батькы розсказувалы, що тамъ село наше колысь стояло; то й я вамъ такъ розсказую. Ото жъ те село стояло тамъ, ажъ покы гордá не напала й не попалыла й розруйнувала те село й людей безличъ поризала й забрала. Тоди ти люде, що зосталысь, й перешлы на цей бикъ и тутъ оселылысь. Алежъ тамъ, ото колы знаете, йе кырнычка, що іи все святять колы ходять зъ братствомъ въ поле; то та кырнычка й справди зразу выдно, що не полёва, бо у споди, й мени самому доводылося бачыты, цыбрыны йе и доси. Отожъ стари люде кажуть, що на Благовищеня та на Велыкдень тамъ чуты, якъ въ усí дзвоны дзвонять; нибы бъ то пидъ землею, а дзвоны нибы бъ то вкынулы туды у кырныцю, якъ гордá наступала, та мени самому николы не доводылося чуты. Такъ, кажу, говорять наши диды-батькы, а Богъ ёго святый знае чы воно й справди такъ.

А отутъ, заразъ за Нечыпоромъ, знаете, на самисенькимъ киньци села яруга така велыка, й якъ разъ выходы межы першымъ и середнимъ плесомъ, де ставъ такый вузенькый; то тожъ, кажуть, тамъ ще колысь гребля була, й нибы бъ то зъ того села йиздылы нею до Бару, а колы перейшло село на цей бикъ, то й греблю ту розмутыло, а писля вже насыпалы оцю, що й теперъ йе, понызче тои старои. Ото жъ тилькы я й чувъ видъ старыхъ людей про могылу. А

отъ чы знаете, видъ чого то почалы оцей лисъ Марковымъ прозываты... Не чувалы. Ось послухайте. Ще тоди, колы гордá наступала, то бувало й таке, що все село розбижытся хто куды зна, отъ тоди и выступа Марко. А жывъ винъ на тимъ самимъ мисци, де теперъ оцей лисокъ. Заможный бувъ чоловикъ. А що за дужый та смилывый, то другого такого й не було. Бувало всихъ гордá побье, вси повтикають, а винъ тутъ якъ выступыть, якъ выступыть зъ мечемъ та спысою, то такъ іи и пожене, усихъ подужае.

Разъ якось гордá пидкралася, чы то въ ночи вона надійшла, чы що, алежъ усихъ людей застукала на сели; старыхъ и малыхъ геть выгубыла, а що молоде й найкраще—перевьязала та й на ничъ перейшла спочываты на Страхивку—оте поле зъ долыною, що поручъ Маркова, якъ йихаты звидсы до Лопатынець. Марка саме тоди не було дома. Якъ вернувся Марко, якъ почувъ про те несчастя, заразъ и пишовъ рятуваты. Еге, пишовъ, хочъ яка тамъ у його сыла була— чоловика 5—6 не бильше. Якъ разъ гордá спала. Винъ и порозвьязувавъ усихъ бранцивъ та й почавъ бытыся. И хочъ у горды́ була сыла велыка-превелыка, а все жъ ёму Богъ допомигъ и винъ прогнавъ горду́, вызволывшы всихъ людей, що вона забрала, та й ти вже, знаете, зъ розвьязанымы рукамы не мовчалы, а чымъ хто мигъ тежъ боронылыся. Зъ того часу й поле те зветься Страхивкою, бо въ ту ничъ тамъ велыкый страхъ бувъ. Таке то розсказують про Марка; а що вже спыса у його то й справди була гарна. Тутъ, якъ фосу копалы кругъ Маркова, то найшлы спысу. И що жъ то за ловка спыса була. Николы мени вже такои не доводылось бачыты. Така довга й штырогранна й гостра, гостра повынна була буты, бо дуже шпычаста, тилькы що вже гыржá іи геть перейила... й куды вона запропастылася—не прыгадаю...

Такъ таке то колысь діялося тутъ, а отъ розсказують, що въ Луци-Барськiй, такъ тамъ народъ бувъ спрытнищый видъ нашого. Колы бувало гордá наступае—воны заразъ въ лисъ, та й почынають валыты дерева. Та й все верхамы видъ себе, а видземкамы до себе, тай зроблять нибы таке кружало, а сами тамъ и засядуть. Та й вже колы гордá проходыть, то сыды тамъ тыхо, щобъ и чуткы не податы. Колы въ кого якый пивныкъ йе, то треба заризаты його, щобъ боронь Боже часомъ не заспивавъ, та й не наклыкавъ лыха; колы якый цуцыкъ йе, то прыдушыты треба, щобъ не дзявчавъ, а въ кого маленька дытына, то хочъ затыкай рота, щобъ мовчало. А колы й дови-

дается гордá, де то саме люде заховалыся, та й обступы те мисце, то такъ ничого не вдіе—прыступу нема ніякого. Бо що жъ? почне гордá за верхы тягнуты, ну то й не дуже потягнешъ, бо воно такъ въ землю и поре—де жъ то гылякы таки шыроки, а прытимъ же и люде не мовчать, а тоди у людей водылася всиляка зброя, и спысы, то що. То гордá постоить, постоить, та й руша дали...

Еге, въ Барській таке діялось, а отъ ніякъ не прыгадаю, у якимъ то сели жылы тесть и теща Маркови; десь за Баромъ. Ну, не прыгадаю. Бо про Марка и таке розсказують. У ёго була жинка, дуже красна молодыця. Одного року, якъ не було Марка вдома, найихала на хутиръ гордá. Незабаромъ прыйиздыть и Марко. Колы зыркъ —ажъ ёго жинка держыть на колинахъ чіюсь голову и, выбачайте, ськае. Колы винъ прыдывляется, а то турокъ та здоровый такый лежыть, а жинка то и ёго голову держыть.

Марко злизъ зъ коня, пидійшовъ трохы до ныхъ, та й каже до жинкы (а вона ёго вже запрымитыла): «Уступысь, каже, я ёго погублю». А вона ёму: «За того Боже, хто кого переможе». Марко прыскочывъ та й стявъ жинци голову, а тутъ вже и турокъ схопывся, та такый здоровый. Схопылыся воны и почалы борикатыся. Вже и довго водылыся. И той здоровый, и той здоровый. Вже почавъ Марко и охляваты, та якъ крыкне: «Рябка, беры, Рябка беры!» Прыгадавъ, бачте, що то у ёго собачка бувъ такый вирный—Рябка звався. Той прыскочывъ до турка, та й почавъ ёго за лыткы рваты. Такъ и подужавъ Марко турка и голову ёму стявъ.

Отожъ взявъ Марко жинчыну голову въ оторокы, сивъ на коня, та й пойихавъ до тестя. Прыйизджае. Его посадовылы за стилъ, прыймають; думалы въ гости прыйихавъ. И винъ соби бесидуе такъ, та и пыта тестя: „А що, каже, такій жинци робыты, що кыдае чоловика та прыстае до невирного?“ —А що жъ—кажуть тесть и теща—голову стяты!—Марко выйшовъ зъ хаты, взявъ голову зъ оторокивъ, прынисъ та й поставывъ на стилъ. „Отожъ, каже, ваша дочка така була“. Батько опустывъ голову та тилькы и промовывъ: «Пропало! Я, каже, тилькы судывъ, а ты, каже, вже ось и зробывъ»...

А онъ та долына, що Адамовою звется. Тежъ розсказують, що и тамъ козакъ такый жывъ, якъ Марко Адамъ звався. Я ще памьятаю, скилькы по тій долыни могылокъ було—то страхъ. Розсказують, що зъ кымъ винъ бывся, то усякого невиру подужае. Вбье та й заразъ закопае и могылку насыпе. А тамъ колы чавунка пройшла, то

насыпомъ и засыпалы ти могылкы, бо жъ чавунка якъ разъ середыною Адамовои проходыть. Оттаке то колысь було. Бувало люде жнуть въ поли, а килька на высоки дерева зализуть; чатують, щобъ горда́, бува, зненацька не наскочыла. Якъ поточать куряву зъ опивдня, то й гукають заразъ, щобъ втикалы люде. Погано, страхъ якъ погано було! та що, якъ колы и теперъ не легше и хто ёго зна чого: и татарвы тои нема и панщына счезла, а воно все не легшае людямъ... Ото жъ ще прыгадавъ, якъ за-молоду часто спивалы писню про козака Хмеля, та вже, якъ саме, то сливъ не прыгадаю, бо не мавъ голосу и николы самъ іи не спивавъ. А теперъ вже іи давно не чувъ, а за панщыны бувало—де тилькы зберутся парубкы, то такъ заразъ про козака Хмеля и заспивають. Винъ, бачте, боронывъ людей видъ панивъ, то про ёго и таку писню склалы.

О. С.

Мѣры противъ холеры 1831 г. [1]). Объявленіе отъ кіевскаго военнаго губернатора жителямъ кіевской губерніи. «Благодареніе Всевышнему! свирѣпствовавшая по кіевской губерніи болѣзнь холера очень уменьшилась; и хотя появляются нынѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подобные прежнимъ припадки, отъ коихъ весьма немногіе умираютъ, но скоротечности, тѣмъ болѣе заразительности оной, нынѣ уже не видно.—Изъ многочисленныхъ опытовъ и наблюденій замѣчено, что болѣзнь сія происходитъ теперь по большей части отъ лишняго пресыщенія и неосторожности въ выборѣ пищи; а потому предостерегаю жителей кіевской губерніи, чтобы они для собственнаго блага и сохраненія своей жизни наблюдали, въ предупрежденіе столь пагубной болѣзни, слѣдующія правила:

При настоящемъ времени не должно употреблять появившихся плодовъ, ягодъ и фруктовъ, а тѣмъ болѣе незрѣлыхъ, испорченныхъ или гнилыхъ, какъ-то: смородины, черешни, вишни, крыжовнику, сливъ, особенно же не ѣсть шелковицы. Въ нашихъ глазахъ двѣ благородныя особы, отъ употребленія натощакъ ягодъ сихъ, получили припадки, подобные холерѣ, и кончили жизнь.

Вскорѣ такъ же поспѣютъ дыни, арбузы, яблоки, груши. Неумѣренное употребленіе ихъ, а особенно незрѣлыхъ или гнилыхъ,

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1903 г., кн. VII—VIII, отд. II, 17—19.

такъ же легко производитъ рвоту, поносъ и самую болѣзнь холеру. Послѣ ягодъ, фруктовъ и соленой рыбы не должно пить воды, а гораздо лучше выпить рюмку водки, чаю съ ромомъ, или сбитню.

Грибы не меньше вредятъ здоровью: ибо они производятъ такую же болѣзнь, какъ холера, чему уже и есть примѣры, которые доказываютъ, что оныхъ нынѣ вовсе употреблять въ пищу не должно.

Я надѣюсь, что жители кіевской губерніи не оставятъ безъ вниманія и точнаго послѣдованія симъ предохранительнымъ средствамъ, предлагаемымъ для собственнаго ихъ спасенія. А земскимъ и градскимъ полиціямъ, и полицейскимъ врачамъ вмѣняется въ непремѣнную обязанность обращать всевозможное вниманіе на доброкачественность продаваемыхъ и въ пищу употребляемыхъ ягодъ, фруктовъ, плодовъ и всѣхъ вообще продуктовъ и соленой рыбы, строго наблюдая, дабы незрѣлые, испорченные и гнилые не были продаваемы».

Подлинное подписалъ: кіевскій военный губернаторъ генералъ-лейтенантъ, сенаторъ Княжнинъ.

10 іюля 1831 г. Кіевъ.

Секретное предписаніе кіевскаго губернатора звенигородскому городничему отъ 23 декабря 1834 года. Препровождая при семъ примѣты трехъ весьма важныхъ злоумышленниковъ, которые, по дошедшему ко мнѣ свѣдѣнію, хотя не достовѣрному, но по значительности намѣреній заслуживающему вниманія, якобы отправленныхъ парижскимъ революціоннымъ комитетомъ въ разныя государства, въ томъ числѣ и Россію, для совершенія здѣсь злодѣяній, а такъ же особый списокъ другимъ заговорщикамъ, коихъ предпріятія еще невполнѣ обнаружены, я поручаю вашему высокоблагородію употребить строжайшія мѣры наблюденія, дабы всѣ сіи лица не были впускаемы во ввѣренный вамъ городъ, а въ случаѣ появленія ихъ въ ономъ, были бы немедленно задержаны со всѣми принадлежащими имъ вещами и бумагами; о послѣдующемъ же донесть мнѣ.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Козминъ.

Примѣты высланныхъ изъ Парижа въ разныя государства злоумышленниковъ. 1) Кемпоръ, называющій себя такъ же Штельцнеромъ или Штельцеромъ, лѣтъ 26, ростъ 5 футовъ 3 дюйма 3 линіи, плотенъ, широкоплечъ, волосы темнокаштановаго цвѣта; лобъ широ-

кій, но низкій, глаза очень темные, брови черные, весьма густые, носъ вздергнутый; бакенбарды и усы черные; подбородокъ круглый; лицо широкое, цвѣтъ лица свѣжій.—Человѣкъ безнравственный, преданный пьянству и способный ко всякому злодѣянію.—Съ нимъ находится дѣлатель музыкальныхъ инструментовъ Андрей Юзефъ Штейнертъ или Штейнеръ. 2) Г. Лиръ (H Lichr), Датчанинъ лѣтъ 30, ростъ большой; глаза сѣрые, волосы русые, лицо полное, говоритъ хорошо по французски, но дурно по нѣмецки и нѣсколько по англійски. 3) Эккельбергъ, уроженецъ изъ Гамбурга, портной, назначенъ къ слѣдованію въ Россію, лѣтъ 27-ми, ростъ средній; глаза черные, носъ большой, бакенбарды и усы черные, цвѣтъ лица смуглый, имѣетъ пріятную наружность. Вѣрно. Секретарь А. Покровскій. (Изъ бумагъ звенигородскаго полицейскагв архива).

—

Списокъ заговорщиковъ, кои обращаютъ на себя особенное вниманіе. 1) Италіанцы: Девелліеры и Леренжеръ должны отправиться изъ Позена въ Россію 2-е) Италіанцы же Курнолино и Куццани слѣдуютъ въ С.-Петербургъ чрезъ Вѣну и Галицію. 3-е) Братья Карпъ и Христіанъ Титтмонъ и Карпъ. Эдуардъ Титтмонъ, кандидаты правъ изъ Дрездена, были въ семъ городѣ въ тюремномъ заключеніи, но успѣли бѣжать. 4) Революціонеры: Миковскій Александръ, Мендыхъ Генрихъ, Бреза фонъ Морачевскій, Шаницкій фонъ Липскій (изъ Левхова, въ Прусіи), Длугашевскій графъ Любинскій (изъ Прусіи) и Михаилъ фонъ Весловскій, послѣдній подъ именемъ Яна Игнатовича; всѣ они находятся по нынѣ въ познанскомъ герцогствѣ и 5-е) И. Янушевскій, уроженецъ изъ Плоцка, отправится изъ Лондона моремъ, чрезъ Одессу въ Петербургъ; принадлежитъ къ французской пропагандѣ. Вѣрно. Секретарь А. Покровскій.

Къ юбилею Н. В Лисенка. Въ дополненіе къ раньше присланнымъ въ нашу редакцію 3925 р. 23 к. (см. № 10, стр. 18-19) для поднесенія подарка Н. В. Лисенку въ день предстоящаго празднованія его 35-лѣтняго юбилея, вновь поступило: 1) Н. М.—25 р.; П. Г. Хорошиловъ –10 р.; 3) Рыльскіе—25 р.; 4) М. П. Ганько – 25 р.; 5) В. П. Кошовый—5 р.; 6) Ѳ. Д. Н.—10 р.; 7) Від звягельцивъ—2 р.; 8) К С. (изъ м. Сѣнчи)—10 р.; 9) Ф. Гр. Рябоконь—50 к.; 10) Шендлеръ—50 к.; 11) В. Д —2 р.; 12) В. А.—10 р.; 13) К. А.—

5 р.; 14) О. П. Помазанская—20 р. 15) Кульчицкій—1 р; 16) Трипольскій—1 р.; 17) Шрамченко—1 р.; 18) М. Халашъ—50 к.; 19) А. М. Кулишъ—15 р.; 20) М. Баранъ—10 р.; 21) А. А. Раковичъ—10 р.; 22) М. Грушевскій—2 р.; 23) А. Карпинскій—2 р.; 24) А. А. Абаза—2 р. 50 к.; 25) А. Ю.—50 р.; 26) А. Г. Березинъ—5 р.; 27) Н. К. Б—ръ—3 р.; 28) И. С Маковскій -1 р.; 29) П. Е. Сергіенко—50 к.; 30) А. Г. С—чъ—30 к.; 31) А. Н. Д—скій—30 к.; 32) Бѣлозерскіе—5 р.; 33) N. S.—25 р.; 34) В. Козловскій—2 р.; 35) И. Чуприна—3 р.; 36) Від ниженцивъ—20 р.; 37) А. Мартиновичъ—1 р.; 38) А. С Маршинскій—3 р.; 39) Н. К. Маршинскій—3 р.; 40) Е. А. Черноусовъ—3 р.; 41) Ф. Матушевскій—2 р.; 42) Бойченко-1 р. 50 к.; 43) Яковенко—1 р,; 44) Чудновскій—1 р.; 45) Бречковичъ—1 р.- 46) Мищенко—1 р.; 47) Сидокъ—1 р.; 48) Димарь—1 р.; 49) Кра;. пивный—50 к.; 50) Крыжановскій—50 к.; 51) Панасѣвичъ—50 к.: 52) Лещинскій—50 к.; 53) Подлуцкій—50 к.; 54) Отъ студ. Юрьевскаго унив. мелкими взносами—4 р.; 55) А. С. Бѣлоусовъ—5 р.; 56) Н. П. Дмитріевъ—5 р.; 57) Горянскій—1 р.; 58) Е. Ф. Бурлюкъ—5 р.; 59) Отъ служащихъ въ Статистическомъ бюро Полтавскаго земства—35 р.;—всего *387 р. 10 к.*, что вмѣстѣ съ прежними составитъ *4312 р. 33 к.*

Текущія извѣстія.

По поводу полтавскихъ празднествъ при открытіи памятника И. П. Котляревскому. Въ «Полтавскихъ Губ. Вѣдомостяхъ» помѣщена руководящая статья по поводу недопущенія во время чествованія памяти И. П. Котляревскаго въ Полтавѣ чтенія привѣтствій на малорусскомъ языкѣ. Губернскій органъ печати говоритъ:

«По нашему мнѣнію, разсматриваемый вопросъ, вызвавшій такую сенсацію частью въ обществѣ, частью среди гласныхъ мѣстной городской думы, получилъ совершенно неправильное освѣщеніе, вслѣдствіе чего и результаты, конечно, явились совсѣмъ неожиданные. Никто и никогда не воспрещалъ чествовать поэта Котляревскаго на малорусскомъ нарѣчіи, доказательствомъ чего могутъ служить разрѣшенныя правительственною властью надписи на этомъ нарѣчіи, украшающія памятникъ поэта, публичные малорусскіе концерты и пьесы, допущенные во время торжества въ городскомъ театрѣ, надписи на вѣнкахъ, которыми увѣнчанъ былъ памятникъ въ день его открытія, и проч.—

слѣдовательно, вполнѣ ясно, что правительственная власть, не имѣя ни малѣйшихъ основаній дѣлать какія-либо различія между сѣверными и южными губерніями, рѣшительно ни въ чемъ не проявила никакого противодѣйствія вполнѣ естественному желанію чествовать малорусскаго поэта на его родномъ языкѣ».

Но совершенно инымъ, по мнѣнію газеты, вопросомъ является допущеніе малорусскаго языка въ чрезвычайномъ засѣданіи думы, которое было назначено въ день открытія памятника—30 августа.

„Въ засѣданіи думы, какъ учрежденія правительственнаго,—будь это засѣданіе очереднымъ или чрезвычайнымъ,—не можетъ быть допущенъ никакой языкъ, кромѣ общегосударственнаго. Если допустить противное, то логически слѣдуетъ признать возможнымъ допустить и пренія гласныхъ на малорусскомъ нарѣчіи,—но вслѣдъ за этимъ является вопросъ: почему гласные-евреи не могутъ съ своей стороны подавать свои мнѣнія на еврейскомъ языкѣ; зачѣмъ гласнаго татарина лишать права высказаться на родномъ языкѣ; чѣмъ хуже гласный уроженецъ остзейскаго края и почему онъ не можетъ участвовать въ преніяхъ, выражаясь на нѣмецкомъ языкѣ, и т. д. Но въ составъ нашего обширнаго государства входитъ также масса народностей, а слѣдовательно и разныхъ языковъ и нарѣчій, что, допустивъ въ общегосударственныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ свободное употребленіе всѣхъ этихъ языковъ и нарѣчій, получились бы результаты по истинѣ вавилонскаго столпотворенія“.

Это мнѣніе оффиціальнаго органа, производя благопріятное впечатлѣніе спокойнымъ тономъ, которымъ оно выражено, однако, какъ намъ кажется, погрѣшаетъ противъ мотивовъ доказательства, заходя далеко за предѣлы дѣйствительности. Вѣдь о какихъ-нибудь преніяхъ въ торжественныхъ засѣданіяхъ не можетъ быть и рѣчи, и, какъ извѣстно, никто не пытался поднимать ихъ на какомъ-бы то ни было языкѣ; не было даже попытки внести вопросъ о томъ, чтобы научныя рѣчи, вошедшія въ оффиціальную программу засѣданія, читались на малорусскомъ языкѣ, такъ-какъ каждый изъ говорившихъ подчинился правилу о государственномъ языкѣ въ оффиціальныхъ случаяхъ. Что-же касается адресовъ, подносимыхъ отъ разныхъ учрежденій, то ихъ не принято разсматривать, какъ продолженіе оффиціальной программы, такъ-какъ подобные адресы могутъ являться совершенно неожиданно и служатъ только выраженіемъ чувствъ и настроенія, вызываемаго даннымъ моментомъ, составляя, такъ сказать, лирическую часть тор-

жества. Всѣ подобные адресы, привѣты и телеграммы шлются на языкахъ той націи, изъ среды которой они выходятъ, и если можетъ возникнуть вопросъ о прочтеніи ихъ въ подлинникѣ, то только въ смыслѣ опасенія, будутъ ли они поняты на данномъ языкѣ присутствующей публикой, а въ такомъ случаѣ читаются они и въ подлинникѣ, и въ переводѣ, или только въ переводѣ, съ указаніемъ на языкъ подлинника. Что-же касается малорусскихъ адресовъ, то едва ли для Полтавы могъ возникнуть вопросъ о ихъ неудобопонятности въ тотъ моментъ, когда собралась многочисленная публика чествовать память поэта, сто лѣтъ назадъ поставившаго малорусскую народную рѣчь на стезю развитія изъ нея малорусской литературной рѣчи.

Во всякомъ случаѣ, соблюденіе, по нашему мнѣнію, мнимой послѣдовательности во время полтавскаго торжества, выразившейся въ недопущеніи чтенія адресовъ на малорусскомъ языкѣ, не только не принесло пользы въ смыслѣ общаго государственнаго благополучія, но, пожалуй, дало нѣкоторый ущербъ, т. к. вызвало у присутствовавшихъ и многихъ отсутствовавшихъ чувство горечи, и безъ того въ достаточной степени разлитое среди насъ.

Къ вопросу объ изданіи учебниковъ для начальныхъ школъ полтавской губерніи. Лохвицкое земство, признавъ необхообходимымъ снабдить начальную школу полтавской губерніи учебными пособіями, которыя были-бы вполнѣ приспособлены къ условіямъ полтавской губ., возбудило въ 1900 году ходатайство объ организаціи составленія и изданія такихъ книгъ губернскимъ земствомъ. Поддержанное губернской управой ходатайство это встрѣтило сочувствіе и со стороны губернскаго собранія. Послѣднее не замедлило ассигновать на это дѣло кредитъ и избрало особую комиссію, которой предоставило: 1) назначить конкурсъ для составленія учебниковъ русскаго языка и ариѳметики примѣнительно къ потребностямъ народной школы полтавской губерніи и 2) признанныя комиссіей опытныхъ лицъ и одобренныя учебнымъ начальствомъ руководства издать въ потребномъ количествѣ для снабженія ими всѣхъ начальныхъ училищъ губерніи.

Комиссія эта уже нѣсколько разъ созывалась губернской управой, но вопросъ тѣмъ не менѣе относительно медленно подвигается впередъ. Въ послѣднемъ засѣданіи комиссіи, состоявшемся въ сентябрѣ мѣсяцѣ, между прочимъ рѣшено: разослать всѣмъ членамъ ко-

миссіи для заключенія проектъ положенія о преміяхъ за учебники и запросить наиболѣе компетентныхъ учителей земскихъ школъ полтавской губ. относительно того, какимъ требованіямъ должны отвѣчать учебники, какъ руководства въ школахъ съ контингентомъ учащихся малороссовъ. Проектомъ положенія о конкурсѣ на составленіе учебниковъ для мѣстныхъ начальныхъ школъ имѣются въ виду: букварь и вмѣстѣ книжка для первоначальнаго чтенія, двѣ книги для класснаго чтенія и задачникъ. Книги для класснаго чтенія должны быть составлены по концентричной системѣ, по которой бы каждое изъ трехъ отдѣленій народной школы составляло законченный курсъ образованія, при чемъ въ каждомъ отдѣлѣ должны находиться свѣдѣнія по природовѣдѣнію, физикѣ, химіи, астрономіи, естественнымъ предметамъ, сельскому хозяйству и др. наукамъ.

Комиссія выразила пожеланіе, чтобы въ букварѣ и первой книгѣ для чтенія были приведены слова и статьи на русскомъ и малорусскомъ языкахъ. Что же касается остальныхъ книгъ, то въ нихъ признано возможнымъ ограничиться однимъ русскимъ языкомъ, такъ какъ малорусскій языкъ, по мнѣнію большинства комиссіи, въ народной школѣ долженъ быть только подсобнымъ къ изученію русскаго и, слѣдовательно, въ двухъ старшихъ отдѣленіяхъ школы большой надобности въ немъ нѣтъ. Отнесшись сочувственно къ предложенію одного изъ своихъ членовъ о пріобрѣтеніи премированныхъ учебниковъ въ вѣчную собственность земства, комиссія рѣшила просить земское собраніе ассигновать на это средства.

Принято также комиссіей предложеніе В. Н. Леонтовича рекомендовать собранію ходатайствовать о допущеніи малорусскихъ книгъ въ школьныя и народныя библіотеки на одинаковыхъ основаніяхъ съ русскими.

Курсы малорусскаго языка и литературы въ Упсальскомъ университетѣ. Изъ частнаго письма, присланнаго въ Кіевъ профессоромъ Упсальскаго университета (въ Швеціи) г. Люнделемъ, мы узнали, что въ настоящемъ году онъ читаетъ своимъ слушателямъ курсъ малорусскаго языка и литературы. Проф. Люндель—извѣстный знатокъ славянскихъ литературъ. Въ 1885 г. онъ пріѣзжалъ въ Кіевъ съ спеціальною цѣлью ознакомленія съ языкомъ и литературой Украины. По его словамъ, настоящій курсъ имъ составленъ главнымъ

образомъ по изслѣдованіямъ малорусскихъ ученыхъ: г. Житецкаго, проф. Огоновскаго и Колесы.

Къ сооруженію памятника В. Н. Каразину. Состоящій при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ Комитетъ по сооруженію памятника В. Н. Каразину, столь много потрудившемуся для основанія и развитія Харьковскаго университета, въ виду приближающагося столѣтія университета, рѣшилъ принять дѣятельныя мѣры къ тому, чтобы сооруженіе означеннаго памятника было окончено къ январю 1905 года. Съ этою цѣлью, при содѣйствіи бывшаго ректора Императорской Академіи Художествъ, В. А. Беклемишева, онъ вошелъ въ сношеніе съ художникомъ И. И. Андреолетти, который уже изготовилъ изъ глины эскизъ статуи В. Н. Каразина. Относительно пьедестала Комитетъ вошелъ въ соглашеніе съ академикомъ архитектуры А Н. Бекетовымъ. Памятникъ рѣшено поставить въ Университетскомъ саду, въ большомъ кругѣ, находящемся въ началѣ большой аллеи, противъ воротъ, выходящихъ на Сумскую улицу. Стоимость памятника исчисляется въ суммѣ свыше 20,000 рублей, между тѣмъ въ распоряженіи Комитета имѣется въ настоящее время только 16,950 рублей. Въ виду того, что окончательное утвержденіе правительствомъ проекта памятника можетъ послѣдовать не ранѣе того, какъ будетъ указано, что въ распоряженіи Комитета имѣются всѣ необходимыя для этой цѣли денежныя средства, Комитетъ по сооруженію памятника В. Н. Каразину, основываясь на Высочайшемъ разрѣшеніи отъ 11 января 1875 года на открытіе повсемѣстной подписки на означенный памятникъ, считаетъ своимъ долгомъ обратиться ко всѣмъ, сохранившимъ добрыя чувства по отношенію къ Харьковскому университету и къ памяти В. Н. Каразина, съ покорнѣйшею просьбою оказать содѣйствіе своими пожертвованіями. Пожертвованія могутъ быть присылаемы ректору Императорскаго Харьковскаго университета. Отчетъ о поступившихъ пожертвованіяхъ будетъ своевременно опубликованъ.

Печальное состояніе могилы Н. В. Гоголя. Печальную картину заброшенности, въ которой находится могила великаго Гоголя, рисуетъ московскій «Курьеръ»:

«Тяжелое чувство заброшенности, полнѣйшаго пренебреженія и обидной забычивости вызываетъ могила Н. В. Гоголя въ Даниловомъ монастырѣ, говоритъ газета.

Давно-ли, кажется, чествовали память величайшаго русскаго писателя по поводу пятидесятилѣтія со дня его кончины, еще и сейчасъ съ газетныхъ столбцовъ не сходятъ замѣтки о памятникѣ творцу «Ревизора», которымъ украсится въ недалекомъ будущемъ Москва,—но о мѣстѣ, гдѣ покоится прахъ Гоголя, забыли, повидимому, окончательно.

Зигзагообразныя трещины на плитѣ, испещренной нацарапанными по глазури мрамора фамиліями какихъ-то развязныхъ Иртимовыхъ, Колиныхъ, Уткиныхъ и другихъ «почитателей», полуобвалившаяся земля вокругъ памятника, свѣсившіеся на бокъ поломанные два фарфоровыхъ вѣнка на исцарапанномъ бронзовомъ крестѣ, стершіяся слова цитатъ изъ Притчей, покрытая слоемъ грязи и пыли гранитная глыба, на верху которой вычеканены изреченія Апокалипсиса: «Ей гряди, Господи Іисусе!», обрывки обдерганнаго плюща и куча желтыхъ, опавшихъ листьевъ,—такова могила Гоголя теперь, какою я видѣлъ ее 14 сенбяря.

Лишенная ограды, совершенно запущенная, нуждающаяся въ неотложномъ реставрированіи могила геніальнаго художника слова— наглядное доказательство тому, какъ у насъ ревниво заботятся о поддержаніи дорогой для каждаго памяти».

Заботиться о содержаніи въ порядкѣ дорогой могилы, кажется, подобало бы Москвѣ.

Къ поправкѣ могилы А. П. Стороженка. Въ № 9 «Кіев. Стар.» текущаго года мы помѣстили замѣтку о печальномъ состояніи могилы малорусскаго писателя А. П. Стороженка и указали тогда, что намъ прислано въ редакцію 9 руб., какъ начало тѣхъ средствъ, на которыя могилу нужно привести въ хорошій видъ. Теперь намъ прислано еще N. S. *25 рублей* для той же цѣли, и такимъ образомъ въ редакціи имѣется пока *34 рубля*, каковой суммы, конечно, далеко не хватитъ для приведенія могилы въ надлежащій видъ.

Малорусская секція общества любителей изящныхъ искусствъ въ Екатеринодарѣ. Въ пятницу, 3 октября, въ помѣщеніи женской гимназіи состоялось собраніе членовъ малорусской секціи Екатерино-

дарскаго общества любителей изящныхъ искусствъ. Представителемъ секціи въ правленіе общества избранъ Мих. Іос. Поночевный, замѣстителемъ къ нему Пр. М. Понятенко. Въ этомъ же засѣданіи избрана особая комиссія изъ трехъ членовъ, на обязанности которой возложено устройство вечеровъ, концертовъ и спектаклей. Для болѣе правильной постановки хорового пѣнія рѣшено пригласить платнаго регента. Еженедѣльные вечера секціи рѣшено устраивать по вторникамъ.

Костомаровскій отдѣлъ библіотеки въ Кіев. университетѣ Вышелъ въ свѣтъ каталогъ библіотеки Н. И. Костомарова, пожертвованной въ 1894 г. университету св. Владиміра вдовой покойнаго историка, А. Л. Костомаровой. Н. И. Костомаровъ, какъ извѣстно, началъ свою профессорскую дѣятельность въ кіевскомъ университетѣ въ качествѣ адъюнктъ-профессора (1846—1847 гг.). Къ сожалѣнію, неблагопріятное стеченіе обстоятельствъ прекратило дальнѣйшую преподавательскую дѣятельность его на многіе годы. Только въ 1862 году Н. И. Костомаровъ возвратился къ профессурѣ, занявъ каѳедру русской исторіи въ петербургскомъ университетѣ. Въ 1863 и 1869 гг. Н. И. Костомарову предлагали занять вакантную каѳедру русской исторіи въ университетѣ св. Владиміра, но предложеніе это онъ не могъ принять, такъ какъ занятъ былъ учеными работами въ Петербургѣ. Кіевскій университетъ, высоко цѣня научныя труды Н. И. Костомарова, возвелъ его въ 1864 году въ степень доктора русской исторіи honoris causa, а въ 1884 году избралъ его въ свои почетные члены. Покойный историкъ очень любилъ Кіевъ и неоднократно посѣщалъ его. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1894 г., А. Л. Костомарова обратилась къ ректору университета св. Владиміра съ слѣдующимъ письмомъ: «Желая выразить чувства глубокаго уваженія, которыя питалъ покойный мой мужъ Н. И. Костомаровъ къ Императорскому университету св. Владиміра, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сохранить въ этомъ ученомъ учрежденіи добрую память о бывшемъ его дѣятелѣ, я предположила принести въ даръ университету библіотеку, состоящую изъ книгъ, брошюръ, географическихъ картъ и различнаго рода другихъ изданій, пріобрѣтавшихся Николаемъ Ивановичемъ въ продолженіе всей его труженической жизни въ пособіе для своихъ историческихъ работъ». При этомъ вдовой покойнаго историка выражено было желаніе, чтобы библіотека сохранялась въ цѣльномъ ея составѣ, въ особомъ отдѣлѣ, которому должно быть присвоено

наименованіе: «Библіотека Н. И. Костомарова». Цѣнный даръ А. Л. Костомаровой университетомъ принятъ былъ съ благодарностью. Собраніе книгъ установлено къ особомъ помѣщеніи библіотеки университета, въ тѣхъ же самыхъ семи шкафахъ, въ которыхъ оно сохранялось Н. И. Костомаровымъ въ теченіе двадцати лѣтъ. Въ этомъ помѣщеніи установлена доска съ надписью: «Библіотека Н. И. Костомарова», а также портретъ историка. На каждой книгѣ наклеенъ ярлычекъ съ указаніемъ, что она принадлежитъ собранію Н. И. Костомарова (ex-libris). Изданный университетомъ каталогъ библіотеки Н. И. Костомарова составляетъ систематическій перечень этого цѣннаго собранія. Книги раздѣлены на 8 отдѣловъ. Всего библіотека заключаетъ 1,425 названій книгъ и брошюръ и кромѣ того около 30 рукописей. Для лицъ, занимающихся изученіемъ русской исторіи, библіотека Н. И. Костомарова является весьма цѣннымъ пособіемъ, такъ какъ въ этомъ собраніи—достаточное число весьма важныхъ и цѣнныхъ изданій.

Несуществующее наслѣдство гетмана Дорошенка. Въ «Правит. Вѣстн.» напечатано: Въ одномъ провинціальномъ «Листкѣ» напечатано было объ открывшемся будто-бы въ Лондонѣ многомилліонномъ наслѣдствѣ послѣ гетмана Дорошенка. Основываясь на этомъ извѣстіи, многія лица, считающія себя потомками Дорошенка, обратились въ министерство иностранныхъ дѣлъ съ просьбой о разысканіи этого наслѣдства. Запрошенный министерствомъ генеральный консулъ въ Лондонѣ доноситъ, что, по наведенной оффиціальной справкѣ, въ лондонскихъ банкахъ нѣтъ никакихъ капиталовъ, оставшихся послѣ гетмана Дорошенка. Изъ этого можно заключить, что вся исторія о наслѣдствѣ Дорошенка является вымысломъ

Предстоящее празднованіе юбилея Н. В. Лисенка. Какъ мы слышали, празднованіе 35-тилѣтія музыкальной дѣятельности извѣстнаго малорусскаго композитора Н. В. Лисенка состоится въ Кіевѣ въ концѣ декабря мѣсяца текущаго года. Празднованіе предположено въ Литературно-артистическомъ обществѣ, дѣятельнымъ членомъ котораго состоитъ юбиляръ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и выразится въ устройствѣ вечера въ честь его. На другой день, какъ мы слышали, будетъ поставлена въ городскомъ театрѣ одна изъ оперъ Н. В. Лисенка

«Риздвяна ничъ». Предполагается также концертъ при учистіи юбиляра, на которомъ выступитъ любительскій хоръ, а также извѣстный у насъ въ Кіевщинѣ народный Ахматовскій хоръ подъ управленіемъ г. Демуцкаго.

Концертный вечеръ въ селѣ. 21 сентября въ с. Бесѣдкѣ, таращ. уѣзда, кіевск. г., былъ устроенъ руководителемъ учительскихъ мѣстныхъ курсовъ Кир. Григ. Стеценко литературно-вокальный вечеръ, какъ для курсистовъ-учителей, такъ и для мѣстныхъ крестьянъ...

Вечеръ этотъ представляетъ собой рѣдкій и достойный подражанія примѣръ. Имѣя въ виду печальное вымираніе пѣсни родного края, К. Г. Стеценко, близко знакомый съ дивными мелодіями Малороссіи, такъ грубо изгоняемыми циничными «солдатскими» и фабричными выкрикиваніями, заносимыми въ родной край его же сынами, въ своей рѣчи (послѣ нар. гимна) «о народной пѣснѣ, какъ элементѣ воспитанія», училъ своихъ слушателей любить и насаждать народную музыку, украинскую пѣсню... Образцы народной музыки К. Г. Стеценко далъ въ исполненныхъ въ этотъ вечеръ лучшихъ произведеніяхъ малороссійскихъ и великороссійскихъ композиторовъ-народниковъ. Пѣсни исполнены были хоромъ курсистовъ подъ управленіемъ Г. Стеценка, «чудныя мелодіи которыхъ» (со словъ «Кіевской Газ.», № 280) надолго останутся въ памяти тѣхъ, для кого былъ устроенъ этотъ вечеръ.

Литерат. отдѣленіе составлено было изъ «баекъ Глибова», стих. Шевченка «Чернець», прочитаннаго самимъ Г. Стеценко, и друг. русск стих.

Таковъ былъ вечеръ К. Г. Стеценка, о которомъ скажемъ словами «Кіевск. Газ.»: «Если принять во вниманіе, какъ близко къ народу и его жизни стоитъ сельскій учитель, то рѣдкій и чуть ли не первый починъ К. Г. Стеценка является примѣромъ, подражать которому не мѣшало бы многимъ».

Новыя находки стоянокъ первобытнаго человѣка въ Кіевѣ. На протяженіи отъ вокзала Кіевъ I до Протасова яра производятся обширныя земляныя работы по срѣзкѣ горы, причемъ земля, получающаяся при съемкѣ горы, идетъ на насыпку территоріи будущей то-

варной станціи. Въ откосахъ той части горы, которая прилегаетъ къ Протасову яру, въ теченіе сентября нынѣшняго года рабочіе находили кости мамонта, залегавшія на большой глубинѣ отъ поверхности земли. Когда о нахожденіи въ нѣдрахъ этихъ горъ костей мамонта стало извѣстно администраціи кіевскаго музея древностей и искусствъ, было подробно осмотрѣно хранителемъ музея В. В. Хвойко и археологомъ С. А. Мазараки. Ими найдено было новое небольшое пространство, занятое костями мамонта и частями дерева, обугленнаго огнемъ. Въ общемъ, несомнѣнна была наличность стоянки первобытнаго человѣка, относящаяся къ палеолитической эпохѣ. Къ сожалѣнію, произвесть систематическое изслѣдованіе стоянки невозможно было, такъ какъ она находилась на большой высотѣ, на очень крутомъ откосѣ горы, съемка которой безостановочно продолжается. Стоянка лежитъ на третичныхъ отложеніяхъ, въ толщѣ глинисто-песчаныхъ отложеній, подъ которыми залегаютъ главконитовые песчаники. Надъ толщей глинисто-песчаныхъ отложеній лежитъ валунный слой, а еще выше идутъ громадныя толщи сѣрыхъ песковъ и лесса. Отъ уровня залеганія костей мамонта до поверхности горы около 7 саж. Наряду съ костями мамонта ни костей оленя, ни остатковъ другихъ ископаемыхъ животныхъ не было найдено, что указываетъ на глубокую древность новой палеолитической находки.

М. П. Косачъ. (Некрологъ). 3-го октября скончался въ Харьковѣ, а 9-го похороненъ въ Кіевѣ привatъ-доцентъ по каѳедрѣ метеорологіи въ харьковскомъ университетѣ *Михаилъ Петровичъ Косачъ.* Молодой ученый, 34 лѣтъ, только въ 1894 г. окончилъ курсъ въ юрьевскомъ университетѣ по математическому факультету и былъ затѣмъ назначенъ ассистентомъ по каѳедрѣ физики въ этомъ-же университетѣ. Два года назадъ онъ былъ приглашенъ харьковскимъ университетомъ для чтенія лекцій по метеорологіи, а также въ ветеринарный институтъ для лекцій по физикѣ. Кромѣ того, онъ завѣдывалъ метеорологической станціей, гдѣ составилъ планъ сѣти метеорологическихъ станцій во всей губерніи. По отзывамъ спеціалистовъ, съ рѣдкимъ успѣхомъ начатая имъ ученая карьера обѣщала очень много добра для науки, а превосходныя лекторскія способности и умѣнье заинтересовать учащуюся молодежь и оказывать на нее нравственное воздѣйствіе служили гарантіей его блистательнаго успѣха въ роли профес-

сора. «Этотъ человѣкъ былъ лучшимъ нашимъ другомъ, нашимъ добрымъ, прекраснымъ товарищемъ. Онъ былъ воплощеніемъ лучшихъ свойствъ любви, доброты и искренности, былъ другомъ юношства и человѣчества»,—такъ говоритъ о немъ одинъ изъ студентовъ-слушателей его въ некрологѣ, помѣщенномъ въ «С.-Петерб. Вѣдом.», (№ 282).

Будучи уроженцемъ Малороссіи, выросшій въ семьѣ, проникнутой любовью къ своей родинѣ (мать—извѣстная писательница Олена Пчилка), покойный М. П. Косачъ, при своемъ влеченіи къ математическимъ наукамъ, въ то-же время обнаруживалъ всегда склонность и къ малорусскому писательству, видя въ немъ для себя отдохновеніе отъ спеціальныхъ занятій, а для своей родины—одну изъ главныхъ задачъ въ рѣшеніи вопросовъ о культурномъ самовыраженіи данной народности.

Карныло Устыяновычъ. *(Некрологъ).* Корнилій Устіяновичъ, извѣстный галицкій поэтъ и художникъ, скончавшійся 9 іюля (22 іюля по новому стилю) текущаго года, былъ сыномъ поэта Николая Устіяновича. Родился Корнилій Устіяновичъ въ 1839 г. въ Волковѣ (Львовскаго округа),—первоначальное и среднее образованіе получилъ въ Дрогобычскихъ, Стрыйскихъ, Бучачскихъ и Львовскихъ народныхъ школахъ и гимназіяхъ. Еще будучи ученикомъ VII класса гимназіи, онъ сознательно полюбилъ родной языкъ, побуждалъ товарищей говорить между собою по-украински и даже пробовалъ писать украинскія стихотворенія. Въ этомъ случаѣ на Устіяновича, по его собственному признанію, имѣли сильное вліяніе произведенія польскаго поэта Моргенбессера и повѣсти Чайковскаго. Къ сожалѣнію, не долго пришлось Устіяновичу пробуждать патріотизмъ среди своихъ товарищей. Въ 1858 г. онъ сильно заболѣлъ, уѣхалъ къ отцу въ Стрыйскія горы, а оттуда прямо въ Вѣну, въ академію художествъ. Во время пребыванія въ Вѣнѣ нашъ поэтъ подпалъ вліянію протоіерея при русскомъ посольствѣ Раевскаго и при его посредствѣ познакомился съ кружкомъ староруссовъ, во главѣ котораго стоялъ въ это время Адольфъ Добрянскій. Неизвѣсто, куда зашелъ бы слѣдомъ за Раевскимъ Устіяновичъ, —но къ счастью, вліянію староруссовъ нашлось, такъ сказать, противоядіе: два поляка художника, Гротеръ и Грабовскій, познакомили его съ Брониславомъ Залѣскимъ, который былъ пріятелемъ Шевченка. Разсказы о Шевченкѣ и горячее слово

украинскаго генія были тою благодатною искрою, которая освѣтила Устіяновичу его жизненный путь, показала ему его ошибки и вновь сдѣлала его украинскимъ патріотомъ. Въ 1863 г. Устіяновичъ бросаетъ Вѣну и возвращается въ Галицію, гдѣ (въ Коломіи) начинаетъ печатать свои стихотворенія и трагедію «Ярополкъ». Однако, эта трагедія не увидѣла свѣта. Какъ разъ въ это время автору ея попались подъ руки прелестные разсказы Марка Вовчка. Чудный, истинно народный языкъ этихъ произведеній такъ поразилъ Устіяновича, что онъ прямо возненавидѣлъ свои стихотворенія, написанныя макароничнымъ языкомъ alla Богданъ Дѣдицкій. И Устіяновичъ прекращаетъ дальнѣйшее печатаніе своихъ произведеній. Въ качествѣ художника Устіяновичъ не могъ жить долго на одномъ мѣстѣ. Онъ или совершалъ поѣздки по Галиціи и Буковинѣ, гдѣ разрисовалъ много церквей, или путешествовалъ за границей. Былъ онъ между прочимъ нѣсколько разъ и въ Россіи (Холмъ, Варшава, Петербургъ, Кіевъ, Кавказъ—1867 и 1872 гг.),—былъ онъ и въ Румыніи, и въ Италіи. Эти частыя поѣздки за границу и путешествія по Галиціи дали возможность Устіяновичу познакомиться съ цѣлымъ рядомъ украинскихъ дѣятелей и воочію убѣдили его, насколько дорогъ ему родной край, родная рѣчь и вообще все родное. Знакомство съ украинскими дѣятелями, съ одной стороны, и чтеніе произведеній Шевченка, Кулиша, Левицкаго-Нечуя, съ другой,—не только укрѣпили патріотизмъ Устіяновича, но и сдѣлали его активнымъ участникомъ въ борьбѣ за украинскую національную самостоятельность. Въ 1868 г. онъ дѣлается ревностнымъ членомъ общества «Просвіта»,—съ 1881 г. (по 1883 г.) редактируетъ юмористическій журналъ «Зеркало»,—въ 1883 г. принималъ самое горячее участіе въ народномъ вѣчѣ русиновъ. «Ратуймо і любім наші школи, бо виб'е остатня година і для тоі одиноі гімназіі руськоі.—говорилъ онъ,—виб'е остатня година для викладів руських на університеті руськоі землі,—виб'е остатня година, і грім посмертний заголосить по народності, котра втратила свій закон—свою душу». Рѣчь Устіяновича, по словамъ О. Огоновскаго, имѣла громадное вліяніе на все вѣче: «І загреміло громом въ цілім вічу та понеслись слова: «Ни, не умремо, не дамося! Русь жие і жити буде» [1]). Кромѣ этого, Устіяновичъ сотрудничалъ въ многихъ газетахъ (Правда,

[1]) О. Огоновській. Исторія литер. ч. II, выд. II, стр. 792.

Діло, Руслан), былъ однимъ изъ первыхъ членовъ основателей «Наук. Тов. ім. Шевченка», состоялъ членомъ многихъ другихъ обществъ и былъ извѣстенъ, какъ прекрасный ораторъ и декламаторъ.

Хотя Устіяновичъ оставилъ послѣ себя довольно большое въ количественномъ отношеніи литературное наслѣдіе,—но едва ли его произведенія дадутъ ему безсмертіе или, по крайней мѣрѣ, продолжительную извѣстность и славу. Не гремѣла слава его при жизни, не прогремѣтъ ей и послѣ смерти. Причина этого не отсутствіе таланта, не безталантность автора, а весьма странные, представляющіе мало интереса для современнаго читателя сюжеты его произведеній. Увлекаясь примѣромъ Шекспира, Устіановичъ задумалъ въ цѣломъ рядѣ историческихъ драмъ изобразить украинскую исторію. При этомъ вліяніе первоначальнаго воспитанія было такъ сильно, что его все тянуло въ самую глубину древней исторіи и миѳологіи. Забывалъ какъ то Устіяновичъ, что оживить такую глубокую древность, придать ей живость и интересъ современности, воскресить ее и увѣковѣчить могъ только такой могучій геній, какъ Шекспиръ. Устіановичъ, конечно, далеко не обладалъ талантомъ Шекспира. Вотъ почему его историческія драмы, изданныя въ 70 гг. во Львовѣ въ трехъ томахъ [1]) подъ заглавіемъ «Письма К. Н. Устіяновича», даже не пережили своего автора и теперь уже почти никого не интересуютъ.—Писалъ не мало Устіяновичъ и прозою. Изъ всего написаннаго прозою наибольшій интересъ представляютъ его автобіографія подъ заглавіемъ «М. Ѳ. Раевський і росийський панславизм» (Львовъ 1884 г.), статья «Русько-польскі взаємини въ Галичині» (Правда 1872 г.) и рядъ фельетоновъ въ «Ділі» (1888 г.) подъ общимъ заглавіемъ «Під неділю». Значительно менѣе цѣнности имѣютъ его разсказы («Сватання Бали», «Межи добрими людьми», «І не введи нас во іскушеніе»,—«І остави нам долги наша» и др.), путешествія («Кавказ»—Руслан 1902 г.) и мелкія статьи. Едва ли не самымъ цѣннымъ изъ всего, написаннаго Устіяновичемъ, представляются его небольшія лирическія стохотворенія на патріотическія темы. Эти стихотворенія, довольно красивыя и изящныя по формѣ, мягкія и нѣжныя по настроенію автора, полныя

---

[1]) Т. I. Поеми історычни: Вадим. Искоростень. (Львовъ 1875 г.);— т. II: Олегъ Святославович Оврюцький і дума Святослав Хоробрий (Львовъ 1876 г.); т. III: Ярополк I Святославович, великий князь київський, трагедія в. 6 д. (Львовъ 1876 г.).

глубокой любви къ родинѣ и родному народу (Стих. «Галичь» и «Прозрім»...), надолго сохранятъ благодарную память объ Устіяновичѣ въ украинской литературѣ.

В. Мировець.

Исидоръ Воробкевичъ. *(Некрологъ).* Въ исторіи каждой литературы встрѣчается цѣлый рядъ писателей, которые, не отличаясь выдающимся, яркимъ, оригинальнымъ талантомъ, въ то же время занимаютъ въ ней почетное мѣсто. Это въ большинствѣ или продолжатели, такъ сказать, наслѣдники какого либо выдающагося писателя, развивающіе и популяризующіе его идеи, или начинатели, піонеры новыхъ литературныхъ теченій. Къ разряду подобныхъ писателей принадлежалъ и скончавшійся 6 сентября (19 по новому стилю) Исидоръ Воробкевичъ.

Исидоръ Воробкевичъ родился 5 мая 1836 г. въ г. Черновцахъ на Буковинѣ, гдѣ отецъ его былъ профессоромъ философіи и катихетомъ въ музеѣ. Въ раннемъ дѣтствѣ на будущаго буковинскаго поэта оказали благодѣтельное вліяніе его бабушка Параскева, которая разсказывала ему поэтичныя народныя сказки и легенды и пѣла народныя пѣсни, и дядя Василій Юзарковскій, который, самъ горячо любя родной край и его многострадальную исторію, въ живыхъ, доступныхъ пониманію ребенка разсказахъ знакомилъ его съ козачествомъ и другими болѣе выдающимися фактами этой исторіи. Вотъ въ этихъ то еще дѣтскихъ, столь раннихъ вліяніяхъ нужно искать начало той любви къ родному слову и народу, которая провела Воробкевича черезъ цѣлый рядъ испытаній и сдѣлала его однимъ изъ главнѣйшихъ буковинскихъ писателей. Образованіе Воробкевичъ получилъ въ Черниговской нормальной школѣ, откуда перешелъ сначала въ гимназію, а потомъ въ духовную семинарію. Въ семинаріи сильное вліяніе на него оказалъ учитель церковно-славянскаго языка Стефанъ Носевичъ, который очень любилъ, хорошо зналъ и прекрасно исполнялъ народныя пѣсни. Носевичъ побудилъ Воробкевича обратить серьезное вниманіе на народную литературу и заняться ея изученіемъ. Результатомъ этого изученія было самостоятельное собираніе народныхъ пѣсенъ, болѣе систематическое знакомство съ тогдашней украинской литературной и первые пробы (1858 г.) писанія стиховъ и положенія ихъ на ноты. По окончаніи духовной семинаріи (1860),

Воробкевичъ (1861 г.) получаетъ священническое мѣсто сначала въ с. Давидовцѣ, а потомъ въ Русской Молдавицѣ. Выдержавши (1868 г.) при Вѣнской консерваторіи экзаменъ по гармоніи, генеральному басу и контрапункту, Воробкевичъ занимаетъ въ Черниговской духовной семинаріи мѣсто учителя пѣнія съ званіемъ и положеніемъ профессора богословія. Въ этомъ положеніи онъ пробылъ почти до самаго послѣдняго времени. Въ послѣднее время онъ сильно болѣлъ и даже не видѣлъ на одинъ глазъ.

Дѣятельность покойнаго Воробкевича была очень разнообразна. Онъ продолжительное время состоялъ редакторомъ украинскаго отдѣла въ румынской церковной газетѣ „Candela", въ которой напечаталъ много своихъ «наукъ для народа», затѣмъ выдалъ первый буковинскій Альманахъ „Руська хата", принималъ участіе въ редактированіи «Буковинско-рускихъ Мѣсяцеслововъ», гдѣ помѣщалъ много популярныхъ статей для народа, былъ членомъ многихъ культурно-просвѣтительныхъ обществъ, почетнымъ членомъ «Буковинскаго Бояна», „Руськой Бесіди„ и т. д.

Среди многочисленныхъ произведеній Воробкевича, которыя онъ подписывалъ псевдонимомъ Даныло Млака, особеннаго вниманія заслуживаютъ его мелкія лирическія стихотворенія. Въ лучшихъ изъ этихъ стихотвореній (Гуцул-сиротина, Сумні веснянки, Фата-Моргана, На чужині, Звіночок долом чути, Дика рожа у роскишах, Згадка старшини...) онъ проявляетъ несомнѣнный поэтическій талантъ. Въ лирикѣ Воробкевичъ, по словамъ І. Франка, «Является вповні» паном своеі сили, розсипае велике богацтво житєвих спостережень, осяяных тихим блиском щирого, глубоко-людського і народолюбного чуття» [1]). Въ большинствѣ этихъ стихотвореній [2]) авторъ высказываетъ горячее сочувствіе къ страданіямъ родного народа, выражаетъ пожеланіе, чтобы возможно скорѣе измѣнились тяжелыя, препятствующія его развитію и улучшенію его матеріальнаго положенія условія,—жаждетъ добыть живой воды, которая могла бы оживить мертвыя сердца его земляковъ... Гораздо ниже по своимъ достоинствамъ стоятъ многочисленныя эпическія стихотворенія Воробкевича. Сюда относятся его баллады (Кифор і Гануся, Мертвецька нічна гульня и др.)

---

[1]) Смотр. „Передмову" къ сборнику стихотвореній Воробкевича „Над Прутом".

[2]) Смотр. сборник „Над Прутом", отдѣлъ—„Чом проста Буковына".

и историческія поэмы (Мурашка, Нечай, Тимош Хмельницький, Стефан Дашкевич, Богдан Ружинський, Іван Підкова, Конашевич Сагайдачний, Гетман Наливайко, Гетман Павлюк, Казнь Івана Підкови, Богдан Хмельницький), которыя онъ писалъ въ надеждѣ разбудить патріотизмъ и вызвать національное самосознаніе въ окружавшей его, индифферентной къ интересамъ родного края, интеллигенціи. Къ сожалѣнію, всѣ эти столь многочисленныя поэмы, сюжетами которыхъ Воробкевичъ выбралъ самые драматическіе эпизоды изъ исторіи Украины, не въ состояніи были вызвать энтузіазмъ и поднять патріотизмъ среди читателей. Холодныя, не изящныя, тяжелыя—онѣ болѣе говорили уму, чѣмъ сердцу, и скоро были совсѣмъ забыты. Еще хуже были отрывки изъ большихъ поэмъ, каковы—«Клеопатра», «Неронъ», «Царь Іван Грозний». «Ниде правди діти,—пишетъ объ этихъ поэмахъ извѣстный историкъ украинской литературы О. Огоновскій,—довші його (Воробкевича) поеми заполняються часто реторичними фразами, або про заічним оповіданнем, в котрім тільки денекуди зустрічаеться поетичний опис природи або й вдатне порівнанне. Іменно в тих поемах, котрі надруковано лиш в деяких уривках, не видно того талану поетичного, котрий з'являеться в давнійших думах і балядах Млаки» [1]). Не многимъ лучше также и проза Воробкевича: четыре разсказа (Амброзій Остапкевич, Турецькі бранці, Месть Чорногорця и Хто винен) и двѣ «гуморески» (Муштрований кінь и Старий Мартин). Мало могутъ прибавить славы своему автору, наконецъ, и драматическія произведенія Воробкевича: три мелодрамы (Гнат Приблуда, Бідна Марта, Новий двірник) и четыре оперетки (Три Граціі, Золотий мопс, Молода з Босніі, Янош Іштенгази).

Какъ видимъ, среди необыкновенно многочисленно, разбросаннаго чуть ли не по всѣмъ галицкимъ и буковинскимъ періодическимъ изданіямъ [2]), до сихъ поръ еще почти не изданнаго литературнаго матеріала [3]), оставшагося послѣ покойнаго Воробкевича, мы находимъ очень не много дѣйствительно цѣнныхъ произведеній.

---

[1]) Істор. літер. рус. II, I, стр. 338.

[2]) См. Нива, Правда, Галичанин (додаток до „Слова"), Слово, Родимий листок, Бук. Альманах, Бук. мѣсяцеслов, Бук. правосл. календарь, Candela, Руська хата, Библіотека для молодіжи і инш.

[3]) До сихъ поръ выдано только два небольшихъ сборника произведеній Воробкевича: Над Прутом (1901 г.) и Флояра (1902 г.).

Однако, несмотря на это, въ Галиціи и особенно на Буковинѣ имя Воробкевича пользуется большою извѣстностью и даже популярностью. Это видно изъ того, какъ торжественно (въ 1887 г.) былъ отпразднованъ 25 лѣтній юбилей его литературной дѣятельности и какъ много народа и депутацій приняли участіе въ его торжественныхъ похоронахъ. Тайна необыкновеннаго вліянія Воробкевича и симпатій къ нему широкихъ круговъ общества объясняется, конечно, не достоинствами его литературныхъ произведеній, но тѣмъ, что онъ, вмѣстѣ съ Федьковичемъ, былъ однимъ изъ первыхъ пробудителей національнаго самосознанія среди буковинцевъ. «Тепер,—говоритъ г. Гнатюкъ,—инші вимоги ставляться до поета, а инші ставляно тоді», коли Воробкевичъ написав більшу частину своіх творів. Через те неможна його осуджувати остро, а його становище, як письменника, що належав до перших будителів національного духа і національноі ідеі, буде все красуватися на визначнім місці в памяти нашого народа» [1]).

Въ заключеніе, скажемъ еще, что покойный І. Воробкевичъ былъ однимъ изъ наиболѣе любимыхъ и популярныхъ композиторовъ въ Галиціи и Буковинѣ, не только среди украинцевъ, но даже и среди румыновъ. Ему принадлежитъ много композицій на слова Шевченка, и особенно на собственныя произведенія.

В. Мировець.

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЧИНЫ.

Выходъ русинскихъ пословъ изъ галицкаго сейма. 16-го октября въ галицкомъ сеймѣ во Львовѣ совершился крупный фактъ—выходъ русинскихъ пословъ изъ сеймового засѣданія, при чемъ они сложили одинъ за другимъ свои полномочія. Поводовъ къ такому рѣзкому поступку пословъ было много, такъ какъ въ послѣдніе мѣсяцы положеніе украинской національной партіи въ борьбѣ ея съ польской партіей обострилось цѣлымъ рядомъ инцидентовъ, доказывавшихъ, что въ сеймѣ польское большинство упорно отказываетъ русскому народу въ самыхъ насущныхъ его нуждахъ. Послѣдней каплей, переполнившей чашу терпѣнія пословъ, былъ отказъ сейма основать русскую гимназію

---

[1]) Літер. Наук. Вістн. 1903 р. № 10, стd. 50

въ Станиславовѣ. Въ виду этого, какъ говоритъ львовское «Діло», «руски послы мусилы по мужески та достойно задемонструваты протывъ такого нехтування русского народу на его власній земли» Выходъ пословъ изъ сейма, по словамъ «Діла», есть выходъ всего народа, чтобы такимъ образомъ громко поднять голосъ протеста и смѣло развернуть боевое знамя внѣ сейма. Этотъ шагъ пословъ имѣетъ и болѣе широкое значеніе, такъ какъ ими была сдѣлана проба исполнить совѣтъ парламента, выраженный устами д-ра Кербера, сказавшаго: «я радывъ бы рускому населеню Галычыны, щобы разъ твердо, лояльно й одверто, але безъ ненависти, выступыло передъ галыцькымъ сеймомъ зъ своимы бажаннямы и жалобамы». И результатъ оказался такой, какого не ожидали даже многіе изъ поляковъ: послѣ горячихъ, убѣдительныхъ рѣчей пословъ, когда поставленъ былъ вопросъ о Станиславовской гимназіи на баллотировку, за открытіе ея подали голосъ только русины и два польскихъ посла—Стояловскій и Сколишевскій. Тогда посолъ Олесницкій сказалъ приблизительно слѣдующее - «Когда, послѣ выхода русскихъ пословъ изъ сейма въ 1901 году, среди русиновъ возникъ вопросъ. вступитъ-ли эта маленькая группа пословъ опять въ сеймъ, то рѣшилъ этотъ вопросъ Народный съѣздъ, который поручилъ посламъ еще разъ, въ видѣ пробы, войти въ сеймъ, но одновременно съ этимъ далъ имъ полномочіе, въ случаѣ чего, выйти изъ сейма и обратиться къ русинскому обществу. Не смотря на нашу крайне лояльную политику, мы оказались теперь въ невозможности дальше участвовать въ сеймѣ. Сеймъ отклонилъ минимальное требованіе нашего народа, требованіе, исполненія котораго мы добиваемся уже три года и которое имѣетъ за себя много убѣдительныхъ мотивовъ, но сеймъ отклонилъ его безъ всякихъ аргументовъ, руководствуясь только однимъ мотивомъ—ненавистью къ русскому народу и усиліями уничтожить его культурное развитіе. Въ отвѣтъ на данный фактъ. который является лишъ однимъ изъ многихъ подобныхъ ему въ политикѣ сейма по дѣламъ русинскаго народа; въ отвѣтъ на то, что мы имѣемъ передъ собой и въ другихъ дѣйствіяхъ сейма доказательства стремленій, направленныхъ на политическое и экономическое обезсиленіе руского народа въ Галичинѣ; наконецъ, въ отвѣтъ на фактъ, что двухлѣтній опытъ убѣдилъ насъ достаточно въ томъ, что въ этомъ сеймѣ и въ этомъ его составѣ нѣтъ и не будетъ справедливости,—въ отвѣтъ на все это мы, члены сеймового руского клуба, ссылаясь на наше заявленіе 30 декабря 1901 г., заявляемъ, что ни наша, ни на-

рода руского честь не позволяетъ намъ дольше оставаться въ той палатѣ, гдѣ лояльная политика наша встрѣчается съ систематически обижающими насъ и народъ рускій проявленіями насилія, а потому оставляемъ этотъ сеймъ, возлагая на представителей польскаго народа въ Галичинѣ отвѣтственность за принужденіе насъ къ такому шагу передъ судомъ исторіи и всего цивилизованнаго міра, и возглашая всенародный громкій протестъ противъ того тяжелаго насилія, которое представители польскаго народа совершили сегодня надъ братскимъ народомъ рускимъ. Съ этимъ возгласомъ идемъ къ тому народу, который насъ сюда прислалъ, а все дальнѣйшее принадлежитъ уже ему самому».

Фактъ этотъ произвелъ повсюду въ Австріи, не говоря уже о Галичинѣ, большую сенсацію: газеты нѣмецкія, польскія и рускія разныхъ партій высказываютъ болѣе или менѣе откровенно свое мнѣніе о такомъ поведеніи рускихъ пословъ. Любопытно, что вѣнскій органъ «Neue freie Presse», подробно разсказавши обо всемъ происшедшемъ въ сеймѣ, очевидно склоняется къ одобренію тактики рускихъ пословъ, а—horribile dictu—«Галичанинъ» помѣстилъ статью, въ которой вполнѣ оправдываетъ польскихъ пословъ за отказъ въ учрежденіи гимназіи въ Станиславовѣ и обвиняетъ рускихъ пословъ за ихъ демонстрацію. Конечно, польскимъ газетамъ эта статья «Галичанина» пришлась на руку, т. к. онѣ, ссылаясь на нее, говорятъ, что болѣе серьезные русины сами не одобряютъ этого поведенія рускихъ пословъ. Вотъ до какихъ геркулесовыхъ столбовъ можетъ довести политика борьбы между партіями одного народа!

Насколько близко къ сердцу приняла этотъ выходъ пословъ изъ сейма лучшая часть руской интеллигенціи Львова, видно, между прочимъ, изъ того, что на другой же день (17 октября) въ залѣ «Народного Дому» собралось около 1000 человѣкъ львовскихъ русиновъ и, выслушавши рѣчи своихъ пословъ—Романчука, Могильницкаго, Барвинскаго,—устроило имъ большія оваціи, вполнѣ одобривъ ихъ поведеніе, а въ концѣ концовъ приняло единогласно предложеніе, чтобы всѣ вышедшіе изъ сейма послы выступили въ качествѣ кандидатовъ при дополнительныхъ выборахъ, и чтобы рускій народъ снова выбралъ ихъ своими представителями.

Польская печать о русскихъ депутатахъ львовскаго сейма. По всей видимости, польскіе политики до послѣдней минуты сомнѣвались относительно серьезныхъ намѣреній русскихъ депутатовъ львовскаго сейма сложить свои полномочія. Общественное польское мнѣніе, поскольку оно выражается въ печати, не знало еще, какъ отнестись къ факту, какія послѣдствія его намѣтить для ближайшаго будущаго. Станчиковскій «Czas» съ тихой грустью отмѣчаетъ въ фактѣ сецессіи русскихъ депутатовъ побѣду радикализма надъ умѣренностью, проявленіе слабости элементовъ умѣренныхъ среди русскихъ. Но газета выражаетъ свою вѣру въ то, что побѣда радикализма не окончательная. „Слѣдуетъ вѣрить и желать вмѣстѣ съ предсѣдателемъ сейма, чтобы сложившіе свои полномочія русскіе депутаты снова увидѣлись съ нами въ сеймѣ“. Эти мечтанія „Czas“а не встрѣчаютъ сочувствія въ другихъ польскихъ органахъ. „Gazeta Narodowa“ утѣшаетъ себя увѣреніями, что поведеніе русскихъ депутатовъ является отраженіемъ настроенія, господствующаго лишь въ одной части русскаго общества— среди „украйнофиловъ“. Газета язвительно подсмѣивается надъ предусмотрительностью русскихъ депутатовъ, позаботившихся о томъ, чтобы возвратиться въ сеймъ: они, будто бы, заключили между собой договоръ такого рода, что если при будущихъ выборахъ, хотя одинъ изъ нихъ будетъ забаллотированъ, то и всѣ прочіе не примутъ полномочій... „Przegląd“, желая выставить русскихъ депутатовъ въ смѣшномъ видѣ, сообщаетъ, что они дѣйствовали по приказу русскихъ студентовъ львовскаго университета, которые, будто бы, угрожали побить депутатовъ, если эти послѣдніе не исполнятъ студенческаго приказа. «Dziennik Polski» во всей исторіи обвиняетъ русскаго уніатскаго митрополита Шептицкаго. Среди этихъ отзывовъ польской печати любопытно выдѣляется голосъ соціалистическаго «Naprzód»: «Право русскихъ на тарнопольскую гимназію оказалось зависимымъ отъ «щедрости» гр. Тарновскаго и Дзѣдушицкаго, паразитовъ на тѣлѣ польскаго и русскаго народа... Русскимъ данъ хорошій урокъ на счетъ того, каково будетъ ихъ положеніе, напримѣръ, въ случаѣ выдѣленія Галиціи... Стала очевидной способность сейма къ рѣшенію важнѣйшихъ общественныхъ, политическихъ и національныхъ вопросовъ, къ разрѣшенію важнѣйшихъ вопросовъ, стоящихъ передъ этими 7 милліонами населенія, обитающаго въ этомъ несчастномъ краѣ, управляемомъ Тарновскими и Дзѣдушицкими».

Русско-польская борьба во Львовскомъ университетѣ. Національный споръ поляковъ и русскихъ въ Галиціи, какъ извѣстно, нашелъ себѣ яркое выраженіе въ протестахъ русскихъ студентовъ львовскаго университета противъ стѣсненія правъ родного языка польскою администраціею университета. Около 2-хъ лѣтъ тому назадъ, столкновеніе приняло особенно рѣзкую форму: русскіе студенты на цѣлый семестръ совершенио покинули львовскій университетъ. Теперь отношенія вновь обострились. Русскіе студенты вручили новоизбранному ректору университета ксендзу Фіялку, для передачи университетскому сенату, свой протестъ, написанный по-русски и принятый на собраніи студентовъ 26 сентября. Протестъ гласитъ слѣдующее:

1) русская университетская молодежь считаетъ выборъ кс. Фіялка ректоромъ университета вызовомъ и оскорбленіемъ, намѣренно устроенными со стороны префессоровъ противъ русской молодежи;

2) съ этой точки зрѣнія, молодежь рѣшительно протестуетъ противъ этого выбора, сдѣланнаго съ попраніемъ ея національнаго и человѣческаго достоинства и

3) требуетъ отставки новоизбраннаго ректора.

3 октября въ стѣнахъ львовскаго университета разыгралась исторія, служащая продолженіемъ протеста противъ новоизбраннаго ректора кс. Фіалка. Въ аудиторію, гдѣ Фіалекъ читалъ свою лекцію по исторіи церкви, ворвалась толпа студентовъ-русиновъ и нѣкоторыхъ посторонних университету лицъ, освистала профессора и забросала его гнилыми яйцами. Кс. Фіалекъ въ такомъ видѣ направился было въ засѣданіе галицкаго сейма, чтобы,—какъ сообщаютъ польскія газеты,—подтвердить своимъ видомъ обвиненія малорусской учащейся молодежи польскими депутатами въ крайнемъ политиканствѣ и шовинизмѣ, совершенно мѣшающихъ ей учиться (эти обвиненія, между прочимъ, выставлены были, какъ аргументъ, противъ открытія новой малорусской гимназіи въ г. Станиславовѣ). Однако, Фіалка уговорили не дѣлать этого. Университетскій сенатъ, сообщивъ обо всемъ въ Вѣну, приступилъ къ разслѣдованію дѣла и на другой же день исключилъ изъ университета 7 наиболѣе виновныхъ студентовъ.

Какъ только извѣстіе о нападеніи на ректора распространилось по университету, образовались группы молодежи, отдѣльно русинской и польской, горячо обсуждавшія случившееся. Русины иронически улыбались; поляки были страшно возмущены.

Продолженіемъ явилось объявленіе отъ польскихъ студентовъ, что они не впустятъ въ зданіе университета ни одного русина-студента, что и было исполнено ими въ тотъ-же день. Въ отвѣтъ на это русинская студенческая молодежь подала университетскому сенату заявленіе, за подписью 250 лицъ, въ которомъ выражается ихъ солидарность съ демонстрантами товарищами ректору Фіалку. Кромѣ того, они рѣшили на дѣлѣ доказать, что считаютъ львовскій университетъ своимъ, и потому въ назначенный часъ явились въ числѣ 200 человѣкъ и безпрепятственно прошли по всѣмъ корридорамъ. Въ отплату за это польская молодежь вечеромъ сдѣлала правильное нападеніе на русскую семинарію и на женскій институтъ *Василіянокъ*, а также на многія русскія учрежденія и даже на частныя квартиры, вездѣ производя шумъ и устраивая кошачій концертъ. Интересно, что во всей этой исторіи университетское начальство и польскія власти явились какъ-бы одобряющими дикія выходки польской молодежи.

Событія эти произвели большую сенсацію во всѣхъ кругахъ, польскихъ и русскихъ, и вызвали цѣлый рядъ запросовъ, заявленій и т. п. Такъ, русскіе депутаты львовскаго сейма, во главѣ съ митрополитомъ Шептицкимъ, внесли слѣдующій запросъ:

1) Извѣстно-ли правительству о бездѣятельности полиціи при происшествіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ университетѣ и въ городѣ послѣ исторіи съ кс. Фіалкомъ?

2) На чемъ основывается такое поведеніе органовъ общественной безопасности, и намѣрено-ли правительство что нибудь предпринять, чтобы научить полицію исполненію ея обязанностей?

3) Какія мѣры приметъ правительство, чтобы обезпечить спокойствіе гражданъ русской народности?

Вслѣдствіе распоряженія львовскаго уніатскаго митрополита графа Шептицкаго воспитанники львовской духовной семинаріи не посѣщаютъ университетскихъ лекцій, и это потому, что на другой день послѣ демонстраціи противъ ксендза Фіалка, они не были допущены польскими студентами въ зданіе университета, и такія со стороны польской молодежи совершенно незаконныя дѣйствія по настоящее время остались безнаказаны.

Влѣдствіе послѣднихъ событій въ львовскомъ университетѣ нѣсколько профессоровъ, а въ томъ числѣ профессоръ Колесса, временно пріостановили лекціи.

„Kurjer Lwowski“ помѣстилъ на дняхъ передовую статью, въ которой рѣзко осуждаетъ образъ дѣйствій польскихъ студентовъ львовскаго университета, не допустившихъ украинскихъ студентовъ въ зданіе университета 3 октября, послѣ произведенной ими демонстраціи противъ ректора львовскаго университета ксендза Фіалка.

Къ юбилею Н. В. Лисенка. Въ Галичинѣ идутъ приготовленія къ празднованію юбилея Н. В. Лисенка. Во Львовѣ организовался особый юбилейный комитетъ, который выработалъ проектъ празднества, а именно: 7 декабря нов. ст. днемъ состоится *академія*, т. е. засѣданіе съ рѣчами въ честь юбиляра, а вечеромъ концертъ, послѣ котораго будетъ устроенъ ужинъ; 8-го декабря предполагается представленіе дѣтской оперы юбиляра „Коза-дереза“, въ исполненіи учениць института. Такъ-какъ въ праздникѣ примутъ участіе многіе изъ пріѣзжихъ, то комитетъ выдѣлилъ изъ себя особую секцію *кватырункову*, которая должна устроить помѣщенія для пріѣзжихъ гостей. Комитетъ послалъ уже юбиляру приглашеніе пріѣхать во Львовъ на эти дни торжествъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана. *Годъ 8-й. Кіевъ, 1903 г. стр. 611.*

Новый выпускъ „Ежегодника“, какъ и предшествовавшіе ему, состоитъ изъ двухъ частей. Первая — оффиціальная часть, занимающая всего лишь 53 стран., представляетъ отчетъ о состояніи Коллегіи за время съ 1 окт. 1902 г. по 1 окт. 1903 г. Въ ней даны свѣдѣнія о личномъ составѣ заведенія, объ учащихся, ихъ занятіяхъ и т. под.; при этомъ здѣсь же перепечатаны изъ отчетовъ прежнихъ лѣтъ разнаго рода desiderata, осуществленію коихъ, повидимому, не быол никакихъ препятствій, а между тѣмъ они изъ года въ годъ лишь намѣчаются, но почему-то не вводятся въ жизнь школы. Составъ учащихся по прежнему слишкомъ малолюденъ: въ 1902 г. ихъ было 64, въ нынѣшнемъ 62 (29 стипендіатовъ и 33 своекоштныхъ), хотя составитель отчета самъ сознается, что ничто не мѣшаетъ увеличить число воспитанниковъ до 100 человѣкъ. По сословному составу учащихся Коллегія по прежнему является школой преимущественно дѣтей привилегированныхъ классовъ: изъ 62-хъ учащихся, 32—дѣти дворянъ и чиновниковъ, 9—духоваго званія, 17—городскихъ сословій и лишь 1 сельскаго сословія. Наиболѣе интересная глава отчета—о дѣятельности Правленія и Совѣта Коллегіи изложена слишкомъ ужъ кратко. Здѣсь сказано лишь, что Правленіе въ теченіе года имѣло 28 засѣданій, „предметомъ которыхъ были различные вопросы частью учебно-воспитательные, частью хозяйственные“; но какіе именно это были вопросы и какъ они рѣшались—отчетъ умалчиваетъ, а между

тѣмъ слѣдовало бы подѣлиться этимъ съ обществомъ, которое теперь особенно чутко прислушивается къ тому, что дѣлается въ школѣ, живущей не по общему шаблону; Коллегія же, по мысли ея основателя, имѣетъ право примѣнять и осуществлять тѣ новые пути, на какіе указываетъ современная педагогія. Точно также и о дѣятельности Совѣта немного сказано. Онъ имѣлъ въ теченіе года 9 засѣданій, что было вызвано тѣмъ неопредѣленнымъ положеніемъ, въ какомъ оказалась Коллегія послѣ смерти ея попечителя графа К. Н. Ламздорфа, который унаслѣдовалъ всѣ права ея основателя, но, очевидно, безъ права передачи ихъ своему наслѣднику. Какъ разрѣшенъ Совѣтомъ этотъ важный вопросъ, изъ отчета не видно. Совѣтъ продлилъ еще на 3 года аренду одного крупнаго имѣнія „на новыхъ, болѣе выгодныхъ для Коллегіи условіяхъ“, а на какихъ именно—не сказано. А это любопытно было бы знать, такъ какъ изъ данныхъ отчета видно, что хозяйственное управленіе принадлежащими Коллегіи имѣніями нельзя признать образцовымъ. Ей принадлежитъ 11,545 десятинъ, расположенныхъ въ плодороднѣйшихъ мѣстностяхъ черниг. и полт. губерніи. а между тѣмъ дохода отъ нихъ Коллегія получаетъ всего 61,647 р. (при расходѣ въ 23,381 р.), что составитъ лишь около 5 р. съ десятины. Вообще финансовое положеніе Коллегіи нельзя назвать блестящимъ. Въ теченіе отчетнаго года она получила: чистаго дохода съ имѣній 38,266 р. 37 к., съ городского имущества 430 р. 29 к., съ своекоштныхъ воспитанниковъ 27,800 р., процентовъ съ неприкосновеннаго капитала и др. доходовъ 2521 р., 12 к., а всего дохода 68,217 р. 78 к., а расходъ ея простирался до 72,140 р. 87 к., и если бы не остатокъ отъ 1901 г. въ 77,080 р. 47 к., то Коллегія имѣла бы дефицитъ. Этому нечего и удивляться, когда изъ отчета же узнаемъ‘ что содержаніе каждаго воспитанника обходится Коллегіи свыше 1000 р., сама же она получаетъ съ своекоштныхъ воспитанниковъ лишь по 750 р. Такимъ образомъ Коллегія является учебно-благотворительнымъ заведеніемъ не только для бѣдняковъ, но и для дѣтей весьма состоятельныхъ классовъ, что едва ли соотвѣтствуетъ ея первоначальному назначенію.

Часть неофифціальная „Ежегодника“ заключаетъ въ себѣ: 1) Труды преподавателей и бывшихъ воспитанниковъ Коллегіи; здѣсь, въ ряду другихъ цѣнныхъ работъ, особеннаго вниманія заслуживаютъ статьи г. Александровскаго: „Введеніе въ исторію новѣйшей русской литературы“ и г. Архимовича: „Къ вопросу объ ученическихъ образо-

вательныхъ поѣздкахъ". 2) Матеріалы для исторіи Коллегіи. Здѣсь, въ статьѣ подъ наименованіемъ: „Новыя и исправленныя свѣдѣнія о бывшихъ воспитанникахъ", можно встрѣтить такія невѣроятныя сообщенія, какъ то, напр., что одинъ воспитанникъ, окончившій курсъ Коллегіи въ 1894 г., поступилъ въ Кіев. университетъ да и понынѣ состоитъ студентомъ; и такихъ промаховъ не мало. Намъ кажется, что редакторъ «Ежегодника» значительно сберегъ бы свой трудъ и сократилъ расходъ, печатая въ этомъ отдѣлѣ лишь вновь полученныя свѣдѣнія о лицахъ, а не перепечатывая изъ года въ годъ одного и того же. Лишнею кажется намъ и перепечатка журнальныхъ отзывовъ о прежнихъ выпускахъ «Ежегодника»: отзывается рекламою, къ какой любятъ прибѣгать составители «одобренныхъ» учебниковъ.

Несомнѣнно цѣнными и интересными матеріалами нужно признать помѣщенныя въ этомъ же отдѣлѣ воспоминанія и письма, извлеченныя изъ семейнаго архива покойнаго Г. П. Галагана. Особенный интересъ представляютъ два письма Ѳ. В. Чижова, близкаго друга семьи Галагана, воспитателя его сына Павлуся, котораго Чижовъ неизмѣнно называлъ: «козакъ-душа правдыва». Письма эти такъ ярко рисуютъ благородный образъ этого гуманнаго и просвѣщеннаго человѣка и его поэтически-любовное отношеніе къ Малороссіи, что мы находимъ не лишнимъ выписать изъ нихъ особенно характерныя строки. Въ сентябрѣ 1859 г. Чижову пришлось ѣхать лошадьми въ Одессу черезъ Богополь, пограничное мѣстечко между подольскою и херсонскою губ. «Тутъ (пишетъ онъ Галагану) впервые я понялъ красоту степей украинскихъ. День былъ ясный, солнце пекло хотя и по-сентябрски, но довольно сильно. На всемъ степу я былъ одинъ-одинешенекъ; куда ни обернись - луга и нивы, нивы и могилы. Я перенесся мыслью къ тебѣ,—тутъ много, очень много поэзіи, моя душа не вынесла всей ея силы, и сначала безотчетно у меня потекли слезы, потомъ еще стало грустнѣе, когда языкъ степи вошелъ въ мое сознаніе, это высокая поэзія одиночества, не смерти, какъ въ пустыняхъ Аравійскихъ, а одиночества жизни. Все есть кругомъ тебя, что на потребу человѣка, природа щедро наградила всѣмъ: нивы тучны, луга роскошны и зелены; сама природа указала не искать товарищей, кромѣ товарища, предписаннаго ею же всякому. Тутъ, а не въ исторіи, начало образованія малороссійскаго характера. Не исторія, а природа ввела его самого въ себя; изъ этого источника природа развила всѣ его добрыя качества, которыя потомъ выразились въ исто-

ріи. Напрасно говорятъ, что малороссіянинъ хитеръ отъ природы; онъ отъ природы только заключенъ въ самомъ себѣ,—онъ скрытенъ, и за это его упрекать такъ же безразсудно, какъ и насъ за нашу непремѣнную потребность общительности». Далѣе Чижовъ разсказываетъ о своемъ знакомствѣ съ поляками: «Ты сильно не любишь поляковъ; исторически смотря, имѣешь право, если только есть право не любить. Много терпѣли и даже теперь много терпятъ отъ нихъ украинцы. Я пробылъ съ поляками 6 дней,—много, очень много нашелъ хорошаго, можетъ быть именно потому, что видѣлъ ихъ только между собою и, по неумѣнью говорить, не могъ даже навести на разговоръ сколько-нибудь общественный. Когда случай заставилъ видѣть ихъ въ столкновеніи съ страною, съ туземцами-украинцами, горько было видѣть страданіе этихъ послѣднихъ. Въ настоящую минуту оно, можетъ быть, и не велико, но обычаи, вошедшіе въ бытъ ихъ, показываютъ, что дѣло было не безъ слезъ и не безъ униженія. При мнѣ было нѣсколько свадебъ,—невѣста и женихъ приходили и не только барину, а всѣмъ присутствовавшимъ панамъ по три раза кланялись въ ноги, цѣлуя при каждомъ поклонѣ руку и *ноги*. Трудно передать, какъ тяжело это видѣть. Неужели и у васъ такъ же?»

Въ другомъ письмѣ изъ Москвы (23 апр. 1861 г.) Чижовъ пишетъ Галаганамъ: «Гдѣ вы теперь, мои милые. Я часто съ вами, даже и тогда, когда перечитываю «Основу» Никогда я такъ не смаковалъ языка, поэзіи и нѣжности малороссійскаго склада, какъ теперь. Какъ будто пелена сваливается съ глазъ, и можетъ быть ошибочно, но Малороссія является не враждебною національностью, но неразрывною частью той народности, какая всегда жила и будетъ всегда жить въ душѣ моей: Россія—цѣлый міръ, со всею полнотою организаціи,—не Францiя, не Германія, не Англія, составляющія одинъ міръ, но, если можно перенестись въ прошедшее и съ ними поставить не въ сравненіе, а въ параллель,—Италія, а теперь Европа. Петрарка—представитель той же органической Италіи, какъ и Данте, но безъ него организмъ былъ бы не полонъ. Малороссія—страна той же Петрарковщины, той же нѣжности, мягкости, сердечности славенскаго или русскаго міра. Каждое слово Малороссіи, не вычурной, а просто понятой изъ народа и его житья-бытья, есть слово моего сердца; оно ему родное, хотя и не родинное. Я не былъ бы полонъ, остался бы на половинѣ развитія, еслибъ не дошелъ до сердечнаго пониманія Малороссіи, до любви къ тому уголку, гдѣ все любимо: и небо, и при-

рода, и простота жизни; а въ то же время я былъ бы уродливъ, односторонenъ, еслибъ отдался этой народности и не черпалъ всего, и самой любви къ ней, изъ единаго для меня чистаго источника—моей родной народности» и проч. Нужно отдать справедливость Чижову: любовь и сердечное пониманіе Малороссіи были у него не на словахъ только, но и на дѣлѣ; онъ съ любовью изучилъ поэзію Шевченка и его письма испещрены цитатами изъ его стиховъ.

Очень любопытно также письмо самого Галагана, написанное подъ впечатлѣніемъ извѣстія о смерти Гоголя, а равно письмо и стихи М. А. Максимовича (уже не разъ изданные) по поводу смерти Павлуся. Любители стариннаго малороссійскаго быта съ интересомъ прочтутъ описаніе стараго дома въ одномъ изъ коллегіатскихъ имѣній, «Покорщинѣ» (козел. у. черниг. губ.), въ которомъ сохранились обои, утварь и нѣсколько изразцовыхъ печей XVIII ст. Двѣ изъ такихъ печей воспроизведены и въ фотографическихъ снимкахъ.

Вообще можно замѣтить, что этотъ отдѣлъ «Ежегодника» (письма и воспоминанія), какъ и въ предыдущихъ выпускахъ, заключаетъ въ себѣ цѣнный матеріалъ, представляющій интересъ не только для исторіи Коллегіи. Въ дальнѣйшихъ выпускахъ редакторъ обѣщаетъ печатать въ этомъ отдѣлѣ, между прочимъ, мѣстные этнографическіе матеріалы, справедливо полагая, что знакомство съ произведеніями народнаго творчества будетъ содѣйствовать воспитанію въ молодежи того чувства любви къ родинѣ, которое такъ цѣнилъ покойный основатель Коллегіи, самъ бывшій большимъ знатокомъ и любителемъ малорусской народной пѣсни и въ свое время издавшій сборникъ пѣсенъ съ напѣвами. Въ слѣдующемъ выпускѣ «Ежегодника» предположено помѣстить именно пѣсни съ мотивами. Привѣтствуя это симпатичное начинаніе, мы хотѣли бы высказать слѣдующее соображеніе. Какъ извѣстно, въ Коллегіи, по мысли ея учредителя, обращается весьма серьезное вниманіе на художественную сторону образованія; пѣніе, наприм., въ ней поставлено, какъ обязательный предметъ преподаванія, чего нѣтъ ни въ одномъ свѣтскомъ учебномъ заведеніи, музыкѣ здѣсь также охотно обучаютъ всѣхъ желающихъ; поэтому рѣдкій изъ воспитанниковъ не обладаетъ музыкальнымъ слухомъ и знаніемъ. Было бы полезнымъ воспитательнымъ средствомъ примѣненіе этихъ знаній къ непосредственному изученію народной пѣсни. Многіе воспитанники проводятъ лѣто на дачѣ, въ черн. губ., и имѣютъ возможность слышать эту пѣсню въ ея первоисточникѣ, т. е. въ устахъ народа. Остается только на-

учить ихъ различать истинно-художественные перлы отъ наносной шумихи и показать практическіе пріемы для записыванія текстовъ и мотивовъ,—и тѣ изъ нихъ, кто сколько-нибудь обладаетъ музыкальнымъ чутьемъ, легко могутъ полюбить это занятіе. Въ великорусскихъ губерніяхъ теперь разъѣзжаютъ особыя пѣсенныя экспедиціи, но для изученія малорусской пѣсни покамѣстъ этого не дѣлается. Почему бы къ этому прекрасному занятію не пріучать учащуюся малодежь? О воспитательномъ вліяніи такого художественнаго общенія съ народомъ нѣтъ нужды распространяться.

Запорожская рукопись о кладахъ. *Кіевъ, 1903, I—XI+63, in мал. 8⁰. Цѣна 1 рубль.*

Рукописи—запорожскія, гайдамацкія,—содержащія указанія мѣстонахожденій зарытыхъ гайдамаками во время оно кладовъ,—вещь не рѣдкая: онѣ и понынѣ циркулируютъ какъ таинственные «планы», по которымъ немедленно можно будто бы разыскать зарытыя въ давнее время сокровища, среди населенія юга Россіи, въ особенности въ губерніи херсонской. Разумѣется, для науки особой цѣнности онѣ не представляютъ, и потому въ печати попадаются лишь изрѣдка (напр. въ Зап. Имп. Одесск. Общ. Истор. и Древн., т. XXII; въ книгѣ В. Гошкевича. Клады древности въ херсонской губ., Херс. 1903, стр. 62). Но помимо изданія подобныхъ рукописей съ цѣлью научной возможна еще и цѣль иная—далеко, впрочемъ, съ точки зрѣнія общественной этики непохвальная,—разсчетъ на невѣжество народа, который, молъ, провѣдавъ о существованіи «печатнаго плана зарытыхъ кладовъ (въ существованіи котораго онъ глубоко убѣжденъ), не пожалѣетъ, конечно, и трудового рубля за брошюрку въ 60 страничекъ, которой вся цѣна-то гривенникъ... Такую цѣль, очевидно, имѣлъ въ виду и нашъ анонимный авторъ, выпуская въ свѣтъ лежащую передъ нами «Запорожскую рукопись о кладахъ».

Итакъ, предъ нами нѣкій анонимный писатель, въ нѣкоторомъ родѣ любитель украинской исторіи, не пожелавшій по пустякамъ трепать свое имя, но рѣшившій пожинать... если не лавры, то рубли. Будучи человѣкомъ поразительной скромности, онъ не распространяется много о томъ, что за рукопись онъ издаетъ, и откуда она къ нему попала—онъ ограничи-

вается лишь замѣчаніемъ (предисл. стр. X—XI), что она написана «однимъ изъ бывшихъ запорожцевъ между 1802 и 1806 годами»; что авторъ рукописи, «живя въ землѣ войска запорожскаго, надо полагать, много разговаривалъ съ уцѣлѣвшими гайдамаками...; слушая ихъ разсказы о скрытыхъ въ землѣ кладахъ, онъ все это тщательно записывалъ. Въ результатѣ получилась рукопись, которая теперь издается въ свѣтъ. *Въ Кіевъ эта рукопись попала совершенно случайно»*.

Все это очень хорошо, но весьма худо слѣдующее: что авторъ, безъ сомнѣнія *не случайно*, забылъ упомянуть въ своей брошюрѣ о томъ, что никакой запорожской рукописи никогда онъ и не видѣлъ (по крайней мѣрѣ той, которую онъ будто бы перепечатываетъ), а самымъ непринужденнымъ образомъ воспользовался изданной еще въ 1857 году въ Кіевѣ, нынѣ довольно рѣдкой. брошюрой Николая Сементовскаго «Запорожская Рукопись, указывающая. въ коихъ именно мѣстахъ и какіе сокрыты клады гайдамаками и мѣстными жителями» (Кіевъ, 1857, I—XX+I—16), и ничтоже сумняся всю цѣликомъ и переиздалъ ее, да при томъ такъ рабски, что слѣдовало бы выдать премію тому, кто укажетъ хоть малѣйшую разницу между новѣйшимъ изданіемъ г. анонима и Н. Сементовскаго: тотъ же способъ изданія—съ соблюденіемъ въ точности характера оригинала, что крайне затрудняетъ чтеніе (сліяніе словъ, орѳографическія неправильности и т. п.), тѣ же слово въ слово замѣчанія, какія счелъ нужнымъ сдѣлать при печатаніи рукописи Н. Сементовскій, въ родѣ: «за симъ слѣдуетъ нѣсколько приписокъ, не относящихся къ настоящему предмету» (стр. 9), что, конечно, въ рукописи трудно было бы встрѣтить, или «писецъ рукописи не зналъ грамматики (между прочимъ громатики!) и не заботился о правописаніи; въ иныхъ мѣстахъ рукописи онъ ставитъ ъ, ь, и отдѣляетъ предлоги, а въ иныхъ вовсе не наблюдаетъ этого. Несмотря на такія грубыя неправильности, рукопись печатается безъ малѣйшаго измѣненія» (стр. 60). Это говоритъ на стр. 56 Н. Сементовскій, а слѣдовательно за нимъ и нашъ г. анонимъ.

Что касается предисловія, то, оно написано вполнѣ дѣльно (не ручаемся, конечно, что не по заказу г. анонима на сторонѣ!) и вполнѣ оригинально (т. е. ни откуда цѣликомъ не заимствовано), но послѣднія двѣ страницы снова свидѣтельствуютъ объ отсутствіи у г. анонима понятій о чужой литературной собственности, о томъ, что

такое плагіатъ: что авторъ рукописи жилъ въ Запорожьѣ и разговаривалъ съ уцѣлѣвшими гайдамаками—слово въ слово говорится у Сементовскаго (предисл. стр. XVII); и далѣе: «и слушая, не довѣрялъ своей памяти, но тщательно записывалъ» (ibid), а у г. анонима «слушая ихъ разсказы о скрытыхъ въ землѣ кладахъ, онъ все это тщательно записывалъ». Лишь въ заключительныхъ словахъ предисловія онъ проявляетъ самостоятельность, но опять таки далеко не говорящую въ его пользу: Н. Сементовскій, заканчивая свое предисловіе, говоритъ слѣдующее: «въ заключеніе остается сказать, что если изданіе запорожской рукописи не послужитъ къ прямому открытію указанныхъ въ ней кладовъ, то рукопись эта сама по себѣ составитъ весьма любопытный и замѣчательный рукописный источникъ для этнографіи украинскаго народа и полезный для поясненія, въ нѣкоторомъ отношеніи, событій минувшаго столѣтія, происшедшихъ по преимуществу въ западной Украинѣ» (предисл. стр. XIX). Такъ понималъ значеніе печатаемой рукописи человѣкъ, смотрѣвшій на нее, какъ на источникъ историко-литературный. У г. же анонима своя точка зрѣнія, о которой уже мы раньше упоминали: для него она источникъ наживы, заработка на счетъ кармановъ бѣдныхъ простецовъ: «тѣмъ не менѣе (говоритъ онъ), несмотря на легендарность этихъ разсказовъ (повѣрій о папороти, огонькахъ, вспыхивающихъ на кладахъ) и значительное количество *уже найденныхъ кладовъ* (кѣмъ? когда? какъ?—объ этомъ излишне говорить!), не подлежитъ никакому сомнѣнію, что еще очень много золота и серебра продолжаетъ храниться въ землѣ» (предисл. стр. XI). Какъ это наивно и... двусмысленно! Ищи, молъ, и обрящеши,—вынь лишь изъ кармана да положь за книжку рубликъ!

Между тѣмъ эта самая «запорожская рукопись», если не является столь «любопытнымъ и замѣчательнымъ рукописнымъ источникомъ для этнографіи украинскаго народа и т. п.», какъ думалъ это Н. Сементовскій, то все же заключаетъ въ себѣ кое-какія мелочи историческаго характера, которыя имѣютъ извѣстную цѣну и которыя не безполезно отмѣтить на страницахъ историческаго журнала. Такъ, напр., читаемъ: «Просто Канева *на островѣ* 2 березы... то мижъ тими березамы сховано барило денегъ»; но въ рукописи эта запись перечеркнута и на сторонѣ, въ двухъ мѣстахъ, надписи: «снесло островъ», «нема того уже острова» (стр. 35 анонимнаго изданія); «За Сахновкою черезъ Рось гута» (стр. 46), «Ниже Крилова по Днѣпру

просто Уховки била Поланка городовъ» (стр. 14) «у Лисянщинѣ лѣсъ Добридень (стр. 12), за Шпагою у Капустинѣ еще у гайдамащину былъ атаманомъ и по гайдамащинѣ годовъ и съ 4, у того человѣка пасѣка на поляхъ» и т. д (стр. 57), «у Каневѣ у дворцѣ, де Базиліяне ченцѣ живуть» (стр. 62) и тамъ же въ Каневѣ «у церкви *мурованой* тотъ полночи у стѣнѣ цеглину виняли» (стр. 62); „у Корсунѣ стояла церковь коло замку“ (стр. 58) и т. п. Совершенно непонятно, почему въ запись о кладахъ (стр. 8) попала такая вставка: „Туреянскому церковному сторожу сказано Вознесенскому, що онъ бивъ у году 1800 бурсака“; почему сіе важно—трудно отгадать. Встрѣчаются указанія на источники записей, напр. «сіе сказуетъ дякъ, у Кагорлицкой Слободѣ онъ живетъ, прошлаго года 1798, какъ я ишелъ с Кіева» (стр. 16), «о семъ записалъ у попа Лубенского, тое село коло Матренина монастыря. Лубенцѣ» (стр. 9), «Сіе сказуетъ у Костянцѣ Василій Кравецъ Гавріленко» (стр. 24) или «Дузѣненко городской житель Андрей, ему сказано заграницею точно» (стр. 39) или „деревенковской чередникъ, которой орандарской и тотъ съ 1799 года деревенковскимъ“ (стр. 40), „у Лубенцяхъ священникъ, тотъ былъ у Кальміусѣ... и у сего отца есть записка на тую примѣту (стр. 43) и друг. Наконецъ, нѣтъ недостатка и въ извѣстіяхъ о желѣзныхъ цѣпяхъ, „ланцюгахъ“, которыя и по настоящее время отъ поры до времени смущаютъ народъ, глубоко убѣжденный въ томъ, что стоитъ лишь найти такой „ланцюгъ“, и онъ приведетъ къ спрятанному гайдамаками кладу: «у Субботовѣ... озеро; отъ озера копай, найдешъ ланцюгъ, от боку ступеней на 5 до озера, укопанъ у землю глибоко у поясъ» (стр. 43); «коло Млѣева... от криници к болоту у грязѣ закопано ланцугъ, упростяжь до човна ратищъ 3 отмѣрь и шпиляй» (стр. 44) [1].

Вотъ и все, что можно извлечь, какъ наиболѣе цѣнное, изъ «запорожской рукописи о кладахъ»; но для этого, конечно, не стоило бы ее спеціально издавать...

В. Доманицкій.

25/х Дубровникъ (Далмація). 1903 г.

---

[1]) Аналогическія извѣстія см. у В. Гошкевича. Клады и древности херсонской губ., стр. 20 и 26. То же намъ неоднократно приходилось слышать въ уманск. у. кіевск. губ., въ селахъ по нижнему теченію Горскаго Тикича.

Новый альбомъ—„Малюнкы художника П. Д. Мартыновича до Энеиды Котляревського. *Выдання Полтавськои городськои думы. 30 серпня, року 1903»*.

Ко дню торжествъ по поводу открытія памятника И. П. Котляревскому въ Полтавѣ мѣстные художники почтили своего перваго знаменитаго писателя, кромѣ всего прочаго, художественной выставкой въ его честь и память. Такъ какъ успѣхъ этой, преимущественно украинской, выставки превзошелъ ихъ ожиданія, то рѣшено разъ организовавшееся «товариство» украинскихъ художниковъ и впредь сохранить, дѣлая ежегодныя выставки какъ въ Полтавѣ, такъ и въ другихъ городахъ юга и даже въ Галиціи. На этой выставкѣ обращали на себя вниманіе, между другими работами, превосходные рисунки, преимущественно свинцовымъ карандашемъ, художника П. Д. Мартиновича, а между ними 13 небольшихъ рисунковъ—иллюстрацій къ Энеидѣ Котляревскаго. Это тѣ самые рисунки, которые Полтавская городская дума рѣшила издать отдѣльнымъ альбомомъ. Къ сожалѣнію, альбомъ своимъ выходомъ нѣсколько запоздалъ. Торжества прошли, масса пріѣхавшихъ гостей разъѣхалась, и потому альбомъ, вмѣсто того чтобы быть распроданнымъ тутъ же, можетъ теперь лечь надолго. Вина въ опозданіи—какія то «независящія обстоятельства», задержавшія выходъ въ свѣтъ готоваго къ назначенному сроку альбома. Упомянутые 13 рисунковъ -- плоды творческой фантазіи молодого ученика головного класса Академіи художествъ, въ 1874 году принявшагося съ юношескимъ увлеченіемъ за первый опытъ иллюстрированія любимаго автора. Случилось однакожъ такъ, что къ молодому ученику Академіи подкралась нужда и ему пришлось думать болѣе о насущномъ хлѣбѣ, чѣмъ отдаватъ свои досуги любимому дѣлу; за симъ тяжкая болѣзнь на цѣлыхъ 20 лѣтъ оторвала его отъ художественныхъ занятій,—такъ Энеида и осталась неоконченной; но хорошо и то, что сдѣлано: при первомъ взглядѣ на начальные рисунки альбома, вы видите и рѣшаете, что это работа начинающаго, неувѣреннаго еще въ своихъ силахъ художника, но къ удивленію это впечатлѣніе скоро исчезаетъ, и вы замѣчаете, что иллюстраціи съ каждымъ новымъ номеромъ становятся все лучше и интереснѣе, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ г. Мартиновичъ буквально поднялся до самого Котляревскаго. Предоставляю судить читателю, какую бы мы имѣли иллюстрированную Энеиду, если бы не то несчастіе, которое постигло нашего автора. Во

время торжествъ, на музыкальномъ утрѣ, устроенномъ въ просвѣтительномъ зданіи, когда показывали эти рисунки посредствомъ волшебнаго фонаря на большомъ экранѣ, публика пришла въ восторгъ отъ нѣкоторыхъ сценъ и устроила П. Д. заслуженную овацію. Я часто слышу благодарность по адресу городской думы за то, что, выдавъ этотъ альбомъ, она сдѣлала всѣмъ доступными рисунки П. Д., лежавшіе подспудомъ ровно тридцать лѣтъ.

Нельзя однакоже умолчать какъ о неудачномъ выборѣ способа воспроизведенія, такъ и о форматѣ альбома. Фототипія—одинъ изъ самыхъ мертвыхъ способовъ воспроизведенія художественныхъ работъ и особенно рисунковъ на бумагѣ, имѣющихъ бѣлые фоны; всегда какой то туманъ, какая то муть зализываетъ весь рисунокъ—поэтому онъ является вялымъ и однотоннымъ, а при сравненіи съ оригиналомъ не хочется вѣрить, что зто копія съ оригинала. Преслѣдуя свои спеціальныя цѣли, фототипія сдѣлала нѣкоторые рисунки наоборотъ, и потому странное впечатлѣніе производятъ всѣ эти лѣвши. Обыкновенная цинкографія, черезъ сѣтку допускающая самыя тщательныя художественныя исправленія, сообразно оригиналу, была бы въ этомъ случаѣ гораздо лучше и практичнѣе, ибо кромѣ отсутствія мути, возможности обвести рисунокъ какой угодно рамкой или каемкой, у думы остались бы самыя клише, которыя или могли быть проданы, или остались бы для дальнѣйшихъ изданій Энеиды. Разумѣется какъ самыя клише, такъ и печатаніе рисунковъ слѣдовало заказать не въ Москвѣ, а за границей, потому что, кромѣ превосходнаго выполненія заказа, онъ и стоилъ бы гораздо дешевле. Форматъ, избранный для альбома также неудаченъ— онъ почти квадратный, вслѣдствіе этого получается чрезвычайно досадное отсутствіе верхнихъ полей надъ рисункомъ, точно бы они обрѣзаны для чего то. Оставляя подобный форматъ, надо было, по крайней мѣрѣ, хоть на полвершка понизить какъ самый текстъ, такъ и рисунокъ; этотъ пріемъ отчасти замаскировалъ бы первоначальную ошибку. Окончимъ пожеланіемъ, чтобы слѣдующее изданіе было лучше обставлено со стороны внѣшности и изящества. Что касается другихъ рисунковъ П. Д. Мартиновича, которыми такъ любовались посѣтители выставки, и притомъ рисунковъ не юношескаго періода, а періода сложившагося, типичнаго художника, то большинство изъ нихъ можно будетъ видѣть въ превосходныхъ снимкахъ всероссійски извѣстнаго полтавскаго художника-фотографа г. Хмелевскаго. Дѣло въ томъ, что товарищество украинскихъ художниковъ, на память о своей первой

выставкѣ въ честь Котляревскаго издаетъ альбомъ наиболѣе типичныхъ картинъ и рисунковъ этнографическаго и историческаго характера; въ этомъ альбомѣ, числомъ до 50 снимковъ, и можно будетъ увидѣть, среди работъ другихъ художниковъ, и остальные рисунки и картины П. Д. Мартиновича.

А. Сластіоновъ.

„Лира и іи мотивы. Зибравъ въ Кыйивщыни П. Демуцькый. *Кыйивъ, 1903, стр. 1—58 (зъ нотамы). Ц. 1 карб. 25 коп.*

Въ послѣднее время замѣтно пробудился въ обществѣ интересъ къ народнымъ пѣвцамъ, хранителямъ старины, кобзарямъ и лирникамъ: появляются въ провинціальныхъ (южныхъ исключительно) газетахъ и въ литературно-научныхъ періодическихъ изданіяхъ («Кіевская Старина», «Этнографическое Обозрѣніе», «Черниговскій земскій Сборникъ“) цѣнные матеріалы и спеціальныя статьи, посвященныя быту кобзарей и лирниковъ, обращено вниманіе на послѣднихъ (послѣ XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ) высшихъ властей, которыя, съ своей стороны, предписываютъ оффиціальнымъ лицамъ собрать на мѣстахъ о кобзаряхъ и лирникахъ свѣдѣнія, и свѣдѣнія эти, безъ сомнѣнія, явятся цѣннымъ вкладомъ въ литературу о нашихъ народныхъ бардахъ и баянахъ. Спеціально по отношенію къ кіевской губерніи такой матеріалъ уже собранъ, и, надо думать, въ непродолжительномъ времени будетъ опубликованъ; свѣдѣнія собраны приблизительно о 300 лирникахъ и 2 кобзаряхъ, цифра, совершенно неожиданная для тѣхъ, кто придерживается обычнаго въ обществѣ мнѣнія о кобзарствѣ и лирничествѣ, какъ явленіяхъ, если не исчезнувшихъ окончательно, то клонящихся къ постепенному упадку и исчезновенію.

Но до сихъ поръ ни одинъ изъ изслѣдователей, писавшихъ о лирникахъ, не касался музыкальной стороны ихъ репертуара въ болѣе широкомъ смыслѣ—не далъ намъ записей музыкальныхъ лирницкахъ мотивовъ. Въ настоящій моментъ пробѣлъ этотъ восполненъ знатокомъ народной музыки, извѣстнымъ организаторомъ крестьянскаго хора въ Охматовѣ, уманск. у., собравшимъ въ кіевской губерніи (преимущественно въ уѣздѣ таращанскомъ) и положившимъ на ноты 52 №№ лирницкихъ псальмъ и кантовъ, составляющихъ обычный, болѣе или менѣе, репертуаръ кіевскихъ лирниковъ вообще. Къ каждому № прило-

женъ и текстъ. Но главный интересъ представляютъ не тексты, а мотивы, весьма любопытные съ точки зрѣнія ихъ склада и развитія на извѣстной основѣ. Помимо мотивовъ совершенно церковныхъ, частью заимствованныхъ вмѣстѣ съ текстомъ изъ Богогласника (напр. въ репетуарѣ лирника с. Янышевки Рыдька Слюсаря), частью—неизвѣстнаго происхожденія, доведенныхъ до высшей степени совершенства по мелодичности и типичности, какъ напр., псальмы № 29 и 36 (Варварѣ и Григорію), № 50 (Лазаръ), № 5 (Хрысту на Крести), № 7 (Адмаъ и Ева), № 10 (Іисусу), весьма оригинальный кантъ № 22 (Николаю Большому), № 33 (Онуфрію),—имѣется цѣлый рядъ мотивовъ псальмъ, взятыхъ инстинктивно безсознательно изъ народныхъ украинскихъ пѣсенъ и приспособленныхъ къ совершенно, повидимому, несоотвѣтствующему данному мотиву или конгломерату мотивовъ текста. Такъ напр., псальма № 3 (Распятому Хрысту) заключаетъ въ своемъ мотивѣ между прочимъ отголоски мотива новѣйшей пѣсни; или точнѣе припѣва ея: «Лучче жъ було не ходыть, лучче жъ було не любыть»... № 27 (Варвари)—«Ой наступае та чорная хмара», кантъ № 25 (Ивану Богослову),—«По улицѣ мостовой» и украинской свадебной; на народныхъ мелодіяхъ построены и мотивы псальмъ: № 2 (Роспынанне Хрыста), № 32 (Парасковеи), № 41 (Архангелу Гавріилу) и бытовой (юморист.) пѣсни (два варіанта) № 52 (Бида). Такое, повидимому, странное явленіе, какъ сочетаніе серьезнаго, «божественнаго» текста съ веселой, въ большинствѣ случаевъ, мелодіей отмѣчено и г. Демуцкимъ въ его интересномъ предисловіи къ нотамъ и текстамъ (I - VI). «Цикаво то,—говоритъ онъ,—що канты, построяни переважно «на весело», дуже блызьки до церковнои музыкы; а псальмы—бильше «на жалобъ», и переходять въ народни письни" (стр. VI). Есть одинъ кантъ—коляда № 24 (Николаю), точное воспроизведеніе колядки «Нова рада стала"; Наконецъ, кантъ № 9 („Монашеськый") поражаетъ своей негармоничностью—цѣлая серія диссонансовъ!

Такимъ образомъ сравнительно небольшой матеріалъ, собранный г. Демуцкимъ и тщательно имъ изданный по сравнительно недорогой цѣнѣ (1 р. 25 к.), проливаетъ свѣтъ на происхожденіе и составъ лирницкихъ мотивовъ, во многихъ случаяхъ чрезвычайно оригинальныхъ, самобытныхъ и художественныхъ, исполненіе которыхъ, напр., на фисгармоніи можетъ доставить слушателю истинное наслажденіе, давая возможность достигнуть почти полной иллюзіи: забываешь, что воспринимаемые слухомъ звуки исходятъ не изъ лиры. Безъ сомнѣнія, глав-

нѣйшая въ послѣднемъ случаѣ заслуга приходится на долю г. Демуцкаго, сумѣвшаго такъ искусно передать мотивы, хотя онъ самъ все же сознается еще, что неуловимыхъ мелизмовъ («перегры»), которыми лирникъ украшаетъ свой мотивъ, онъ не въ состояніи былъ записать.

В. Д.

---

1) Хлопець та море.--Лыстоноша.--Розумный коваль. Оповидання, *Одесса, 1903, 1—32, in 16°. Цина 3 коп. (Выдання О. Л. С.).*

2) И Пухальскій. Катерына, драма въ 3-хъ діяхъ и 5 картынахъ. *Перероблено съ (!) «Катерыны» Т. Г. Шевченко (а?). Полтава, 1903, 1—50+4 стр. нотъ, in 16° (Цѣна не обозначена).*

Первая брошюра относится къ разряду тѣхъ общеполезныхъ популярныхъ изданій, которыя издавались Б. Гринченкомъ въ Черниговѣ и нынѣ издаются въ Кіевѣ и «Благотворительнымъ Обществомъ изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ» въ Петербургѣ. Цѣнность ея тѣмъ большая, что по содержанію своему она примыкаетъ къ числу не такъ еще многочисленныхъ у насъ популярно-научныхъ народныхъ книжекъ, въ литературной (повѣствовательной) формѣ излагающихъ тѣ или иныя полезныя свѣдѣнія. Въ данной брошюрѣ помѣщены три разсказа: первый («Хлопець та море) знакомитъ съ жизнью голландцевъ, ведущихъ искони борьбу съ моремъ,—въ частности же въ немъ говорится о геройскомъ поступкѣ 8-лѣтняго мальчика Роберта, спасшаго страну отъ потопа: «його дытяча рука не пустыла моря и зарятувала ридный край одъ загыну» (стр. 12); во второмъ («Лыстоноша») выведена другая героиня—французская дѣвушка Марія Біаръ, отважившаяся во время франко-нѣмецкой войны доставлять корреспонденцію въ Руанъ, подвергаясь неоднократно опасностямъ со стороны непріятеля, не жалѣя своей жизни на пользу родному краю, и наконецъ въ третьемъ («Розумный коваль») изображенъ хотя не герой, но выдающійся труженикъ, шотландецъ Джемсъ Несмитъ, изобрѣвшій между прочимъ паровой молотъ.

Всѣ три разсказа, хотя и моралистическіе по характеру (въ первыхъ двухъ основная идея—необходимость служенія родному краю до самопожертвованія, а въ третьемъ—служеніе общественному долгу),

но написаны живо, занимательно, хорошимъ легкимъ языкомъ [1]) и безъ сомнѣнія будутъ съ интересомъ прочтены молодымъ читателемъ. Цѣна брошюрки крайне умѣренная. Изданіе съ внѣшней стороны безупречное.

Далеко не такое впечатлѣніе производитъ брошюра г. Пухальскаго «Катерына». Всѣмъ извѣстно, что передѣлать литературное произведеніе классическаго писателя въ драматическую пьесу—слишкомъ тяжелая вещь и для писателя, не обладающаго крупнымъ, незауряднымъ талантомъ, совершенно безнадежная. Этимъ объясняется то, что почти всѣ передѣлки литературныхъ произведеній Шевченка, Квитки-Основьяненка (Панъ Халявскій), Гоголя и т. д., за весьма рѣдкими исключеніями, совершенно не имѣютъ успѣха на сценѣ. И «Катерина» Шевченка не впервые подвергается уже приспособленію къ сценѣ (извѣстна между прочимъ оперетта, съ музыкой Н. Аркаса [2]), но также не особенно неудачно, что слѣдуетъ сказать и о новѣйшей пробѣ г. Пухальскаго. Тѣ мѣста, гдѣ авторъ пользуется готовымъ матеріаломъ, т. е. текстомъ самого Шевченка, напр.—сцена ухода изъ дому, встрѣча съ солдатами и Иваномъ, лишь перефразируя его или оставляя даже въ неприкосновенности,—понятно, наиболѣе удачны; еще довольно правдоподобны сцены встрѣчи Ивана съ Катериной въ 1 дѣйствіи, такъ какъ и здѣсь автору лишь приходилось развивать мотивъ, начерченный вкратцѣ Шевченкомъ; но зато остальныя сцены и добавочныя дѣйствующія лица, какъ-то: парубокъ Гнатъ, влюбленный въ Катерину, длинноязыкія сплетницы—молодицы Олена и Текля, совершенно излишняя Параныка «дивка вже не молода й дуже цикава»,—разговоры ихъ и дѣйствія наводятъ на читателя (и очевидно и зрителя) лишь скуку и ничуть не придаютъ ходу пьесы живости и интереса.

Языкъ пьесы довольно чистый, простой—въ этомъ отношеніи нельзя упрекнуть автора. Добрыя намѣренія послѣдняго по отношенію

---

[1]) За исключеніемъ „*пособы* ни видкиль немае" (стр. 10) и „дило *важлыве*" (стр. 17). Затѣмъ не лишнимъ бы было пояснить термины: *геометрія* (стр. 27) *химія* (28), какъ это сдѣлано по отношенію къ терминамъ *механикъ* (стр. 26) и *астрономія* (стр. 32).

[2]) О другихъ передѣлкахъ произведеній Шевченка самыя подробныя свѣдѣнія можно найти въ недавно вышедшей въ Одессѣ книгѣ М. Комаря: „Шевченко въ литературѣ и искусствѣ. 1903".

къ издаваемой имъ пьесѣ и ея внѣшности явствуютъ изъ приложенныхъ въ концѣ брошюры «помылокъ», гдѣ ихъ отмѣчено всего 9, но на самомъ дѣлѣ ихъ многое множество, въ которыхъ винить слѣдуетъ столько же автора, сколько и наборщиковъ («на себѣ», «для тебѣ» и т. п.). Къ пьесѣ приложены ноты 8 пѣсенъ, встрѣчающихся въ пьесѣ. Въ общемъ пьеса, хотя и не обладаетъ художественными достоинствами, но во всякомъ случаѣ не зловредная, и можетъ занимать въ нашемъ пестромъ драматическомъ репертуарѣ не послѣднее мѣсто, стоя много выше всевозможныхъ «Помстъ или загубленыхъ доль» и т. п. драматическаго мусора.

В. Д.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящей книжки разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русск. Арх. № 10; 2) Русская Старина, № 10; 3) Историч. Вѣстникъ, № 10; 4) Всеміpный Вѣстн. № 8; 5) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 10; 6) Вѣстн. Европы, № 10; 7) Русская Мысль, № 10; 8) Русск. Богат., № 9; 9) Рус. Вѣстн. № 10; 10) Міръ Божій, № 10; 11) Варшав. Унив. Изв. № 5; 12) Учен. Зап. Импер. Казан. Унив. № 9 и 10.

Русская Старина № 10.

Участіе Екатерины II въ семейномъ дѣлѣ графа К. Г. Разумовскаго (стр. 65—68). Здѣсь напечатано три документа, касающіеся любимой дочери фельдмаршала К. Г. Разумовскаго, Елизаветы, фрейлины двора, убѣжавшей съ графомъ П. Ѳ. Апраксинымъ.

П. А. Матвѣевъ. «Батуринскій переворотъ 13 марта 1672 г. Дѣло гетмана Демьяна Многогрѣшнаго» (стр. 131—146). Въ напечатанной здѣсь 4-ой главѣ (начало помѣщено въ сентябрьской книжкѣ) разсказывается о странномъ поведеніи гетмана Многогрѣшнаго въ его отношеніяхъ съ московскимъ правительствомъ и въ то же время съ Дорошенкомъ, что закончилось рѣзкой рѣчью гетмана посланцу московскаго царя Танѣеву 7-го марта, а затѣмъ низложеніемъ гетмана 13 марта 1672 г.

Цензура въ царствованіе импер. Николая I. Въ этой главѣ (16-ой) есть коротенькое извѣстіе о томъ, что въ 1851 г. кіевскимъ генералъ-губернаторомъ возбужденъ былъ вопросъ о томъ, имѣла ли

право цензура одобрить къ печати карту Малороссійскаго края, изданную штабсъ-капитаномъ Туржанскимъ. Сомнѣніе явилось вслѣдствіе названія *малороссійскій край*, но министръ народн. просв: князь Ширинскій-Шихматовъ нашелъ возможнымъ дозволить выпускъ въ свѣтъ этой карты съ указаннымъ заглавіемъ (стр. 169).

Кости еврея, какъ предохраненіе отъ падежа скота. Это —маленькій рапортъ волынско-житомірскаго епископа Даніила въ Синодъ о томъ, что въ 1809 году въ с. Оржевѣ нѣсколько человѣкъ мѣстныхъ жителей вырыли на еврейскомъ кладбищѣ м. Деражна кости мертваго еврея и держали ихъ въ своихъ хлѣвахъ «ради прекращенія возникшаго скотскаго падежа» (стр. 204).

Историческій Вѣстникъ, № 10.

А. И. Фирсовъ. Городъ Черниговъ и его святыни (стр. 211—223). Въ напечатанной здѣсь первой части статьи ничего новаго нѣтъ: описаніе города и храмовъ въ немъ краткое и очень шаблонное.

Въ отдѣлѣ «*Критика и библіографія*» помѣщенъ отзывъ *А. Яцимирскаго* о книгѣ *И. Каманина.* «Научныя и литературныя произведенія Н. В. Гоголя по исторіи Малороссіи» (стр. 276—278).

Въ отдѣлѣ «*Смѣсь*» напечатано описаніе праздника въ Полтавѣ по поводу открытія памятника И. П. Котляревскому (стр. 330—335).

Журн. Мин. Нар. Просв., № 10.

В. Истринъ. «Изъ области древне-русской литературы. Древне-русскіе словари и Пророчество Соломона» (стр. 201—218). Въ этой спеціальной статьѣ интересной является постановка вопроса о такъ называемомъ «кіевскомъ періодѣ» древней русской литературы. Признавая, что часть древней литературы можно назвать *кіевскимъ періодомъ* или *южно-русскимъ,* авторъ для цѣлаго ряда другихъ памятниковъ, относящихся къ 13 вѣку, устанавливаетъ сѣверо-восточную группу, представившую изъ себя новое теченіе, независимое отъ кіевской литературы; даже больше того: когда сѣверо-востокъ сдѣлался политическимъ центромъ, старая литература сейчасъ же перешла туда изъ кіевской Руси и постепенно «расплылась въ новой, создавшейся подъ новыми историческими условіями, и потеряла свой характеръ, если только она его имѣла». Пока все это въ статьѣ г. Истрина такъ

мало доказательно, что надо ждать дальнѣйшихъ его статей, послѣ которыхъ только и можно будетъ сдѣлать какой-нибудь выводъ. А между тѣмъ уже и теперь, въ напечатанной главѣ, замѣчается нѣкоторая страстность въ сужденіяхъ автора, что видно изъ слѣдующей фразы: «Въ созданіи южно-русской литературы участвовали столько же южноруссы, сколько и великоруссы, а если окажется справедливымъ, что Слово о полку Игоревѣ писано, хотя и въ Кіевщинѣ, но черниговцемъ, т. е. великоруссомъ, то у защитниковъ южно-русской литературы будетъ отнятъ послѣдній козырь». Словно «въ свои козыри» игра идетъ—скажемъ мы по этому поводу.

Вѣстникъ Европы, № 10.

Ѳ. Ѳ. Воропоновъ Фамильная Старина. Очерки, *стр. 449—496*. При рѣдко встрѣчающейся яркости воспоминаній о слышанномъ и видѣнномъ, авторъ въ чрезвычайно живыхъ и интересныхъ очеркахъ разсказываетъ фамильныя преданія о своихъ предкахъ и ихъ современникахъ въ предѣлахъ курской и херсонской губ. Преданія о курской губерніи касаются главнымъ образомъ льговскаго уѣзда и относятся преимущественно къ 18-му столѣтію. Въ очеркахъ г. Воропонова предъ нами возстаетъ эпоха полнаго развитія крѣпостного права съ господствомъ могущественныхъ въ своемъ околоткѣ помѣщиковъ самоуправцевъ, которые, при безсиліи мѣстной бюрократической власти, примѣняютъ унаслѣдованную отъ предковъ храбрость къ осуществленію своихъ личныхъ интересовъ и капризовъ; крѣпостные крестьяне ихъ и стронніе люди съ помѣщиками во главѣ составляютъ шайки для разбоевъ, грабежей и наѣздовъ; тутъ и своевольный лейбъ-компанецъ, тутъ и бывшій прокуроръ, стоящій въ теченіи многихъ лѣтъ во главѣ разбойничьей шайки, тутъ и шайка помѣщиковъ и др. лицъ—поддѣлывателей ассигнацій, тутъ и помѣщикъ, люто раздѣлывающійся съ ослушавшимся священникомъ—послѣдняго спускаютъ въ прорубь. И все это по большей части проходитъ безнаказанно. Легко представить себѣ, каково при такихъ нравахъ и при такомъ общемъ безправіи положеніе крѣпостныхъ; среди послѣднихъ преобладаютъ великороссы, но есть и малороссы; объ отношеніяхъ между крестьянами, „кацапами“ и „хохлами“, сообщаются интересныя наблюденія. Херсонскія воспоминанія и наблюденія автора касаются главнымъ образомъ Новосербіи. Для исторіи переселенія заграничв-

ныхъ выходцевъ съ Хорватомъ и другими во главѣ, сообщаемыя авторомъ по слышаннымъ преданіямъ и воспоминаніямъ свѣдѣнія и отличающіеся живостью характеристики Хорвата, Текелія, и другихъ сербскихъ и иныхъ офицеровъ-помѣщиковъ, ихъ служебныхъ, общественныхъ нравовъ—чрезвычайно интересны. Авторъ указываетъ на быструю ассимиляцію сербскихъ и молдаванскихъ офицеровъ съ русскимъ дворянствомъ; онъ вполнѣ справедливо приписываетъ быстроту этого процесса единству вѣры, близости племенной и «отсутствію внѣшнихъ объединительныхъ давленій. Ни племенной подозрительности, ни узко-національныхъ вопросовъ относительно пришельцевъ тогда не возбуждали и это безпристрастіе слѣдовало для взаимнагó сліянія гораздо больше, чѣмъ могли бы сдѣлать какія-либо преднамѣренныя мѣры, всегда способныя возбуждать инстинкты розни или оппозиціи. Сербы покровительствовались даже именно въ качествѣ Сербовъ». Сообщая еще любопытныя свѣдѣнія о способахъ, къ которымъ обращались помѣщики для доставленія дѣтямъ своимъ образованія, и между прочимъ объ оригинальномъ учебномъ заведеніи, устроенномъ ими въ дер. Оситной, авторъ въ концѣ напечатанныхъ пока очерковъ характеризуетъ возникшія въ Николаевскую эпоху печальной памяти военныя поселенія и касается племенного дѣленія нынѣшняго населенія. Оказывается, что найболѣе покровительствовавшіеся сербы совсѣмъ украинизировались и, слѣд., исчезли; изъ молдаванъ также многіе «попереводылысь на хохливъ». Въ концѣ приводятся любопытныя статистическія данныя о племенномъ составѣ нынѣшняго населенія бывшей Новосербіи.

Русская Мысль, № 10.

Г. Писаревскій. «Вызовъ менонитовъ въ Россію» (по неизданнымъ архивнымъ документамъ) (стр. 49—72; окончаніе слѣдуетъ). Давъ краткое указаніе на особенности вѣроученія менонитовъ, авторъ въ нѣскольких словахъ передаетъ исторію ихъ въ западной Европѣ и обращается затѣмъ къ тому времени, когда въ 80-хъ годахъ 18-го вѣка менониты получили приглашеніе переселиться въ Россію, въ предѣлы Новороссіи. Тутъ авторъ подробно сообщаетъ всѣ факты о предварительныхъ переговорахъ представителей отъ менонитовъ съ русскимъ правительствомъ, съ указаніемъ просительныхъ пунктовъ менонитовъ и резолюцій по нимъ кн. Потемкина; затѣмъ говорится

о тѣхъ затрудненіяхъ, какія встрѣтились со стороны данцигскаго магистрата, противодѣйствовавшаго переселенію изъ Данцига менонитовъ.

И. П. Котляревскій. Опытъ характеристики. W. стр. 125—140). Эта коротенькая, но очень живо составленная характеристика писателя вноситъ одну очень важную справку для выясненія личности поэта, а именно: указавъ, что его современникомъ и соученикомъ по Полтавской семинаріи былъ не Гнѣдичъ, какъ обычно указываютъ біографы, а Мартыновъ, извѣстный впослѣдствіи переводчикъ греческихъ классиковъ, авторъ дѣлаетъ довольно пространную выписку изъ автобіографіи Мартынова о характерѣ Полтавской семинаріи 80-хъ годовъ 18-го вѣка.

Русскій Вѣстникъ, № 10.

Въ отд. «Библіографія» помѣщена маленькая рецензія объ изданіи «*Исторія Малой Россіи отъ водворенія славянъ въ сей странѣ до уничтоженія гетманства. Д. Н. Бантышъ*-Каменскаго. Кіевъ—Спб.—Харьковъ 1903 г.

Міръ Божій, № 10.

Въ отдѣлѣ «*На родинѣ*» напечатанъ коротенькій отчетъ о празднествѣ въ Полтавѣ при открытіи памятника И. П. Котляревскому. (стр. 26).

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Изданіе сборника о празднествахъ по случаю открытія памятника И. П. Котляревскому. Городскимъ управленіемъ предпринимается изданіе сборника о празднествахъ по случаю открытія памятника И. П. Котляревскому, для составленія котораго избрана особая комиссія въ составѣ—члена городской управы Г. И. Маркевича, Л. В. Падалки, Н. А. Дмитріева и Рудченка. Между прочимъ, въ этотъ сборникъ войдутъ всѣ полученныя въ дни торжествъ привѣтствія, какъ на русскомъ, такъ равно на малорусскомъ и даже на иностранныхъ языкахъ.

Предполагаемое изданіе исторіи Украины-Руси Грушевскаго на нѣмецкомъ языкѣ. Профессоръ Львовск. универс. М. Грушевскій недавно подписалъ контрактъ съ извѣстной книгоиздательской фирмой Тайбнера въ Лейпцигѣ объ изданіи на нѣмецкомъ языкѣ его труда „Исторія Украины Руси". Право продажи этого изданія дается на 15 лѣтъ. Переводъ будетъ сдѣланъ изъ 2-го украинскаго изданія, первый томъ котораго появится въ продажѣ въ началѣ 1904 года.

Въ № 43 издающагося въ Варшавѣ журнала «Ogniwo» находимъ любопытную замѣтку по поводу 2-го изданія «Geografji historycznej ziem dawnej Polski» Зыгмунта Глогера. Дѣло въ томъ, что книга г. Глогера украшена рядомъ рисунковъ, среди которыхъ есть современные портреты историческихъ лицъ. Въ число ихъ попалъ и Богданъ Хмельницкій. Издатель снабдилъ его вмѣсто человѣческихъ ушей ослиными и вмѣсто султана на шапкѣ—козлиными рогами. «Ogniwo» замѣчаетъ: «можно смотрѣть на историческую роль Богдана Хмельницкаго съ разныхъ точекъ зрѣнія, даже съ точки зрѣнія автора «Огнемъ и мечемъ». Можно даже понять, что ненависть политическихъ противниковъ какого нибудь политическаго дѣятеля могла наивно надѣлить его портретъ, ради посрамленія, ослиными ушами. Но нельзя понять, какъ эта выходка дѣлается въ почтенной научной книгѣ. Г. З. Глогеръ, давая намъ портретъ Хмельницкаго въ такомъ странномъ видѣ, ни словомъ не объясняетъ, что это каррикатура». Приведя затѣмъ выдержку изъ статьи г. Грушевскаго въ львовскомъ «Ділѣ», гдѣ львовскій профессоръ указываетъ, что на рисункѣ, имѣющемъ подпись «wedle sztychu Wilhelma Hondiusa z roku 1651», ослиныя уши и козлиные рога представляютъ добавленіе современнаго польскаго рисовальщика, «Ogniwo» заключаетъ: «Не будетъ ли стыдно, въ самомъ дѣлѣ. если наша научная литература будетъ засорена подобнымъ глупымъ шутовствомъ, которое только выставляетъ насъ на смѣхъ. И по какому же праву можемъ мы послѣ этого бросать упреки въ нетерпимости, недоброжелательствѣ, и т. д. Надѣемся, что въ 3-мъ изданіи «Географіи» г. Глогера исчезнутъ вовсе украшающія ее ослиныя уши».

Въ «Русскихъ Вѣдом.» (№ 226) напечатано окончаніе «Воспоминаній студенческаго времени» Л. Пантелѣева; здѣсь подробно раз-

сказана извѣстная исторія съ лекціями въ петербургской думѣ въ 1861 году, и объясняется роль въ этой исторіи Н. И. Костомарова, который тогда долженъ былъ перенесть изъ-за нея такъ много непріятностей.

Въ №№ 197 и 198 львовской газеты «Діло» помѣщена статья «В справі потреби заснованя «Музичного Інситута» у Львові» (замітки Н. Вахняниаа), въ которой приводятся интересныя свѣдѣнія объ украинской музыкѣ и представителяхъ ея въ прежнее время, преимущественно съ начала XVII ст.

Въ «Полтав. Вѣстн.» (№ 247) напечатана статья *А. Влахопулова* о значеніи для села народныхъ театровъ. Статья написана по поводу горячаго участія извѣстнаго артиста М. Л. Кропивницкаго въ дѣлѣ постановки народныхъ спектаклей въ г. Лохвицѣ, въ театрѣ Народнаго дома.

Въ «Вѣстн. Юга» (№ 558) помѣщена рецензія на книгу М. Чернявського «Зори», збирныкъ поэзій. Авторъ замѣтки, Гр. Сьогобочній, отзывается о г. Чернявскомъ очень хвалебно, какъ объ авторѣ вообще, а также и о данномъ сборникѣ его стихотвореній.

Въ «Кубан. Вѣдом.» (№ 229) напечатана статья: «По поводу собиранія и изданія пѣсенъ Кубанскихъ козаковъ», въ которой изложены краткія свѣдѣнія о собираніи этнографическаго пѣсеннаго матеріала въ Кубанской области. Вслѣдствіе заяленнаго военнымъ министромъ желанія, чтобы были записаны и изданы козачьи пѣсни и сказанія объ историческихъ подвигахъ козаковъ, Кубанскій статистическій комитетъ рѣшилъ обратиться къ Н. В. Лисенку съ просьбой указать компетентное лицо для записыванія народныхъ пѣсенъ. По рекомендаціи г. Лисенка, приглашенъ былъ А. А. Кошицъ, который въ теченіе прошлаго лѣта собралъ богатый матеріалъ и приготовилъ къ печати І-ый выпускъ въ количествѣ 50 пѣсенъ съ нотами. Объ этомъ-то, рукописномъ пока, сборникѣ и дается маленькій отзывъ въ указываемой нами статьѣ.

Въ «Полт. Губ. Вѣд.» (№ 79) перепечатана изъ «Кіевлянина» статья «Село Жуки». Село это «находится недалеко отъ Полтавы. Въ статьѣ указаны тѣ остатки старины, которыя хранятся въ мѣстной Покровской церкви.—Тамъ-же помѣщена статейка А. Е. Бучневича «Мѣстечко Рѣшетиловка»; здѣсь указываются достопримѣчательности, сохраняющіяся въ Рѣшетиловкѣ съ Екатерининской эпохи, т. к. В. С. Попову, любимцу Потемкина, было пожаловано это мѣстечко въ 1786 году.

Газета «Волынь» помѣщаетъ рядъ очерковъ подъ общимъ заглавіемъ «По городамъ Волыни» за подписью *И. Л.* Напечатано три такихъ очерка: «Г. Заславль; экономико-историческій очеркъ» (№ 196); «Г. Луцкъ» (№ 198) «Г. Дубно» (№ 200).

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Бѣлиньскій Петро. Проповѣди на свята и недѣлѣ цѣлого року. Часть перша, Жовква, 1903, ст. 284+IV, вел. 8⁰.

Веретельник Андрій. Оповіданя. Львів, 1902 (!). Накладом А. Хойнацкого, ст. 108, мал.

Верн Моріс. Біблія або книги Старого Завіта. Переклад Л. У з передмовою М. Драгоманова (Літ. Наук. Бібліотека. ч. 60—61). У Львові, 1903. Накладом Укр. Руськоі Видавничоі Спілки, ст. 80 16». Ціна 40 сот.

Винниченко В. і В. Деде. Повисти й оповіданая (Белетристична бібліотека, ч. 55) Львів. 1903, ст. 288, мал. 8⁰, ц. 3 кор.

Глодзінський Антоній. О урядженю і веденю шкільного огорода при школі народній сільського типу. З пляном огорода і 21 рисунком. Передрук з «Учителя“. У Львові 1903, ст. 56, вел. 8⁰. Ц. 50 сот.

*Д*** Іван.* Не плакати нам, гимн на хор мішаний з фортепяном і хор мужеский a capella. Музика Йосифа Кишакевича, Перемишль, 1902. Ст. 4, 4⁰. Ціна 60 сот.

Додель Арнольд. Жінки суспільне становисько і еі спосібности. З німецького переклав Л. М. З друкарні народовоі, ст. 86, 16⁰.

Збірник історично-фільософічноі секциі Наукового Товариства імени Шевченка. Томи VI і VII. *Історня Украіни Руси. Написав*

М. Грушевський. Том IV. XIV—XVI вики—відносини політичні. У Львові, 1903, ст. 532, 8⁰. Ціна 4. 50 кор.

Загирна. «Мудрый учытель. Оповидання про Сократа.

Карбулицкий Іларій. Чому зістались Русини позаді в культурі? (Видане черновецькоі філіі тов. «Руска Школа», ч. 5). Чернівці, 1903., ст. 30, 16⁰. Ціна 6 сот.

Кареев И. Фільософія історіі, історіософія і соціольогія. З великоруського переклав О. Сушко (Літ. Наук. Бібліотека. ч. 64). У Львові, 1903, ст. 35, 16⁰. Ціна 25 сот.

Кміт Юрий. Житє. У Львові, 1903, ст. 88, мал. 8⁰. Ціна 80 сот.

Кміт Юрий. З сільських відносин у Галичині в середині XIX віка (Відбитка з «Записок», т. LIV). У Львові, 1903, ст. 8, 8⁰. Ціна 10 сот.

Кружельницький Антін. Артистичні душі. У Львові, 1902 (випущено 1903), ст. 104, мал. 8⁰. Ц. 1 кор.

Комаровъ М. Т. Шевченко въ литературѣ и искусствѣ. Библіографич. указатель матеріаловъ для изученія жизни и произведеній Т. Шевченка. Одесса, 1903 г.

Лепкий Богдан. Василь Стефаник, літературний нарис (Відбитка з «Руслана»). Львів, 1903, ст. 32, мал. 8⁰.

Лепкий Богдан. Нова збірка. Львів, 1903, ст. 104, мал. 8⁰. Ціна 1. 50 кор.

Лозинський Михайло. Любов—туга. Чернівці, 1901 (випущено 1903), ст. 42, мал. 8⁰.

Маковей Осип. Три галицькі граматики (Іван Могильницький, Йосиф Левицький і Йосиф Лозинський). (Відбитки з т. LI і LIV, „Записок Н. Товариства ім. Шевченка“). У Львові, 1903, ст. 96, 8⁰. Ц. 1 кор.

Мартович Л. Хитрий Панько і иньші оповіданя (Белетристична Бібліотека ч. 56). У Львові, 1903, стр. 112, 8⁰. Ц. 1. 50 кор.

Мурава Марко. Книжка горя (Відбитка з «Руслана»). Твори Марка Мурови, том I, поезіи, Львів, 1903, ст. 136, 8⁰.

Мѣльницкій Іосифъ. О устройствѣ и реформѣ календаря грекорускои церкви. Львовъ, 1903, ст. 40, вел. 8⁰ і III табелі.

Малороссійскія и бѣлорусскія пѣсни, собранныя П. П. Сокольскимъ. Посмертное изд. Цѣна 2 р.

Окуневский Ярослав. Листи з чужини, т. II. Львів, 1902 (випущено 1903), ст. 268, 8⁰. Ціна 4 кор.

Отверте письмо сьвітських Русинів-народовців до Всч. Духовенства деканатів мушинського і біцкого на руки о. Г. Копостяньского (Додаток до «Діла»). Львів, 1903, ст. 28, мал. 8°.

Пачовский Михайло, др. Народний похоронний обряд на Руси. Порівнуюча студия. Відбитка із Звіиту академічної гимназії. У Львові, 1903, ст. 32, 8°.

Підеша. Восток і Запад. Повість. Коломия, 1903. З друкарні М. Білоуса, ст. 156, 8°.

Практични проповьди до руского народа, написав о. М. Кинашь. Выпускъ І. Жовква, 1903, ст. 138. 8°.

Про сьвятих Дамазиї Панкратия. З німецького переклав Гриць Щипавка. Коломия 1903, ст. 32, 16°.

Робінзон Крузо. Но основі оригіналу і переводів зладила К. М. (Видане руского товариства педагогічного, ч. 109) У Львові, 1903, ст. 310, 8°. Ціна 1. 50 кор.

Савойка Теодор. Науки на неділі. Жовква, 1903, ст. 483+V, 8°.

Сушко Александр. Причинки до студий над текстом Палінодиі (Відбитка з «Записок», т. LIV). У Львові, 1903, ст. 40, 8°. Ціна 50 сот.

Сушко Александр. Петро Скарба в офіцияльній росийській науці (Відбитка з «Записок», т. LIV). У Львові, 1903, ст. 42, 8°. Ціна 40 сот.

Собраніе сочиненій Н. И. Костомарова, издаваем. Общ. для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Историч. монографіи и изслѣдованія. Книга 1-ая, въ 3-хъ томахъ. Спб. 1903 г. Ц. 3 р. 50 к.

«*У досвита вставъ я*»—сольо тенорове въ супроводи фортепьяна, слова П. Кулиша, муз. М. Лисенка; выд. „Станиславивського Бояна». Ц. 80 сот.

Франко Іван. Добрий заробок і иньші оповіданя. Накладом Антона Хойнацкого. Львів, 1902 (випущено 1903), ст. 136, 8°. Ціна 2 кор.

Франко Іван. Малий Мирін і иньші оповіданя. Накладом Антона Хойнацкого. Львів, 1903, ст. 188, 8°. Ціна 2 кор.

Франчук Іван. Оферма. Новелька з військового житя. Коломия, 1903, ст. 32, 16°. Ц. 25 сот.

Цеглинський Григорій. Кара совісти, народня драма в V діях. Перемишль, 1903, ст. 58, 8°. Ціна 1 кор.

Чорнило М. Красний примір направив. Образок з життя гимназіястів в одній дії. Перемишль, 1903, ст. 32, 16°.

Юлев Яр. Небезпечні. Оповідане з житя гимназияльноі молодіжи. Чернівци, 1903, ст. 80, 16⁰. Ціна 40 сот.

Яричевський Сильвестр. Серце мовчить... Поэзиі в прозі. Коломия, 1903, ст. 45, 16⁰. Ц. 60 сот.

Ярошинська Евгенія. Перекиньчики. Повість (Белетристична Бібліотека, ч. 54). Львів, 1903, ст. 198, мал. 8⁰. Ц. 2. 60 кор.

Д. Эварницкій. «Матеріалы для исторіи запорожскихъ козаковъ 1 и 2 томы, Владиміръ, 1903 г. Ц. 6 руб.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
Казанскаго Университета
НА **1904** ГОДЪ.

Въ Учебныхъ Запискахъ помѣщаются:

I. **Въ отдѣлѣ наукъ**: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. **Въ отдѣлѣ критики и библіографіи**: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студенческія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. **Университетская лѣтопись**: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣніе преподаванія, распредѣленіе лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. **Приложенія:** университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями, и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки: выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *А. Александровъ.*

1—3